

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (43)
2023

Главный редактор

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков**

Заместители главного редактора:

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**

доктор исторических наук **Ю.А. Зеленева**

Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева**

Редакционный совет:

Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель), **Х.А. Амирханов** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Севастополь, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк** – Ph.D. (Будапешт, Венгрия), **А.А. Тишкин** – доктор исторических наук профессор (Барнаул, Россия), **В.С. Синика** – кандидат исторических наук (Тирасполь, Молдова), **Б.В. Базаров** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **О.В. Кузьмина** – кандидат исторических наук (Самара, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай), **А.С. Сагдуллаев** – академик АН РУз, доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Р.Х. Сулейманов** – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан).

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)
М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)
Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)
С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)
А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)
Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)
А.А. Чижевский – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Ответственный за выпуск:

А.А. Чижевский – кандидат исторических наук

Адрес редакции:

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

Индекс ПП753,

электронный Каталог печатных изданий "ПОЧТА РОССИИ"

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2023

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2023

© Журнал «Поволжская археология», 2023

Издательство «Фэн»

Казань, Татарстан

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

B. A. Baitanayev – Academician of the Nacional Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **Kh. A. Amirkhanov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Sevastopol, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – Ph.D. (Budapest, Hungary), **A. A. Tishkin** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russian Federation), **V. S. Sinika** – Candidate of Historical Sciences (Tiraspol, Moldova), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **O. V. Kuzmina** – Candidate of Historical Sciences (Samara, Russian Federation), **P. Degryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China), **A. S. Sagdullaev** – Academician of the National Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan), **R. Kh. Suleymanov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan).

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)
A. A. Chizhevsky – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

Responsible for Issue

A. A. Chizhevsky – Candidate of Historical Sciences

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2023

© Mari State University, 2023

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Долбунова Е.В., Мазуркевич А.Н. (Санкт-Петербург, Россия), Мэгро Й. (Париж, Франция), Филиппова В.Л. (Санкт-Петербург, Россия) Днепро-Двинское междуречье в конце 6 тыс. до н. э. и ранние керамические традиции циркумбалтийского региона	8
Мимоход Р.А. (Москва, Россия) ¹⁴ C данные посткатакомбных памятников Поволжья и Волго-Уралья в контексте региональной радиоуглеродной хронологии	27
Ставицкий В.В. (Пенза, Россия), Морозов В.В. (Москва, Россия) О культурно-хронологической принадлежности Панфиловской стоянки.....	40
Лифанов Н.А. (Казань, Россия) Раскопки могильника Брусяны II в 2020 г.	54
Докучаева С.В. (Челябинск, Россия) Анализ изображения повозки на сосуде из могильника у с. Спасского	67
Наджафов Ш.Н. (Баку, Азербайджан) Глиняные печати-пинтадеры из поселения Сарвантепе.....	76
Karimov S.K. (Lankaran, Azerbaijan Republic), Agalarzade A.M. (Baku, Azerbaijan) “The Sacrificial Ram”: Golden Statue in the History of Art	92
Селин Д.В. (Новосибирск, Россия), Чемякин Ю.П. (Екатеринбург, Россия) Особенности межкультурного взаимодействия в раннем железном веке в Сургутском Приобье (по материалам керамики селища Барсова Гора III/66)	100
Добровольский Л.С., Сыдыков Е.Б., Умиткалиев У.У., Каженова Г.Т. (Астана, Казахстан) Семантика образов «грифоно-гиппокампа» и «рогатой рыбы» в скифском зверином стиле восточноевропейской зоны	113
Ярыгин С.А., Сакенов С.К. (Нур-Султан, Казахстан), Мысыр О.Д. (Семей, Казахстан) Курган раннесакского времени Улькенсор	127
Чижевский А.А., Лыганов А.В., Храмченкова Р.Х. (Казань, Россия) Образ головы хищной птицы в ананьинской культурно-исторической области.....	141
Разуваев Ю.Д., Меркулов А.Н. (Воронеж, Россия) Земледелие скифского времени в донской лесостепи: к вопросу о культурно-региональных особенностях.....	169
Головченко Н.Н., Демин М.А. (Барнаул, Россия) Реконструкция и интерпретация поясного набора из кургана № 3 могильника Карбан-2 (Северный Алтай).....	182

<i>Sizdikov B.S. (Turkestan, Republic of Kazakhstan),</i> <i>Apendiyev T.A., Batyrbekkyzy G. (Almaty, Republic of Kazakhstan),</i> <i>Muldakhmetova Z.I. (Shymkent, Republic of Kazakhstan)</i> The Resettlement of Nomadic Horsemen Tribes to Asia Minor	195
<i>Колесник А.В. (Ростов-на-Дону, Россия)</i> Особенности формирования и деформации культурных слоев памятников каменного века в степной зоне Русской Равнины.....	209
<i>Скакун Н.Н., Терехина В.В. (Санкт-Петербург, Россия),</i> <i>Эредиа Х. (Гранада, Испания), Днепровский К.А., Сухорукова Е.С.,</i> <i>Агаханова В.А. (Москва, Россия)</i> Мужские сланцевые шлифованные ножи древнеберингоморской культуры и технология их изготовления (по материалам Эквенского могильника и этнографическим данным).....	220
<i>Кыдырали Д. (Астана, Казахстан), Энхтур А. (Улан-Батор, Монголия),</i> <i>Базылхан Н., Богенбаев Н. (Астана, Казахстан),</i> <i>Буянхишиг Ц., Батболд Г. (Улан-Батор, Монголия)</i> Поминальный комплекс и стела с надписями Кутлук-Кагана (Предварительный научный отчет совместной экспедиции «Номгон-2019, 2022» Международной Тюркской академии и Института археологии Академии наук Монголии)	234
Список сокращений	248
Правила для авторов	250

CONTENT

<i>Dolbunova E.V., Mazurkevich A.N. (St Petersburg, Russian Federation), Megro Y. (Paris, France), Filippova V.L. (St Petersburg, Russian Federation)</i> Dnieper-Dvina basin at the end of 6 th millennium BC and early ceramic traditions of the Circum-Baltic region	8
<i>Mimokhod R.A. (Moscow, Russian Federation)</i> ¹⁴ C Data of Post-Catacomb Sites in the Volga Region and the Volga-Urals in the Context of Regional Radiocarbon Chronology	27
<i>Stavitskiy V.V. (Penza, Russian Federation), Morozov V.V. (Moscow, Russian Federation)</i> On the Cultural Attribution on the Panfilovo Site.....	40
<i>Lifanov N.A. (Kazan, Republic of Tatarstan)</i> Excavations of the Burial Ground Brusyany II in 2020	54
<i>Dokuchaeva S.V. (Chelyabinsk, Russian Federation)</i> Musings about image cart on the pot from the burial ground about village Spassky	67
<i>Nadzhafov Sh.N. (Baku, Azerbaijan Republic)</i> Clay seals-pintaderas from Sarvantepe settlement	76
<i>Karimov S.K. (Lankaran, Azerbaijan Republic), Agalarzade A.M. (Baku, Azerbaijan Republic)</i> “The Sacrificial Ram”: Golden Statue in the History of Art	92
<i>Selin D.V., Chemyakin Yu.P. (Novosibirsk, Russian Federation)</i> Peculiarities of Intercultural Interaction in the Early Iron Age in the Surgut Ob River Region (by materials of the ceramics of the settlement Barsova Gora III/66).....	100
<i>Dobrovol'skiy L.S., Sydykov E.B., Umitkaliev U.U., Kazhenova G.T. (Astana, Republic of Kazakhstan)</i> Semantics of the images of the “griffin-hippocampus” and “horned fish” in the Scythian animal style of the Eastern European zone	113
<i>Yarygin S.A., Sakenov S.K. (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan), Mysyr O.D. (Semey, Republic of Kazakhstan)</i> Barrow of the Early Saka Time Ulkensor	127
<i>Chizhevsky A.A., Lyganov A.V., Khranchenkova R.Kh. (Kazan, Republic of Tatarstan)</i> Image of the Head of a Bird of Prey in Ananyino Cultural and Historical Area	141
<i>Razuvaev Yu.D., Merkulov A.N. (Voronezh, Russian Federation)</i> Agriculture During Scythian Time in the Don Forest-steppe Region: to the question of cultural and regional features	169

<i>Golovchenko N.N., Demin M.A. (Barnaul, Russian Federation)</i> Reconstruction and Interpretation of the Belt Set from the Barrow № 3 of the Burial Ground Karban-2 (North Altai)	182
<i>Sizdikov B.S. (Turkestan, Republic of Kazakhstan), Apendiyev T.A., Batyrbekkyzy G. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Muldakhmetova Z.I. (Shymkent, Republic of Kazakhstan)</i> The Resettlement of Nomadic Horsemen Tribes to Asia Minor	195
<i>Kolesnik A.V. (Rostov-on-Don, Russian Federation)</i> Specifics of Formation and Deformation of Stone Age Sites Cultural Layers in Steppe Zone of East European Plain	209
<i>Skakun N.N., Terekhina V.V. (St Petersburg, Russian Federation), Heredia J. (Granada, Spain), Dneprovskiy K.A., Sukhorukova E.S., Agakhanova V.A. (Moscow, Russian Federation)</i> Man's slate polished knives in the Old Bering Sea culture and their manufacturing technology (based on the materials of the Ekven burial ground and ethnographic data).....	220
<i>Kydyrali D. (Astana, Republic of Kazakhstan), Enkhtur A. (Ulaanbaatar, Mongolia), Bazylkhan N., Bogenbaev N. (Astana, Republic of Kazakhstan), Buyankhishig Ts., Batbold G. (Ulaanbaatar, Mongolia)</i> Kutluk-Kagan Memorial Complex And Stele With Inscriptions (Preliminary scientific report of the joint expedition "Nomgon-2019, 2022" of the International Turkic Academy and the Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences)	234
List of Abbreviations.....	248
Submissions	250

УДК 903.23; 903'1

<https://doi.org/10.24852/pa2023.1.43.8.26>

ДНЕПРО-ДВИНСКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ В КОНЦЕ 6 ТЫС. ДО Н. Э. И РАННИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ЦИРКУМБАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА¹

© 2023 г. Е.В. Долбунова, А.Н. Мазуркевич, Й. Мэгро, В.Л. Филиппова

Древнейшая керамика в среде древнего населения Восточной Европы, появившись в конце 7 – первой половине 6 тыс. до н. э., к середине 6 тыс. до н. э. распространилась на большей части территории Восточной Европы, включая Днепро-Двинское междуречье. В конце 6 тыс. до н. э. здесь появляются новые керамические традиции, отнесенные к руднянской археологической культуре. В статье представлено описание керамического комплекса, костяной индустрии, остатков конструкций и объектов, хронологии руднянской культуры. Обсуждается круг аналогий, который включает материалы различных групп нарвской культуры. Представленные аналогии руднянской культуре указывают на смену векторов культурных контактов в конце 6 тыс. до н. э., что является маркером разрушения сложившейся сети культурных связей, существовавшей до этого в 6 тыс. до н. э. По всей видимости, носители традиций нарвской культуры распространяются в восточном направлении в конце 6 тыс. до н. э. из Восточной Прибалтики. Столь кардинальную смену материальной культуры можно рассматривать как результат не только культурного импульса, но, возможно, появления нового населения с западных территорий на территории Верхнего Подвинья, которые, вероятно, и уславливают новую систему культурных, социальных связей.

Ключевые слова: археология, ранний неолит, Днепро-Двинское междуречье, руднянская культура, нарвская культура, хронология.

Введение

Древнейшая керамика в среде древнего населения Восточной Европы, появившись в конце 7 – первой половине 6 тыс. до н. э. (Мазуркевич и др., 2013; Андреев, Выборнов, 2020), к середине 6 тыс. до н. э. распространилась на большей части территории Восточной Европы, следуя в основном направлению юг – север, вдоль речных систем. На их основе формируются региональные керамические традиции, которые являются частью общности культур с древнейшей глиняной посудой. К концу 6 тыс. до н. э. эта общность с древнейшей керамикой рушится, происходит кардинальная смена керамических стилей, направлений контактов, формируются новые региональные традиции, другая зона надкультурной сети и коммуникаций.

В циркумбалтийском регионе первая керамика получает широкое распространение в сообществах охотников-рыболовов-собирателей только начиная с 5200–5000 л. до н. э. (Лозе, 1988; Hartz, Lübke, 2006; Rimantiene, 1992; Povlsen, 2013; Piezonka, 2015; Kriiska et al., 2017) (рис. 1). Культурное пространство, сформировавшееся в конце 6–5 тыс. до н. э. в циркумбалтийском регионе, на западе включает в себя культуру Эртебелле, на востоке – нарвскую, неманскую, на севере – Сперрингс, Сяр 1 (Гурина, 1967; Ванкина и др., 1973; Тимофеев, 1975; Лозе, 1988; Kriiska et al., 2017; Чарняўскі, 1979; Piličiauskas, 2002; Чернявский, 2017; Герман, 2018; Torvinen, 2000). Сами культуры неоднородны, внутри них выделяются локальные и локально-хронологические варианты (Kriiska et al., 2017; Ванкина

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00086 «Между востоком и западом: охотники-собиратели озерного края на Западе России в 7–3 тыс. до н. э. (экономические стратегии, культурные традиции, межрегиональные взаимосвязи и палеоэкологические условия)»).

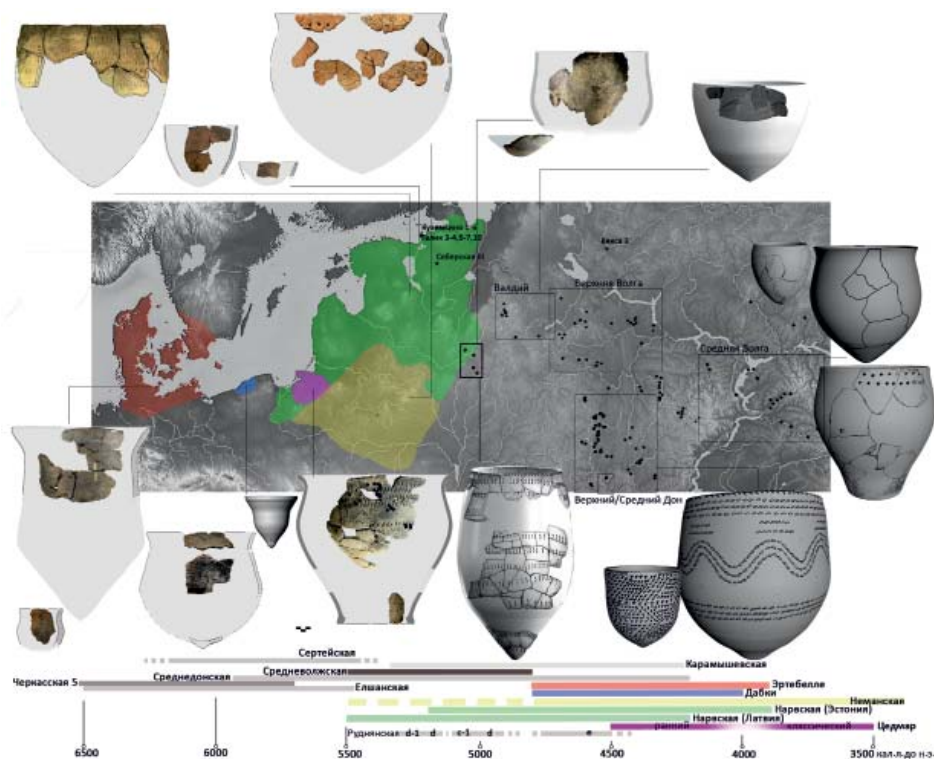

Рис. 1. Ареалы культур 6–5 тыс. до н. э. с указанием расположения памятников Днепро-Двинского междуречья и хронологических шкал (с учетом данных по Courel et al., 2020; по Guminski, 2020; Kotula et al., 2015; Hartz, Lübke, 2006; Povlsen, 2013; Tkachou, 2018).

Fig. 1. Archaeological cultures of the 6th–5th millennium BC and locations of sites in the Dnieper-Dvina basin and chronological scales (including data from Courel et al., 2020; Guminski, 2020; Kotula et al., 2015; Hartz, Lübke, 2006; Povlsen, 2013; Tkachou, 2018).

и др., 1973, Тимофеев, 1975; Miksaite, 2005; Tkachou, 2018; Wawruciewicz, 2013).

Днепро-Двинское междуречье – один из регионов, который входил в зону распространения древнейших керамических традиций Восточной Европы в первой половине – середине 6 тыс. до н. э. В конце 6 тыс. до н. э. здесь появляются новые керамические традиции, отнесенные к руднянской археологической культуре, аналогии которым были найдены в нарвской культуре (Мазуркевич, Микляев, 1998). В этом исследовании мы пытаемся ответить на вопрос, насколько различные комплексы материальной культуры, системы расселения сходны между традицией с древней-

шей глиняной посудой (сертейской) и руднянской или это абсолютно самостоятельные явления; каковы истоки руднянской культуры и может ли она являться частью нарвской культуры; как далеко распространяется на восток нарвская культура; насколько керамические традиции циркумбалтийского пространства связаны с древнейшими керамическими традициями, зародившимися на территории лесостепной и степной зоны Восточной Европы.

Руднянская археологическая культура

Керамический комплекс

На основе анализа керамического комплекса можно предположить существование нескольких групп кера-

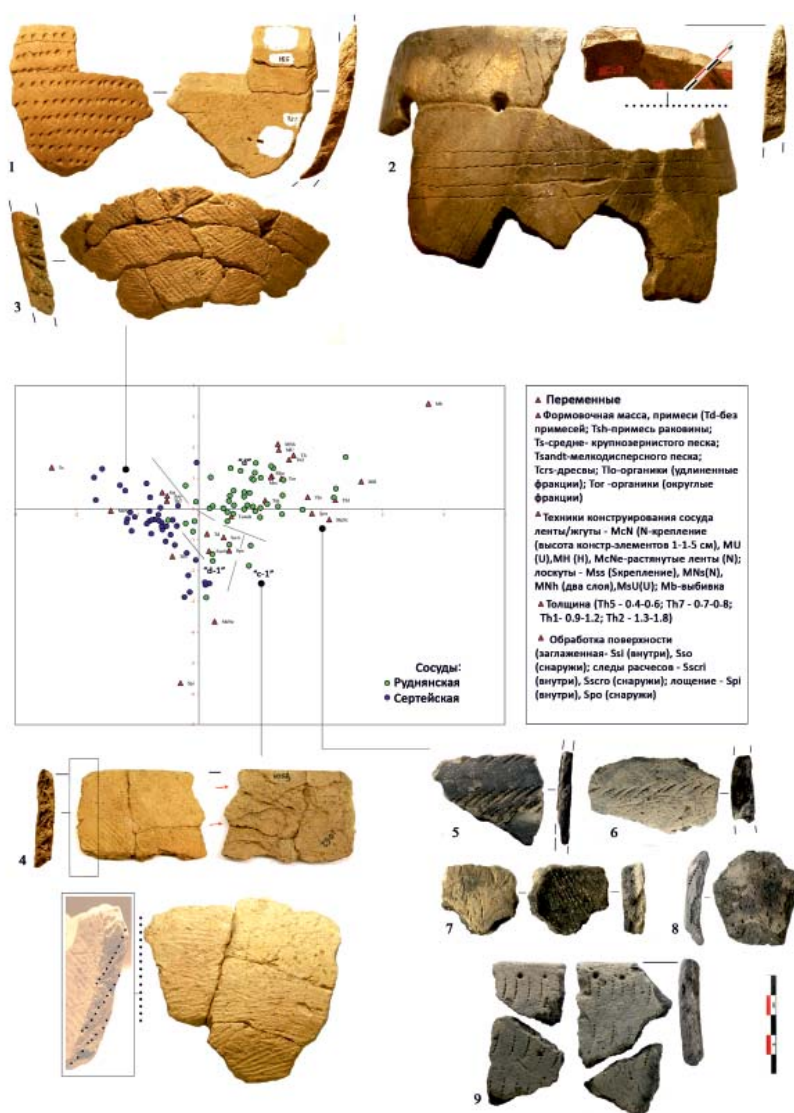

Рис. 2. Фрагменты глиняных сосудов сертейской культуры (1 – фаза 'b-1'; 2 – фаза 'a'; 3 – фаза 'a-1'), руднянской культуры (4 – фаза 'c-1'; 5–9 – фаза 'd') и корреспондентный анализ сопоставления сосудов раннего неолита.

Fig. 2. Fragments of the Serteya culture pottery (1 – phase 'b-1'; 2 – phase 'a'; 3 – phase 'a-1'), the Rudnya culture (4 – phase 'c-1'; 5–9 – phase 'd') and correspondence analysis of the Early Neolithic pottery.

мики, которые были отнесены к фазам керамики «с-1», «с-2», «d», «d-1», «e» (рис. 2–4).

Керамика фазы «с-1». Сосуды сделаны из комковатого жирного теста с примесью органики и раковины, судя по следам выгоревших остатков (рис. 2: 4). Сосуды изготавливаются из

коротких лент/лоскутов, которые вытягивались по мере конструирования сосуда, из-за чего они достигают в высоту 1,7–3,5 см и имеют очень острый угол горизонтального и вертикального среза. Отдельная группа представлена сосудами, сделанными из лент, не подвергавшихся значительному

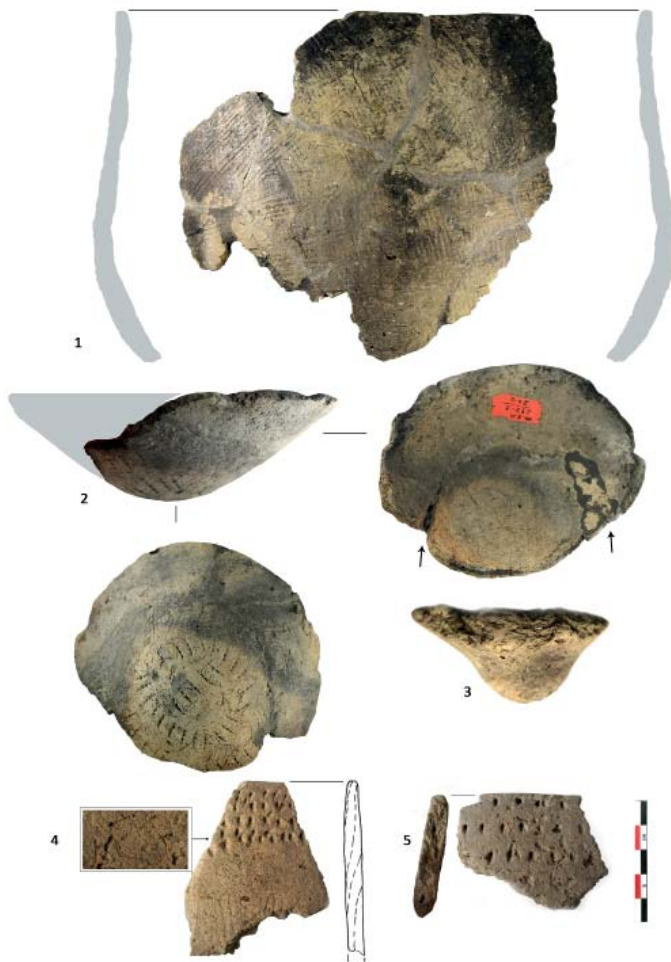

Рис. 3. Фрагменты глиняных сосудов руднянской культуры (1–3 – фаза 'd'; 4–5 – фаза 'e').

Fig. 3. Fragments of the Rudnya culture pottery (1–3 – phase 'd'; 4–5 – phase 'e').

растягиванию и крепления (фаза «с-2»). Встречены уплощенные следы на поверхности фрагментов, которые могут быть интерпретированы как следы выбивки сосудов. Характерны следы «расчесов» на обеих поверхностях, оставленные при обработке сосуда после нанесения жидкого слоя глины, также на некоторых фрагментах с хорошей сохранностью может быть зафиксировано лощение поверхности расчесов, что, возможно, было типично для всех сосудов этой фазы.

Формы сосудов в основном закрытые, со сходящимся приотстранным

или округлым краем. Сосуды неорнаментированы.

Керамика фазы «d» (рис. 5: 5–9; 3: 1–3) выполнена из теста со значительной примесью раковины и органики. Сосуды слеплены из растянутых лент/лоскутов с «S» креплением. Крайняя фрагментарность сосудов не позволяет точно определить вид первоначальных элементов. Толщина стенок 0,4–0,7 см. С обеих сторон видны следы расчесов зубчатым орудием. Некоторые сосуды имели лощение внешней поверхности. Сосуды, плохо обожженные, подвергались лишь

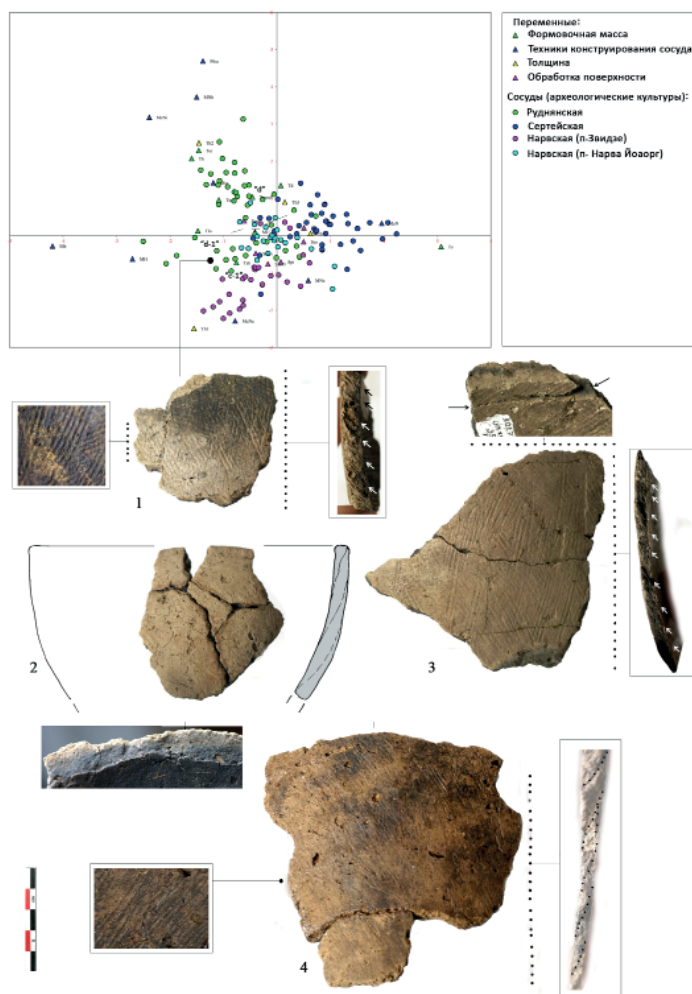

Рис. 4. Корреспондентный анализ сравнения руднянской, сертейской и нарвской культур; фрагменты глиняных сосудов руднянской культуры (1–4 – фаза 'd-1').

Fig. 4. Correspondence analysis of the Rudnya, Serteya and Narva cultures; pottery fragments of the Rudnya culture (1–4 – phase 'd-1').

температурной сушке при невысоких температурах (Мазуркевич, Микляев, 1998). Из-за плохой сохранности сложно понять, как часто использовалась техника выбивки стенок сосудов. Венчики уплощенные, сосуды с незначительной профилировкой (CS-вида). Имеется шиповидное дно. Эти сосуды орнаментировались ямками, насечками, мелкими наколами, отличающимися от орнаментации сосудов предшествующей сертейской культуры, и оттисками тонкого изо-

гнутого гребенчатого штампа. Орнамент состоит из одного или нескольких горизонтальных или сочетания горизонтальных и вертикальных рядов, посредством одного из приемов. Только два сосуда имели орнаментальную композицию из сочетания двух приемов: ямок и насечек, ямок и оттисков гребенчатого штампа. Отдельные фрагменты придонных частей и тулова с орнаментом позволяют предположить сложный декор с орнаментом на

различных частях сосуда и свободными зонами между этими участками, часто покрытыми расчесами, которые были специально оставлены и не заглаживались.

Керамика фазы «d-1» выполнена из теста с примесью раковины и органики (рис. 4). Сосуды сделаны из значительно растянутых лент N-крепления. На обеих сторонах фиксируются следы «расчесов», большая часть внешней стороны сосудов в дальнейшем подвергалась лощению. Выбивка сосудов – распространенный прием при создании сосудов этой группы. На поверхности сосудов хорошо видна сетка растрескивания от высыхания глины, которая подвергалась лишь температурной сушке. Венчики – скошенные вовнутрь, уплощенные, прямые или наклонные вовнутрь. Днища округлые, иногда с шиповидным окончанием. Толщина сосудов 0,7–0,9 см. Сосуды неорнаментированные или орнаментированные одним рядом ямок под венчиком, также сетка из «расчесов» могла служить своеобразным украшением сосудов. Один сосуд орнаментирован треугольными оттисками, составленными в горизонтальные ряды. К этой же группе нужно отнести серию небольших мисочек, без орнамента, С-формы, с приостренными венчиками.

Сосуды фазы «e» сделаны из жирного теста с примесью органики, судя по выгоревшим остаткам, из коротких лент/лоскутов с S-креплением (рис. 3: 4–5). В нескольких случаях отмечено использование лоскутов с U-креплением. Поверхность сосудов заглажена, изредка встречаются следы расчесов, скрытых в ходе последующих операций обработки сосудов. Венчики сосудов уплощенные, прямые. Керамика орнаментирована мелкими точечными наколами, сеткой из прочерченных линий, небольшими оттисками овальной формы.

Сравнение технологии изготовления комплексов руднянской культуры с предшествовавшими комплексами сертейской культуры с помощью корреспондентного анализа признаков, описывающих все этапы цепочки технологических операций (см. описание признаков – рис. 2), указывает на две различные группы, существовавшие на территории Днепро-Двинского междуречья в первой половине – середине 6 тыс. до н. э. и конце 6 – первой половины 5 тыс. до н. э. (рис. 2). Кардинальные различия наблюдаются и в области орнаментации и морфологии (см. описание сертейской культуры – Мазуркевич и др., 2013), что может указывать на полную смену керамических традиций и, вероятно, местного населения. Можно отметить большее сходство с материалами нарвской культуры (рис. 4) (п. Звидзе, Нарва Йоаорг).

Кремневая и костяная индустрия

Кремневая и костяная индустрии немногочисленны, сопровождают находки керамики фаз «d» и «d-1» (Мазуркевич, Микляев, 1998), которые происходят с п. Рудня Сертейская, единичные находки, в основном наконечников стрел, были сделаны на п. Сертея II (II-2) (рис. 5). На п. Рудня Сертейская кремневые орудия включают: наконечник стрелы ромбовидной формы с двусторонней обработкой, концевой скребок, скребки на отщепах округлой формы и округлым лезвием, топоры овальной формы с асимметричным линзовидным сечением и с сохранившимися на лезвии шлифованными участками. Нуклеусы представлены двумя одноплощадочными торцевыми и двумя двуплощадочными.

К костяным орудиям относятся ножи с боковым режущим краем (рис. 5: 11, 15). Они изготавливались путем соскабливания, основой служили различные кости лося. Ножи, датирующиеся средним – позд-

Рис. 5. Костяные изделия руднянской культуры (1, 2 – Сертея II;
3, 9, 10, 12, 13 – Рудня Сертейская; 4, 5, 7, 8, 11, 14–17 – Сертея X);
деревянный наконечник (6 – Рудня Сертейская).
Fig. 5. Bone items of the Rudnya culture (1, 2 – Serteya II;
3, 9, 10, 12, 13 – Rudnya Serseyskaya; 4, 5, 7, 8, 11, 14–17 – Serteya X);
wooden point (6 – Rudnya Serseyskaya).

ним неолитом, были изготовлены исключительно из локтевой кости лося.

На стоянке Сертея Х найдена подвеска из резца с желобчатой нарезкой (рис. 5: 17), два резца кабана с желобчатой нарезкой происходят с п. Сертея II-2. Несколько зубов лося с желобчатой нарезкой в проксимальной части также были найдены в раннеолитическом слое на стоянке Замостье 2 (Лозовская, 2018). Подвески из зубов животных были распространены на протяжении всего неолита, но изменялась система их крепления: для украшений среднего неолита характерны отверстия для подвешивания/крепления.

Для большинства раннеолитических костяных наконечников стрел характерны выпуклые и биконические головки, чаще всего с коническим окончанием (рис. 5: 2, 4, 5), одна из них была украшена короткими насечками (рис. 5: 4). Их насад, довольно короткий, часто приостренный, мог быть уплощенным или округлым в сечении. Особый тип представлен биконическим уплощенным наконечником с симметричными шипами и игловидным насадом (рис. 5: 1, 3). Эти наконечники являются хронологическими маркерами для раннего неолита, они не фиксируются в более позднее время (Лозовский, Лозовская, 2010; Лозовская, 2019; Жилин и др., 2002; Vankina, 1999; Лозе, 1988). Также было обнаружено довольно специфическое костяное острие с очень длинным насадом и головкой, украшенной короткими поперечными насечками (рис. 5: 10). К этому комплексу относится и находка наконечника из сосны. Его форма и система крепления повторяют форму и систему крепления костяных наконечников (рис. 5: 6).

К орудийному комплексу относится фрагмент зубчатого острия (рис. 5: 8) и трехзубчатое острие с лопатковид-

ным насадом (рис. 5: 9). Возможно, оно было изготовлено из метаподии лося. Морфологически и технологически они не имеют аналогий (Лозовская, Лозовский, 2013; Vankina, 1999).

Хронология руднянской культуры

Стратиграфические наблюдения показывают, что культурные слои с материалами руднянской археологической культуры залегают над слоями или отделены планиграфически от материалов сертейской культуры (Мазуркевич и др., 2013). Абсолютная хронология основана на серии датировок по сопутствующему материалу (дерево, уголь), залегающему совместно с находками керамики руднянской культуры (рис. 6). Сложность использования прямых датировок древнейшей керамики охотников-собирателей связана с резервуарным эффектом, возникающим при датировании нагара, образовавшегося после приготовления в сосудах продуктов водной среды (Courel et al., 2021, SI).

Фрагменты обработанной древесины, залегавшей в непосредственной близости и на одном уровне с керамикой на стоянке Рудня Сертейская, датируются 5306–5003 л. до н. э. (Мазуркевич, Микляев, 1998). Фрагменты сосудов фаз «d» и «d-1» залежали в одном слое, но на различных участках памятника. К этому же времени может относиться датировка по углю с основания наземной постройки п. Сертея XIV (5332–4944 л. до н. э.) – кольевой конструкции подпрямоугольной или округлой формы с наземными очагами. Подобный тип постройки был также найден на п. Сертея Х. К этому же времени относится датировка остатков деревянных сильно эродированных объектов на п. Сертея II: 5081–4896 л. до н. э. и 5373–5213 л. до н. э. (рис. 6).

Датировка фрагментов древесины из слоя, перекрывающего культурный слой с остатками руднянской культуры около 4935–4605 л. до н. э., может

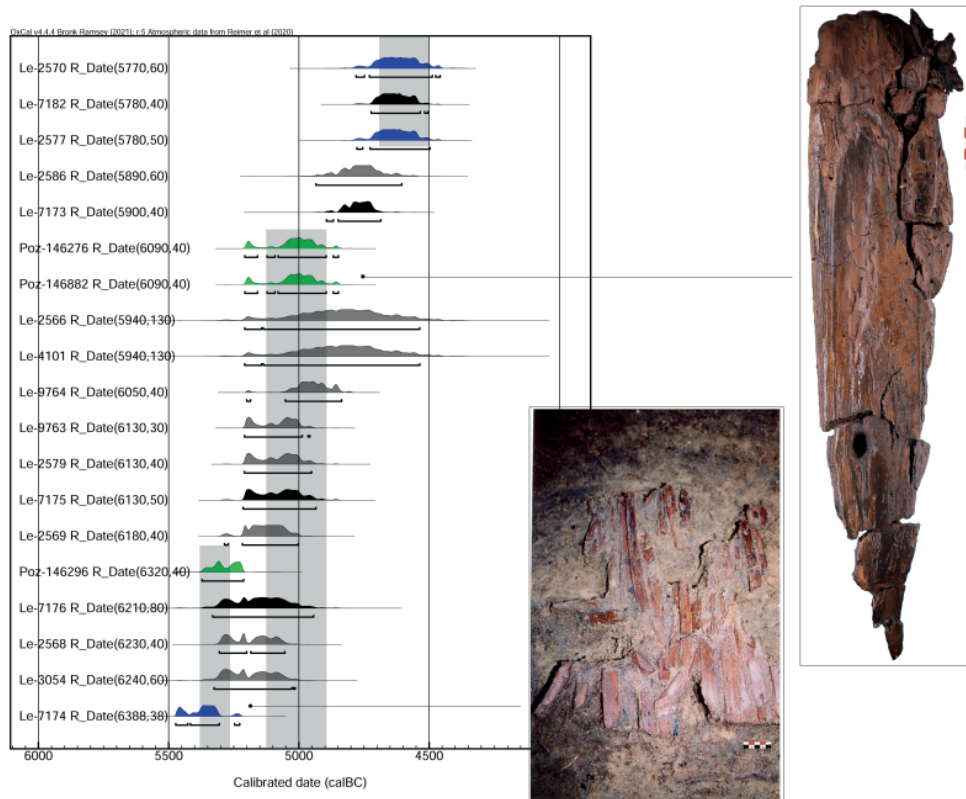

Рис. 6. Калибровочная шкала датировок руднянской культуры (синяя заливка – рыболовные конструкции (верши(?); зеленая заливка – деревянные изделия, колья; черная заливка – уголь; серая – фрагменты дерева).

Fig. 6. Calibrated dating scale of the Rudnya culture (blue – fishing constructions, fishing-baskets (?); green – wooden items, pickets; black – charcoal; gray – wood remains).

маркировать время накопления сапропеля над культурными остатками слоя В на п. Рудня Сертейская во время небольшой трансгрессии. Остатки рыболовной верши из слоя, перекрывающего находки с материалами фаз «d» и «d-1», датируются периодом около 4730–4488 л. до н. э. Возможно, к этому времени стоит относить существование стоянок на минеральном берегу с материалами фазы «e».

Распределение памятников руднянской культуры в Днепро-Двинском междуречье

Сосуды руднянской культуры обнаружены на стоянках, расположенных в непосредственной близости от береговой линии палеоводоемов.

Предполагаемая система расселения отличается от предшествующего времени (рис. 7, 8), которая включала памятники различного типа: летние и зимние, долговременные и специализированные охотничьи или рыболовные стоянки (Mazurkevich, Dolbunova, 2009). Им сопутствуют находки единичных костяных наконечников стрел, остатки вершей, сильно эродированного дерева со следами обработки (возможно, весла), маркирующих хозяйственную деятельность в прибрежной древней береговой линии (п. Сертея II, Сертея XIV). В пользу сезонности свидетельствуют находки орнитофауны на стоянке Рудня Сертейская (Саблин и др., 2011).

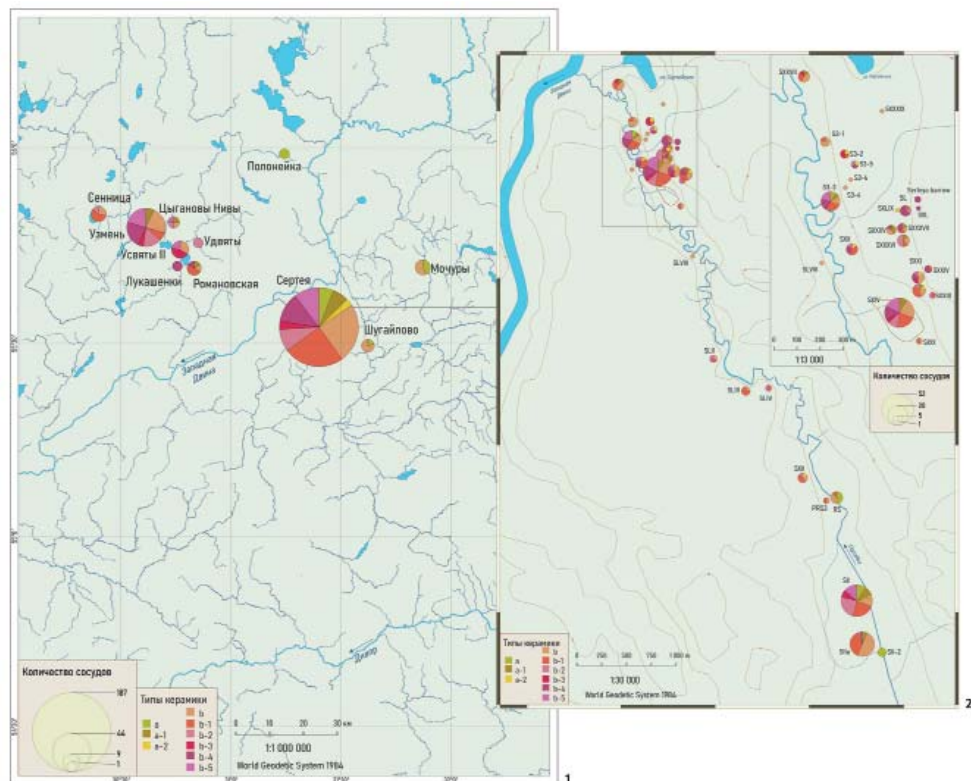

Рис. 7. Распределение памятников сертейской культуры в Днепро-Двинском междуречье (1) и Сертейском микрорегионе (2).

Fig. 7. Distribution of the sites of the Serteya culture in the Dnieper-Dvina basin (1) and Serteya microregion (2).

Верхнедвинский бассейн

Посуда фаз «d-1» и «d» известна на памятниках, расположенных на низких гипсометрических уровнях, культурные слои которых погребены под озерно-болотными отложениями (Рудня Сертейская, Сертея II-2, X, XIV, XXXIV). Немногочисленные фрагменты, относящиеся к фазе «d-1», были найдены в песчаных отложениях п. Узмень, Усвяты II, Шугайлово, Мочары.

Глиняная посуда фазы «с-1» встречается в культурных слоях памятников, расположенных на минеральных террасах палеоводоемов в южной (Сертея X, Сертея XII) и северной озерной котловине (Сертея XIV, Сертея XXVII), на борту палеоводоемов в северной котловине Сертейского микрорегиона

на (Сертея XXI, Сертея XXII, Сертея XXIV, Сертея 3-3, Сертея 3-2). Глиняная посуда фазы «с-2» встречается в культурных слоях нескольких памятников, расположенных на минеральных террасах палеоводоемов (поле над Рудней Сертейской № 3, Сертея XIV), а также на борту палеоводоема в северной озерной котловине (Сертея 3-3, Сертея XXXVI, Сертея XXXVII, Сертея XLIV). Сосуды фазы «е» найдены на суходолах в песчаных отложениях памятников Узмень, Усвяты II, Сертея IIa, Шугайлово, Мочары.

Верхнеднепровский бассейн

Глиняная посуда фазы «с-1» обнаружена на памятнике Катынь 9, фазы «е» – на п. Катынь 17 и Козичино. Это самые юго-восточные памятники руднянской культуры.

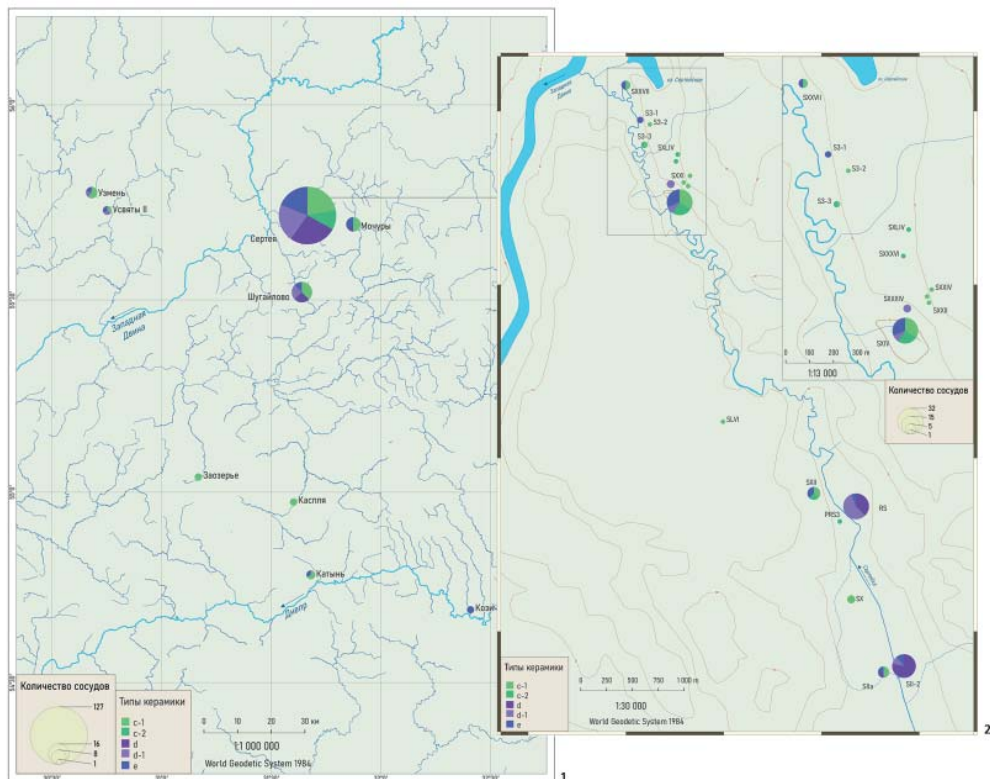

Рис. 8. Распределение памятников руднянской культуры в Днепро-Двинском междуречье (1) и Сертейском микрорегионе (2).
Fig. 8. Distribution of the sites of the Rudnya culture in the Dnieper-Dvina basin (1) and Seret microregion (2).

Дискуссия

Руднянская культура: смена комплексов материальной культуры

Сравнение с материалами сертейской культуры указывает на значительную разницу в производстве глиняной посуды, системах расселения. Сосуды руднянской культуры найдены на памятниках, ориентированных на использование водных ресурсов, — с находками остатков вершей, весел, в прибрежной зоне, связанных с местами рыбной ловли, охоты на дичь в прибрежной зоне.

Сопоставление материалов позволяет выявить круг аналогий и тяготение руднянской культуры к нескольким комплексам нарвской культуры. Для керамики фазы «d-1» аналогии просматриваются в отдельных типах

керамики п. Звизде и памятников на территории Эстонии (типа комплекса п. Кяпа) (Kriiska, 1996; Kriiska et al., 2017), на территории Беларуси (Чернявский, 2017). Для керамики фазы «d» отдельные аналогии отмечаются в посуде памятников Лубанской котловины: Звизде, Оса (Лозе, 1988; Ванкина и др., 1973). Аналогии сосудам фазы «c-1» и «c-2» можно предположить в материалах памятников Эстонии — группа, расположенная в прибрежных эстуариях рек и прибрежных лагунах (Kriiska et al., 2017). Подобный круг аналогий может отражать проникновение различных групп на данную территорию.

Хронологические этапы существования руднянской культуры хорошо коррелируют с этапами, выделенными

для п. Звидзе, расположенном в Лубанской котловине в низовьях Западной Двины, где были выявлены наиболее древние материалы нарвской культуры, датирующиеся 5500–5300 л. до н. э. (Лозе, 1988; Courel et al., 2020). Ранненеолитическая нарвская керамика залегала в нескольких культурных слоях, откуда происходят радиоуглеродные датировки, укладываемые в периоды 5409–4944, 5211–4835 и 4850–4582 л. до н. э., верхняя граница определяется датой 4446–4157 л. до н. э. (Лозе, 1988, с. 73–74). Сопоставление радиоуглеродной хронологии лубанских памятников с руднянскими показывает, что последние появились на востоке в верхнем течении Западной Двины позже.

Будучи частью культурного пространства циркумбалтийского региона в конце 6 – первой половине 5 тыс. до н. э., руднянская культура представляла собой самостоятельное явление, т. к. не фиксируется полного переноса всех составляющих материальной культуры в Верхнее Подвинье, аналогии костяной и кремневой индустрии прослеживаются в различных регионах. Так, серия наконечников стрел Днепро-Двинского междуречья является частью общей системы развития наконечников стрел от мезолита к неолиту, следующей общей траектории значительного уменьшения размера, с округлым или уплощенным сечением, с выделенным приостренным окончанием, что может свидетельствовать о появлении новой стратегии охоты.

Руднянская культура в контексте циркумбалтийских культур

Разница цепочек технологических операций изготовления глиняной посуды в среде охотников-собирателей циркумбалтийского мира указывает на значительные отличия между разными культурными традициями (Dumpe et al., 2011; Glykou, 2010). Распространенная S-профилировка сосудов в ранних комплексах и после-

довательность датировок (более ранние – на востоке, более поздние – на западе) обращала внимание исследователей в поисках их истоков на восток – ареал существования елшанской культуры (Timofeev, 1998; Gronenborn, 2011; Jordan et al., 2016; Andreev, Vybornov, 2021). Однако различия в технологии изготовления, хронологии бытования самих комплексов и морфологии (пропорции сосудов, различные типы острых днищ и др.), отсутствии синхронных промежуточных памятников с материалами более восточных традиций (Courel et al., 2021, fig. S2) заставляют рассматривать эти комплексы как различные явления.

Культуры охотников-собирателей-рыболовов циркумбалтийского мира существуют в окружении земледельческих сообществ. Так, появление керамики в культурах Эртебелле связывали либо с автохтонным происхождением, влиянием сообществ охотников-собирателей с востока (Gronenborn, 2011), либо с восприятием от неолитических земледельческих сообществ (Povlsen, 2013). Так же и появление керамики среди охотников-собирателей культуры Свифтербант около 5200–5000 л. до н. э. объясняется влиянием соседних земледельческих сообществ (Raemaekers, 2011). Влияние местных земледельческих сообществ на формирование комплексов глиняной посуды охотников-собирателей в 5–4 тыс. до н. э. отмечается и для территории Центральной Европы (Nowak, 2017; Guminski, 2020).

В итоге многолетних дискуссий остается открытым вопрос о культурном импульсе, в результате которого сложился характерный для ранних этапов нарвской культуры керамический комплекс. Зона ее существования обширна и ограничена Балтийским морем, бассейном р. Неман, на востоке – р. Нарвой. Памятники нарвской культуры расположены на прибрежных речных эстуариях, побе-

режье, прибрежных лагунах, берегах внутренних водоемов (рек и крупных озер), связанных с Балтийским бассейном (Kriiska et al., 2017). Распространение памятников в прибрежной зоне, на островах указывает на важное значение именно водного пути. Было высказано предположение о том, что самые ранние памятники могут быть затоплены (Rimantiene, 1992). Известны единичные находки материалов нарвской культуры на Северо-Западе России, но все эти комплексы крайне немногочисленны и более молодые в сравнении с восточнобалтийскими. Они не демонстрируют эволюционное развитие культуры и скорее указывают на единичные проникновения отдельных групп с территории Восточной Прибалтики на восток: п. Векса 3 (Недомолкина и др., 2015; Piezonka, 2015), п. Куземкино 1-6, Галик 3-4, 6-7, 10 (Холкина, 2019), п. Сяберская III (Тимофеев, 1993), в бассейн Верхнего Поднепровья (рис. 8: 1).

Исследования содержимого глиняных сосудов, особенностей их использования (через следы использования) указывают и на разные функциональные паттерны использования сосудов среди сообществ охотников-собирателей-рыболовов (Courel et al., 2020; 2021; Papakosta et al., 2019; Pääkkönen et al., 2016). Для нарвской общности характерен высокий процент сосудов, использовавшихся для обработки продуктов водной среды (включая сосуды с памятников Сертейского микрорегиона (Courel et al., 2020)).

Заключение

Появление керамики в сообществах охотников-собирателей-рыболовов на европейской части континента могло следовать различным пространственным и культурным траекториям, отвечать различным экономическим или культурным вызовам. Появление глиняной посуды сопровождалось широким освоением пространств Восточной Европы, на-

ложившись лишь частично на предшествующую мезолитическую сеть (Dolukhanov, 1997). Разрушение этой первоначальной сети фиксируется по распаду того единства керамических традиций, которые связаны с первичными керамическими центрами степной и лесостепной зон. На территории Восточной Европы в конце 6 тыс. до н.э. – на рубеже 6–5 тыс. до н.э. древнейшие керамические традиции исчезают, появляются новые археологические культуры с керамическими комплексами совершенно другого облика (например, льяловская культура на Верхней Волге (Лозовская и др., 2016), энеолитические культуры в Подонье (Скоробогатов и др., 2016), Нижнем Поволжье (Андреев, Выборнов, 2020)).

Разновременность появления и существенные различия в технологии изготовления первой глиняной посуды в сообществах охотников-собирателей указывает на асинхронность процессов восприятия глиняной посуды и различные истоки и пути ее появления и распространения. Формирование разных керамических комплексов в циркумбалтийском мире может быть частью процессов, отличных от восточноевропейского сценария, не связанных с этим миром охотников-собирателей (например, через взаимосвязи с земледельческими сообществами).

Керамические комплексы руднянской культуры не являются на территории Днепро-Двинского междуречья древнейшими/первыми, в отличие от Восточной Прибалтики. Этот культурный цикл следует за более ранними керамическими традициями (Мазуркевич и др., 2013). Наиболее близкие аналогии керамическому комплексу руднянской культуры мы находим в материалах нижнего течения р. Западной Двины в Лубанской котловине, откуда и мог исходить первоначальный импульс, приведший к появле-

нию на рассматриваемой территории этого комплекса. Руднянская культура может представлять самостоятельное культурное явление в рамках одной большой культурной общности.

Сходство технологических, орнаментальных, морфологических и функциональных характеристик сосудов руднянской культуры с группами нарвской культуры позволяет рассматривать появление керамики руднянской культуры через перенос керамики как единый пакет – совместно с ‘цепочкой технологических операций’, орнаментальными и морфологическими традициями переносится и само представление об использовании сосудов. Однако в области кремневой и костяной индустрии нельзя отметить полного переноса комплек-

сов. Представленные аналогии руднянской культуре указывают на смену векторов культурных взаимодействий в конце 6 тыс. до н. э., что является маркером разрушения сложившейся сети культурных связей, существовавшей до этого на протяжении конца 7–6 тыс. до н. э. Древности нарвского типа распространяются в восточном направлении в конце 6 тыс. до н. э. из различных регионов. Столь кардинальную смену материальной культуры можно рассматривать как результат не только культурного импульса, но, возможно, появления нового населения с западных территорий, которые, вероятно, и формируют новую систему культурных, социальных связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев К.М., Выборнов А.А. Миграции и диффузии в неолитизации Поволжья // *Stratum plus*. 2020. № 2. С. 15–30.
2. Ванкина Л.В., Загорскис Ф.А., Лозе И.А. Неолитические племена Латвии // *Этнокультурные области лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита* / МИА. № 172 / Отв. ред. Н.Н. Гурина. Л.: Наука, 1973. С. 210–217.
3. Герман К.Э. Культура *сперрингс* (современное состояние изучения) // *Самарский научный вестник*. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 225–230.
4. Гурина Н.Н. Из истории древних племен западных областей СССР / МИА. № 144. Л.: Наука, 1967. 207 с.
5. Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. М.: Наука, 2002. 245 с.
6. Лозе И.А. Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига: Зинатне, 1988. 209 с.
7. Лозовская О.В. Основные формы изобразительной деятельности в позднем мезолите и раннем неолите Волго-Окского междуречья по материалам стоянки Замостье 2 // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2018. № 2. С. 208–226.
8. Лозовская О.В. Развитие костяных наконечников стрел в VII–V тыс. cal BC в Верхневолжской низменности по материалам многослойной стоянки Замостье 2 // *КСИА*. 2019. № 255. С. 71–90.
9. Лозовская О.В., Лозовский В.М., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Семенцов А.А., Медоуз Д., Ришко С.А. Неолитические древности стоянки Замостье 2. Каталог радиоуглеродных дат // *Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э.* / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 182–202.
10. Лозовский В.М., Лозовская О.В. Изделия из кости и рога ранненеолитических слоев стоянки Замостье 2 // *Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009)* / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К, 2010. С. 237–252.
11. Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А. Древнейшие керамические традиции Восточной Европы // *Российский археологический ежегодник*. Вып. 3 / Гл. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 27–108.

12. Мазуркевич А.Н., Микляев А.М. О раннем неолите междуречья Ловати и Западной Двины // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. № 33 / Ред. Б.Б. Пиотровский. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1998. С. 7–31.
13. Недомолкина Н.Г., Пиезонка Х., Медоуз Дж., Крейг О., Лоренц С. Неолитические комплексы поселения Вёкса в бассейне верхней Сухоны, Северо-Западная Россия: новые естественнонаучные исследования // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции / Отв. ред. В.М. Лозовский, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 151–158.
14. Саблин М.В., Пантелеев А.В., Сыромятникова Е.В. Археозоологический анализ остеологического материала из неолитических свайных поселений Подвinya: Хозяйство и экология // Труды Зоологического института РАН. 2011. Т. 315. № 2. С. 143–153.
15. Скоробогатов А.М., Смольянинов Р.В., Сурков А.В., Ойнонен М., Посснерт Г. Хронология неолитических памятников лесостепного Подонья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 244–260.
16. Тимофеев В.И. К вопросу о временных различиях некоторых памятников раннего неолита Восточной Прибалтики // КСИА. Вып. 141 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1975. С. 18–24.
17. Тимофеев В.И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности северо-запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики) / Ред. В.М. Массон, Е.Н. Носов, Е.А. Рябинин. СПб.: ИИМК, 1993. С. 8–34.
18. Холкина М.А. Керамические традиции Нарвско-Лужского междуречья // Памятники каменного века российской части Нарвско-Лужского междуречья / Отв. ред. Д.В. Герасимов. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 129–140.
19. Чарняўскі М.М. Неаліт Беларускага Панямоння. Минск: Навука і тэхніка, 1979. 144 с.
20. Чарняўскі М.М. Касцяныя і рагавыя вырабы на паселішчах Крывінскага тарфяніку (неаліт – бронзавы век). Мінск: Беларуская навука, 2007. 75 с.
21. Чарняўскі М.М. Памятники нарвской культуры на территории Беларуси: состояние исследования и перспективы // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене. Доклады международной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения В.И. Тимофеева / Отв. ред. Д.В. Герасимов. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 247–251.
22. Andreev K.M., Vybornov A.A. Ceramic traditions in the forest-steppe zone of Eastern Europe. In *Open archaeology*. 2021. Vol. 7, No 1. P. 705–717.
23. Courel B., Robson H. K., Lucquin A., Dolbunova E., Oras E., Adamczak K., Søren H. A., Astrup P. M., Charniauskis M., Czekał-Zastawny A., Ezepenko I., Hartz S., Kabaciński J., Kotula A., Kukawka S., Loze I., Mazurkevich A., Piezonka H., Piličiauskas G., A. Sørensen S., Talbot H. M., Tkachou A., Tkachova M., Wawrusiewicz A., Meadows J., Heron C. P. and Craig O. E. Organic residue analysis shows sub-regional patterns in the use of pottery by Northern European hunter-gatherers. In *Royal society open science*. 2020. Vol. (4).
24. Courel B., Meadows J., Lucquin A., Gonzalez Carretero L., McLaughlin R., Bongetti M., Andreev K., Skorobogatov A., Smolianinov R., Surkov A., Vybornov A., Dolbunova E., Craig O., Heron C. The use of early pottery by hunter-gatherers of the Eastern European forest-steppe. In *Quaternary Science Reviews*. 2021. No. 269. P. 107–143.
25. Dolukhanov P. M. The Pleistocene-Holocene transition in Northern Eurasia: environmental changes and human adaptations. In *Quaternary International*. 1997. No. 41/42. P. 181–191.
26. Dumpe B., Bērziņš V., Stilborg O. A dialogue across the Baltic on Narva and Ertebølle pottery. In *Early pottery in the Baltic – Dating, Origin and Social Context. Bericht der Romisch-Germanische Kommission / Hartz S., Luth F., Terberger T. (eds.). Darmstadt-Mainz*, 2011. P. 89–110.
27. Glykou A. Technological and typological analysis of Ertebølle and early Funnel Beaker pottery from Neustadt LA 156 and contemporary sites in northern Germany. In *Pots, Farmers and Foragers: Pottery traditions and social interaction in the earliest Neolithic of the lower Rhine Area. Archaeological Studies Leiden University 20 / Vanmontfort B., Louwe Kooijmans, Amkreutz L., Verhart L. (eds).* 2010. P. 177–188.

28. *Gronenborn D.* Early pottery in Afroeurasia – origins and possible routes of dispersal. In *Early pottery in the Baltic – dating, origin and social context* / Hartz S, Lüth F., Terberger T. (eds.). Frankfurt, 2011. P. 59–88.
29. *Guminski W.* The oldest pottery of the Para-Neolithic Zedmar culture at the site Szczepanki, Masuria, NE-Poland. In *Documenta Praehistorica XLVII*. 2020. P. 126–154.
30. *Hartz S., Lübke H.* New Evidence for a Chronostratigraphic Division of the Ertebølle Culture and the Earliest Funnel Beaker Culture on the Southern Mecklenburg Bay. In *After the Ice Age – Settlements, subsistence and social development in the Mesolithic of Central Europe. Proceedings of the International Conference. Rottenburg/Neckar, Baden-Württemberg*, 2006. P. 59–74.
31. *Jordan P., Gibbs K., Hommel P., Piezonka H., Silva F., Steele J.* Modelling the diffusion of pottery technologies across Afro-Eurasia: Emerging insights and future research. In *Antiquity*. 2016. No 90 (351). P. 590–603.
32. *Kotula A., Czekaj-Zastawny A., Kabaciński J., Terberger T.* Find distribution, taphonomy and chronology of the Dąbki site. In *The Dąbki Site in Pomerania and the Neolithisation of the North European Lowlands (c. 5000–3000 calBC)* / Kabaciński J., Hartz S., Raemaekers D.C.M. and Terberger T. (eds.). Leidorf 2015. P. 113–137.
33. *Kriiska A., Oras E., Lougas L., Meadows J., Lucquin A., Craig O.* Late Mesolithic Narva stage on the territory of Estonia: pottery, settlement types and chronology. In *Estonian Journal of Archaeology*. 2017. No 21. P. 52–86.
34. *Kriiska A.* The Neolithic pottery manufacturing technique of the Lower course of the Narva River. In *Coastal Estonia: Recent Advances in Environmental and Cultural History* / Hackens T., Hicks S., Lang V. (eds.). Rixensart: PACT Belgium, 1996. P. 373–384.
35. *Lozovskaya O., Lozovskiy V.* Barbed points from the site of Zamostje 2. In *Zamostje 2 – Lake settlement of the Mesolithic and Neolithic fisherman in Upper Volga* / Lozovsky V., Lozovskaya O., Clemente Conte I. (eds.). Saint Petersburg, 2013. P. 76–109.
36. *Mazurkevich A., Dolbunova E.* Reconstruction of the Early and Middle Neolithic settlement systems in the Upper Dvina region (NW Russia). In *Proceedings EAA 2009: Go Your Own Least Cost Path, Riva del Garda / Verhagen J.W.H., Posluschny A.G., Danielisova A.* (eds.). Bar International Series. 2009. No 2284. P. 25–32.
37. *Miksaite S.* Production of ceramics of Narva culture (reconstructions based on experimental archaeology). In *Estonian Journal of Archaeology*. 2005. No 9, 1. P. 60–72.
38. *Nowak M.* The second stage of neolithisation and para-neolithic in the southern Baltic. In *Samarskij nauchnyi vestnik*. 2017. №6 (4). P. 116–123.
39. *Papakosta V., Oras E., Isaksson S.* Early pottery use across the Baltic – A comparative lipid residue study on Ertebølle and Narva ceramics from coastal hunter-gatherer sites in southern Scandinavia, northern Germany and Estonia. In *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2019. No 24. P. 142–151.
40. *Piezonka H.* Jäger, Fischer, Töpfer. Wildbeute mit früher Keramik in Nordosteuropa im 6. und 5. Jahrtausend v. Chr. In *Archäologie in Eurasien 30*. Bonn, 2015. P. 573–575.
41. *Piličiauskas G.* Dubičių tipo gyvenvietės ir neolitinė Nemuno kultūra pietų Lietuvoje. In *Lietuvos Archeologija*. 2002. No 23. P. 107–136.
42. *Povlsen K.* The introduction of ceramics in the Ertebølle culture. In *Danish Journal of Archaeology*. 2013. No 2. P. 146–163.
43. *Pääkkönen M., Bläuer A., Evershed R.P., Asplund H.* Reconstructing food procurement and processing in early Comb ware period through organic residues in early comb and Jäkärlä ware pottery. In *Fennoscandia archaeologica*. 2016. XXXIII. P. 57–75.
44. *Raemaekers D.C.M.* Early Swifterbant pottery (5000–4600 cal BC): research history, age, characteristics and the introduction of pottery. In *Early Pottery in the Baltic – Dating, Origin and Social Context. Bericht der Romisch-Germanische Kommission 89*, vol. 2008 / Hartz S., Luth F., Terberger T. (eds.). Darmstadt-Mainz: Philipp von Zabern, 2011. P. 89–110.
45. *Rimantiene R.* The Neolithic of the Eastern Baltic. In *Journal of World Prehistory*. 1992. No 6 (1). P. 97–143.
46. *Timofeev V.I.* The east-west relations in the Late Mesolithic and Neolithic in the Baltic region. In *Baltic-Pontic studies*. 1998. No 5. P. 44–58.
47. *Tkachou A.* Early Neolithic pottery from western Belarus. In *Archaeologia Baltica*. 2018. No 25. P. 82–99.
48. *Torvinen M.* Säräisniemi 1 Ware. In *Fennoscandia Archaeologica*. 2000. No XVII. P. 3–35.

49. Vankina L. The collection of stone age bone and antler artefacts from lake Lubana. Riga, 1999. 290 p.

50. Wawrusiewicz A. Ceramika typu Sokołówek na Podlasiu i jej znaczenie w rozwoju społeczności subneolitycznych Polski Północno-Wschodniej. In *Studia i materiały do badań nad neolitem i wczesną epoką brązu na Mazowszu i Podlasiu III*. 2013. P. 5–24.

Информация об авторах:

Долбунова Екатерина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); katjer@mail.ru.

Мазуркевич Андрей Николаевич, старший научный сотрудник. Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); a-mazurkevich@mail.ru

Мэгро Йолейн, PhD, научный сотрудник, Лаборатория Траjektуар. Национальная академия научных исследований (г. Париж, Франция); yolaine.maigrot@cnrs.fr

Филиппова Вероника Леонидовна, магистр. Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия); vera.filippova.97@mail.ru

DNIPIER-DVINA BASIN AT THE END OF 6TH MILLENNIUM BC AND EARLY CERAMIC TRADITIONS OF THE CIRCUM-BALTIC REGION

E.V. Dolbunova, A.N. Mazurkevich, Y. Maigrot, V.L. Filippova

The most ancient pottery in the Eastern Europe appeared at the end of the 7th – first half of the 6th millennium BC and spread across a greater part of the Eastern Europe, including the Dnieper-Dvina basin by the middle of the 6th millennium BC. At the end of the 6th millennium BC new ceramic traditions appeared here, attributed to the Rudnya archaeological culture. The authors present an overview of the ceramic complex, bone industry, constructions, and chronology of the Rudnya culture. Similarities with ceramic complex of the Rudnya culture were found within various groups of the Narva culture. It could testify the change of vectors of cultural contacts at the end of 6th millennium BC manifesting destruction of the established network of cultural contacts that existed before in the 6th millennium BC. The Narva culture traditions probably spread eastwards from Eastern Baltic at the end of 6th millennium BC. Such a radical change of material culture might be regarded as a result not only of the cultural impulse, but probably arrival of new population from the western territories to the Upper Western Dvina area.

Keywords: archaeology, early Neolithic, Dnieper-Dvina basin, Rudnya culture, Narva culture, chronology.

REFERENCES

1. Andreev, K. M., Vybornov, A. A. 2020. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 2, 15–30 (in Russian).
2. Vankina, L. V., Zagorskis, F. A., Loze, I. A. 1973. In Gurina, N. N. (ed.). *Materiály i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 172. Leningrad: "Nauka" Publ., 210–217 (in Russian).
3. German, K. E. 2018. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)*. Vol. 7. No. 24 (3), 225–230 (in Russian).
4. Gurina, N. N. 1967. *Iz istorii drevnikh plemen zapadnykh oblastey SSSR (From the history of ancient tribes of the western regions of the USSR)*. Series *Materiály i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 144. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Zhilin, M. G., Kostyleva, E. L., Utkin, A. V., Engovatova, A. V. 2002. *Mezoliticheskie i neoliticheskie kul'tury Verkhnego Povolzh'ia. Po materialam stoianki Ivanovskoe VII (Mesolithic and Neolithic Cultures of the Upper Volga Region. On Materials from Ivanovskoe VII Site)* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Loze, I. A. 1988. *Poseleniya kamennogo veka Lubanskoy niziny. Mezolit, ranniy i sredniy neolit (Settlements of the Stone Age in Lubana Lowland. Mesolithic, Early and Middle Neolithic)*. Riga: "Zinatne" Publ. (in Russian).
7. Lozovskaya, O. V. 2018. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 2, 208–226 (in Russian).

The study was supported by the RSF (project No. 22-18-00086 "Between East and West: hunter-gatherers of the land of lakes in Western Russia in 7–3 millennium BC (economic strategies, cultural traditions, interregional interrelations and paleo-ecological conditions)").

8. Lozovskaya, O. V. 2019. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 255, 71–90 (in Russian).
9. Lozovskaya, O. V., Lozovskiy, V. M., Zaytseva, G. I., Kul'kova, M. A., Sementsov, A. A., Medouz, D., Rishko, S. A. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A. A. (comp.). 2016. *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Neolithic Chronology of Eastern Europe in the VII–III Millennium BC)*. Smolensk: "Svitok" Publ., 182–202 (in Russian).
10. Lozovskiy, V. M., Lozovskaya, O. V. 2010. In Kamenetskii, I. S., Sorokin, A. N. (eds.). *Che-loveki i drevnosti: Pamiati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009) (Man and Antiquities: In memory of Alexander Alexandrovich Formozov (1928–2009))*. Moscow: "Grif i K" Publ., 237–252 (in Russian).
11. Mazurkevich, A. N., Dolbunova, E. V., Kul'kova, M. A. 2013. In Vishnyatsky, L. B. (ed.-in-chief). *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 3. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., 27–108 (in Russian).
12. Mazurkevich, A. N., Miklyaev, A. M. 1998. In Piotrovskii, B. B. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 33. Saint Petersburg: State Hermitage Publ., 7–31 (in Russian).
13. Nedomolkina, N. G., Pietsonka, Kh., Medouz, Dzh., Kreyg, O., Lorents, S. 2015. In Lozovskiy, V. M., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A. (eds.). *Neoliticheskie kul'tury Vostochnoi Evropy: khronologiya, paleoekologiya, traditsii (Neolithic Cultures of Eastern Europe: Chronology, Paleoecology, Traditions)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 151–158 (in Russian).
14. Sablin, M. V., Pantelev, A. V., Syromyatnikova, E. V. 2011. In *Trudy Zoologicheskogo instituta RAN (Proceedings of the Zoological Institute RAS)* 315 (2), 143–153 (in Russian).
15. Skorobogatov, A. M., Smol'yaninov, R. V., Surkov, A. V., Oynonen, M., Possnert, G. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A. A. (comp.). 2016. *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Neolithic Chronology of Eastern Europe in the VII–III Millennium BC)*. Smolensk: "Svitok" Publ., 244–260 (in Russian).
16. Timofeev, V. I. 1975. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 141. Moscow: "Nauka" Publ., 18–24 (in Russian).
17. Timofeev, V. I. 1993. In Masson, V. M., Nosov, E. N., Ryabinin, E. A. (eds.). *Drevnosti severo-zapada Rossii (slavyano-finno-ugorskoe vzaimodeystvie, russkie goroda Baltiki) (Antiquities of the North-West of Russia (Slavic-Finno-Ugric interaction, Russian cities of the Baltic))*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 8–34 (in Russian).
18. Kholkina, M. A. 2019. In Gerasimov, D. V. (ed.). *Pamyatniki kamennogo veka rossiyskoy chasti Narvsko-Luzhskogo mezhdurech'ya (Stone Age sites of the Russian part of the Narva-Luga basin)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 120–140 (in Russian).
19. Charnyaŭski, M. M. 1979. *Neolit Belaruskaga Panyamonnya (Neolithic of the Belarusian Neman River Area)*. Minsk: "Navuka i tekhnika" Publ. (in Belarusian).
20. Charnyaŭski, M. M. 2007. *Kastyanyya i ragavyya vyraby na paselishchakh Kryvinskaga tarfyaniku (neolit–bronzavy vek) (Bone and antler items at the settlements of Krivina peat bog (Neolithic – Early Bronze Age))*. Minsk: "Belaruskaya navuka" Publ. (in Belarusian).
21. Chernyavskiy, M. M. 2017. In Gerasimov, D. V. (ed.). *Kul'turnye protsessy v tsirkumbaltiyskom prostranstve v rannem i srednem golotsene (Cultural processes in the Circum-Baltic space in the Early and Middle Holocene)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 247–251 (in Russian).
22. Andreev, K. M., Vybornov, A. A. 2021. In *Open archaeology* 7 (1), 705–717.
23. Courel, B., Robson, H. K., Lucquin, A., Dolbunova, E., Oras, E., Adamczak, K., Søren, H. A., Astrup, P. M., Charniauski, M., Czekaŭ-Zastawny, A., Ezepenko, I., Hartz, S., Kabaciński, J., Kotula, A., Kukawka, S., Loze, I., Mazurkevich, A., Piezonka, H., Piličiauskas, G., A. Sørensen, S., Talbot, H. M., Tkachou, A., Tkachova, M., Wawrusiewicz, A., Meadows, J., Heron, C. P. and Craig, O. E. 2020. In *Royal society open science*. Volume 7 (4).
24. Courel, B., Meadows, J., Lucquin, A., Gonzalez Carretero, L., McLaughlin, R., Bondetti M., Andreev K., Skorobogatov A., Smolianinov, R., Surkov, A., Vybornov, A., Dolbunova, E., Craig, O., Heron, C. 2021. In *Quaternary Science Reviews* 269, 107–143.
25. Dolukhanov, P. M. 1997. In *Quaternary International* 41/42, 181–191.
26. Dumpe, B., Bērziņš, V., Stilborg, O. 2011. In Hartz, S., Luth, F., Terberger, T. (eds.). *Early pottery in the Baltic – Dating, Origin and Social Context. Bericht der Romisch-Germanische Kommission. Darmstadt-Mainz*, 89–110.
27. Glykou, A. 2010. In Vanmontfort, B., Louwe Kooijmans, Amkreutz, L., Verhart, L. (eds.). *Pots, Farmers and Foragers: Pottery traditions and social interaction in the earliest Neolithic of the lower Rhine Area*. Archaeological Studies Leiden University 20, 177–188.

28. Gronenborn, D. 2011. In Hartz, S., Lüth, F., Terberger, T. (eds.). *Early pottery in the Baltic – dating, origin and social context*. Frankfurt, 59–88.
29. Guminski, W. 2020. In *Documenta Praehistorica* XLVII, 126–154.
30. Hartz, S., Lübke, H. 2006. In *After the Ice Age – Settlements, subsistence and social development in the Mesolithic of Central Europe*. Proceedings of the International Conference. Rottenburg/Neckar, Baden-Württemberg, 59–74.
31. Jordan, P., Gibbs, K., Hommel, P., Piezonka, H., Silva, F., Steele, J. 2016. In *Antiquity* 90 (351), 590–603.
32. Kotula, A., Czekaj-Zastawny, A., Kabaciński, J., Terberger, T. 2015. In Kabaciński, J., Hartz, S., Raemaekers, D. C. M. and Terberger, T. (eds.). *The Dąbki Site in Pomerania and the Neolithisation of the North European Lowlands (c. 5000–3000 calBC)*. Leidorf, 113–137.
33. Kriiska, A., Oras, E., Lougas, L., Meadows, J., Lucquin, A., Craig, O. 2017. In *Estonian Journal of Archaeology* 21, 52–86.
34. Kriiska, A. 1996. In Hackens T., Hicks S., Lang V. (eds.). *Coastal Estonia: Recent Advances in Environmental and Cultural History*. Rixensart: PACT Belgium, 373–384.
35. Lozovskaya, O., Lozovski, V. 2013. In Lozovsky, V., Lozovskaya, O., Clemente Conte, I. (eds.). *Zamostje 2 – Lake settlement of the Mesolithic and Neolithic fisherman in Upper Volga*. Saint Petersburg, 76–109.
36. Mazurkevich, A., Dolbunova, E. 2009. In Verhagen, J. W. H., Posluschny, A. G., Danielisova, A. (eds.). *Proceedings EAA 2009: Go Your Own Least Cost Path, Riva del Garda*. Bar International Series 2284, 25–32.
37. Miksaite, S. 2005. In *Estonian Journal of Archaeology* 9, 1, 60–72.
38. Nowak, M. 2017. In *Samarskij nauchnyi vestnik* 6 (4), 116–123.
39. Papakosta, V., Oras, E., Isaksson, S. 2019. In *Journal of Archaeological Science: Reports* 24, 142–151.
40. Piezonka, H. 2015. In *Archäologie in Eurasien* 30. Bonn, 573–575.
41. Piličiauskas, G. 2002. In *Lietuvos Archeologija* 23, 107–136.
42. Povlsen, K. 2013. In *Danish Journal of Archaeology* 2, 146–163.
43. Pääkkönen, M., Bläuer, A., Evershed, R. P., Asplund, H. 2016. In *Fennoscandia archaeologica* XXXIII, 57–75.
44. Raemaekers, D. C. M. 2011. In Hartz, S., Luth, F., Terberger, T. (eds.). In *Early Pottery in the Baltic – Dating, Origin and Social Context*. Bericht der Romisch-Germanische Kommission 89, vol. 2008. Darmstadt-Mainz: Philipp von Zabern, 89–110.
45. Rimantiene, R. 1992. In *Journal of World Prehistory* 6 (1), 97–143.
46. Timofeev, V. I. 1998. In *Baltic-Pontic studies* 5, 44–58.
47. Tkachou, A. 2018. In *Archaeologia Baltica* 25, 82–99.
48. Torvinen, M. 2000. In *Fennoscandia Archaeologica* 17, 3–35.
49. Vankina, L. 1999. *The collection of stone age bone and antler artefacts from lake Lubana*. Riga.
50. Wawrusiewicz, A. 2013. In *Studia i materialy do badań nad neolitem i wczesną epoką brązu na Mazowszu i Podlasiu* III, 5–24 (in Polish).

About the Authors:

Dolbunova Ekaterina V. Candidate of Historical Sciences. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190 000, Russian Federation; katjer@mail.ru. ORCID 0000-0003-1843-9620

Mazurkevich Andrey N. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190 000, Russian Federation; a-mazurkevich@mail.ru.

Maigrot Yolein. PhD, UMR 8215 Trajectoires laboratory. Paris, France; yolaine.maigrot@cnrs.fr

Filippova Veronika L. Saint Petersburg State University. Universitetskaya Embankment, 7-9, St Petersburg, 199034; Russian Federation; vera.filippova.97@mail.ru

Статья принята к публикации 01.03.2023 г.

¹⁴С ДАННЫЕ ПОСТКАТАКОМБНЫХ ПАМЯТНИКОВ ПОВОЛЖЬЯ И ВОЛГО-УРАЛЬЯ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ¹

© 2023 г. Р.А. Мимоход

В статье рассматриваются вопросы радиоуглеродной хронологии посткатакомбных культурных образований Поволжья и Волго-Уралья. В этих регионах они представлены памятниками волго-донской бабинской культуры и волго-уральской культурной группы, которые в своем развитии прошли по два полностью синхронных этапа. Анализ ¹⁴С данных позволяет датировать посткатакомбные древности в рассматриваемых регионах в рамках XXII–XX вв. до н.э. Сравнение радиоуглеродных дат волго-донской бабинской культуры и волго-уральской культурной группы с сериями среднедонской катакомбной культуры средней бронзы и колесничных культурных образований начала позднего бронзового века показывает, что посткатакомбные памятники следуют по времени за катакомбными и предшествуют покровским, потаповским и синташтинским древностям.

Ключевые слова: археология, радиоуглеродные даты, волго-донская бабинская культура, волго-уральская культурная группа, среднедонская катакомбная культура, колесничные культуры, периодизация, хронология.

В Нижнем и на юге Среднего Поволжья, а также в Волго-Уралье памятникам начала поздней бронзы предшествуют посткатакомбные культурные образования, которые датируются финалом среднего бронзового века. В хронологическом отношении их подстилают катакомбные культуры. Это касается преимущественно районов Нижнего Поволжья, где предшествующий субстрат составляют комплексы среднедонской (левобережный вариант) и волго-донской катакомбных культур. Посткатакомбные культурные образования представлены волго-донской бабинской культурой (ВДБК) в Поволжье (Мимоход, 2014) и волго-уральской культурной группой (ВУКГ) (Мимоход, 2018; 2021) в одноименном регионе (рис. 1). Специфика культурного содержания данных территорий в финале среднего бронзового века заключается в том, что они входили в состав разных общностей в рамках посткатакомбного мира, являясь при этом их перифериями. ВДБК – это восточная

составляющая культурного круга Бабино, который до ее выделения состоял из днепро-донской и днепро-прутской бабинских культур (Литвиненко, 2011), а ВУКГ представляет собой северо-восточную часть ойкумены культурного круга Лола, в который помимо волго-уральской группы входили лолинская и невинномысская культуры (Мимоход, 2018а, с. 33–35, рис. 1, 2; Мимоход и др., 2022). Так получилось, что Поволжье и Волго-Уралье стали именно теми территориями, где на излете столкнулись две миграционные волны. Исходная территория одной из них находилась в Центральной Европе и карпато-дунайском регионе, что привело к сложению культурного круга Бабино. Второй миграционный импульс исходил из территории Северо-восточного Кавказа. Он обусловил формирование культурного круга Лола (Мимоход, 2016; 2018а; Мимоход и др., 2022).

В этой связи особую актуальность приобретает определение хронологических рамок как возникновения

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 19-18-00406.

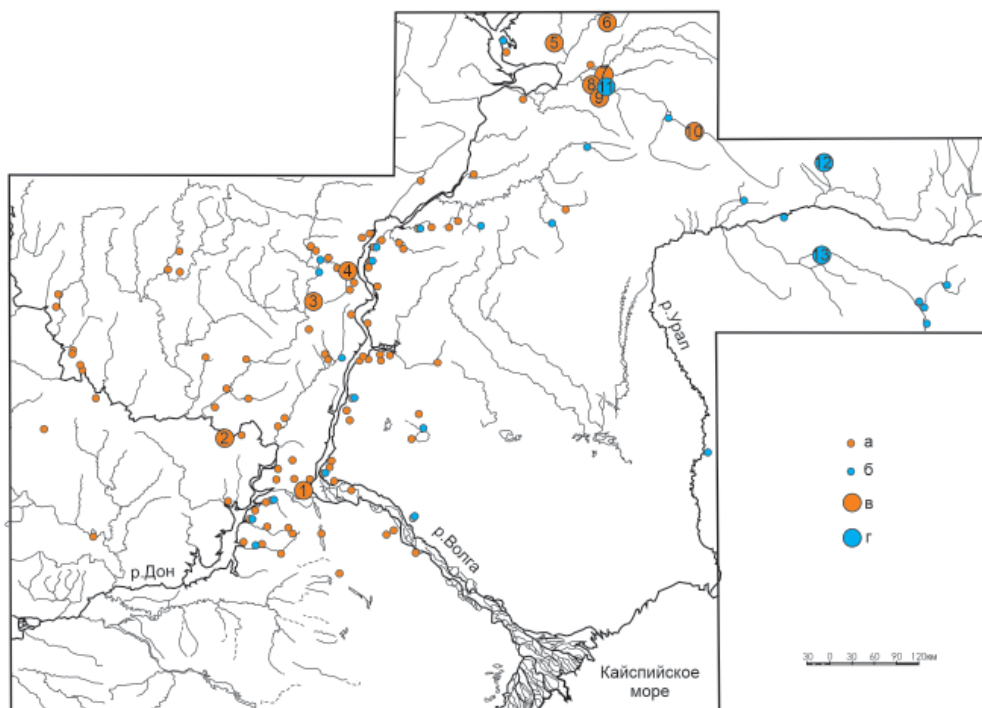

Рис. 1. Карта посткатакомбных памятников Нижнего Поволжья и Волго-Уралья с ^{14}C данными: а – памятники волго-донской бабинской культуры; б – памятники волго-уральской культурной группы; в – комплексы волго-донской бабинской культуры с ^{14}C данными; г – комплексы волго-уральской культурной группы с ^{14}C данными.
 1 – Ворошиловский участок 1/4; 2 – Евстратовский II 3/2, 4/3; 3 – Линево 6/6, 8/2;
 4 – Паницкое 6 4/3; 5 – Николаевка 3 3/4, 5/1; 6 – Калиновский 1/4; 7 – Грачевка I 1/1, II 10/1; 8 – Красносамарский IV 3/10; 9 – Утевка V 4/1; 10 – Скворцовка 5/3;
 11 – Грачевка II 5/3; 12 – Имангулово II 5/3; 13 – Тамар-Уткуль VII 4/5.

Fig. 1. Map of the Post-Catacomb sites of the Lower Volga region and the Volga-Urals with ^{14}C data:
 а – sites of the Volga-Don Babino culture; б – sites of the Volga-Ural cultural group;
 в – complexes of the Volga-Don Babino culture with ^{14}C data;
 г – complexes of the Volga-Ural cultural group with ^{14}C data.

посткатакомбных феноменов в Поволжье и Волго-Уралье, так и окончания их существования. Относительная хронология и периодизация блока посткатакомбных культурных образований сейчас обоснована. Он насчитывает три этапа развития: фазы ПКБ (посткатакомбный блок) I, ПКБ II и ПКБ III в пределах диапазона XXII–XVIII вв. до н. э. (Мимоход, 2021а, илл. 13, с. 73, 75). Цели данной статьи – установить, насколько относительная хронология соответствует ^{14}C данным посткатакомбных культурных образований, а также определить, какое место занимает серия датировок

ВДБК и ВУКГ в системе региональной радиоуглеродной хронологии по отношению к предшествующим и последующим археологическим культурам.

На сегодняшний день посткатакомбные древности имеют 24 радиоуглеродные датировки: ВДБК – 19 дат (табл. 1, рис. 2, 4), ВУКГ – 5 дат (табл. 2, рис. 3, 4).

Радиоуглеродные даты Волго-Донского Бабино получены в шести лабораториях (табл. 1). Из них одиннадцать определений – это LSC-даты (жидкостно-сцинтилляционные) (табл. 1: 1–6, 8, 9, 12, 14, 15)

Таблица 1

¹⁴C данные волго-донской бабинской культуры.

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
1.	Линево к.8 п.2	Ki-12886	Кость человека	3590±	2030-1880
2.	Линево к.6 п.6	Ki-12876	Кость человека	3825±	2350-2190
3.	Паницкое 6 к.4 п.3	Ki-13003	Фрагмент керамики	3600±	2130-1810
4.	Паницкое 6 к.4 п.3	Ki-13004	Астрагал MPC	3530±	1940-1740
5.	Грачевка I к.1 п.1	GIN-11455	Кость человека	3520±	1910-1770
6.	Грачевка II к.10 п.1	Ле-6544	Кость человека	3820±	2410-2140
7.	Утевка V к.4 п.1	AA-53802	Кость человека	3583±	2030-1870
8.	Евстратовский II к.3 п.2	Ki-14742	Кость человека	3670±70	2140-1940
9.	Евстратовский II к.4 п.3	ИГАН-3731	Кость человека	3560±100	2030-1750
10.	Евстратовский II к.4 п.3	IGAN _{AMS} -7450	Кость MPC	3680±20	2140-2010
11.	Евстратовский II к.4 п.3	IGAN _{AMS} -7450	Кость человека	3700±20	2135-2036
12.	Калиновский I к.1 п.4	ИГАН-3730	Кость человека	3420±90	1880-1620
13.	Калиновский I к.1 п.4	IGAN _{AMS} -7691	Кость человека	3655±30	2130-1960
14.	Скворцовка к.5 п.3 скелет 1	Ле-7684	Кость человека	3700±90	2210-1940
15.	Скворцовка к.5 п.3 скелет 1	Ki-16261	Кость MPC	3400±40	1770-1630
16.	Красносамарский IV к.3 п. 10	AA-37042	Кость человека	3594±45	2020-1890
17.	Николаевка 3 к. 3 п. 4	IGAN _{AMS} -7693	Кость человека	3660±20	2130-1970
18.	Николаевка 3 к. 5 п. 1	IGAN _{AMS} -7694	Кость человека	3700±40	2140-2030
19.	Ворошиловский участок к. 1 п. 4	IGAN _{AMS} -8908	Кость человека	3670±80	2150-1940

1–18 – даты по (Мимоход, 2021а, табл. 1); 19 – публикуется впервые.

и восемь – высокоточные AMS-даты (ускорительная масс-спектрометрия) (табл. 1: 7, 10, 11, 13, 16–19). Такое близкое к паритетному соотношение определений, выполненных разными методами, положительно сказывается на степени достоверности радиоуглеродной базы данных ВДБК.

Волго-Донское Бабино насчитывает в своем развитии два этапа (ранний и поздний), который соответствует фазам ПКБ I и II (Мимоход, 2021а, илл. 13). Продатированы комплексы обоих периодов, что надежно документируется присутствием в погребениях костяных пряжек (рис. 2: 1, 7, 8). Кольцевые изделия с линзовидным сечением (рис. 2: 7, 8), маркируют фазу ПКБ I и соответственно ранний этап ВДБК, предметы с бортиком вокруг отверстия (рис. 2: 1) относятся к фазе ПКБ II и второму периоду Волго-Донского Бабино (Мимоход, 2022, рис. 6). В целом радиоуглеродные даты волго-донских бабинских погребений демонстрируют высокую

степень сходимости (рис. 4). Суммирование ¹⁴C данных (sum_probability OxCal v3.10) показывает интервал 2140–1770 CalBC (68,2%). Причем большая часть значений располагается в рамках 2140–1870 CalBC (60,2%). Этот диапазон хорошо вписывается в систему радиоуглеродной хронологии блока посткатакомбных культурных образований, время существования которого укладывается в XXII–XVIII вв. до н. э. (2200–1800 CalBC) (Мимоход, 2022а). Интервал XXII–XX/XIX вв. до н. э., который дают радиоуглеродные даты погребений ВДБК, полностью соответствует относительной хронологии культуры. Время ее существования, как уже отмечалось, насчитывает два этапа и не заходит в фазу ПКБ III, которая датируется периодом 2000–1800 CalBC.

Для ВУКГ на сегодняшний день имеется всего пять дат (табл. 2, рис. 3, 4). Они получены в пяти лабораториях. Из них три определения – это LSC-даты (табл. 2: 1–3) и два – AMS-даты

Таблица 2

¹⁴C данные волго-уральской культурной группы

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата ВР	Дата CalBC Вероятность 1σ
1.	Имангулово II к. 5 п. 3	Ki-19356	Кость человека	3690±60	2200-1970
2.	Имангулово II к. 5 п. 3	ГИН-15497	Кость человека	3600±70	2041-1879
3.	Грачевка II к. 5 п. 3	Le-6545	Кость человека	3815±60	2350-2140
4.	Грачевка II к. 5 п. 3	AA-53806	Кость человека	3752±52	2280-2040
5.	Тамар-Уткуль VII к. 4 п. 5	IGAN _{AMS} -7692	Кость человека	3860±20	2436-2238

1, 2, 5 – даты по (Мимоход, 2021б, с. 59; Купцова, Евгеньев, 2022, табл. 1);
3, 4 – даты по (Кузнецов, Мочалов, 2012, табл. 1, рис. 26).

(табл. 2: 4, 5). Радиоуглеродная серия волго-уральской группы пока крайне малочисленна и обсуждать ее серьезно преждевременно, но отдельные комментарии сделать все-таки стоит.

ВУКГ так же, как и ВДБК, прошла в своем развитии два этапа. Оба культурных образования полностью синхронны в рамках фаз ПКБ I и II (Мимоход, 2021а, илл. 13). Короткая хронология Волго-Донского Бабино и волго-уральской группы по сравнению с остальными составляющими блока посткатакомбных культурных образований, которые завершили свое существование на фазе ПКБ III, объясняется тем, что территория Поволжья и Волго-Уралья оказалась в ядре формирования колесничных культур начала поздней бронзы. В результате носители ВДБК и ВУКГ были полностью поглощены и, вероятно, даже не столько в силовом, сколько в культурном отношении, покровскими и синташтинско-потаповскими социумами. Именно последние и определяли основное культурное содержание фазы ПКБ III в Поволжье и Волго-Урале.

Следует отметить специфику серии ¹⁴C данных волго-уральской группы. Все три продатированные погребения (рис. 3) относятся к ее раннему этапу. Это надежно документируется обрядовыми характеристиками п. 3

к. 5 мог. Имангулово II и п. 3 к. 5 мог. Грачевка II (рис. 3: 1, 2), а также инвентарным комплексом п. 5 к. 4 мог. Тамар-Уткуль VII (рис. 3: 3). Данному периоду хорошо соответствуют две датировки в пределах XXII–XX вв. до н. э. (табл. 2: 1, 4). Попадает во время существования ВУКГ еще одно определение (табл. 2: 2). Оставшиеся две даты выглядят удревненными по отношению к фазе ПКБ I (табл. 2: 3, 5). И если верхняя граница интервала комплекса Грачевка II 5/3 соответствует раннему этапу ВУКГ (табл. 2: 3), то диапазон даты п. 5 к. 4 мог. Тамар-Уткуль VII полностью оказался старше фазы ПКБ I, хотя и близок к нему (табл. 2: 5). Такая дата единственная и в без того мизерной серии ВУКГ, и делать какие-либо выводы на основании ее данных опрометчиво. Базы данных фактически всех посткатакомбных культурных образований имеют единичные удревненные даты, равно как и омоложенные. Однако когда серии состоят из полутора-двух десятков дат, то при суммировании ¹⁴C данных отдельной культуры эти удревненные интервалы, как правило, отсекаются. Например, в серии ВДБК представлена датировка старше фазы ПКБ I (табл. 1: 2). Ее несоответствие реальному возрасту комплекса Линево 6/6 усугубляется

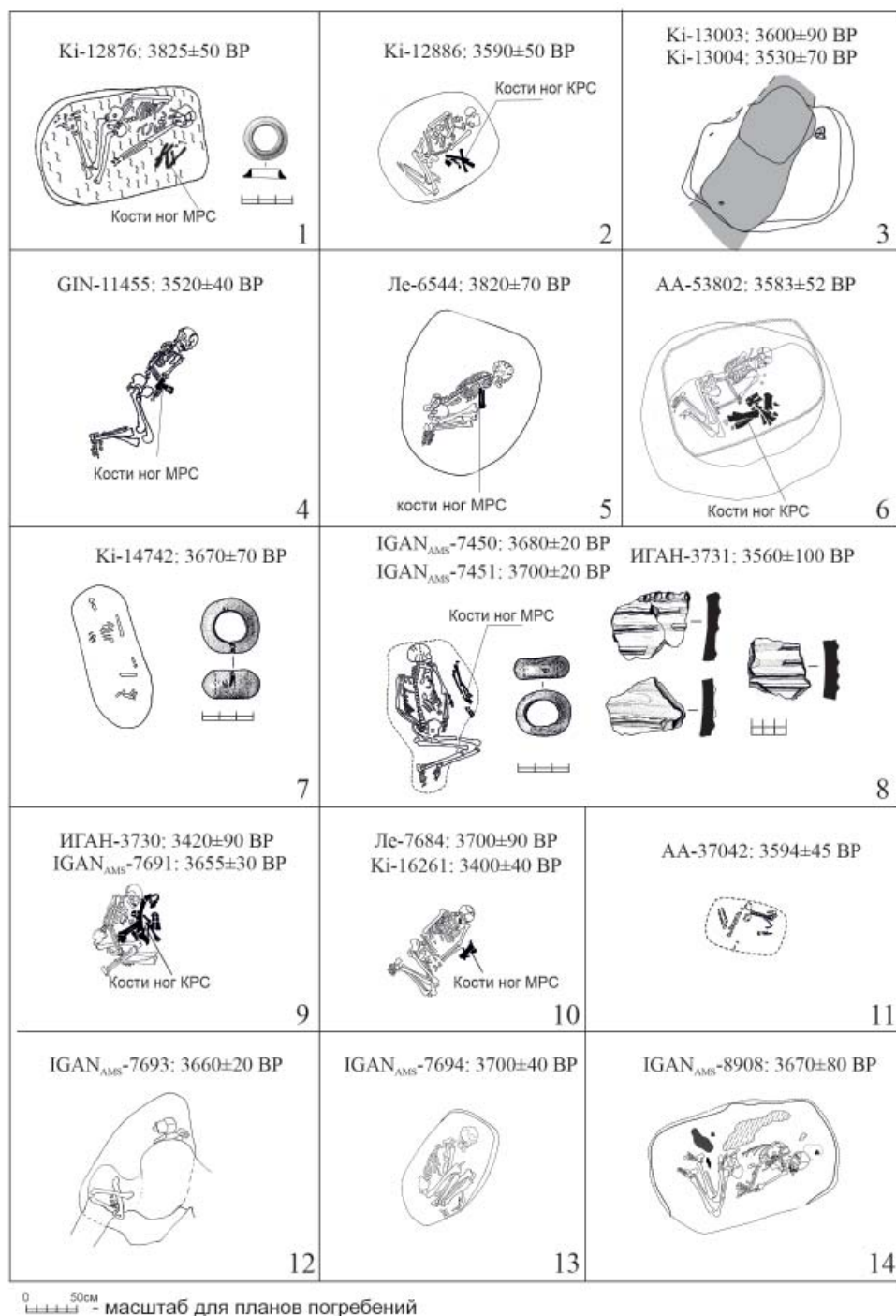

Рис. 2. Погребения волго-донской бабинской культуры с ¹⁴C данными. 1 – Линево 6/6; 2 – Линево 8/2; 3 – Паницкое 6 4/3; 4 – Грачевка I 1/1; 5 – Грачевка II 10/1; 6 – Утевка V 4/1; 7 – Евстратовский II 2/3; 8 – Евстратовский II 4/3; 9 – Калиновский 1/4; 10 – Скворцовка 5/3; 11 – Красносамарский IV 3/10; 12 – Николаевка 3 3/4; 13 – Николаевка 3 5/1; 14 – Ворошиловский участок 1/4.

Fig. 2. Burials of the Volga-Don Babino culture with ¹⁴C data.

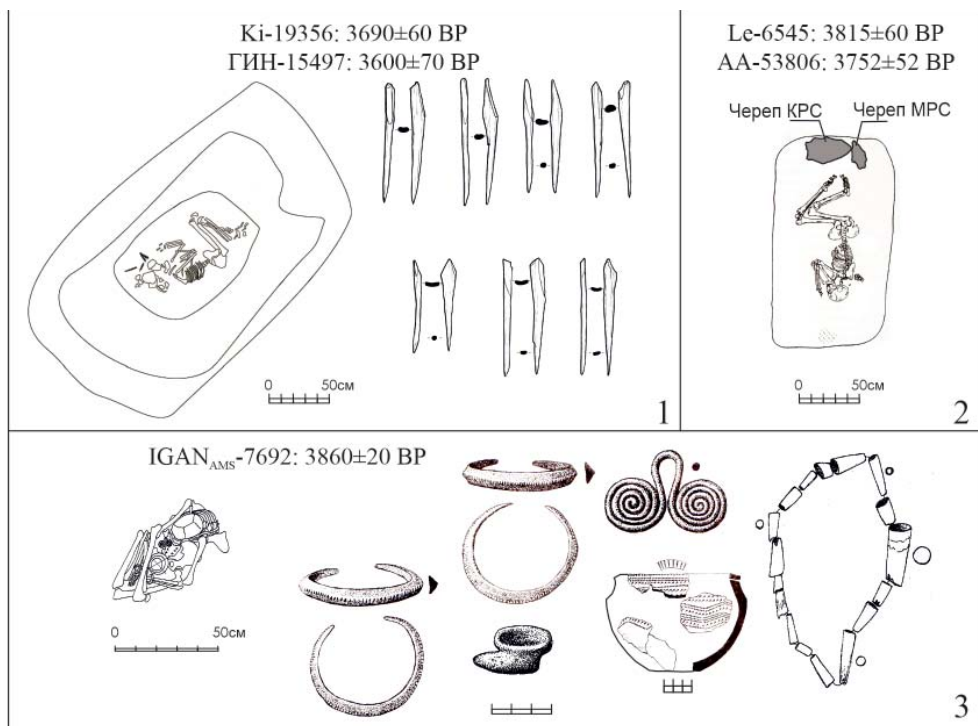

Рис. 3. Погребения волго-уральской культурной группы с ^{14}C данными.
1 – Имангулово II 5/3; 2 – Грачевка II 5/3; 3 – Тамар-Уткуль VII 4/5.

Fig. 3. Burials of the Volga-Ural cultural group with ^{14}C data.

еще и тем, что это погребение по характерной пряжке (рис. 2: 1) уверенно датируется вторым этапом культуры, т. е. фазой ПКБ II, которая не является ранней. Выше уже было показано, что при суммировании всех дат ВДБК это удревленное значение (табл. 1: 2) отсеклось, а нижняя граница культуры устанавливается в рамках XXII в. до н. э. То же самое произошло и с датировкой комплекса Тамар-Уткуль VII 4/5 (табл. 2: 5) при совместном суммировании вместе ^{14}C данных Волго-Донского Бабино и волго-уральской группы (рис. 5: в).

Другой пример к рассматриваемой ситуации можно привести из самой серии ВУКГ, если так можно назвать пять ее датировок. Здесь имеются парные определения для комплексов Имангулово II 5/3 и Грачевка II 5/3 (табл. 2: 1–4), сделанных во всех случаях по кости человека, но в разных

лабораториях. В обоих комплексах они не совпали, хотя и имеются отрезки наложения. Причины подобных радиоуглеродных флуктуаций неоднократно обсуждались в литературе от реальных внешних эффектов получения «мнимого возраста» до объема забора и степени сохранности образцов, а также лабораторных ошибок-артефактов. Как бы то ни было, ^{14}C данные волго-уральской группы пока позволяют над ней задуматься, но не предполагают однозначных заключений. Ее радиоуглеродный путь уже начался, и сделаны первые шаги, но следует отметить, что из всех культурных образований конца средней – начала поздней бронзы Поволжья и Волго-Уралья именно ВУКГ нуждается в соответствующей поддержке археологов. Дело в том, что объективные перспективы увеличения количества датировок для волго-

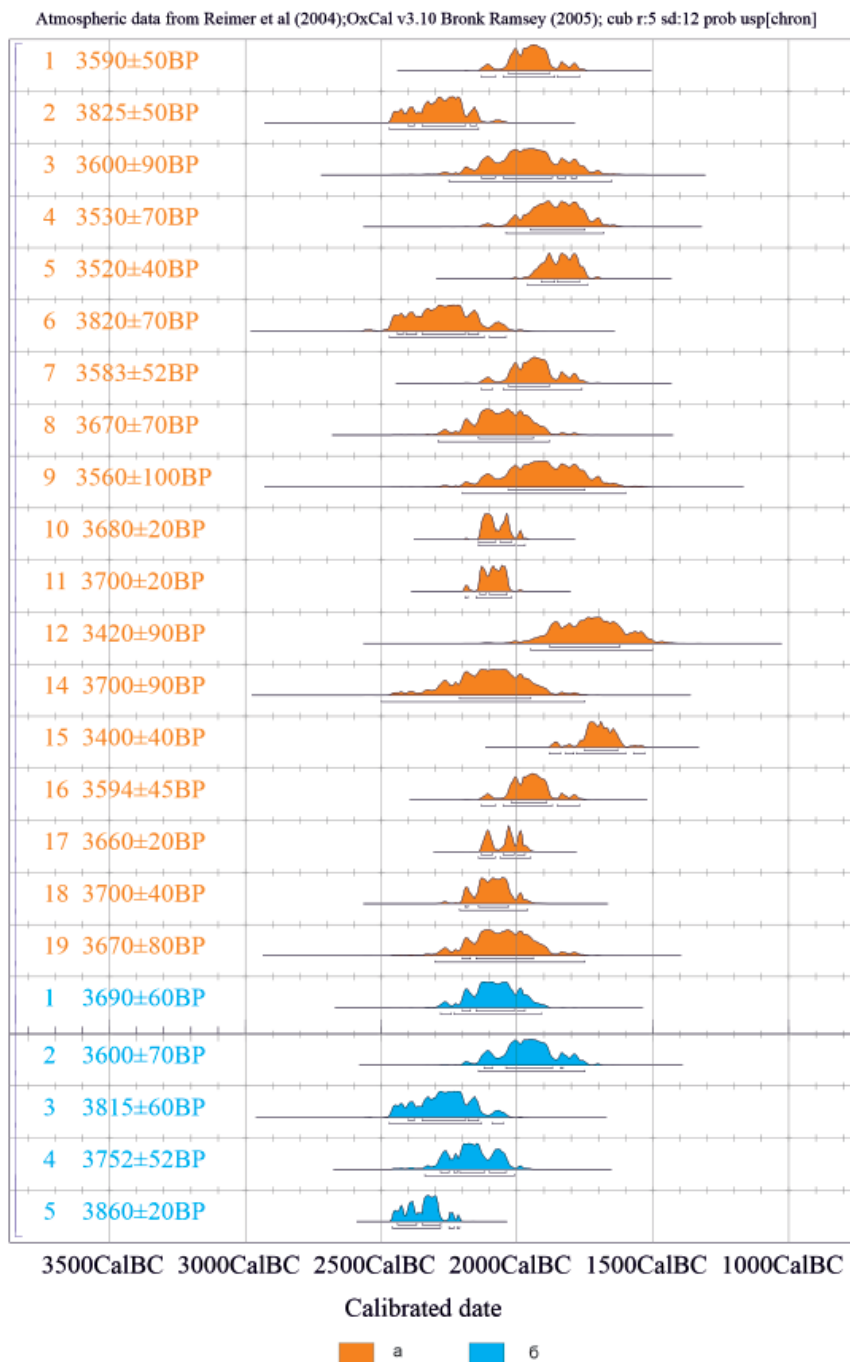

Рис. 4. Радиоуглеродные даты посткатакомбных памятников Нижнего Поволжья и Волго-Уралья: а – интервалы дат волго-донской бабинской культуры; б – интервалы дат волго-уральской культурной группы (нумерация на рисунке соответствует нумерации в табл. 1 и 2).

Fig. 4. Radiocarbon dates of the Post-Catacomb sites of the Lower Volga region and Volga-Urals: а – date intervals of the Volga-Don Babino culture; б – date intervals of the Volga-Ural cultural group (the numbering in the figure corresponds to the numbering in the tables 1 and 2).

Atmospheric data from Reimer et al (2004); OxCal v3.10 Bronk Ramsey (2005); cub r:5 sd:12 prob usp[chron]

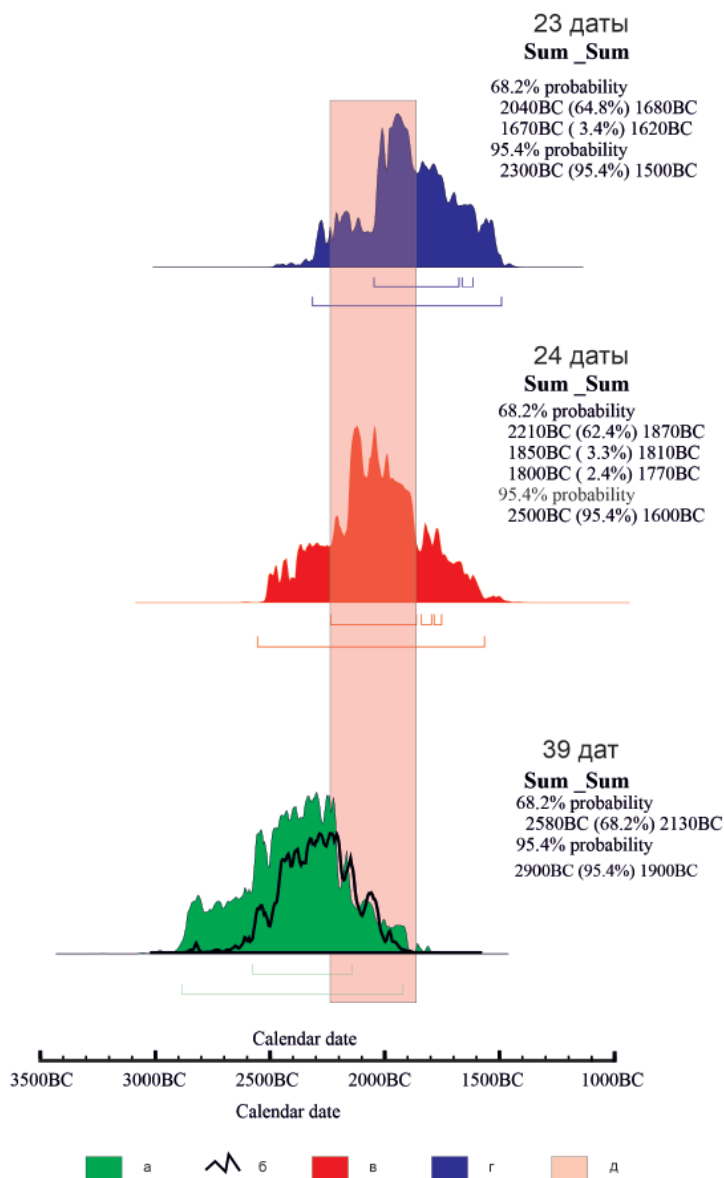

Рис. 5. Результаты суммирования радиоуглеродных дат посткатакомбных памятников Нижнего Поволжья и Волго-Уралья: а – интервал среднедонской катакомбной культуры; б – интервал погребений среднедонской катакомбной культуры из мог. Паницкое 6 в Нижнем Поволжье; в – интервал волго-донской бабинской культуры и волго-уральской культурной группы; г – интервал нижневолжских и волго-уральских колесничных культур; д – интервал с вероятностью 62,4% волго-донской бабинской культуры и волго-уральской культурной группы.

Fig. 5. The results of the summation of radiocarbon dates of the Post-Cathacomb sites in the Lower Volga region and Volga-Urals: а – interval of the Middle Don Catacomb culture; б – interval of the burials of the Middle Don Catacomb culture from burial ground Panitskoye 6 in the Lower Volga region; в – interval of the Volga-Don Babino culture and the Volga-Ural cultural group; г – interval of the Lower Volga and Volga-Ural chariot cultures; д – interval with 62.4% probability of the Volga-Don Babino culture and the Volga-Ural cultural group.

уральской группы существенно ниже, чем для других составляющих посткатакомбного блока. Во-первых, в волго-уральском регионе, прежде всего в глубинных его степях, которые и являются ядром ВУКГ, интенсивность археологических работ невысока. Во-вторых, это обстоятельство в отношении темпов пополнения как самого свода памятников, так и серии ее ^{14}C данных серьезно осложняется малочисленностью самой волго-уральской группы. Надеюсь, исследователи, занимающиеся раскопками в волго-уральском регионе, будут пристальное внимание уделять каждому новому комплексу ВУКГ, чья база данных в силу указанных объективных причин в любом случае будет пополняться, пусть и с черепашной скоростью. Только так рисуется путь наращивания до необходимого порога достоверности базы радиоуглеродных дат посткатакомбных древностей Волго-Уралья.

Отдельный интерес представляет место радиоуглеродной хронологии ВДБК и ВУКГ в системе региональных ^{14}C данных. Речь идет о сравнении серий радиоуглеродных датировок предшествующих по отношению к посткатакомбным древностям и последующих культур в Поволжье и Волго-Урале. Для более четкого представления региональной специфики были учтены ^{14}C данные только этих территорий за одним исключением.

В Нижнем Поволжье и в Волго-Урале подстилающим субстратом для посткатакомбного горизонта являлись среднедонская (левобережный вариант) и волго-донская катакомбные культуры. Есть показательные стратиграфические связи (мог. Вертячий, к. 7; Евстратовский II, к. 4; Котлубань I, к. 9; Красновский, к. 9; Петрунино II, к. 1; Усть-Погожье, к. 1; Линево, к. 8; Антонов, к. 3; Кривая Лука XXXIII, к. 4; Политотдельское-89, к. 4; Светлое Озеро, к. 7),

которые доказывают более ранний возраст катакомбных древностей по отношению в ВДБК и ВУКГ при отсутствии обратной стратиграфии. Для волго-донской катакомбной культуры радиоуглеродных определений, к сожалению, мы до сих пор не имеем. Немногим лучше дело обстоит с ^{14}C данными среднедонской катакомбной культуры Нижнего Поволжья. Для нее имеется пять корректных дат из мог. Паницкое 6 (Мимоход, 2009, с. 43). Этого явно недостаточно для сравнения, поэтому есть смысл привлечь для этой процедуры всю имеющуюся на сегодняшний день серию дат среднедонской катакомбной культуры, включая одноименный регион. Она насчитывает 39 дат (Мимоход, 2009, с. 43; Гак, 2019, табл. 3). Результаты суммирования этой серии (рис. 5: а) с вероятностью в одну сигму дают интервал 2580–2130 CalBC. Справедливости ради следует отметить, что суммирование пяти датировок среднедонской катакомбной культуры нижеволжского региона (мог. Паницкое 6) укладывается фактически в этот же диапазон – 2470–2140 CalBC (рис. 5: б).

Сравнение интервалов катакомбных древностей (рис. 5: а) и всей совокупности датировок посткатакомбных культурных образований Поволжья и Волго-Уралья (рис. 5: в) показывает, что мы имеем дело с последовательными во времени явлениями. Отрезок наложения интервалов составляет всего 80 лет, в то время как несовпадение диапазонов составляет 370 лет со стороны среднедонской катакомбной культуры и 260 лет со стороны посткатакомбных памятников. Соотношение графиков катакомбных и посткатакомбных древностей демонстрирует выраженный «эффект лестницы» (Мимоход, 2011, с. 45, 47), который надёжно документирует более ранний возраст среднедонской катакомбной культуры по отношению к ВДБК и ВУКГ (рис. 3: а, б).

Анализ археологических материалов показывает, что в Нижнем Поволжье и Волго-Уралье посткатакомбные комплексы предшествуют погребениям начала поздней бронзы покровского периода. Это надежно аргументируется серией соответствующих стратиграфических связей (Политотдельское, к. 4, 12; Линево, к. 6; Советское 1, од. кург.; Липовка, к. 1; Узморье, к. 2; Шумейка, к. 2; Перевозинка, к. 2; и др.). Причем случаи обратной стратиграфии тоже неизвестны. Вместе с раннепокровскими древностями единый хронологический горизонт в регионе составляют синташтинские и потаповские памятники. Данные по стратиграфическому соотношению последних и посткатакомбных комплексов пока нет. Для Синташты и ВУКГ есть один такой случай в знаменитом к. 25 мог. Новый Кумак. Здесь два горизонта волго-уральской группы предшествовали некрополю синташтинской культуры, устроенному в кургане в начале поздней бронзы (Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 8–18).

Для установления соотношения радиоуглеродных хронологий посткатакомбных и колесничных памятников были привлечены датировки синташтинских, покровских и потаповских комплексов Поволжья и Волго-Уралья. Серия составила 23 даты (Малов, 2001, с. 200; Моргунова и др., 2003, табл. 1; Зеленев, Юдин, 2010, с. 143; Кузнецов и др., 2018, табл. 4; Ткачев, 2020, с. 37). С вероятностью в одну сигму суммирование этих данных показывает интервал 2040–1680 CalBC (рис. 5: г). Несложно заметить, что соотношение радиоуглеродных диапазонов колесничных и посткатакомбных культурных образований Поволжья и Волго-Уралья демонстрирует принципиально ту же картину, которая получается при сравнении диапазонов среднедонской катакомбной культуры с одной стороны и ВДКБ с ВУКГ – с другой (рис. 5). Как и в пре-

дыдущем случае, речь идет о последовательной смене одного феномена (посткатакомбного) другим (колесничным). Правда, отрезок наложения здесь заметно больше и составляет уже 170 лет. При этом время несовпадения диапазонов составляет 170 лет для посткатакомбных памятников и 190 лет для колесничных. Иными словами, при сравнении графиков ВДБК/ВУКГ (рис. 5: в) с блоком Синташта – Потаповка – Покровск (рис. 5: г) мы также видим очевидный «эффект лестницы», хотя и не столь выраженный, как в случае с катакомбными и посткатакомбными комплексами, но этого вполне достаточно для констатации последовательного существования во времени рассматриваемых феноменов.

Таким образом, при сравнении радиоуглеродных интервалов культур или блоков культур, которые в хронологическом отношении следуют друг за другом, что доказывается традиционными археологическими способами, в том числе и стратиграфическим, мы в любом случае будем получать отрезки наложения между ними. Последние будут, с одной стороны, равны ошибке метода, а с другой – их протяженность напрямую зависит от количественного соотношения в сериях AMS и LSC дат. Как бы то ни было, если при сравнении графиков суммирования мы получаем ступенчатую структуру, как в нашем случае (рис. 5), то с большой долей вероятности можно утверждать, что культуры или блоки культур следуют друг за другом во времени. Более точный радиоуглеродный рубеж в отрезках перекрытия должен, видимо, находиться в его центре. Исходя из этого, следует констатировать, что катакомбные древности Поволжья и Волго-Уралья датируются в рамках XXVI–XXIII вв. до н. э., посткатакомбные – XXII–XX вв. до н. э., колесничные – XX–XVIII вв. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак Е.И. Рыкань-3. Поселение скотоводов III тыс. до н. э. в лесостепном Подонье. М., 2019. 172 с.
2. Зеленев Ю.А., Юдин А.И. Курган у села Дубовый Гай // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам раскопок 2005–2006 гг.) / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2010. С. 134–155.
3. Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Потаповские комплексы курганов могильника Грачевка II // Бронзовый век. Эпоха героев / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара, 2012. С. 37–82.
4. Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Хохлов А.А., Энтони Д.У. Грачевские курганы. Археология, антропология, геномный анализ. Самара: СГСПУ, 2018. 195 с.
5. Кушцова Л.В., Евгеньев А.А. Погребения эпохи бронзы II курганного могильника у с. Второе Имангулово (Оренбургское Приуралье) // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 49–60.
6. Литвиненко Р.А. Культурный круг Бабино: название, таксономия, структура // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 108–123.
7. Малов Н.М. Культуры эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы» 23–28 апреля 2001 г. / Отв. ред. Ю.И. Колесв. Самара: СГСПУ, 2001. С. 199–202.
8. Mimoход Р.А. «Загадочные» сидячие захоронения бронзового века в Волго-Уралье // РА. 2021б. № 3. С. 52–66.
9. Mimoход Р.А. Посткатакомбные памятники // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 316–338.
10. Mimoход Р.А. Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э. // РА. 2018а. № 2. С. 33–48.
11. Mimoход Р.А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.: Таус, 2009. 292 с.
12. Mimoход Р.А. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 28–53.
13. Mimoход Р.А. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 100–119.
14. Mimoход Р.А. Блок посткатакомбных культурных образований в Восточной Европе: структура и содержание // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения / Отв. ред. М.Х. Багаев, Х.М. Мамаев. Грозный: Изд-во Чеченского государственного университета, 2016. С. 45–47.
15. Mimoход Р.А. Посткатакомбный период в Волго-Уральском регионе // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 140–144.
16. Mimoход Р.А. Хронология и периодизация волго-донской бабинской культуры // Вопросы археологии Поволжья / Вопросы археологии Поволжья. Вып. 9 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара, 2021а. С. 69–91.
17. Mimoход Р.А. Десять лет спустя или радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований в свете новых данных // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона: культурные процессы и взаимодействия (к 100-летию со дня рождения Н.Я. Мерперта) / Отв. ред. А.Н. Гей. М.: ИА РАН, 2022а. С. 70–73.
18. Mimoход Р.А. Штурм Ливенцовско-Каратаевской крепости: война миров или война внутри мира // КСИА. 2022. Вып. 266. С. 79–96.
19. Mimoход Р.А., Гак Е.И., Хомутова Т.Э., Рябогина Н.Е., Борисов А.В. Палеоэкология–культурогенез–металлопроизводство: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве юга Восточной Европы в конце средней–начале поздней бронзы // РА. 2022. № 1. С. 20–34.

20. Моргунова Н.Л., Хохлова О.С., Зайцева Г.И., Чичагова О.А., Гольева А.А. Результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников Южного Зауралья // Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. С. 264–274.

21. Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 82 с.

22. Ткачев В.В. Радиоуглеродная хронология памятников синташтинской культуры в степном Приуралье // РА. 2020. № 2. С. 31–44.

Информация об авторе:

Мимоход Роман Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); научный сотрудник, ИФХиБПП РАН (г. Пущино, Россия); mimokhod@gmail.com

¹⁴C DATA OF POST-CATACOMB SITES IN THE VOLGA REGION AND THE VOLGA-URALS IN THE CONTEXT OF REGIONAL RADIOCARBON CHRONOLOGY

R.A. Mimokhod

Issues of radiocarbon chronology of Post-Catacomb cultural communities of the Volga region and Volga-Urals are considered in the article. They are represented by sites of the Volga-Don Babino culture and the Volga-Ural cultural group, which went through two completely synchronous stages in their development. The ¹⁴C data analysis makes it possible to date the Post-Catacomb antiquities in these regions within the 22nd–20th centuries BC. Comparison of the radiocarbon dates of the Volga-Don Babino culture and the Volga-Ural cultural group with the dates of the Middle Don Catacomb culture of the Middle Bronze Age and chariot cultural communities of the early Late Bronze Age shows that the Post-Catacomb sites followed the Catacomb ones and preceded the Pokrovka, Potapovka, and Sintashta antiquities.

Keywords: archaeology, radiocarbon dates, Volga-Don Babino culture, Volga-Ural cultural group, Middle Don Catacomb culture, chariot cultures, periodization, chronology.

REFERENCES

1. Gak, E. I. 2019. *Rykan'-3. Poselenie skotovodov III tys. do n.e. v lesostepnom Podon'e (Rykan'-3. The settlement of the 3rd millennium BC pastoralists in the forest-steppe Don region)*. Moscow: GIM Publ. (in Russian).
2. Zelenev, Yu. A., Yudin, A. I. 2010. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Saratovskogo Pravoberezh'ya: ot ranney bronzy do srednevekov'ya (po materialam issledovaniy v 2005–2006 gg.) (Archaeological Sites of the Saratov Volga Right Bank: from the Early Bronze Age to the Middle Ages (Based on Study Materials of 2005–2006))*. Saratov: "Nauchnaya kniga" Publ., 134–155 (in Russian).
3. Kuznetsov, P. F., Mochalov, O. D. 2012. In Turetskiy, M. A. (ed.). *Bronzovyy vek. Epokha geroev (The Bronze Age. The Age of Heroes)*. Samara, 37–82 (in Russian).
4. Kuznetsov, P. F., Mochalov, O. D., Khokhlov, A. A., Entoni, D. U. 2018. *Grachevskie kurgany. Arkheologiya, antropologiya, genomnyy analiz (Grachevsky barrows. Archaeology, anthropology, genomic analysis)*. Samara: Samara State Pedagogical University Publ. (in Russian).
5. Kuptsova, L. V., Evgen'ev, A. A. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 39 (1), 49–60 (in Russian).
6. Litvinenko, R. A. 2011. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 225, 108–123 (in Russian).
7. Malov, N. M., 2001. In Kolev, Yu. I. (ed.). *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya (Bronze Age of Eastern Europe: Characteristics of Cultures, Chronology and Periodization)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 199–202 (in Russian).
8. Mimokhod, R. A. 2009. *Kurgany epokhi bronzy – rannego zheleznoogo veka v saratovskom Povolzh'e: kharakteristika i kul'turno-khronologicheskaya atributsiya kompleksov (Barrows of the Bronze Age – Early Iron Age in the Saratov Volga Region: Characteristics and Cultural-Chronological Attribution of the Complexes)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).
9. Mimokhod, R. A. 2011. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 225, 28–53 (in Russian).

The study was funded by RSF grant No. 19-18-00406.

10. Mimokhod, R. A. 2014. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 232, 100–119 (in Russian).
11. Mimokhod, R. A. 2016. In Bagaev, M. Kh., Mamaev, Kh. M. (eds.). *Izuchenie i sokhranenie arkheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie chteniya (Study and Preservation of Archaeological Heritage of the Peoples of Caucasus. The 29th Krupnov's Reading)*. Grozny: Chechen State University Publ., 45–47 (in Russian).
12. Mimokhod, R. A. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 140–144 (in Russian).
13. Mimokhod, R. A. 2018. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 33–48 (in Russian).
14. Mimokhod R.A. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyy vek (Eneolithic and Bronze Age) Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2*. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 222–235 (in Russian).
15. Mimokhod, R. A. 2021. In Turetskiy, M. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 9. Samara: "Slovo", 69–91 (in Russian).
16. Mimokhod, R. A. 2021. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 3, 52–66 (in Russian).
17. Mimokhod, R. A. 2022. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 266, 79–96 (in Russian).
18. Mimokhod, R. A. 2022. In Gey, A. N. (ed.). *Eneolit i bronzovyy vek Tsirkumpontiyanskogo regiona: kul'turnye protsessy i vzaimodeystviya (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya N.Ya. Merperta) (The Eneolithic and the Bronze Age of the Circumpont Region: cultural processes and interactions (to the 100th anniversary of the birth of N.Y. Merbert))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 70–73 (in Russian).
19. Mimokhod, R. A., Gak, E. I., Khomutova, T. E., Ryabogina, N. E., Borisov, A. V. 2022. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 1, 20–34 (in Russian).
20. Morgunova, N. L., Khokhlova, O. S., Zaytseva, G. I., Chichagova, O. A., Gol'eva, A. A. 2003. In Morgunova, N. L. (ed.). *Shumaevskie kurgany (Shumaevo barrows)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 264–274 (in Russian).
21. Smirnov, K. F., Kuz'mina, E. E. 1977. *Proiskhozhdenie indoirantsev v svete noveishikh arkheologicheskikh otkrytii (The origin of the Indo-Iranian peoples in the light of the latest archaeological discoveries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
22. Tkachev V.V. 2020. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 1, 31–44 (in Russian).

About the Author:

Mimokhod Roman A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; Institute of Physical-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences. Institutskaya St., 2, Pushchino, 142290, Moscow Oblast, Russian Federation; mimokhod@gmail.com

Статья принята к публикации 01.03.2023 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2023.1.43.40.53>

О КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАНФИЛОВСКОЙ СТОЯНКИ

© 2023 г. В.В. Ставицкий, В.В. Морозов

В статье анализируются материалы, хранящиеся в фондах Государственного исторического музея. По результатам раскопок этой стоянки В.А. Городцовым была выделена панфиловская археологическая культура, отнесенная им к палеометаллической эпохе, которую он датировал второй половиной III тыс. до н. э. Данный вывод был оспорен А.Я. Брюсовым, который отнес панфиловские древности к позднему этапу развития волосовской культуры. Его точка зрения, поддержанная другими исследователями, долгое время сохраняла свою актуальность. В.П. Третьяковым энеолитическая керамика стоянки была разделена на посуду раннего и позднего этапов. Исследования авторов материалов Панфиловской стоянки показали, что к волосовской культуре принадлежит только керамика, отнесенная В.П. Третьяковым к ранней группе. Остальная посуда относится к имерской культуре, испытавшей определенной воздействие волосовских керамических традиций. Радиоуглеродные даты имерского поселения Волгапино свидетельствуют о том, что хронология памятника, предложенная В.А. Городцовым, достаточно реалистична.

Ключевые слова: археология, энеолит, Русская равнина, Панфиловская стоянка, периодизация, волосовская культура, имерская культура, последняя треть III тыс. до н. э.

Материалы, методы и результаты исследований.

В 1924 г. В.А. Городцовым была раскопана Панфиловская стоянка (рис. 1), на материалах которой была выделена особая панфиловская культура, по находкам ряда медных предметов отнесенная им к палеометаллической эпохе (Городцов, 1926, с. 13). Период существования стоянки был определен второй половиной III тыс. до н. э. На это время, по его мнению, указывало наличие определенных аналогий медному клину в северокавказских древностях, а треугольному наконечнику – кремневой стрелы в материалах донецких катакомбных погребений, с посудой которых совпала и профилировка ряда панфиловских сосудов (Городцов, 1926, с. 18).

Однако данная хронология, как и выделение особой панфиловской культуры, были оспорены А.Я. Брюсовым, который синхронизировал панфиловские материалы с поздним этапом существования Волосовской стоянки. В качестве одного из аргументов их синхронизации он рассматривал находки сверленных шлифован-

ных топоров (Брюсов, 1952, с. 78), не учитывая того факта, что в отличие от Волосовской стоянки в Панфилово подобный топор был найден в закрытом комплексе – очаге землянки. Точка зрения А.Я. Брюсова была поддержана И.К. Цветковой, которая отнесла энеолитическую керамику стоянки ко второму периоду волосовской культуры (Цветкова, 1953).

Энеолитическая керамика Панфиловской стоянки, хранящаяся в ГИМ, в 1967 г. была проанализирована В.П. Третьяковым, который разделил её на два комплекса. К первому была отнесена керамика с примесью в тесте раковины с прямыми или отогнутыми наружу венчиками и уплотненными днищами, ко второму – керамика с органическими примесями, Г-образными венчиками и плоскими днищами. Было выделено 25 мотивов орнамента, девять из которых были общими для обеих групп. К отличительным признакам первой группы посуды им были отнесены: мотивы из коротких оттисков зубчатого штампа, композиции из рядов овальных оттисков штампа в сочетании с горизон-

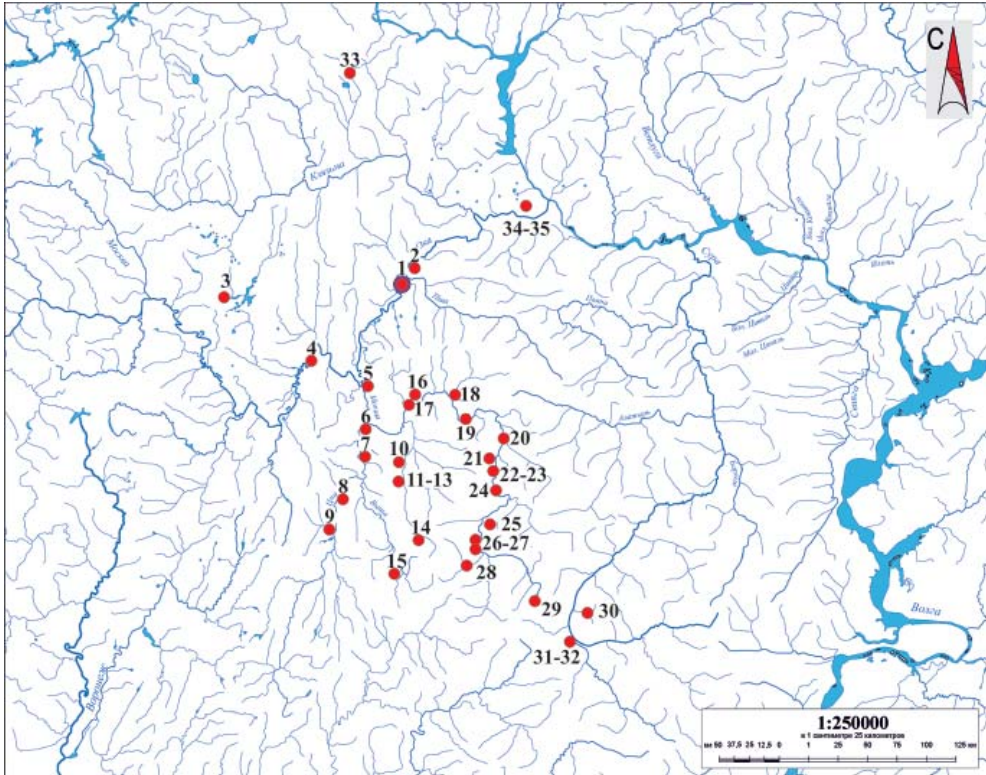

Рис. 1. Карта памятников имеркской культуры: 1 – Панфилово; 2 – Садовый бор; 3 – Черная гора; 4 – Ибердус; 5 – Лебяжий Бор VI; 6 – Мыс Доброй Надежды; 7 – Сорга; 8 – Засичное I; 9 – Цигуров Бугор; 10 – Киселевка; 11–13 – Имерка V, VI, VIII; 14 – Ширингуши; 15 – Земетчино; 16 – Шиromасово II; 17 – Шиromасово I; 18 – Нижний Сатис; 19 – Алкаево; 20 – Клюквенный 4; 21 – Новый Усад IV; 22–23 – Машкино VI, X; 24 – Волгапино; 25 – Азарапино; 26 – Озименки I; 27 – Потодеево; 28 – Большой Колояр; 29 – Скачки; 30 – Екатериновка; 31–32 – Грабово I, III; 33 – Ивановская IV; 34–35 – Гаврилово III, IV.

Fig. 1. Map of the Imeretian culture sites: 1 – Panfilovo; 2 – Sadovy Bor; 3 – Chernaya Gora; 4 – Iberdus; 5 – Lebyazhy Bor VI; 6 – Mys Dobroi Nadezhdy; 7 – Sorgia; 8 – Zasicnoye I; 9 – Tsigurov Bugar; 10 – Kiselevka; 11–13 – Imerka V, VI, VIII; 14 – Shiringushi; 15 – Zemetchino; 16 – Shiromasovo II; 17 – Shiromasovo I; 18 – Nizhny Satis; 19 – Alkaevo; 20 – Kliukvenny 4; 21 – Novy Usad IV; 22–23 – Mashkino VI, X; 24 – Volgapino; 25 – Azarapino; 26 – Ozimenki I; 27 – Potodeevo; 28 – Bolshoi Koloyar; 29 – Skachki; 30 – Yekaterinovka; 31–32 – Grabovo I, III; 33 – Ivanovskaya IV; 34–35 – Gavrillovo III, IV.

тальными линиями, зигзаги из коротких и длинных отпечатков гребенки, треугольники, реже кресты и лесенка. Для второй группы характерны узоры в виде елочки со стеблем из оттисков штампа, прочерченных линий и ямок, композиции из наклонных прочерченных линий, ямчатых вдавлений в шахматном порядке, вертикальный зигзаг из оттисков штампа, узоры из многорядных зигзагообразных ли-

ний. Керамика первого комплекса из-за наличия более древней раковинной примеси (согласно точке зрения А.Я. Брюсова и И.К. Цветковой) была признана более ранней, а посуда второго комплекса по наличию плоских днищ и профилированных венчиков – более поздней (Третьяков, 1967, с. 232–233). Впоследствии первый комплекс Панфиловской стоянки был отнесен им ко второму этапу

волосовской культуры, а второй – к пятому, завершающему (Третьяков, 1990, с. 20–25).

Материалы Панфиловской стоянки, хранящиеся в Муромском музее, были использованы А.Х. Халиковым при разработке периодизации волосовской культуры. Панфиловские плоскодонные сосуды с Г-образными венчиками, украшенные оттисками крупнозубчатого и среднезубчатого штампов, отпечатками шнура и прочерченными линиями были отнесены им к позднему этапу волосовской культуры и вместе с материалами стоянки Садовый Бор датированы второй четвертью II тыс. до н. э. (Халиков, 1969, с. 134–135, табл. Г; с. 156, рис. 40: 8–10, 12). Точка зрения В.П. Третьякова о выделении панфиловской керамики с раковинной примесью в ранний комплекс не была поддержана А.Х. Халиковым. Он обратил внимание, что на Панфиловской стоянке степень сохранности раковины в тесте зависит от насыщенности слоя гумусом, который замедляет процесс выщелачивания раковин. Поэтому в слабо насыщенном гумусом слое раковина сохраняется значительно хуже и не фиксируется при осмотре (Халиков, 1969, с. 161–162).

К заключительному (панфиловскому) этапу волосовской культуры Панфиловская стоянка была отнесена и О.Н. Бадером. Характерными признаками данного этапа он считал появление сосудов с плоскими днищами и гофрированными венчиками, ухудшение обработки кремня, увеличение числа металлических орудий, появление наконечников стрел подтреугольной формы с усеченным основанием, увеличение количества фигурных кремней, а также распространение животноводства, о котором, по его мнению, свидетельствовали находки костей домашней свиньи на Панфиловской стоянке (Бадер, 1970, с. 31). Стоянка была датирована О.Н. Баде-

ром временем не ранее XV до н. э. Основанием для этого послужила находка подтреугольного наконечника с усеченным основанием, которые, по его мнению, появляются на Оке только в поздняяковское время (Бадер, 1970, с. 33).

Таким образом, несмотря на столетнюю историю изучения Панфиловской стоянки, культурно-хронологический статус её материалов по-прежнему носит дискуссионный характер. Поэтому авторами статьи было принято решение обработать материалы Панфиловской стоянки, хранящиеся в Государственном историческом музее, где они представлены коллекцией керамики и кремневых орудий из раскопок В.А. Городцова и И.К. Цветковой. При этом основное внимание было уделено керамике, поскольку культурная принадлежность кремневых орудий не всегда очевидна.

Знакомство с музейной коллекцией подтвердило точку зрения В.П. Третьякова, что энеолитическая керамика стоянки подразделяется на две группы, однако не по всем критериям, которые им были использованы. Два комплекса керамики были выделены В.П. Третьяковым по примесям в тесте, а справедливость подобного членения была подтверждена различием в орнаментальных мотивах. Однако достаточно большое количество мотивов, общих для обеих групп керамики (36%), на наш взгляд, свидетельствует, что они выделены не совсем корректно. Одной из причин этого, видимо, является факт, на который обратил внимание А.Х. Халиков. У части фрагментов, залежавших в слабо гумусированном слое, раковинная примесь оказалась выщелочена, из-за чего при осмотре они могли быть отнесены в группу керамики с органической примесью. Кроме того, не была учтена техника нанесения орнамента, которая в данном случае

Рис. 2. Керамика волосовской культуры из раскопок В.А. Городцова (1924 г.) и И.К. Цветковой (1950 г.). 1–12 – Венчики от сосудов. Фонды ГИМ.

Fig. 2. Ceramics of the Volosovo culture from the excavations of V.A. Gorodtsov (1924) and I.K. Tsvetkova (1950). 1–12 – corollas from vessels. State Historical Museum funds.

играет более важную роль, нежели орнаментальные композиции. С учетом данных поправок нами были выделены следующие группы керамики. В первую группу вошла практически вся керамика, в тесте которой визуаль-

прослеживались включения раковины. Она была преимущественно орнаментирована отпечатками гребенчатого штампа различной формы: крупнозубчатого, среднезубчатого, спаренного, рамчатого. Отпечатками штампа

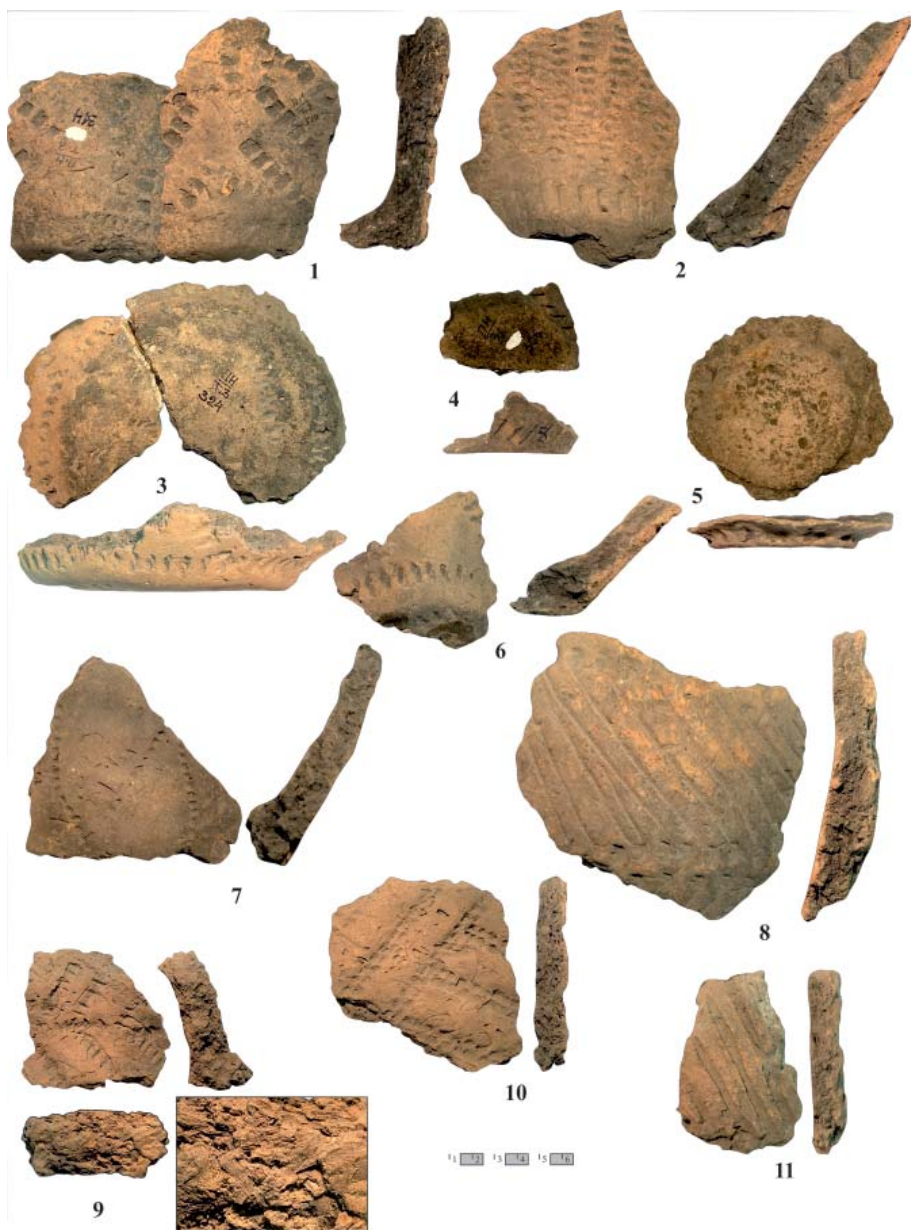

Рис. 3. Керамика из раскопок В.А. Городцова (1924 г.) и И.К. Цветковой (1950 г.).
1–11 – стенки, придонные части и донца от сосудов. Фонды ГИМ.

Fig. 3. Ceramics from the excavations of V.A. Gorodtsov (1924) and I.K. Tsvetkova (1950).
1–11 – walls, bottom parts and bottoms from vessels. State Historical Museum funds.

обычно орнаментированы и срезы венчиков, срез которых уплощенный либо округлый (рис. 2). К этой же группе относится и большая часть керамики, на которой, по наблюдениям В.П. Третьякова, присутствуют моти-

вы орнамента, являющиеся общими для выделенных им групп. Это зигзагообразные линии (иногда сдвоенные), выполненные гребенчатым штампом, «сетка» из оттисков гребенки, мотивы «шагающей гребенки»

Рис. 4. Керамика имеркской культуры из раскопок В.А. Городцова (1924 г.).
1–12 – венчики от сосудов. Фонды ГИМ.

Fig. 4. Ceramics of the Imerka culture from the excavations of V.A. Gorodtsov (1924).
1–12 – rims of vessels. State Historical Museum funds.

(Третьяков, 1967, с. 234–235, рис. 1: 6–12). Подобная керамика находит достаточно близкие аналоги в волосовской посуде со стоянок бассейна Средней и Нижней Оки. Керамика этой группы преобладает в материа-

лах из раскопок И.К. Цветковой, среди Городцовских материалов – она немногочисленна. В.П. Третьяков отнес эту керамику к ранневолосовской, а И.К. Цветкова – к волосовским древностям второго (развитого) этапа. По

Рис. 5. Керамика из раскопок В.А. Городцова (1924 г.).
1–13 – венчики от сосудов. Фонды ГИМ.

Fig. 5. Ceramics from the excavations of V.A. Gorodtsov (1924).
1–13 – rims of vessels. State Historical Museum funds.

коллекции, хранящейся в ГИМ, нельзя дать однозначного ответа на этот вопрос. Данная керамика происходит из слоя, который был разрушен при рытье котлованов жилищ, построенных носителями второй группы керамики.

Её более точную хронологическую позицию установить невозможно.

Керамика второй группы содержит в тесте органические примеси, иногда на её стенках заметны отпечатки выгоревшей растительности, пуха и

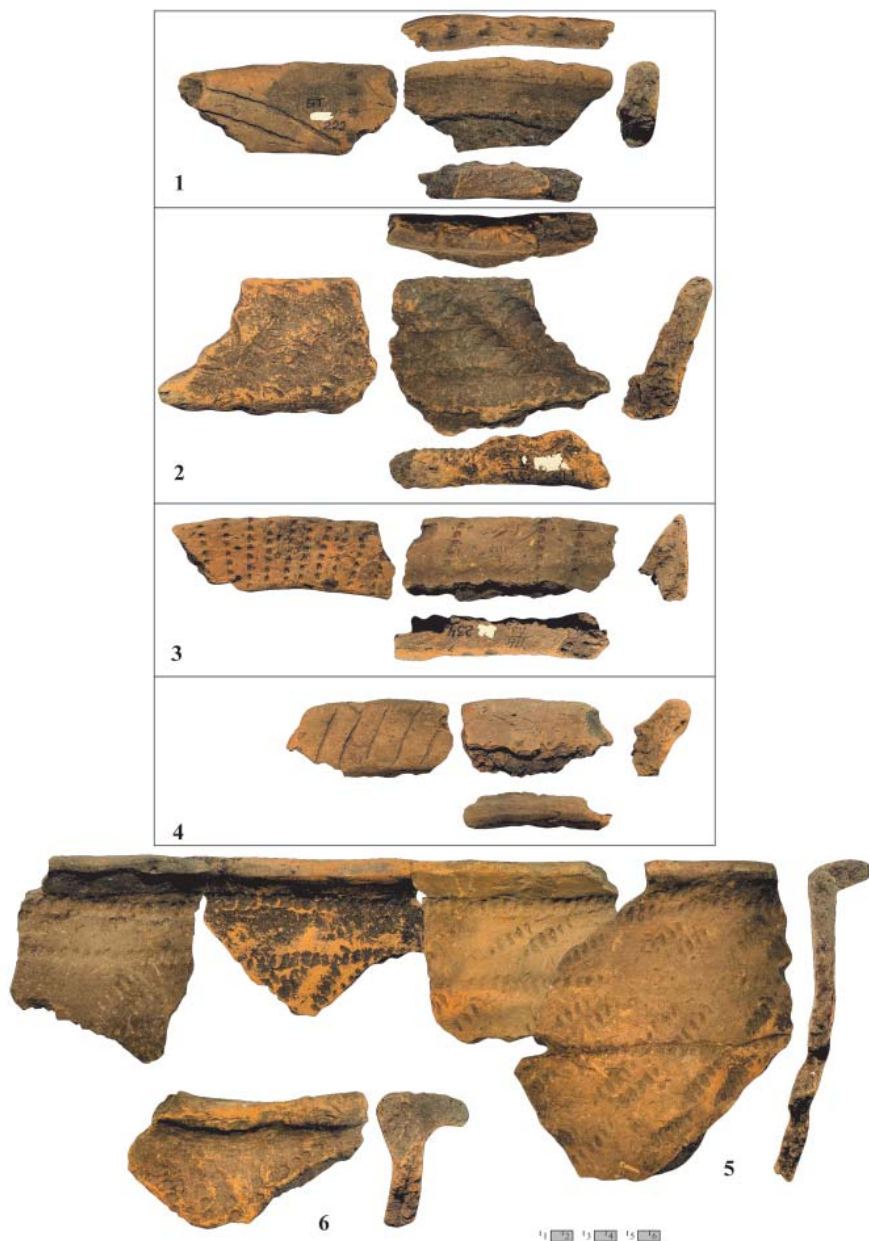

Рис. 6. Фрагменты керамических тиглей и венчики сосудов из раскопок В.А. Городцова (1924 г.). Фонды ГИМ.

Fig. 6. Fragments of ceramic crucibles and rims of vessels from the excavations of V.A. Gorodtsov (1924). State Historical Museum funds..

перьев. В орнаментации широко используются зоны, состоящие из наклонных прочерченных линий, разделенных оттисками короткого штампа или прямоугольных вдавлений с гладким дном (рис. 3: 8), иногда они обра-

зуют геометрические фигуры (рис. 5: 12). Ряд сосудов украшен отпечатками палочки, обмотанной перевитой веревочкой (рис. 4: 7, 8, 11; 6: 5), рядами коротких ногтевидных вдавлений (рис. 5: 1, 2, 7) либо вдавлениями слу-

Рис. 7. Керамика имеркской культуры из раскопок И.К. Цветковой (1950 г.).
1–7 – венчики от сосудов. Фонды ГИМ.

Fig. 7. Ceramics of the Imerka culture from the excavations of I.K. Tsvetkova (1950).
1–7 – rims of vessels. State Historical Museum funds.

чайной формы (рис. 5: 13). Сравнительно редко встречаются отпечатки крупного зубчатого штампа. Некоторые сосуды не имеют орнамента (рис. 4: 5, 9, 10, 12). Большинство венчиков имеют изнутри характерный наплыв овальной формы (рис. 4: 12; 5: 1–3, 12; 7: 5), который на ряде сосудов за счет уплощенности среза венчи-

ка приобретает треугольную форму (рис. 4, 1; 5: 5, 9). Встречаются венчики и без наплыва, которые за счет отогнутости верхнего края имеют Г-образные очертания (рис. 6: 5). У некоторых сосудов горло гофрированное (рис. 4: 2, 4, 5). Все сохранившиеся днища плоские, нередко очень малого диаметра (рис. 3: 1–7, 9). Их

Рис. 8. 1 – фигурный кремль, 2–4 – обработанные ретушью белемниты, 5–23, 26 – наконечники стрел, 24 – наконечник дротика, 25 – сверло, 27 – комбинированное орудие. Фонды ГИМ.

Fig.8. 1 – figured flint, 2–4 – retouched belemnites, 5–23, 26 – arrowheads, 24 – darthead, 25 – drill, 27 – combined tool. State Historical Museum funds.

придонная часть обычно орнаментирована. Выделяется группа сосудов с низким (2–3 см) туловом, которые, видимо, использовались в качестве тиглей (рис. 6: 1–4). О том, что на стоянке осуществлялась выплавка метал-

ла, свидетельствуют находки шлакированной керамики.

Данная группа керамики носит синкретический характер, однако наиболее явно в ней просматриваются признаки имеркской энеолити-

ческой культуры. Прежде всего они проявляются в характерной форме венчиков с традиционным для имеркской керамики наплывом, в широком использовании прочерченного орнамента, образующего типично имеркские композиции. Для имеркской посуды не характерно использование длинного зубчатого штампа и отпечатков веревочки. Однако подобные элементы орнамента эпизодически встречаются на имеркской керамике поселения Лебяжий Бор VI (Королев, Ставицкий, 2006, с. 129, рис. 86: 1, 2, 4, 8). Крупными зубчатыми отпечатками украшены венчики имеркской керамики поселения Широмазово I (Королев, Ставицкий, 1996, с. 128, рис. 85: 14). Гофрированные венчики на имеркских поселениях ранее известны не были, однако технология изготовления и форма этих сосудов не оставляют сомнений в их имеркской принадлежности. Следует отметить, что на территории Прикамья гофрированные венчики получают достаточно широкое распространение на посуде позднегаринского типа (Мельничук, Шипилов, 2021, с. 202). В Марийском Поволжье венчики с волнистым (гофрированным) краем встречаются на посуде юринского типа (Никитин, 2021, с. 179), одним из компонентов которой, на наш взгляд, являются древности катакомбно-лбищенского облика. На Екатерининском поселении на Верхней Суре, расположенном на высоком мысовидном выступе второй надпойменной террасы, было зафиксировано совместное залегание данных материалов с имеркской керамикой (Ставицкий, 2006, с. 35–36).

Следует также отметить, что панфиловская посуда не обладает полным перечнем признаков имеркской культуры. В частности, здесь совершенно отсутствуют конические формы днищ, которые имеются в большинстве представительных коллекций

имеркской керамики (Королев, Ставицкий, 2021, с. 211–214). Возможно, это является хронологическим признаком. Кроме того, прослеживается существенное волосовское воздействие, что проявляется в широком использовании зубчатого штампа.

При анализе кремневого инвентаря практически все исследователи особое внимание уделяли наконечникам стрел, тщательность отделки которых противоречит мнению О.Н. Бадера об ухудшении техники обработки кремня в период существования Панфиловской стоянки. Преобладающими являются подромбические, листовидные и треугольно-черешковые формы (рис. 8: 5–23). Особенный интерес представляют два наконечника: треугольный и черешковый четырехшипный (рис. 8: 15, 20). Как отмечалось выше, О.Н. Бадер не согласился с мнением В.А. Городцова о возможных катакомбных истоках треугольного наконечника, полагая, что в бассейне Оки такие формы появляются только на поздняковских памятниках, и относил их к сейминскому хронологическому горизонту (Бадер, 1970, с. 33). Однако на поздняковских памятниках подобные формы единичны, для них более характерны треугольно-черешковые наконечники с выделенными шипами, время появления которых действительно относится к сейминскому горизонту. Они, например, хорошо представлены в материалах могильника Лебяжий Бор, где, кстати, в первом погребении кургана 26 был найден и четырехшипный наконечник (Ставицкий, Королев, 2021, с. 516, рис. 5). Треугольные наконечники катакомбной культуры обычно имеют выемчатое основание, тем не менее на Пензенской стоянке на Верхней Суре, где присутствует катакомбная керамика, были найдены и треугольные наконечники, практически аналогичные панфиловскому (Ставицкий, 2005, с. 17–34).

Заключение. Датируя выделенную им панфиловскую культуру второй половиной III тыс. до н. э., В.А. Городцов сакраментально заметил, что «это определение настолько верно, насколько верны современные знания русской археологии» (Городцов, 1926, с. 16). Однако данная хронология и выделенная им панфиловская культура не получили признания. Между тем, как стало ясно теперь, В.А. Городцов был значительно ближе к истине, чем его оппоненты. Поскольку полученные им при исследованиях материалы действительно не относятся к волосовской культуре. После раскопок А.А. Выборнова и В.П. Третьякова стоянки на озере Имерка по-

добные материалы были выделены в особую имеркскую культуру. Предложенная В.А. Городцовым хронология долгое время казалась всем слишком удревненной, однако с учетом того что имеркские древности приходят на смену волосовским, городцовская дата представляется достаточно реалистичной. Согласно калиброванным датам, полученным по почве из ям поселения Волгапино (ГИН 9417) 3550 ± 120 BP, 2205–1605 calBC; (ГИН 9418) 3750 ± 70 BP, 2351–1953 calBC, нижний предел существования имеркской культуры приходится на последнюю треть III тыс. до н. э. (Королев, Ставицкий, 2021, с. 208).

Благодарности: Авторы выражают благодарность Азарову Евгению Сергеевичу, заведующему сектором отдела археологических памятников Государственного исторического музея, за возможность ознакомиться с коллекцией Панфиловской стоянки, а также сотрудникам Муромского историко-художественного музея за возможность использования в публикации фотографий каменных орудий Панфиловской стоянки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. 176 с.
2. Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: АН СССР, 1952. 264 с.
3. Городцов В.А. Панфиловская палеометаллическая стоянка // Материалы по изучению Владимирской губернии / Труды Владимирского государственного областного музея. Вып. 2 / Ред. А.И. Иванов. Владимир: Призыв, 1926. С. 3–20.
4. Королев А.И., Ставицкий В.В. Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза: ПГПУ, 2006. 202 с.
5. Королев А.И., Ставицкий В.В. Имеркская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 208–221.
6. Мельничук А.Ф., Шипилов А.В. Гаринская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 195–207.
7. Никитин В.В. Средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности (майданская культура) // Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 164–186.
8. Ставицкий В.В. Динамика взаимодействия культур раннего бронзового века волго-донской лесостепи // РА. 2006. № 1. С. 31–43.
9. Ставицкий В.В. Памятники катакомбной культуры Сурско-Мокшанского междуречья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2005. С. 17–34.
10. Ставицкий В.В., Королев А.И. Поздняковская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 509–521.
11. Третьяков В.П. Волосовская керамика Панфиловской стоянки // СА. 1967. № 1. С. 233–235.

12. Третьяков В.П. Волосовские племена в Европейской части СССР в III–II тыс. до н. э. Л.: ИА РАН, 1990. 212 с.

13. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

14. Цветкова И.К. Волосовские неолитические племена // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. XXII / Ред. А.Я. Брюсов. М.: Госкультпросветиздат, 1953. С. 21–51.

Информация об авторах:

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, профессор. Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); stawiczky.v@yandex.ru

Морозов Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, директор ООО «Археология Восточно-Европейской равнины» (г. Москва, Россия); vikromolot@mail.ru

ON THE CULTURAL ATTRIBUTION OF THE PANFILOVO SITE

V.V. Stavitsky, V.V. Morozov

The authors analyze the materials kept in the collections of the State Historical Museum. According to the results of excavations of the site V.A. Gorodtsov singled out the Panfilovo archaeological culture, which he attributed to the Paleometallic period and dated to the second half of the III millennium BC. This conclusion was disputed by A.Ya. Brusov, who attributed the Panfilovo antiquities to the late stage of the Volosovo culture. His point of view, supported by other researchers, has long kept its relevance. V.P. Tretyakov divided Eneolithic pottery of the site into early and late stages. Author's study of the Panfilovo site materials showed that only the ceramics of the early stage belongs to the Volosovo culture, attributed by V.P. Tretyakov to the early group. The rest of the pottery belongs to the Imerka culture, which accepted a certain influence from the Volosovo traditions. The radiocarbon dates of the Imerka settlement of Volgapino indicate that the chronology of the site proposed by V.A. Gorodtsov is quite realistic.

Keywords: archaeology, Eneolithic, Russian Plain, Panfilovo site, periodization, Volosovo culture, Imerka culture, last third of the III millennium.

REFERENCES

1. Bader, O. N. 1970. *Bassein Oki v epokhu bronzы (Oka River Basin in the Bronze Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Bryusov, A. Ya. 1952. *Ocherki po istorii plemen Evropeyskoy chasti SSSR v neoliticheskuyu epokhu (Essays on the history of the tribes of the European part of the USSR during the Neolithic period)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
3. Gorodtsov, V. A. 1926. In Ivanov, A. I. (ed.). *Materialy po izucheniyu Vladimirskoy gubernii (Materials on the study of the Vladimir province)*. Trudy Vladimirskogo gosudarstvennogo oblastnogo muzeya (Proceedings of the Vladimir State Regional Museum) 2. Vladimir: "Prizyv" Publ., 3–20 (in Russian).
4. Korolev, A. I., Stavitskiy, V. V. 2006. *Primokshan'e v epokhu rannego metalla (The Moksha Region during the Early Metal Period)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).
5. Korolev, A. I., Stavitskiy, V. V. 2021. In Sitdikov, A. G.; Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyy vek (Eneolithic and Bronze Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 208–221 (in Russian).
6. Mel'nichuk, A. F., Shipilov, A. V. 2021. In Sitdikov, A. G.; Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyy vek (Eneolithic and Bronze Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 195–207 (in Russian).
7. Nikitin, V. V. 2021. In Sitdikov, A. G.; Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyy vek (Eneolithic and Bronze Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 164–186 (in Russian).
8. Stavitskiy, V. V. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 31–40 (in Russian).
9. Stavitskiy, V. V. 2005. In Skripkin, A. S. (ed.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 7. Volgograd: Volgograd State University, 17–34 (in Russian).
10. Stavitskiy, V. V., Korolev, A. I. 2021. In Sitdikov, A. G.; Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyy vek (Eneolithic and Bronze Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 509–521 (in Russian).

11. Tret'iakov, V. P. 1967. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 233–235 (in Russian).
12. Tret'iakov, V. P. 1990. *Volosovskie plemena v Evropeiskoi chasti SSSR v III–II tys. do n.e. (Volosovo Tribes in the European Area of the USSR in 3rd–2nd Millennia B.C.)*. Leningrad: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, (in Russian).
13. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
14. Tsvetkova, I. K. 1953. In Bryusov, A. Ya. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers.)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 22. Moscow: "Goskultprosvetizdat" Publ., 21–51 (in Russian).

About the Authors:

Stavitsky Vladimir V. Doctor of Historical Sciences. Professor. Penza State University. Krasnaya str. 40, Penza, 442052, Russian Federation; stawiczky.v@yandex. ru

Morozov Victor V. Candidate of Historical Sciences. LLC "Archaeology of the East European Plain". Prospect Mira, 89–174, Moscow, 129085, Russian Federation; vikromolot@mail.ru

Статья принята к публикации 01.03.2023 г.

УДК 902/904, 902

<https://doi.org/10.24852/pa2023.1.43.54.66>**РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА БРУСЯНЫ II В 2020 Г.**

© 2023 г. Н.А. Лифанов

В статье рассматриваются археологические материалы, полученные при проведении в 2020 г. раскопок могильника Брусяны II, расположенного в юго-западной части Самарской Луки. Они относятся к эпохам позднего бронзового века (покровская культура срубной культурной общности) и раннего средневековья (новинковский культурный тип салтово-маяцкой культурной общности). «Покровские» материалы представлены четырьмя выбитыми в известняковой скале небольшими ямами, содержащими керамические сосуды, а в одной из них, кроме того, располагались останки младенца. Рядом с объектами эпохи бронзы в первой половине VIII в. н. э. было совершено относящееся к новинковскому типу погребение взрослого мужчины в сопровождении верхового коня, перекрытое каменным панцирем кургана. Впоследствии данное захоронение было разрушено в результате обрядовых действий по обезвреживанию останков погребённого, однако площадка кургана продолжала использоваться «новинковским» населением как поминальный объект.

Ключевые слова: археология, Самарская Лука, поздний бронзовый век, VIII в. н. э., новинковский тип.

В сезоне 2020 г. отрядом Научно-исследовательской лаборатории археологии Самарского университета были проведены полевые исследования расположенного в юго-западной части Самарской Луки могильника Брусяны II (рис. 1). На одной площадке с могильником располагается другой объект археологического наследия – поселение золотоордынской эпохи Брусяны III, исследованное в 2018 г. (Лифанов, 2022). Пространство, на котором располагаются памятники, занимает территорию обширного мыса на высокой террасе в месте впадения в Волгу реки Брусянки.

Курганы могильника Брусяны II были открыты в 1982 г. А.В. Богачёвым. Стационарные исследования на памятнике были начаты им же в 1988 г. и продолжены в сезонах 1989 и 1991 гг. В 1994 г. могильник раскапывался С.Ф. Ермаковым, а в 1996 г. – С.Э. Зубовым. Общее число курганных насыпей было оценено в 37, из которых за данный период исследований раскопаны 31, содержащие 85 захоронений (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 36, с. 195–205). Тогда же А.В. Набоковым был составлен глазомерный план памятника (Бага-

утдинов, Богачев, Зубов, 1998, рис. 2) по сей день остающийся единственным документом такого рода. Определение по нему местоположения как раскопанных, так и неисследованных курганов в настоящее время возможно лишь в единичных случаях. Основная масса курганов находится в западной части мыса, почти все они были исследованы в 1988–1996 гг. Из семи курганов в восточной части тогда были раскопаны три.

Все отмеченные на могильнике курганные насыпи невелики по размеру: не более 8×15 м, высотой от 0,1 до 0,8 м (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 49). На поверхности заметны выходы известняковых камней, фиксирующие сооружённые из них надмогильные конструкции, что является основным признаком принадлежности к так называемому новинковскому типу памятников (Васильев, Матвеева, 1986, с. 153).

Объектом исследований 2020 г. являлся курган № 26, расположенный на пологом задернованном северо-восточном склоне мыса, обращённом к долине р. Брусянки. Насыпь кургана визуально выделялась в рельефе как уплотнённая «гривка» овальной формы размерами 8×5,5 м и высо-

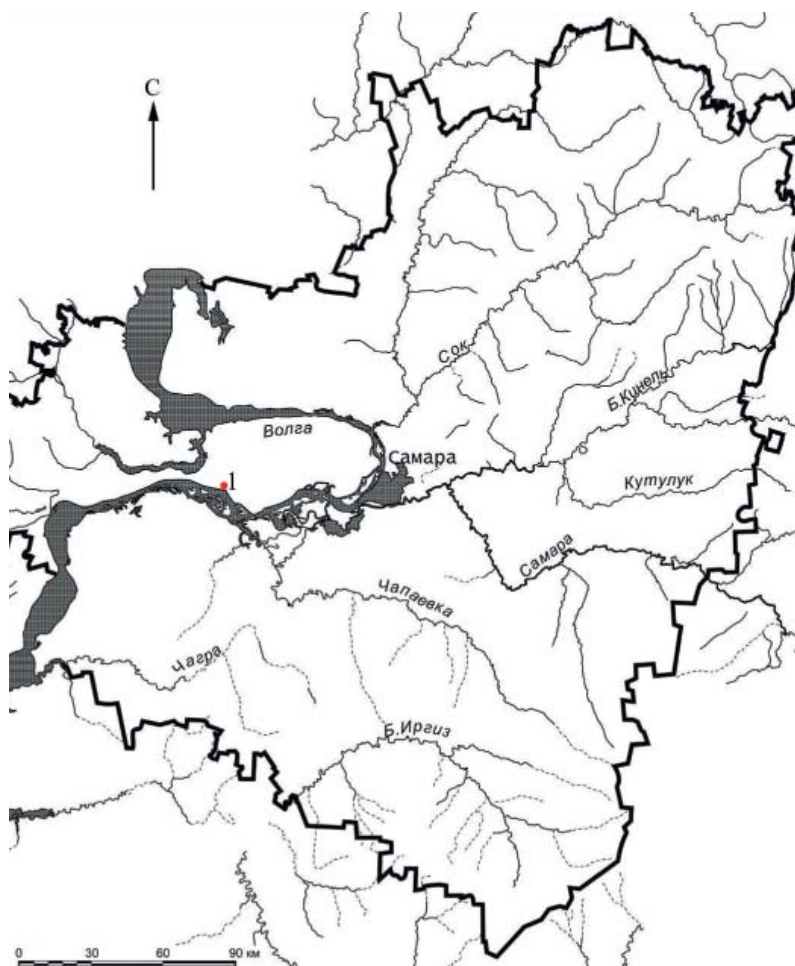

Рис. 1. Могильник Брюсяны II. Местоположение на карте.

Fig.1. Brusyany II cemetery. Location on the map.

той 20–30 см от подножия. На задернованной поверхности насыпи наблюдались выходы известняковых камней. Площадь исследований полностью охватила насыпь и составила 133 кв. м (рис. 2).

Стратиграфия раскопа:

1. Задернованная в верхней части сыпучая гумусированная супесь зернистой структуры тёмно-серого цвета, включавшая известняковые камни. Она же составляла заполнение выявленных в раскопе захоронений.

2. Выкид из погребения № 5 – серая известковая пыль с мелкими известняковыми камнями.

3. Составляющая основу кургана надмогильная конструкция – плотный панцирь из рваных известняковых камней до 50 см в поперечнике, уложенных по краям в один слой, в центре – в два-три слоя.

4. Материк – массив известнякового плитняка.

Исследования продемонстрировали присутствие на раскопанной площади материалов двух исторических эпох: позднего бронзового века и раннего средневековья.

Объекты эпохи бронзы не имеют отношения к кургану, совпадая с ним лишь локально.

Рис. 2. Могильник Брусяны II. Раскоп 2020 г. 1 – план раскопа; 2 – профиль раскопа по линии А–Б (южная сторона). Условные обозначения для фрагментов костей животных: Ск – свинья, конечности; Лк – лошадь, конечности; Лт – лошадь, туша; Лг – лошадь, голова; Мк – мелкий рогатый скот, конечности; Мт – мелкий рогатый скот, туша; Мг – мелкий рогатый скот, голова.

Fig. 2. Brusyany II cemetery. Excavation of 2020. 1 – plan of the excavation; 2 – the profile of the excavation along the line A–B (the southern side). Symbols for animal bone fragments: Ск – pig, limbs; Лк – horse, limbs; Лт – horse, torso; Лг – horse, head; Мк – small cattle, limbs; Мт – small cattle, torso; Мг – small cattle, head.

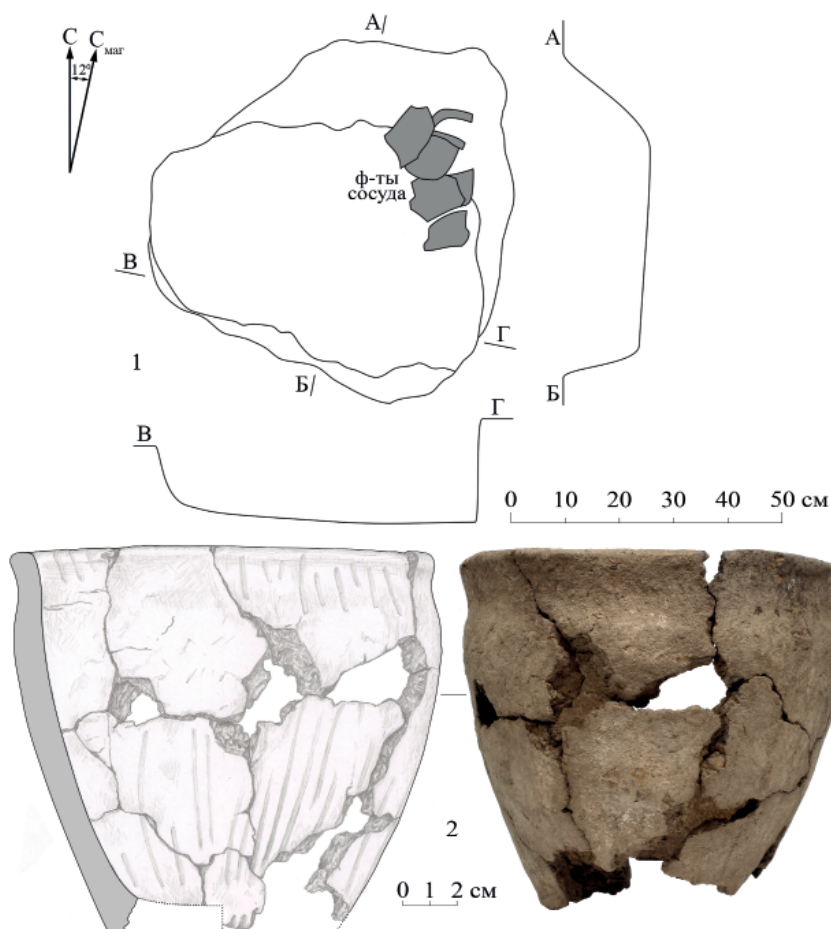

Рис. 3. Могильник Брусяны II. Раскоп 2020 г. 1 – план и профили погребения № 1; 2 – сосуд из погребения № 1 (фото П.В. Ломейко, рисунок А.С. Постновой).

Fig. 3. Brusyany II cemetery. Excavation of 2020. 1 – plan and profiles of the burial 1; 2 – the vessel from the burial 1 (photo by Pavel Lomeyko, drawing by Anna Postnova).

Погребение № 1 (рис. 3). Яма неправильной формы с неровным дном и стенками и максимальной глубиной 19 см была выдолблена в известняковом плитняке. На дне ямы находился развал фрагментарно сохранившегося лепного глиняного сосуда: слабопрофилированного плоскостонного горшка колоколовидной формы со следами хаотичных расчёсов на внешней поверхности стенок. Сосуд орнаментирован зубчатым штампом в виде двойного ряда зигзага на плече, линии, отделяющей плечо от горла, и одинарного зигзага на срезе венчика.

Погребение № 2 (рис. 4). Яма подпрямоугольной с закруглёнными углами формы¹ с неровным дном и стенками и максимальной глубиной 20 см была выдолблена в известняковом

плитняке. На дне ямы находился развал фрагментарно сохранившегося глиняного лепного сосуда: слабопрофилированного плоскостонного горшка колоколовидной формы со следами хаотичных расчёсов на внешней поверхности стенок. Сосуд орнаментирован зубчатым штампом в виде двойного ряда зигзага на плече, линии, отделяющей плечо от горла, и одинарного зигзага на срезе венчика.

Погребение № 3 (рис. 5). Яма подпрямоугольной с закруглёнными углами формы² с неровным дном и стенками и максимальной глубиной 17 см была выдолблена в известняковом

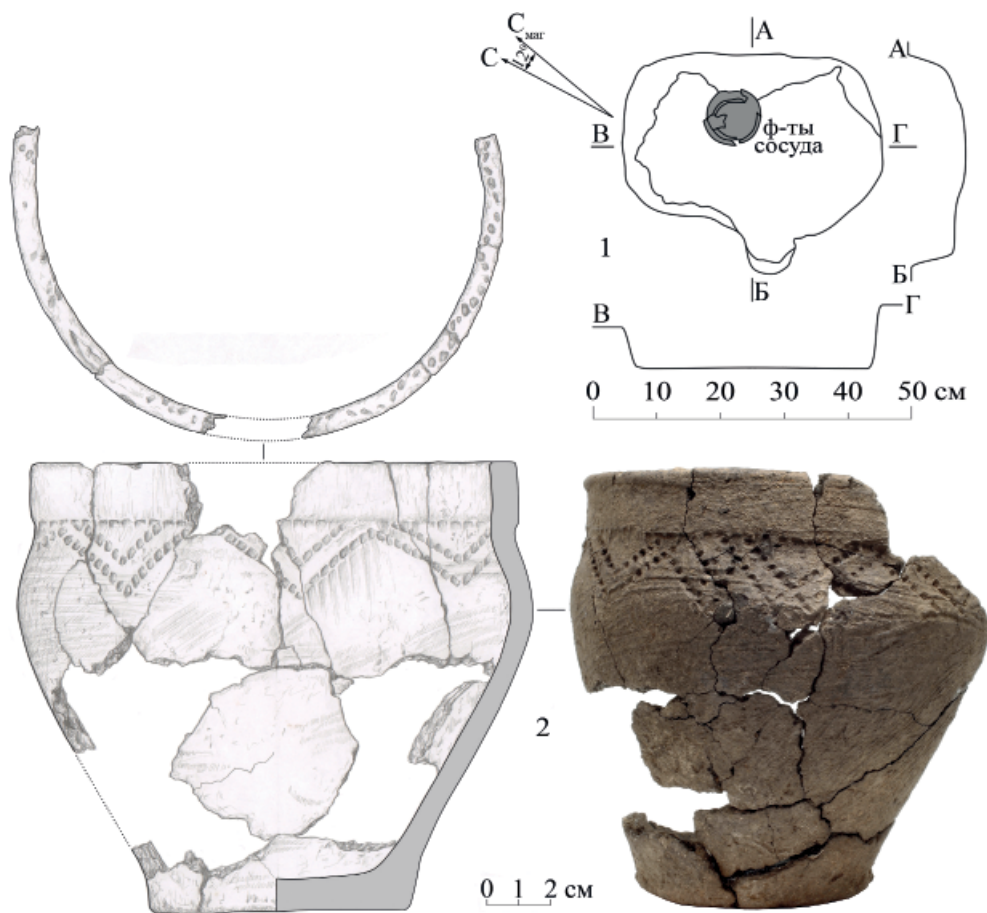

Рис. 4. Могилиник Брусяны II. Раскоп 2020 г. 1 – план и профили погребения № 2; 2 – сосуд из погребения № 2 (фото П.В. Ломейко, рисунок А.С. Постновой).

Fig. 4. Brusyany II cemetery. Excavation of 2020. 1 – plan and profiles of the burial 2; 2 – the vessel from the burial 2 (photo by Pavel Lomeyko, drawing by Anna Postnova).

плитняке. На дне ямы находился полностью сохранившийся глиняный лепной сосуд: слабопрофилированный плоскодонный горшок колоколовидной формы со следами вертикальных расчёсов на внешней поверхности стенок и хаотичных – на внутренней. Орнамент сосуда – нанесённый зубчатым штампом ряд зигзага на плече и косые линии на срезе венчика.

Погребение № 4 (рис. 6: 1; 8). Яма подпрямоугольной с закруглёнными углами формы³ с неровным дном и стенками и максимальной глубиной 39 см была выдолблена в известняковом плитняке. На дне ямы, ближе к

её северо-западной стенке, находился плохо сохранившийся скелет новорождённого младенца⁴. Положение костяка не может быть определено достоверно, ориентировка головой предположительно на север. На 14 см выше и в 15 см к востоку от костяка находился развал глиняного лепного сосуда: округлобokoго плоскодонного горшка. Орнамент полностью покрывает внешнюю поверхность сосуда, представлен нанесёнными мелким зубчатым штампом «ёлочками» по стенкам, рядом зигзага на венчике и косыми линиями на срезе венчика. Глиняное тесто, из коего из-

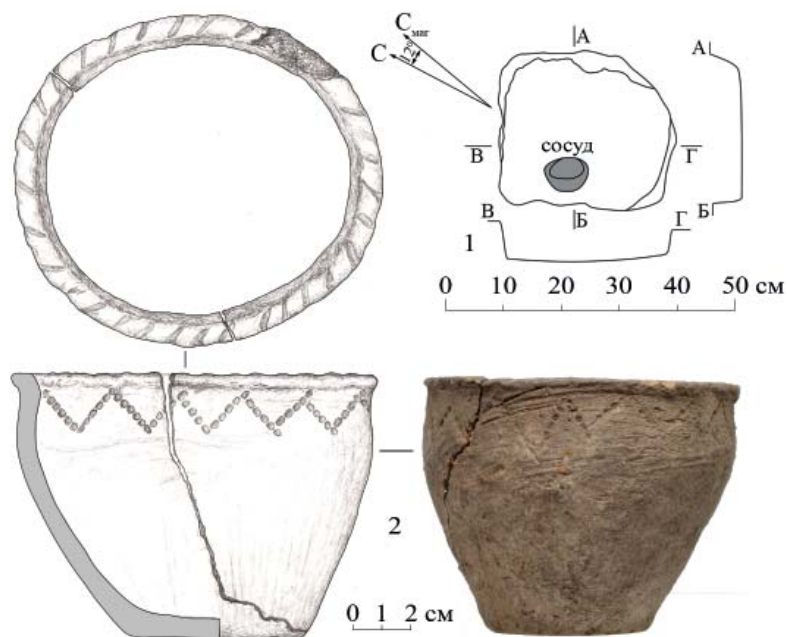

Рис. 5. Могильник Брусяны II. Раскоп 2020 г. 1 – план и профили погребения № 3; 2 – сосуд из погребения № 3 (фото П.В. Ломейко, рисунок А.С. Постновой).

Fig. 5. Brusyany II cemetery. Excavation of 2020. 1 – plan and profiles of the burial 3; 2 – the vessel from the burial 3 (photo by Pavel Lomeyko, drawing by Anna Postnova).

готовлен сосуд, выделяется крупными (до 3–4 мм в поперечнике) фрагментами шмота.

Погребения № 1–4 имеют ряд общих черт, свидетельствующих об их культурно-хронологической общности: выбитые в материковом плитняке небольших размеров ямы содержали близкие по форме и орнаментации керамические сосуды. Костяк ребёнка был зафиксирован лишь в могиле № 4, однако общее сходство с ней могил № 1–3 позволяет предположить и их функциональное единство. Возможно, они представляли собой захоронения младенцев, чьи останки не сохранились в силу естественных причин. Судя по керамике, указанные комплексы следует отнести к покровской культуре срубной культурной общности. Предположительно, к тому же, что и данные объекты, хронологическому периоду относится и треугольное, около 2,5 м в поперечнике,

скопление плоских известняковых плиток различного размера и формы, лежавшее на материке в восточной части раскопа. По всей видимости, оно представляло собой выкид, образовавшийся при выемке камня для устройства ям погребений № 1–4.

По всей вероятности, раскопом 2020 г. на Брусянском II могильнике был выявлен небольшой погребальный памятник – грунтовый могильник раннего этапа срубной культурной общности.

Объекты эпохи раннего средневековья входят в комплекс кургана. К нему относится в первую очередь курганный насыпь, содержащая конструкцию из известняковых камней – панцирь овальной формы размерами 6×4,5 м (рис. 2). С юга его окружали отдельные и располагавшиеся небольшими скоплениями камни. Максимальная мощность каменного панциря в его центре составляла около

Рис. 6. Могильник Брусяны II. Раскоп 2020 г.
1 – сосуд из погребения № 4 (фото П.В. Ломейко, рисунок А.С. Постновой);
2 – сосуд из южной части раскопа (фото автора, рисунок А.С. Постновой).

Fig. 6. Brusyany II cemetery. Excavation of 2020.

1 – the vessel from the burial 4 (photo by Pavel Lomeyko, drawing by Anna Postnova);
2 – the vessel from the southern part of the excavation (photo by author, drawing by Anna Postnova).

50 см: здесь камни были уложены в 2–3 слоя, тогда как на периферии – в один слой. В юго-западной части конструкции камни частично разобраны.

Большинство обнаруженных в раскопе находок составляли фрагменты костей и зубов животных⁵, концентрировавшиеся среди камней панциря⁶. Подавляющее большинство определенных костей являются фрагментами черепов и конечностей лошади и как минимум трех особей мелкого рогатого скота, одна из которых определена до вида (коза). Возраст двух особей на момент забоя был около 4–6 лет⁷, третьей – около 1–1,5 лет. Единично встречены и кости крупного рогатого скота.

В южной части раскопа рядом с крупным камнем был обнаружен развал лепного плоскодонного горшка. Цвет сосуда светло-коричневый, на внешней поверхности – слабые следы вертикального заглаживания по сырой глине (рис. 6: 2).

На восточной границе каменного панциря была найдена железная пряжка с изготовленной из дрота подпрямоугольного сечения трапецевидной рамкой и подквадратного сечения прогнутым в середине язычком (рис. 7: 2).

В северной части панциря между камнями было обнаружено компактное скопление костей человека (мужчина 30–55 лет), зубов и фрагментов

Рис. 7. Могильник Брюсыны II. Раскоп 2020 г. Находки эпохи раннего средневековья.

1 – железные пластины из скопления костей человека и лошади в северной части каменного панциря; 2 – железная пряжка из восточной части каменного панциря; 3 – фрагменты железного ножа из заполнения погребения № 5; 4 – фрагмент керамического сосуда из заполнения погребения № 5.

Fig.7. Brusyany II cemetery. Excavation of 2020. Finds of the Early Middle Ages. 1 – iron plates from the accumulation of human and horse bones in the northern part of the stone shell; 2 – iron buckle from the eastern part of the stone shell; 3 – fragments of iron knife from the filling of burial 5; 4 – fragment of a ceramic vessel from the filling of burial 5.

костей лошади. Здесь же были обнаружены две плоские железные пластины (малая под большой). Большая пластина имеет прямоугольную с закруглёнными углами форму. Малая пластина обломана, аморфна (рис. 7: 1).

Под надмогильной каменной конструкцией располагалось единственное погребение № 5 (рис. 8). Могиль-

ная яма вытянуто-овальной формы была ориентирована длинной осью по линии юго-запад – северо-восток. На уровне фиксации её очертания сливались с ямой погребения № 4: обе были заполнены слоем 1, однако заполнение могилы № 5 отличалось включением большого количества известнякового камня. Максимальные размеры ямы погребения № 5 составляли

245×140 см, её максимальная глубина от уровня фиксации – 88 см. Верхняя часть ямы была пробита в известняковом плитняке, однако примерно на глубине 50 см от уровня фиксации массив известнякового плитняка сменяется рыхлым доломитом, в котором была вырыта нижняя часть ямы. Стенки ямы наклонные, корытообразные. Могильная яма имела усложнённую конструкцию: вдоль её юго-восточной стенки была устроена наклонная ступенька шириной от 38 до 58 см, а вдоль северо-западной стенки вырыто продолговатое углубление («ложе») глубиной 12–13 см. Восточный край углубления уходил под стенку могилы, образуя своеобразную нишу.

Погребение оказалось полностью разрушенным. В заполнении могильной ямы до нижнего уровня ступеньки встречались многочисленные фрагменты костей человека и животных (лошади, крупного и мелкого рогатого скота), а также фрагмент стенки лепного сосуда (рис. 7: 4) и два фрагмента железного ножа (рис. 7: 3). Реконструируемая общая длина ножа 14,5 см, сечение лезвия клиновидное. Нож был, по всей видимости, намеренно испорчен: небрежно согнут в месте перехода лезвия к черену, половина лезвия отломана.

В вырытом в доломитовой «мук» углублении-«ложе» были расчищены лежавшие в беспорядке останки мужчины 30–55 лет⁸ и лошади (жеребец 7–9 лет ростом в холке 136–144 см). При этом конские кости (фрагменты черепа⁹, конечностей, позвонков, рёбер) были сосредоточены в восточной части в большинстве своём выше человеческих. Кости человека были разбросаны по дну «ложа», причём фрагменты черепа находились у его восточного края, а кости таза и ног, напротив, у западного.

В целом, несмотря на разрушение комплекса кургана, его погребально-

поминальная обрядность поддаётся реконструкции.

Для совершения захоронения был избран обращённый к речной долине открытый пологий склон невысокого холма. Наличие в этом же пункте более ранних «покровских» погребений является совпадением, но не случайностью: подобные факты уже фиксировались раскопками на могильниках Рождествено III, Новинки II и Осиновка IV, где перекрытые каменными конструкциями «новинковские» захоронения совершались в насыпях курганов эпохи поздней бронзы (Матвеева, 1995, с. 23–24; Матвеева, 1997, с. 27–28; Бражник, 2003, с. 27). Очевидно, выбор места определялся топографией и эстетическими соображениями, близкими у древних и средневековых скотоводов.

В сооружённое вдоль северной стенки могилы углубление-«ложе» было помещено тело человека, направленное головой на восток – северо-восток (ориентировочный азимут ~68°), а поверх них и на наклонную ступеньку вдоль южной стенки – полная туша¹⁰ взнузданного и, вероятно, оседланного верхового коня. Ориентировка конских останков неясна, однако на основании аналогий (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, таб. VI: 2; Богачев, Мышкин, 1995, рис. 3; Бражник, Кирсанов, Лифанов, 2000, рис. 3: 4) можно предполагать её обратной человеческим.

Погребение было засыпано и перекрыто каменным панцирем. Последний состоял не только из плиток, очевидно извлеченных при рытье могильной ямы, но в основном из объёмных кусков известняка, явно доставленных с берега Волги, где имеются его естественные выходы¹¹. Непосредственно над могилой была, по всей видимости, устроена поминальная площадка; следами проводившихся на ней ритуалов являются обнаружен-

Рис. 8. Могильник Брусяны II. Раскоп 2020 г. Планы и профили погребений № № 4 и 5. 1 – план погребения № 4 и находки в заполнении погребения № 5; 2 – верхний уровень останков человека и коня в погребении № 5; 3 – нижний уровень останков человека и коня в погребении № 5. Условные обозначения для фрагментов костей животных: Лк – лошадь, конечности; Лт – лошадь, туша; Мк – мелкий рогатый скот, конечности; Мт – мелкий рогатый скот, туша; Мг – мелкий рогатый скот, голова; Кт – крупный рогатый скот, туша; Кг – крупный рогатый скот, голова.

Fig. 8. Brusyany II cemetery. Excavation of 2020. Plans and profiles of burials 4 and 5. 1 – plan of burial 4 and finds in the filling of burial 5; 2 – the upper level of human and horse remains in burial 5; 3 – the lower level of human and horse remains in burial 5. Symbols for animal bone fragments: Лк – horse, limbs; Лт – horse, torso; Мк – small cattle, head; Кт – large horned livestock, torso; Кг – large horned livestock, head.

ные среди камней фрагменты костей животных.

Зафиксированное раскопками состояние могилы и каменного панциря является, по всей видимости, следствием ритуальной деструкции захоронения, направленной на обезвреживание покойного (Сташенков, 1995, с. 35, 37–38; Матвеева, 1997, с. 52–56). В результате этих действий надмогильная конструкция была частично разобрана, камни из неё образовали скопление у её юго-восточной границы и дисперсно разбросаны к югу. Из погребения был изъят весь инвентарь, кости человека и коня свалены в беспорядке, некоторые – вне могилы¹². Наряду с могилой был разрушен и

располагавшийся поверх неё поминальник, кости из которого были выброшены вместе с камнями. В дальнейшем могильная яма была вновь засыпана¹³, вследствие чего часть этих костей оказалась в верхней части её заполнения. Надмогильная каменная конструкция также была частично восстановлена.

Особенности погребально-поминальной обрядности позволяют отнести комплекс кургана № 26, как и иных исследованных ранее курганов могильника Брусяны II, к числу материалов новинковского типа, входящего в состав салтово-маяцкой культурной общности (Лифанов, 2009, с. 141). Погребение № 5 характеризуется чер-

тами ранних «новинковских» погребений типа А1: погребение человека (иногда в сопровождении коня) в могильной яме значительных размеров и усложнённой конструкции, перекрытой мощным каменным панцирем (Матвеева, 1997, с. 59–60, 86; Лифанов, 2005а, с. 303). Инвентарь исследованных ранее подобных захоронений (Новинки II 7/1¹⁴, Новинки II 13/2, Брусяны IV 2/1, Шелехметь II 11/4, Винновка I 2/3) включает предметы клинкового и стрелкового вооружения, конской упряжи, детали поясных гарнитур, изделия из золота (Матвеева, 1997, с. 18–19, 24–25; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 210; Бражник, Кирсанов, Лифанов, 2000, с. 190–192; Лифанов, 2017, с. 81–84). Все они относятся к периоду первой половины VIII века (Лифанов, 2005б, табл. 1,

с. 36; Лифанов, 2017, с. 88), каковым, по всей видимости, следует датировать и совершение погребения № 5 в кургане № 26 Брусян II.

После разрушения захоронения курган, однако, продолжал использоваться в качестве поминального объекта. Об этом свидетельствует факт обнаружения в южной части раскопа рядом с одним из некогда составлявших надмогильный панцирь камней глиняного сосуда (рис. 7). Такие горшки высоких пропорций, условно именуемые «крынками» (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 146), бытуют в обиходе «новинковского» населения в середине – третьей четверти VIII столетия (Лифанов, 2005б, рис. 1: 67–71, табл. 1, с. 33, с. 36; Лифанов, Зубов С.Э., 2011, с. 54).

Благодарность:

Автор выражает глубокую признательность коллегам, принимавшим участие в полевых исследованиях и обработке полученных в результате материалов: С.Э. Зубову, Р.Р. Саттарову, К.В. Доткину, А.С. Постновой и П.В. Ломейко.

Примечание:

¹ В её юго-западной стенке наличествовала нарушавшая форму выбоина.

² Строгость формы ямы нарушает лишь «срезанный» восточный угол.

³ При первичной расчистке сливалась с ямой соседнего погребения № 5.

⁴ Палеоантропологические определения выполнены заведующим Волго-Уральским центром палеоантропологических исследований, профессором Кафедры биологии, экологии и методики обучения Естественно-географического факультета Самарского государственного социально-педагогического университета д.и.н. А.А. Хохловым.

⁵ Археозоологические определения выполнены с.н.с. Археологической лаборатории Самарского государственного социально-педагогического университета, к.и.н. Н.В. Росляковой.

⁶ Исключение составляют лишь два фрагмента конечностей эмбриона или новорожденной особи свиньи. Они располагались в западной части раскопа за пределами каменного панциря, их связь с ним сомнительна.

⁷ Вероятно, одна из этих особей была беременной – сохранились фрагменты костей эмбриона.

⁸ Очевидно, это часть костей скелета погребённого в могиле № 5.

⁹ Судя по зелёным пятнам на фрагментах черепа, на нём некогда располагалась конская узда, украшенная бронзовыми бляхами.

¹⁰ Анализ иппологом А.С. Постновой конских костей из могилы показал их принадлежность практически ко всем частям тела лошади.

¹¹ Расстояние и перепад высот начального и конечного пунктов доставки предполагает значительные трудозатраты целого коллектива.

¹² Часть из них образовала упомянутое выше скопление человеческих и конских костей к северу от погребения № 5.

¹³ На намеренный характер засыпи указывает её рыхлая консистенция, а не плотная, как при естественном замыве грунта.

¹⁴ Арабские цифры, разделенные косой чертой, означают номера курганов/погребений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара: СамВен, 1998. 286 с.
2. Богачев А.В., Мышкин В.Н. Раннеболгарский курган у с. Осиновка // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Самарский университет, 1995. С. 65–74.
3. Бражник О.И. Отчёт об исследовании Осиновского IV могильника в Ставропольском районе Самарской области в 2002 г. Казань, 2003 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 27323.
4. Бражник О.И., Кирсанов Р.С., Лифанов Н.А. Исследование Шелехметского II курганно-грунтового могильника в 1999 г. // Краеведческие записки. Вып. IX / Гл. ред. П.С. Кабытов. Самара: СОИКМ им. П.В.Алабина, 2000. С. 188–198.
5. Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1986. 232 с.
6. Лифанов Н.А. Систематика погребально-поминальной обрядности новинковского населения // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А.Городцова в ГИМ / Труды ГИМ. Вып. 145 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2005а. С. 299–306.
7. Лифанов Н.А. К вопросам периодизации и хронологии памятников новинковского типа // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2005б. С. 25–40.
8. Лифанов Н.А. О культурной принадлежности населения Средневожской лесостепи раннехазарского времени // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 7–11 декабря 2009 г. Тезисы докладов / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 140–142.
9. Лифанов Н.А. Раннесалтовский погребально-поминальный комплекс из могильника Винновка I на Самарской Луке // КСИА. 2017. Вып. 248. С. 79–90.
10. Лифанов Н.А. Селище Брусяны III – средневековое поселение на Самарской Луке (раскопки 2018 г.) // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 227–239.
11. Лифанов Н.А., Зубов С.Э. Раскопки могильника Малая Рязань I в 2009–2010 гг. и некоторые вопросы изучения памятников новинковского типа на Самарской Луке // Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині: збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції "П'ятнадцять слобожанські читання". Вип. 1 / Упорядник Г.Є. Свистун. Харків: ХНМЦОКС, 2011. С. 50–56.
12. Матвеева Г.И. Результаты новых исследований Рождественского III курганно-могильника // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Самарский университет, 1995. С. 23–33.
13. Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский университет, 1997. 226 с.
14. Сташенков Д.А. Новые детали погребального обряда памятников раннеболгарского времени в Самарском Поволжье // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Самарский университет, 1995. С. 34–54.

Информация об авторе:

Лифанов Николай Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); liphanov@gmail.com

THE EXCAVATIONS OF THE BURIAL GROUND BRUSYANY II IN 2020

N.A. Lifanov

The paper presents the archaeological materials found in 2020 during the excavations of the burial ground Brusyany II, located in the south-western part of the Samara Bend. They belong to the Late Bronze Age (Pokrovka culture of the Srubnaya cultural community) and the Early Middle Age (Novinki cultural type of the Saltovo-Mayaki cultural community). "Pokrovka" materials are represented by four small pits made in the limestone rock, containing pottery, besides in one of them the remains of an infant were found. Nearby the

Bronze Age objects the Novinki type burial of a man and horse was performed and covered by the barrow stone shell in the VIII century AD. Subsequently this burial was destroyed as a result of ritual actions to neutralize the remains of the buried, but the barrow site continued to be used by the “Novinki” population as the ritual object.

Keywords: archaeology, Samara Bend, Late Bronze Age, VIII century AD, Novinki type.

REFERENCES

1. Bagautdinov, R. S., Bogachev A. V., Zubov S. E. 1998. *Prabolgary na Sredney Volge. U istokov istorii tatar Volgo-Kam'ya (The Pra-Bolgars in the Middle Volga region. At the origin of Volga-Kama Tatar history)*. Samara: SamVen (in Russian).
2. Bogachev, A. V., Myshkin, V. N. 1995. In Matveeva, G. I. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites in the Volga Region)*. Samara: Samara State university Publ., 65–74 (in Russian).
3. Brazhnik, O. I. 2003. *Otchet ob issledovanii Osinovskogo IV mogil'nika v Stavropol'skom rayone Samarskoy oblasti v 2002 g. (Report on the study of the Osinovka IV burial ground in the Stavropol district of the Samara region in 2002)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1. Dossier 27323 (in Russian).
4. Brazhnik, O. I., Kirsanov, R. S., Liphonov, N. A. 2000. In Kabytov, P. S. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* 9. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin Publ., 188–198 (in Russian).
5. Vasil'ev, I. B., Matveeva, G. I. 1986. *U istokov istorii Samarskogo Povolzh'ya (At the Origins of the History of the Samara Volga Region)*. Kuybyshev: “Kuybyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
6. Liphonov, N. A. 2005. In Belotserkovskaya, I. V. (ed.). *II Gorodtsovskie chteniia. Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu deiatel'nosti V.A. Gorodtsova v GIM. April' 2003 g. (2nd Gorodtsov Readings. Proceedings of the Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of V.A. Gorodtsov in the State Historical Museum. April 2003)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 145. Moscow: State Historical Museum, 299–3063 (in Russian).
7. Lifanov, N. A. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 4. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 25–40 (in Russian).
8. Liphonov, N. A. 2009. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Forum «Idel'-Altaj». Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Idel'-Altaj: istoki evrazijskoi tsivilizatsii», I Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoy arheologii evrazijskikh stepei. Kazan', 7-11 dekabrya 2009 g. Tezisy dokladov (Idel'-Altai Forum. Proceedings of the scientific and practical conference "Idel'-Altai: the origins of Eurasian civilization", I International Congress of Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes. Kazan, December 7-11, 2009. Abstracts of reports)*. Kazan: Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 140–142 (in Russian).
9. Liphonov, N. A. 2017. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 248, 79–90 (in Russian).
10. Liphonov, N. A. 2022. In *Arkheologiya evrazijskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 227–239 (in Russian).
11. Liphonov, N. A., Zubov, S. E. 2011. In Svistun, G. E. (ed.). *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Issues and Achievements)* 1. Kharkiv: “KhNMTsOKS” Publ., 50–56 (in Russian).
12. Matveeva, G. I. 1995. 1995. In Matveeva, G. I. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites in the Volga Region)*. Samara: Samara State University Publ., 23–33 (in Russian).
13. Matveeva, G. I., 1997. *Mogil'niki rannikh bolgar na Samarskoy Luke (Burial grounds of the Early Bolgars on the Samara Bend)*. Samara: Samara State university Publ. (in Russian).
14. Stashenkov, D. A., 1995. 1995. In Matveeva, G. I. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites in the Volga Region)*. Samara: Samara State University Publ., 34–54 (in Russian).

About the Author:

Liphonov Nikolay A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh.Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; liphonov@gmail.com

Статья принята к публикации 01.03.2023 г.

АНАЛИЗ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПОВОЗКИ НА СОСУДЕ ИЗ МОГИЛЬНИКА У С. СПАСКОГО

© 2023 г. С.В. Докучаева

В могильнике у с. Спасское при раскопках первой курганный группы в 1961 году в зоне сооружения Верхнеуральского водохранилища (верхнее течение р. Урал, Челябинская область) был обнаружен сосуд с изображением повозки. В научной литературе за прошедшие десятилетия сформировалось несколько точек зрения по поводу облика данного изображения. В статье приводится подробный анализ уникального схематического изображения двуколки на сосуде. Подобные изображения повозок редки, поэтому к анализу привлечен широкий круг образов с различных территорий. Представлена попытка определения отдельных частей и деталей конструкции изображения двуколки. В выводах предложены две возможные интерпретации рисунка из могильника у с. Спасского: это двуколка с фаркопом для перевозок тяжелого прицепного груза или других повозок; или это изображение переднего борта кузова колесницы с петлей для «стяжки» кузова с дышлом.

Ключевые слова: археология, Южный Урал, бронзовый век, сосуд с изображением повозки, детали повозки.

Постановка цели и определение задач. В 1961 году в зоне сооружения Верхнеуральского водохранилища при раскопках курганный группы № 1 у села Спасское (верхнее течение р. Урал, в 200 км южнее г. Челябинска) (рис. 1) археолог В.С. Стоколос среди погребального инвентаря в одной из могильных ям обнаружил сосуд со схематическим изображением двухколесной (?) повозки.

Граффити с изображением повозок на сосудах чрезвычайно редки. Рисунок сразу привлек внимание исследователей. За прошедшие со времени находки десятилетия в научной литературе оформилось несколько точек зрения по поводу облика, деталей и назначения изображенного на сосуде транспортного средства.

Написание данной заметки основной целью имеет выработку авторской позиции в отношении облика и назначения повозки. Ее формирование возможно лишь после определения и прояснения назначения отдельных частей и деталей конструкции повозки.

Описание погребения. «Курган 1, могильная яма 11 (размер 150×160 см, глубина 65 см). Ориентировка СЮ. Выкид из ямы сброшен

внутрь. Только сверху имелся тонкий слой темной земли. Один зрелый костяк в скорченном положении на левом боку был ориентирован на север. У левого плеча лежала костяная трубочка со срезанными и заточенными краями, у живота лежали ребра теленка (?). В изголовье стояли два горшка» (Стоколос, 1961, с. 10)

Сосуд 1 (рис. 2) (d по верхнему краю 20,3–21,2 см, d дна – 11,4 см, h – 14,5 см). Алакульско-срубный, горшечно-баночной формы. С прямым венчиком, небольшим уступом по плечу. Обжиг неравномерный. Цвет внешней поверхности – коричневый с темными пятнами от обжига, местами незначительный известковый налет. Цвет внутренней поверхности – коричневый со следами нагара черного цвета. В изломе – серо-коричневого цвета. В примеси четко прослеживается добавление дресвы. По поверхности – следы заглаживания. Зоны орнаментации: по венчику – многорядный зигзаг в технике проташенной гребенки, между верхними вершинами зигзага группы наклонных оттисков (по 4–6) в технике гребенчатого штампа, на небольшом участке (L – 11 см) по нижнему краю много-

Рис. 1. Местоположение могильника у с. Спасское (Южный Урал).

Fig. 1. Location of the burial ground at the village of Spassky (Southern Ural).

рядного зигзага оформлена «бахрома» из разнонаклонных вдавлений; по плечу – многорядный зигзаг в технике проташенной гребенки; по тулову – изображение колесницы с D-образной платформой с петлей по центру ее задней части, также небольшая петля с нижнего угла передней части платформы. Часть рисунка утрачена вместе с утраченными фрагментами. По реконструкции рисунка видно, что дышло отходит одной прямой линией от центра передней части платформы и перпендикуляром пересекает ядро, заканчиваясь резким поворотом на 90° вниз. Вместо «рогатов» по нижнему концу ядра – петля (вниз), по верхнему концу – перпендикулярная линия (вниз). Дышло пересекает ядро и заканчивается перпендикулярным штрихом (вниз). D-образная платформа заштрихована по диагонали парными и тройными прочерченными линиями. Поперек (как бы деля

платформу на две равные части) прочерчена прямая линия. Весь орнамент выполнен одним инструментом, предположительно, концом палочки.

«Второй горшок также алакульско-срубного типа (рис. 3) (диаметр устья 13,5 см, высота 11 см, диаметр дна 8,5 см). Поверхность бурого цвета, заглажена. В глине примешан песок. Сверху и особенно внутри на дне – пятна и лепешки нагара» (Стоколос, 1961, с. 11).

История изучения изображения.

Одно из первых упоминаний этого горшка было опубликовано в монографии автора раскопок В.С. Стоколоса «Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация)». Вот что он пишет: «Великолепна находка изображения телеги на сосуде из погребения 11 кургана 1. Кроме аналогий с Кавказом, с остатками двухколесных арб из курганов Поволжья, рисунок отдален-

Рис. 2. Могильник у с. Спасское.
Курган 1. Яма 11. Сосуд 1.

Fig. 2. The burial ground at the village of Spassky. Barrow 1. Pit 11. Vessel 1.

но напоминает западноевропейские изображения телег эпохи халколита. Возможно, наш рисунок запечатлел погребальную колесницу, что не исключено, но он свидетельствует и о существовании парной упряжки, возможно о ярме, о возможности передвижения не только верхом, о чем косвенно свидетельствуют находки псалиев, но и с поклажей в телеге» (Стоколос, 1972, с. 50).

В 1977 году Л.Л. Галкин публикует изображение двухколесной повозки с данного горшка в своей статье «Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья», ссылаясь на вышеупомянутый труд В.С. Стоколоса (Галкин, 1977, с. 189–196).

В 1994 году Е.Е. Кузьмина в своей монографии «Откуда пришли индоарии?» опубликовала изображение данного сосуда (Кузьмина, 1994, с. 433). Она пишет: «Колесный транспорт ариев в Индостане реконструируется на основании ведических текстов и Махабхараты» (Кузьмина, 1994, с. 168). Приводя цитаты, описывающие виды, детали, конструкции колесниц и повозок, она без привязки к данному сосуду отмечает, что «сзади под кузовом находилась петля, вероятно, служившая тормозом» (Кузь-

мина, 1994, с. 169), но, к сожалению, не указывает на какой текст в данном конкретном случае она опиралась. Самостоятельные попытки найти описание «петли» в ведических текстах не увенчались успехом.

В 2000 году сосуд с изображением колесницы из могильника у села Спасского опубликовала Е.Ю. Захарова в своей монографии «Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы» (Захарова, 2000, с. 64). Она также обращается к ведическим текстам, отмечая практическую и культовую роль колесниц, но не описывает детали их изображений.

Анализ изображения и его деталей. Перейдем к детальному описанию и анализу изображения.

Перед нами контурный рисунок повозки (изображена «в плане»), на котором отчетливо прорисованы такие детали, как: дышло, ярмо, платформа (?), колесо (?), ось/жердь (?), петля на платформе (?) (рис. 4).

Дышло Т-образной формы, прямое.

Ярмо в виде петли (с характерным закруглением вниз) с одной стороны и с прямым загибом вниз – с другой стороны. Данный тип ярма не характерен для близлежащих регионов. Как

Рис. 3. Могильник у с. Спасское.
Курган 1. Яма 11. Сосуд 2.

Fig. 3. The burial ground at the village of Spassky. Barrow 1. Pit 11. Vessel 2.

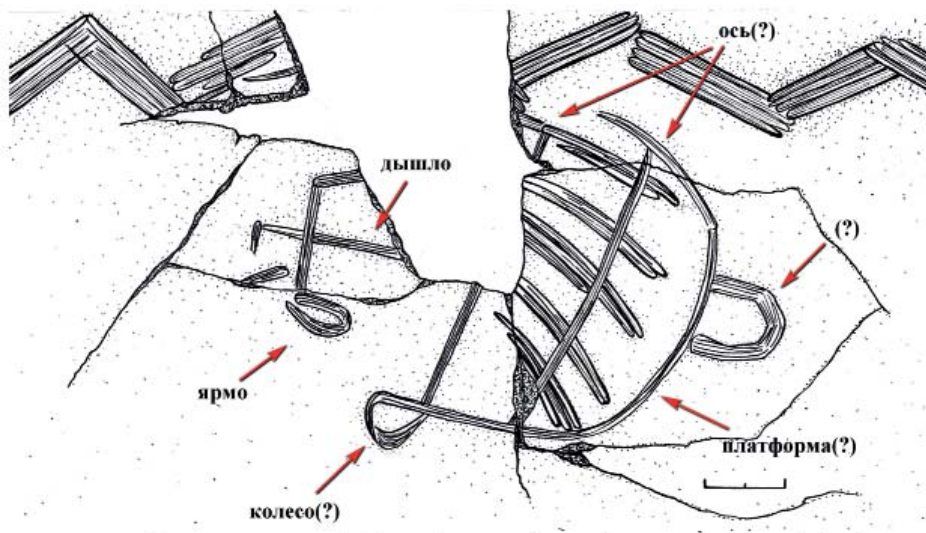

Рис. 4. Изображение рисунка на сосуде из могильника у с. Спасское.

Fig. 4. Cart image on the vessel from the burial ground at the village of Spassky.

правило, это ярма-рогатки или ярмо с распорками (у двуколок 24% и 64% и колесниц – 20,2% и 64,3% соответственно) (Новоженков, 2012, с. 366). Из ближайших аналогий изображение подобного ярма было обнаружено на Кавказе (Сюник) (Новоженков, 2012, с. 93).

Платформа (?) нашей двуколки D-образной формы. Такая платформа встречается в изображениях петроглифов нередко – 21,4% и 24% (среди колесниц и двуколок соответственно) (Новоженков, 2012, с. 366).

Колеса. Обратим внимание на изображение колес. Если считать «петлю» спереди платформы за колесо, то напрашивается вопрос: почему тогда колесо соразмерно ярму?

На ближайших к нам территориях известно два варианта изображения колес: 1) колеса со спицами (у двуколок и колесниц – 3% и 94% соответственно); 2) дисковые колеса (у двуколок и колесниц – 94% и 3% соответственно), кросс-баровые колеса всего 1% (Новоженков, 2012, с. 366). Стилистика изображения ранее перечисленных типов колес не относится к колесам изображения на нашем сосу-

де. Подобное изображение колёс было встречено только на одном известном нам петроглифе – в Африке (Новоженков, 2012, с. 65), но колеса изображены более округлой формы и имеют пару. Из чего напрашивается вывод, что данная «петля» – не колесо.

Если обратить внимание на прорисовку «петли» (рис. 5), то видно, что автор изображения подправил ее снизу (утолщил), но он не попытался сделать ее более округлой. Также стоит обратить внимание, что данная «петля» является продолжением и окончанием изогнутого контура D-образной платформы, а передняя линия платформы прорисована отдельно.

С противоположного конца переднего края платформы из сохранившихся линий рисунка видно (рис. 6), что второго «колеса» не предполагается, а если оно и возможно, то симметрия расположения так называемых колес нарушена, что не свойственно для изображений колесниц близлежащих регионов.

И потом с технической точки зрения у такой массивной платформы столь маленькие колеса не могут находиться в передней части платформы.

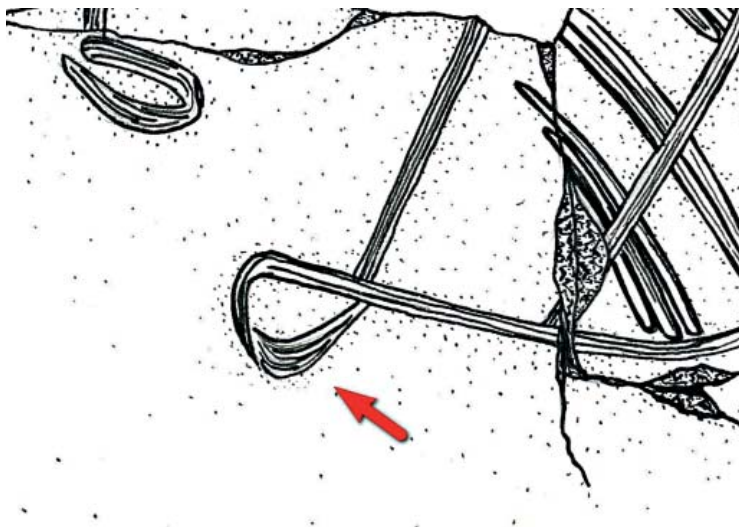

Рис. 5. Изображение рисунка на сосуде из могильника у с. Спасское. Детали.

Fig. 5. Cart image on the vessel from the burial ground at the village of Spassky. Details.

Ось. Платформа за осью размещена сравнительно нечасто – 19% и 14% (среди колесниц и двуколок соответственно) (Новоженков, 2012, с. 366).

Тогда на себя обращает внимание вторая (параллельная) линия (рис. 7), которая в таком случае вполне может быть осью повозки. В большинстве случаев в изображении повозок платформа размещена над осью – 40% и

36,9% (среди двуколки и колесниц соответственно). Исходя из этого, напрашивается вывод, что колёс на данном изображении нет.

Два коротких штриха в верхней части платформы могут быть продолжением многорядного зигзага, а могут и не быть, так как многорядный зигзаг неравномерный по всему горшку. Если шаг зигзага шире, то это продол-

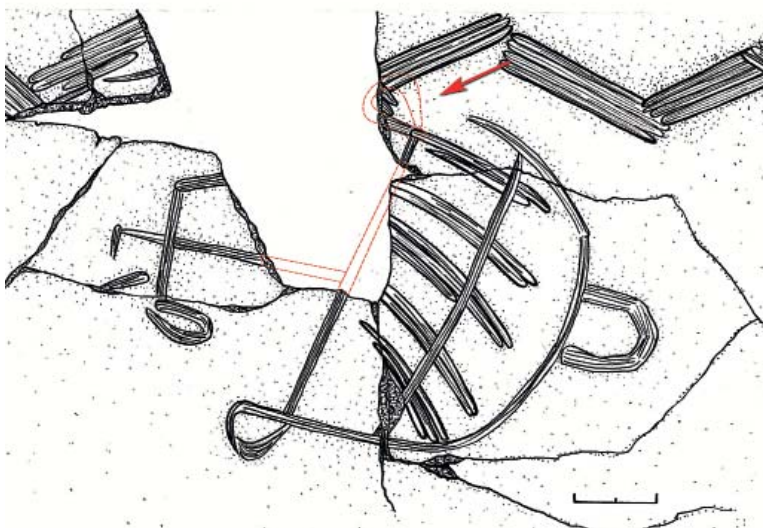

Рис. 6. Изображение рисунка на сосуде из могильника у с. Спасское. Детали.

Fig. 6. Image cart on the vessel from the burial ground at the village of Spassky. Details.

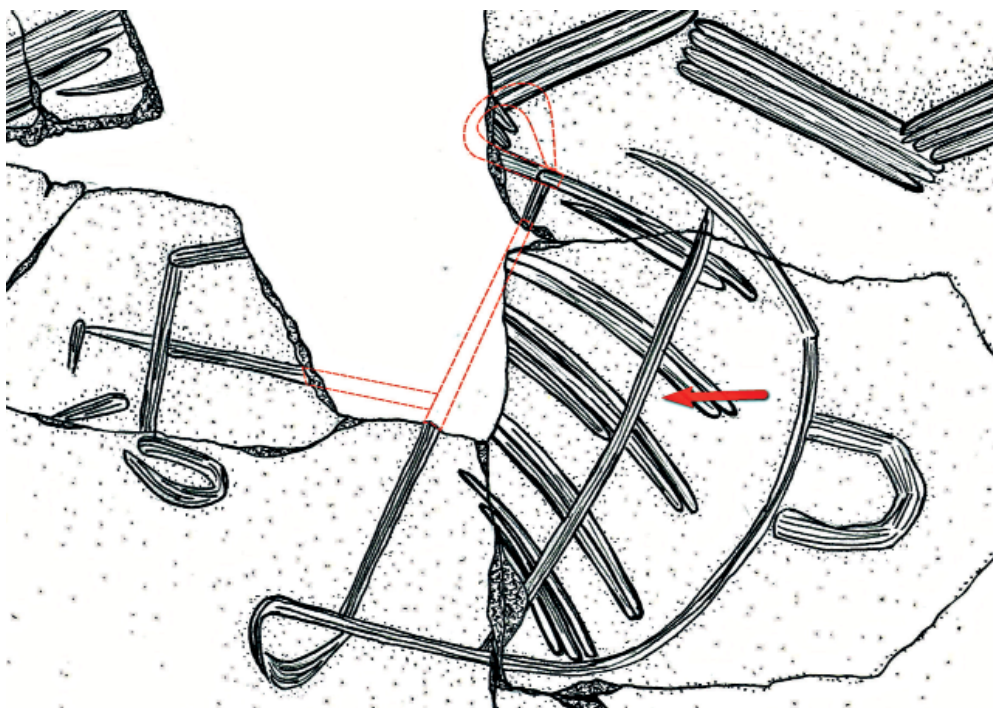

Рис. 7. Изображение рисунка на сосуде из могильника у с. Спасское. Детали.

Fig. 7. Cart image on the vessel from the burial ground at the village of Spassky. Details.

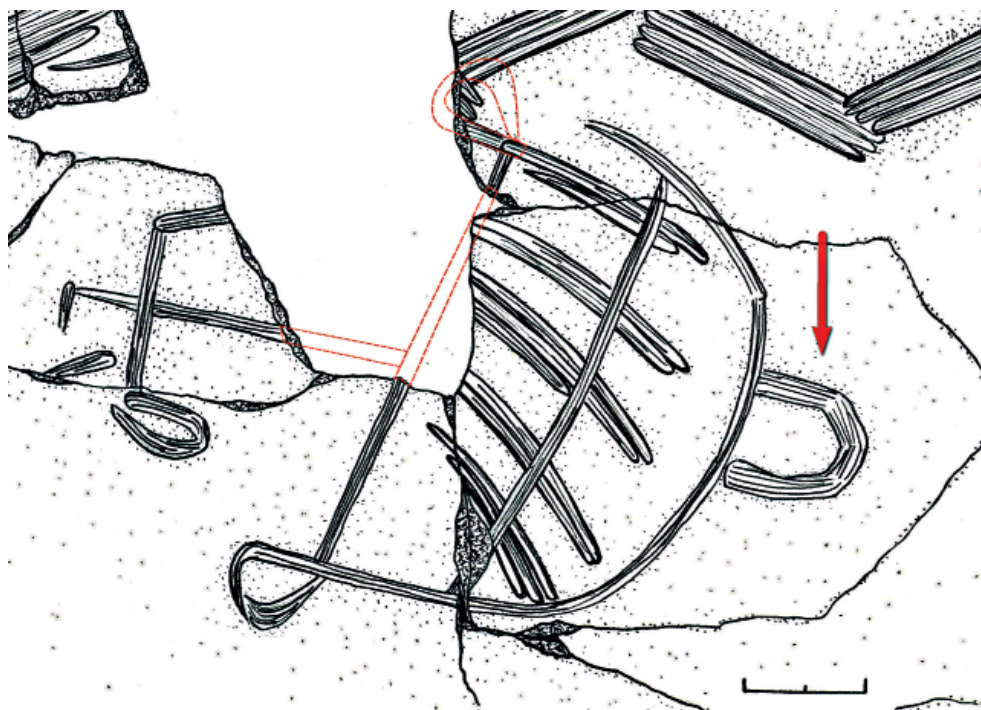

Рис. 8. Изображение рисунка на сосуде из могильника у с. Спасское. Детали.

Fig. 8. Cart image on the vessel from the burial ground at the village of Spassky. Details.

жение повозки, если же уже – то это часть зигзага.

Поперечные штрихи на платформе, по всей видимости, отображают натянутые кожаные ремни.

Петля. А вот последний элемент – петля в виде неровного полукруга, изображенная в центре задней части платформы (рис. 8) – вызвал затруднения в его трактовке.

Один из вариантов трактовки, что данная петля является фаркопом для привязывания тяжелых грузов (например, бревен) или других повозок (возможно, даже с тягловыми животными).

Однако подобный элемент на других изображениях колесниц обнаружен не был. В основном это фигуры людей с расставленными ногами, иногда округлое пятно (голова), переходящее сразу в ноги. Встречено было только одно изображение, где предполагается фаркоп (хотя он и не виден) (Новоженков, 2012, с. 62). Однако это другая традиция изображения – «в профиль». Также стоит заметить, что на петроглифе изображены двухколесные повозки с поклажей.

Но есть изображения колесниц, которые В.А. Новоженков выделяет в подтип 5 вариант 5.2 (Новоженков, 2012, с. 113, рис. 57: 6.2EI19, 6.2 EI1, 6.2EI21, 6.2 EI7, 6.2 EI45, 6.2 EI43), где на краю платформы визуализируется антропоморфная фигура без четкого очертания ног (т. е. голова, тело и руки), как будто возница изображен стоящим по пояс за передней стенкой кузова. А также петроглиф, где ноги возницы изображены за половиной «прозрачной» платформы, а руки держатся за ее «задний» край, который, вероятней всего, символизирует переднюю стенку кузова платформы. Из чего можно допустить суждение, что наша колесница изображена на горшке в неправильной перспективе и мы видим передний борт кузова с петлей сверху. Поперечные штрихи в данном

случае могут иллюстрировать плетеный кузов, что в принципе не отменяет в данной проекции наличие оси под центром платформы.

Аналоги «петли» по верхнему краю передней части борта кузова показаны в профильной проекции изображений колесниц Ассирии (Мочалов, 2015, с. 161; Масперо, 1916, с. 100, рис. 21; с. 107, рис. 27), Египта (Новоженков, 2012, с. 189, рис. 99), Греции (Новоженков, 2012, с. 294, рис. 166) и Китая (Новоженков, 2012, с. 235, рис. 141; 141А), по всей видимости выполняя роль элемента для «стяжки» тросом (прутом или ремнем) верхней части кузова с дышлом (или ярмом). Но почему-то данный элемент оставлен исследователями без особого внимания и его название в современных публикациях нами не встречено.

М.Ю. Мочалов пишет о том, что «стяжка» верхней части кузова и низа дышла появляется на ассирийских колесницах с XVI в. до н. э., она облегчает давление дышла на ярмо и соответственно на лошадей (Мочалов, 2015, с.62). Подобная этому описанию «стяжка» встречается в изображениях египетских колесниц (Новоженков, 2012, с. 189, рис. 99). Но есть множество изображений ассирийских колесниц со «стяжкой» между верхом кузова и верхом дышла (или ярма).

Данную «стяжку с петлей» изобразить в любой другой проекции, кроме как проекции «в профиль», невозможно. Тем не менее исключить наличие этой детали из контекста Урало-Казакстанских степей мы не можем. Все опубликованные изображения двуколки, а также материалы погребений с колесницами данного региона не дают нам возможности утверждать, что в конструкции двуколок использовались А-образные дышла. Поэтому петроглифы с изображением четного количества линий: двух (Новоженков, 2012, с. 114, рис. 58: 2.2.Ко9),

четырёх (Новоженов, 2012, с. 113, рис. 57: 6.2.E145) и шестью между платформой и ярмом, изображенных «в плане», мы вполне можем трактовать не как А-образное дышло с вожжами (или без них), а как дышло со «стяжкой» и вожжи.

Выводы.

Обсуждаемый рисунок вполне может интерпретироваться как разработка «новой модели колесницы», ее совершенствование (точнее, ее кузова). Скажем, рождение идеи, вылившееся в один из первых «конструкторских чертежей» того времени. И погребенный, вероятно, может быть автором данного «наброска».

Возможно, петля в передней части кузова – это вариант его крепления к повозке, а ярмо-петля – вариант крепления тяглового животного. И даже штрих рядом с ярмом может являться частью его крепления сверху. Это объясняет, почему одно ярмо прорисовано в деталях, а второму практически не уделено внимания. Также данная интерпретация объясняет отсутствие колес, так как все внимание уделено «кузову» колесницы.

Таким образом, по нашему мнению, на сосуде из Спасского могильника изображена часть двуколки с парной упряжкой, в которую могли запрягаться тягловые животные. Исходя из нашей трактовки, мы можем говорить о том, что: а) это D-образная платформа двухколесной повозки с фаркопом в ее задней части, который мог использоваться для перевоза тяжелого крупногабаритного прицепного груза, а также тягловых животных и других повозок; б) это часть именно колесницы, а не повозки, что объясняется наличием открытого борта кузова, который выполняет функцию удержания возницы в колеснице при резком торможении (Нефедкин, 2001, с. 27; Чечушков, 2013, с. 165). Петля же, изображенная по центру верхнего края передней стенки кузова, является составляющей деталью «стяжки» верхней части кузова с дышлом (или ярмом). Определиться с выбором точки зрения, возможно, помогут экспериментальные работы или новые археологические материалы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галкин Л.Л. Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья // СА. 1977. № 3. С. 189–196.
2. Захарова Е.Ю. Сосуды со знаками срубной культурно-исторической общности. Воронеж: ЦЧКИ, 2000. 163 с.
3. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Изд-во ВИНТИ, 1994. 464 с.
4. Нефедкин А.Н. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н. э.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 528 с.
5. Новоженов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М.: Таус, 2012. 500 с.
6. Масперо Г. Ассирия. Т. II. Во времена Рамзеса и Ассурбанипала / пер. Е. Григорович. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и КО, 1916. 287 с.
7. Мочалов М.Ю. Ассирийская держава. От города-государства – к империи. М.: Вече, 2015. 320 с.
8. Стоколос В.С. Отчёт Верхне-Уральской археологической экспедиции ЧОКМ в районе сооружения Верхнеуральского водохранилища в 1961 г. 71 с.
9. Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972. 168 с.
10. Чечушков И.В. Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша). Т. 1. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 250 с..

Информация об авторе:

Докучаева Стефания Вячеславовна, научный сотрудник. Государственный исторический музей Южного Урала (г. Челябинск, Россия); stefany900@bk.ru

**MUSINGS ABOUT IMAGE CART ON THE POT FROM THE BURIAL
GROUND ABOUT VILLAGE SPASSKY**

S.V. Dokuchaeva

In the burial ground about village Spassky during the excavations of the first group of burial mounds in 1961 in the construction zone of the Verkhneural'skoe reservoir (upper course of the Ural River, Chelyabinsk region) a pot with the image cart was discovered. In the scientific literature over the past decades, several points of view have been formulated about the appearance of this image. The article provides a detailed analysis of the unique schematic image of the cart on the pot. Such images of carts are rare, so a wide range of images from various territories are involved in the analysis. An attempt is presented to determine the individual parts and details of the design of the cart image. In the conclusions the author suggests two possible interpretations of the drawing from the burial ground about village Spassky: this is image represent cart with tow hitch for hitching and to transport a load or other carts; or it represents foreground body of a cart with loop for constriction body of a cart with draught-pole.

Keywords: archaeology, South Urals region, Bronze Age, pot with image cart, detail's cart.

REFERENCES

1. Galkin, L. L. 1977. In *Sovetskaya Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (3), 189–196 (in Russian).
2. Zakharova, E. Yu. 2000. *Sosudy so znakami srubnoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti* (Vessels with signs of the Srubnaya cultural and historical community). Voronezh: "TsChKI" Publ. (in Russian).
3. Kuz'mina, E. E. 1994. *Otkuda prishli indoirany? Material'naya kul'tura plemen andronovskoi obshchnosti i proiskhozhdenie indoirantsev* (Where did the Indo-Aryans come from? Material culture of Andronovo Communion and the Origin of the Indo-Iranian peoples). Moscow: "VINITI" Publ. (in Russian).
4. Nefedkin, A. N. 2001. *Boevye kolesnitsy i kolesnichie drevnikh grekov (XVI–I vv. do n. e.)* (War-chariot of the Greeks in the 16th to the 1st c. BC). SPb.: "Peterburgskoe Vostokovedenie" Publ. (in Russian).
5. Novozhenov, V. A. 2012. *Chudo kommunikatsii i drevneyshiy kolesnyy transport Evrazii* (Miracle of Communications and Earliest Wheeled Transport of Eurasia). Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).
6. Maspero, G. 1916. *Assiriya. T. II. Vo vremena Ramzesa i Assurbanipala* (Assyria Vol. II. In the time of Ramesses and Ashurbanipal). Moscow: "Tito-litografiya T-va I.N. Kushnerev i KO" Publ. (in Russian).
7. Mochalov, M. Yu. 2015. *Assiriyskaya derzhava. Ot goroda-gosudarstva – k imperii* (Assyrian State. From city-state to empire). Moscow: "Veche" Publ. (in Russian).
8. Stokolos, V. S. 1961. *Otchet Verkhne-Ural'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii ChOKM v rayone sooruzheniya Verkhneural'skogo vodokhranilishcha v 1961 g.* (Report of the Upper Ural archaeological expedition of the ChOKM in the area of the Upper Ural reservoir construction in 1961) (in Russian).
9. Stokolos, V. S. 1972. *Kul'tura naseleniya bronzovogo veka Iuzhnogo Zaural'ia* (Culture of the Bronze Age Population of the Southern Trans-Urals). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Chechushkov, I. V. 2013. *Kolesnichnyy kompleks epokhi pozdney bronzy stepnoy i lesostepnoy Evrazii (ot Dnepra do Irtysha)* T. 1. (Chariot complex of the Late Bronze Age of the steppe and forest-steppe Eurasia (from the Dnieper to the Irtysh)). Vol. 1. PhD Diss. Ekaterinburg (in Russian).

About the Author:

Dokuchaeva Stefaniya V. State Historical Museum of South Ural. Truda st., 100, Chelyabinsk, 454091, Russian Federation; stefany900@bk.ru

Статья принята к публикации 01.03.2023 г.

УДК 902.2 (903.2)

<https://doi.org/10.24852/pa2023.1.43.76.91>

ГЛИНЯНЫЕ ПЕЧАТИ-ПИНТАДЕРЫ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ САРВАНТЕПЕ

© 2023 г. Ш.Н. Наджафов

Поселение Сарвантепе, относящееся к периоду поздней бронзы-раннего железа (вторая половина II – начало I тыс. до н. э.), расположено на территории села Чайлы Газахского района в западной части Азербайджанской Республики. Памятник очень богат с точки зрения археологических материалов и отражает материальную культуру региона в отмеченный период. Многочисленные глиняные печати, найденные на поселении, вызывают наибольший интерес. До сих пор на поселении было выявлено 40 подобных артефактов. Они имеют разные формы и не повторяются по узорным элементам. Подобные печати характерны для поселений периода поздней бронзы-раннего железа Гянджа-Газахской зоны. Конкретные цели использования этих печатей полностью не уточнены. Некоторые специалисты считают, что эти печати использовались для украшения тканей, для нанесения орнамента на керамику и хлеб во время выпечки. По мнению ряда исследователей, аналогичные печати, найденные в Сарытепе, Баба Дервише, Ястытепе, Гарабулаге, Сары Реме, Пойлу II, Тойретепе и в Мингечевире использовались для опечатки водных дамб и запруд в мелких сельских хозяйствах. Большинство глиняных печатей Сарвантепе были изготовлены из глины серого цвета, они хорошо обожжены. Орнамент большинства из них нанесен способом вырезки. На рабочей стороне печати сделано свастикаобразное изображение очень смешанного вида.

Ключевые слова: археология, Азербайджан, бассейн Средней Куры, Газах, Сарвантепе, период бронзы, поселения, глиняные печати.

Введение. История глиняных печатей уходит в глубокую древность. Глиняными печатями пользовались шумеры, ассирийцы, халды, мидяне, персы и др. народы. Использование печатей только для определенных объектов и их неприкосновенность стали причиной создания о них исключительно религиозных представлений. Именно основываясь на подобных фактах, можно отметить, что подобные печати имели немаловажное историческое значение.

Пинтадерами (исп. *pintadera*, от *pintar* – писать красками, изображать) в археологической литературе принято обозначать глиняные рельефные штемпели (обычно с орнаментальным узором), которые служили в качестве оттиска знака собственности или же использовались для нанесения орнамента на различные поверхности в ритуально-религиозных целях.

На территории Азербайджанской Республики глиняные печати-пинтадеры, или штампы, известны на

немногих поселениях. В ходе археологических работ печати обнаруживались в различных местах: в культурном слое, в хозяйственных ямах и хозяйственных кувшинах, редко – внутри помещений и очагов. Общее количество обнаруженных глиняных печатей насчитывает около 150 экземпляров. Большинство из них происходит из памятников, расположенных в Газахском (поселения Сарытепе, Шомутепе, Сарвантепе, Ганлы Тойре, Молламей, Оджагтепе, Ангуттепе), Акстафинском (поселения Ястытепе, Тойретепе, Пойлу II), Гедабекском («Лешкер галачасы»), Шамкирском (поселения Сары Реме, Геме тепе и Узерликтепе), Гахском (Гарабулаг), Геранбойском (Шадылы и Узун Реме) и Мингечаурском районах (табл. 1). Большинство рассматриваемых артефактов происходит из поселения Сарытепе (расположенного на окраине города Газаха) и из поселения Сарвантепе (на территории села Чайлы Газахского района) (рис. 1). В ходе

Рис. 1. Месторасположение Газахского района на карте Азербайджана.
Fig. 1. Location of the Gazakh district on the map of Azerbaijan.

систематических раскопок на памятнике Сарытепе (1956–1960 гг.) было обнаружено 36 экземпляров печатей (Халилов, 1960; Nərimanov, 1963; Нариманов, 1973), 40 экземпляров удалось выявить из поселения Сарвантепе (Наджафов, 2018).

История изучения и классификация глиняных печатей. В начале 70-х годов прошлого века выдающийся азербайджанский археолог д.и.н., проф. И.Г. Нариманов впервые систематизировал и классифицировал находки глиняных печатей с территории западного региона Азербайджанской Республики.

И.Г. Нариманов выделил два типа печатей: круглые и прямоугольные. Далее среди круглых печатей по характеру изображений на рабочей ча-

сти он выделяет пять групп. Пинтадеры со свастикой относятся к третьей группе круглых печатей (Нариманов, 1973, с. 117). В середине печати сделана круглая впадина – центральная точка-ось, что, по-видимому, подчеркивает движение изображения (Нариманов, 1973, с. 119).

Впервые печати-пинтадеры с изображением свастики были обнаружены в 1948 г. на поселении Сарытепе (Газахский район) (Qazıyev, 1962, s. 156–158). В дальнейшем, в ходе раскопок 1956–1960 гг. на поселении Сарытепе были выявлены еще изделия подобного рода. Все штампы находились в культурном слое, в хозяйственных ямах и больших кувшинах, редко – внутри помещений (Нариманов, 1973, с. 114). Также в Сарытепе была

обнаружена круглая печать, на внешней стороне которой присутствовала свастика (Нариманов, 1973, с. 116). Один из прямоугольных штампов Сарытепе выделяется тем, что на его рабочей части изображение двух свастик рельефными линиями сделано сравнительно менее симметрично, чем нарезными желобчатыми линиями (Халилов, 1960).

В 1956 г. печати-пинтадеры были выявлены на поселении Ястытепе (Актафинский район) (Muradova, Nərimanov, 1973, s. 53), а в 1966 – на четвертом холме поселения Баба Дервиш (Газахский район) (Алиев, 1971, с. 226).

Археолог, д.и.н., проф. В.Г. Алиев связывал печати-пинтадеры поселения Баба Дервиш с домашним святилищем. На рабочей поверхности обнаруженных им печатей имеются следы копоты. По его мнению, во время моления в связи с различными религиозными обрядами на поверхность печати наливали масло и зажигали (Алиев, 1971, с. 226; Əliyev, 1976).

В 1955 г. на поселения Тойретепе, расположенного на территории села Нижний Гейджалы Актафинского района, был обнаружен прямоугольный штамп со свастикой. находка относилась к верхнему культурному слою памятника, содержавшего материалы эпохи поздней бронзы – раннего железа (Нариманов, 1973, с. 114–115). Изображение на рабочей поверхности данного штампа состоит только из одной свастики, что является исключением для штампов прямоугольного типа (Рустамов, Нариманов, 1965, с. 75). Аналогичный штамп из Тойретепе мы можем встретить в Грузии (Пицхелаури, 1965, табл. VII. 5; Chogovadze, 2019, fig. 66). Две печати были обнаружены на поселении Ястытепе у железнодорожной станции Акстафа в том же районе (в 1956 г.), и еще шесть печатей было обнаружено в 1957 г. на древнем по-

селении в окрестностях города Газаха на правом берегу реки Акстафа, на большом холме, часть которого разрушена во время земляных работ (Нариманов, 1957, с. 140). В 1962 г. во время археологических исследований поселения Шомутепе около Акстафы в его слабовыраженном верхнем культурном слое был найден глиняный штамп круглой формы. В ходе археологических раскопок поселения № 1 в Мингечауре были выявлены две печати-пинтадера (округлой и прямоугольной формы) со свастикой. На верхней плоскости стержневой рукоятки округлой печати была нанесена свастика (Асланов и др., 1959, с. 89). Сложный рисунок самой печати, по мнению И.Г. Нариманова, является также солярный знак – свастику (Нариманов, 1973, с. 119). Еще четыре глиняных штампа (с круглой и прямоугольной рабочей частью) найдены при раскопках поселения «Лешкер галачасы» в Гедабеке. В местности Гарабулаг Гахского района на территории древнего поселения найден штамп серого цвета с четырехугольной рабочей частью.

Время изготовления и бытования штампов определяется концом II – началом I тыс. до н. э. (Нариманов, 1973, с. 115). Археологические памятники, на которых были обнаружены печати-пинтадеры со свастикой, относятся к ходжалы-гедабекской археологической культуре. Правильность датировки глиняных печатей и связанных с ними комплексов археологического материала была подтверждена результатами радиоуглеродного датирования угля из верхней части культурного слоя поселения Шомутепе. Анализ проводился в Бомбейской лаборатории. Была получена дата 3000 ± 100 лет тому назад.

Формы, орнаменты и характеристика сарвантепинских печатей. В 2009–2014 и 2020–2022 гг. в ходе археологических раскопок (под

Рис. 2. Образцы глиняных печатей из поселения Сарвантепе (Газахский район).

Fig. 2. Clay seals samples from the Sarvantepe settlement (Gazakh district).

руководством д.ф. по истории, доц. Ш.Н. Наджафова) на поселении Сарвантепе (Газахский район) было обнаружено около 40 печатей-пинтадер, различающихся по форме и по орнаменту (рис. 2–5). Данные печати-пинтадеры по форме рабочей части могут быть отнесены к двум типам: круглые (рис. 2, 3, 5: 1) и прямоугольные (рис. 4) (Наджафов, 2018, с. 276–277). Только один штамп имеет крестовидную форму (рис. 5: 2).

К первому типу относится 25 штампов. По характеру изображений на рабочей части сарвантепинские круглые печати-пинтадеры можно разделить на три группы.

Изображение в виде дугообразной линии вдоль края штампа подходит к центру, а затем продолжается к краю, создавая полукруг, как вначале. На двух таких штампах рельефная часть лицевой стороны украшена косыми насечками. На одном штампе боль-

Рис. 3. Глиняные печати из поселения Сарвантепе (Газахский район).

Fig. 3. Clay seals ('pintaderas') from Sarvantepe settlement (Gazakh district).

шие точки покрывают как рельефные, так и желобчатые линии, а на другом имеется линия точечных углублений по вертикали и врезной знак свастики (рис. 2: 3–4).

На рабочей части одного из штампов Сарвантепе полукруглые желобчатые линии состоят из трех ветвей, которые исходят из центра и направляются в одну сторону по краям (рис. 3: 1–3). В обеих группах этих

штампов в основе изображений лежит один и тот же мотив. Его же можно проследить на изображениях из следующей разновидности круглых штампов.

Изображение состоит из четырех дугообразных желобчатых линий, направленных против часовой стрелки. Они соединяются между собой в середине рабочей части и образуют обычный солярный знак – свастику.

Рис. 4. Глиняные печати, найденные на поселении Сарвантепе (Газахский район).

Fig. 4. Clay seals ('pintaderas') from Sarvantepe settlement (Gazakh district).

В середине штампа сделана круглая впадина – центральная точка-ось, которой, по-видимому, подчеркнуто движение изображения.

В середине рабочей поверхности одной из круглых печатей серого цвета вырезаны желобки в виде concentрических кругов. От наружного круга лучеобразно расходятся глубокие желобки с точечными украшениями и выпуклые линии с украшениями в виде штрихов. Рабочая часть штампа местами сломана. Диаметр ее 20 см, общая высота с ручкой 9,2 см (рис. 2: 2).

Печати-пинтадеры с прямоугольной рабочей частью известны в количестве 15 штук (Наджафов, 2019, с. 141). Все они со свастикой (рис. 4). Подобно круглым штампам они тоже неодинаковы по размерам. Самые массивные из них имеют рабочую сторону площадью 150 см², а наименьшие – 30 см².

В частности, в 2011 г. в квадрате I на глубине 1 м была обнаружена печать размерами 9×10 см и толщиной 4 см, изготовленная из чистой глины без примесей, фрагмент которой и ручка отсутствовали (рис. 4: 2). В том

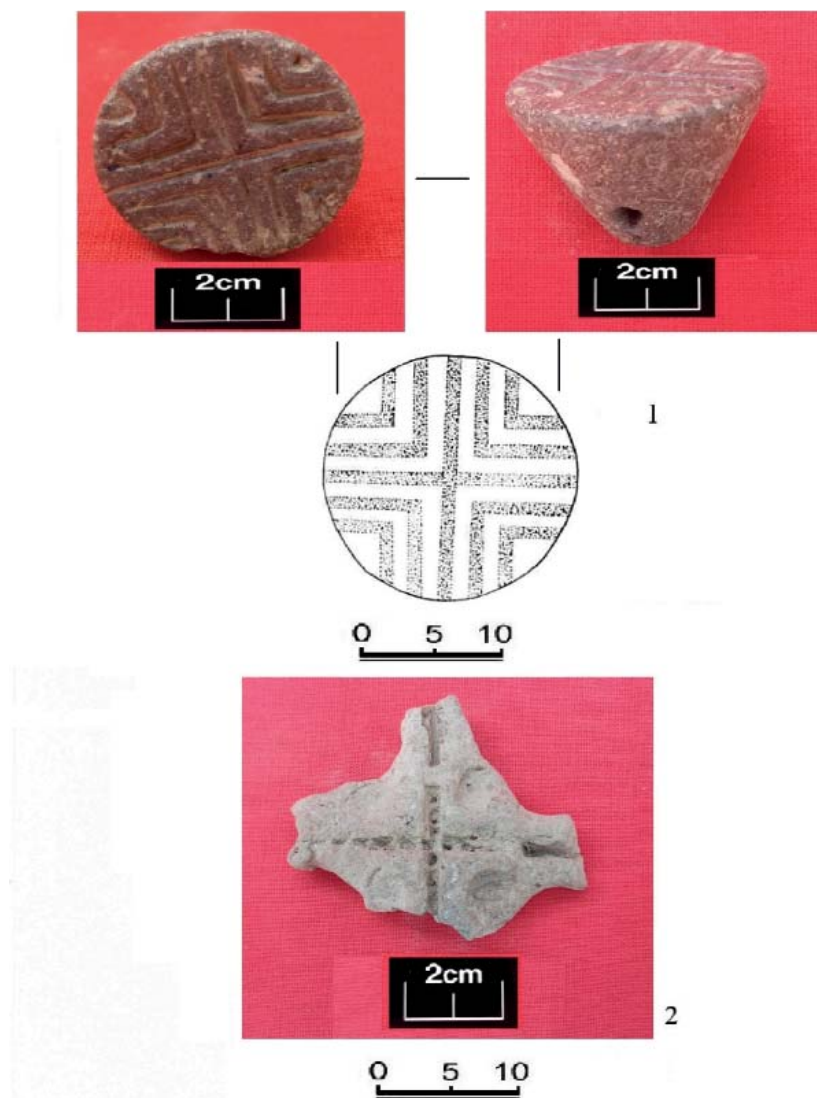

Рис. 5. Глиняные печати, найденные на поселении Сарвантепе (Газахский район).

Fig. 5. Clay seals ('pintaderas') from Sarvantepe settlement (Gazakh district).

же году в квадрате II внутри очага был обнаружен фрагмент прямоугольного пинтадера размерами 4,5×6 см и толщиной 4 см (рис. 4: 3).

В 2012 г. в квадрате II на глубине 80 см была выявлена целая печать, изготовленная из чистой глины, со следами копоти, размерами 11×12 см, толщиной 3,5 см и толщиной ручки 4 см (рис. 4: 1).

На рабочей поверхности двух печатей-пинтадеров, обнаруженных в

квадрате II на глубине 90 см, изображение состоит из одной свастики, что является исключением для пинтадеров данного типа.

В 2013 г. в квадрате III близ стены строения № 1 был выявлен пинтадер, изготовленный из чистой глины, размерами 4×4,2 см, толщиной 3,5 см. Длина ручки составляет 4,2 см (рис. 4: 4). В этом же полевом сезоне в квадрате III на глубине 90 см была выявлена печать со свастикой. Печать нахо-

Таблица 1

Глиняные печати-пинтадеры с территории Азербайджана (Гянджа-Газахской зона)

№	Археологический памятник	Месторасположение	Период	Количество
1	Ганлы Тойре	Газахский район	Неолит-ранняя бронза	2
2	Тойретепе	Актафинский район	Халколит-ранняя бронза	4
3	Пойлу II	Актафинский район	Халколит- ранний железный век	1
4	Баба Дервиш	Газахский район	Ранняя бронза- ранний железный век	4
5	Шомутепе	Газахский район	Ранняя бронза- ранний железный век	1
6	Сарытепе	Газахский район	Поздняя бронза-ранний железный век	36
7	Оджагтепе	Газахский район	Поздняя бронза-ранний железный век	1
8	Ангуттепе	Газахский район	Поздняя бронза-ранний железный век	1
9	Сарвантепе	Газахский район	Поздняя бронза-ранний железный век	40
10	Молламей	Газахский район	Поздняя бронза-ранний железный век	1
11	Даш Салахлы	Газахский район	Поздняя бронза-ранний железный век	1
12	Гемигая	Газахский район	Поздняя бронза-ранний железный век	1
13	Ястытепе	Актафинский район	Поздняя бронза-ранний железный век	4
14	Галача (Лешкер)	Гедабекский район	Поздняя бронза-ранний железный век	2
15	Сары Реме	Шамкирский район	Поздняя бронза-ранний железный век	1
16	Геме тепе	Шамкирский район	Поздняя бронза-ранний железный век	1
17	Узерликтепе	Шамкирский район	Поздняя бронза-ранний железный век	2
18	Мингечаур	Мингечаур	Поздняя бронза-ранний железный век	2

дилась в пепле, вместе с фрагментом керамики и бронзовой иглой. Размеры штампа 5×5,2 см, толщина 3,7 см, длина ручки 4,7 см. Штамп был изготовлен из чистой глины.

В коллекции имеется один экземпляр печати с изображением в виде полусвастики. Как отмечено, аналогичное изображение более характерно для штампов круглой формы.

Один из прямоугольных штампов Сарвантепе выделяется тем, что на его рабочей части изображение трех свастик сделано рельефными линиями сравнительно менее симметрично, чем нарезными желобчатыми линиями. Загнутые концы этого изображения сливаются с «рельефным ромбовидным крестом» середины рабочей поверхности (Najafov, 2017, p. 248–249). Аналогичная фигура из желобчатых линий расположена внутри его. В самом центре находится круглая впадина. Такие детали в от-

дельных случаях встречались и на изображениях на круглых штампах. Ромбовидные кресты частично нарушают форму изображения и придают ему сложный вид. Несмотря на это, мастер, изготовивший штамп, смог выдвинуть на первый план знак, который он хотел изобразить.

Печати-пинтадеры обожжены, имеют в основном серый, реже черный или коричневый цвет. В составе глины имеется примесь мелкого песка. Изображения свастик, еще до обжига изделий, были глубоко врезаны для получения глубокого оттиска. Штампы имеют в основном прямую ручку. Исключением является серо-глиняный двухсторонний штамп катушкообразной формы, на обеих сторонах которого изображения также глубоко врезаны (Najafov, 2017, p. 248–249).

На прямоугольных печатях основу мотива почти всех изображений со-

ставляет солярный знак (свастика), выполненный нарезными желобчатыми линиями (рис. 4). На некоторых штампах изображение состоит из двух или трех свастик, нанесенных в сложном сочетании. В этих случаях середина одной свастики относится к двум или трем другим свастикам, которые имеют загнутые концы. Изображения выполнены аккуратно, в каждом случае рабочая часть как бы разделена на четыре сектора, в которых симметрично разместились загнутые концы знаков, соединяющихся между собой крестообразной линией в центре рабочей поверхности (рис. 4: 1). Встречаются также и изображения в виде полусвастики (два экземпляра), что было характерно для печатей округлой формы (Наджафов, 2019, с. 141).

Печати-пинтадеры, обнаруженные на территории Azerbaijan, имеют одинаковые формы и сходные изображения. Эти предметы сходны также по составу глины и цвету обжига.

Аналогии и интерпретации. Из других районов Южного Кавказа известны глиняные печати-пинтадеры прямоугольной формы. Среди них находки из раскопок холма Муханнеттепе около Еревана, из поселения Ахталы около озера Гекче, из окрестностей бывшего Ново-Афонского монастыря в Абхазии (Крупнов, 1947, с. 18). В последние годы (2000–2015 гг.) на территории Восточной Грузии, в бассейне рек Иори (Габырры) и Алазани (Ганых) во время археологических раскопок в нескольких пунктах были обнаружены глиняные печати-пинтадеры прямоугольной формы, которые по форме и изображению имеют полную аналогию с печатами-пинтадерами из Azerbaijan (Chogovadze, 2019).

На территории Южного Кавказа печати-пинтадеры округлой формы со свастикой на ручке были обнаружены

на холме Фарнали, близ с. Чогнари, около с. Дзеври (Chogovadze, 2019, fig. 19, 38), круглой формы печати со свастикой на корпусе штампа – в районе г. Кутаиси (Chogovadze, 2019, fig. 70), круглой формы, в качестве оттиска штампа, – в святилище Мелигелеле, на поселении Катланикхеви (Уплисхихе) (Chogovadze, 2019, fig. 62, 64). Печати прямоугольной формы со свастикой были выявлены в ходе археологических раскопок близ с. Хирса (Пицхелаури, 1965, табл. VII. 5; Chogovadze, 2019, fig. 66), а также на поселении Диднаури, Мчадиджвари, Катланикхеви (Уплисхихе), на территории крепости г. Рустави, около г. Дедоблисцкаро, с. Земо-Кеди, Гудабертка на поселении Трели Гореби в Грузии (Chogovadze, 2019, fig. 63–65, 67–69, 71, 75, 79, 108).

Глиняный штамп прямоугольной формы был обнаружен на поселении Мецамор (Ханзадян и др., 1973, рис. 136), еще два пинтадера (один округлой, а другой прямоугольной формы) были выявлены на поселении Гехарот на территории нынешней Армении (Smith, Leon, 2014, fig. 8 d).

На Северном Кавказе также найдены глиняные печати с геометрическим рисунком. Подобные печати-пинтадеры обнаружены на Алхастинском и Сержень-Юртском поселениях и на городище Алхан Кала (Крупнов, 1941, с. 170, табл. IV, рис. 3–5; Крупнов, 1947, с. 17, рис. 10; Крупнов, 1960, с. 157, рис. 19; Мунчаев, 1962, с. 186, рис. 5; Виноградов, 1963, с. 213). На Сержень-Юртском поселении было найдено около десяти круглых и три четырехугольных глиняных печатей небольших размеров с изображением свастик. Печати-пинтадеры, найденные на территории древних поселений Северного Кавказа, относятся к первой половине I тысячелетия до н. э.

В 1972 г. на поселении Алтын-тепе (Туркменистан) в раскопе 7, в помещении 7, была обнаружена пря-

моугольная штамповая печать со свастикой, изготовленная из мягкого белого камня, напоминающего алебастр (Masson, 1981, fig. 1. 2). Следует отметить, что в раскопе 7 был выявлен ритуальный центр, а помещение 7 являлось святилищем (Массон, 1981, с. 67). Этот слой памятника относится к фазе Намазга V и датируется в пределах 2300–1850 гг. до н. э. (Массон, 1981, с. 95).

Находки круглых и прямоугольных глиняных печатей с рисунком на лицевой стороне известны на многих поселениях бронзового века на территории Турции. Они датируются первой половиной II тыс. до н. э. Рабочая поверхность данных печатей покрыта изображениями в виде спирали, концентрических кругов и др. Многие прямоугольные печати-пинтадеры привлекают внимание своими явно культовыми композициями, в частности изображением богини, по обеим сторонам которой расположены крылатые звери, над ручкой – крестообразный знак, видимо, изображающий летящую птицу (Mellaart, 1964; Sedat, 1972; Özdemir, Kortanoglu, 2020).

Круглая печать со свастикой была обнаружена на городище Сузы (Иран) и отнесена к периоду халколита. Штамп изготовлен из кремня. Помимо правосторонней и левосторонней свастики на нем имелся еще и зооморфный мотив (Mesquienem, 1934, fig. 19). В Сузах также были обнаружены каменные круглые печати со свастикой, относящиеся к периоду ранней бронзы (Mesquienem, 1934, p. 16, fig. 9–10). Находки каменных и медных (бронзовых) печатей с изображением свастики, относящиеся к периодам ранней и средней бронзы, известны в том числе и с территории Анатолии (Umurtak, 2002; Türkcan, 2006).

На обратной стороне агатовой округлой печати-амулета из северной Сирии, датируемой около 1000 г.

до н. э., имеется изображение свастики, заключенной в круг (Osten, 1934, p. 72, pl. XXXIII).

Впервые прямоугольные штамповые печати со свастикой были обнаружены на памятниках Хараппской археологической культуры на территории Пакистана. В ходе археологических раскопок на городище Хараппа был обнаружен фрагмент костяной печати, с возможным орнаментом в виде свастики, датируемый около 3300 г. до н. э. (Kenoyer, 2006–2007, fig. 4). Другая печать с изображением свастики из городища Мехргарх датируется около 2800–2600 гг. до н. э. (Shah, Parpola, 1991, p. 403 (Mr-14 A)). Периодом 2000–1900 гг. до н. э. датируются 15 прямоугольных штампов со свастикой из городища Мохенджо-Даро, изготовленных из белого стеатита, белого или желтого фаянса (Marshall, 1931, p. 374, 405, pl. CXIV. 500–515), и находка фаянсовой печати из городища Хараппа (Kenoyer, 2006–2007, fig. 6 c).

Функция, основные мотивы и семантика изображений печатей-пинтадер. По поводу назначения пинтадеров имеются разные версии, основной из которых является предположение, что печать несла прежде всего функцию знака собственности. Помимо этой версии существуют и другие гипотезы, в частности, что печати ставились для ornamentации хлебцев, лепешек, кожи, тканей и т. д.

Г.М. Асланов полагал, что печать, найденная в Мингечауре, имела функцию знака собственности (Асланов, 1953, с. 563, рис. 1–2). Она датируется началом I тыс. до н. э. С.М. Казиев отмечал, что во время бытования печатей, подобных мингечаурским, обнаруженных на заслонах ирригационных каналов, нельзя говорить об их применении как знаков собственности. По мнению С.М. Казиева, глиняные печати употреблялись для опечатывания складов, зерновых ям,

кюпов и т. д. По существу, он также утверждает, что штампы были знаками собственности (Qaziyev, 1962, s. 156, 170).

Е.И. Крупнов и В.Б. Виноградов, говоря о назначении части штампов, определяют их как набойки для раскраски тканей и т. д. (Krupnov, 1962, p. 203; Виноградов, 1963, с. 213–214). «Маловероятным кажется, – пишет Е.И. Крупнов, – и предположение, трактующее подобные предметы как печать для обозначения знаков собственности... Скорее всего, алхастинские глиняные печати являлись своеобразными набойками для орнаментации кожи и грубой шерстяной ткани, а может быть, им следует приписать и функции хевсурских деревянных и костяных штампов» (Крупнов, 1960). Последние применяются для орнаментации хлебов ритуально-го назначения.

Религиозный характер печатей-пинтадеров из поселений Азербайджана подтверждается характером изображений, нанесенных на их рабочую поверхность (солнце, свастика). Культ солнца отчетливо прослеживается на памятниках Южного Кавказа переходного периода от бронзы к железу. Эти памятники обстоятельно проанализированы Б.Б. Пиотровским (Пиотровский, 1949, с. 90–94). Хорошо известно, что практически у всех народов мира в древности поклонение солнцу занимало особое место. Согласно этим верованиям, силы зла боялись охры, которая являлась олицетворением солнца и огня. В религиозных воззрениях многих народов можно наблюдать астральное единство огня и солнца, образы которых изображались в виде креста. В погребальной магии Солнцу как самому крупному небесному светилу придавалось особое значение (Нәсәfov, 2004, s. 214–215).

В частности, античный географ и историк Страбон сообщает о том,

что кавказские албаны в качестве одного из богов почитали бога Солнца (Алиев, 1992, с. 152). Солярный культ существовал и позднее, вплоть до распространения христианства, а затем и утверждения ислама в Азербайджане.

Свастика у большинства древних народов была символом движения жизни, солнца, света, благополучия, а также символом плодородия земли. Это один из древних и архаичных солярных знаков – указатель видимого движения Солнца вокруг Земли и деления года на четыре части – четыре сезона (Dzhanfezova, 2003, p. 13–76). Знак фиксирует два солнцестояния: летнее и зимнее – и годовое движение солнца. Центрированный вокруг оси, он имеет идею четырех сторон света (Ибрагимов, 2012, с. 482). Помимо свастики с солярным культом были связаны также и орнаменты в виде крестов, кругов, лучей, нанесенные на керамические изделия ходжалы-гедабекской археологической культуры. Хронологические рамки бытования ходжалы-гедабекской культуры охватывают период XIV–IX вв. до н. э. (Гусейнова, 2011).

Как отмечалось выше, определенная часть сарвантепинских печатей-пинтадер имеет изображение в виде свастики – солярного знака, врезанного острым предметом до обжига. Эти изображения были выполнены очень аккуратно и симметрично, что не оставляет сомнений в том, что такие изображения были привычными. Когда мастера хотели получить такое же изображение на выпуклой рабочей поверхности печати, то это им удавалось не просто и изображение получалось менее аккуратным. Таких случаев очень мало. В печатях полную форму изображения, кроме отдельных случаев, дает врезанная часть, а выпуклая состоит из оторванных друг от друга линий. Следовательно, у нас нет основания утверждать, что

при обработке рабочей стороны печати внимание уделялось этим оторванным друг от друга выпуклым линиям, как это отмечает С.М. Казиев (Qaziyev, 1962). Не отрицая наличия нарезных изображений в виде свастики, он утверждает, что при изготовлении штампов мастер не ставил перед собой задачу создать изображения в виде солярного знака (свастики). Это утверждение было высказано С.М. Казиевым на основании нескольких штампов, происходящих из поселения Сарвантепе, до их более детального исследования.

Кроме печатей среди археологических материалов Азербайджана изображение свастики нередко встречается на керамических и металлических артефактах. В этом отношении особый интерес представляют памятники Гянджа-Газахской зоны. Здесь изображения в виде солярного знака встречаются на сосудах, обнаруженных как в бытовых, так и в погребальных памятниках. Разумеется, в переходный период от бронзы к железу знак свастики носил функцию обычного простого мотива в декорации или

орнаментации памятников материальной культуры.

Заключение. Печати-пинтадеры Ходжалы-Кедабекской культуры со свастикой имели, на наш взгляд, помимо основной функции знака собственности, еще и магические, ритуально-религиозные функции, связанные с культом поклонения солнцу. Культ солнца отчетливо прослеживается у населения Южного Кавказа в эпоху поздней бронзы – раннего железа. Изображения солярных символов встречаются на предметах материальной культуры, изготовленных из камня, глины, металлов. Культ солнца продолжает сохраняться на территории нашей республики и в эпоху Античности. Возвращаясь непосредственно к знакам свастики на глиняных печатях-пинтадерах, мы склонны видеть в них отражение первобытно-магического поклонения солнцу или бытования одного из древнейших культов – культа солнца. На глиняных печатях-пинтадерах поселения Сарвантепе нанесены изображения, почти исключительно связанные с культом солнца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев В.Г. Археологические раскопки в урочище Бабадервиш // СА. 1971. № 2. С. 223–232.
2. Алиев К.Г. Античная Кавказская Албания. Баку: Азернешр, 1992. 238 с.
3. Асланов Г.М. Об одной глиняной печати (деж), найденной в Мингечауре // ДАН Азерб. ССР. 1953. № 9. С. 561–563.
4. Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И. Древний Мингечаур (эпоха энеолита и бронзы). Баку: Изд-во АН Аз ССР, 1959. 190 с.
5. Виноградов В.Б. Глиняный штамп с городища Алхан-Кала // Древности Чечено-Ингушетии / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 212–216.
6. Гусейнова М.А. Из истории Южного Кавказа. Ходжалы-Гедабекская культура Азербайджана (XIV–IX вв. до н. э.). Баку: Бизим китаб, 2011. 192 с.
7. Ибрагимов Т.И. Инвариантность и вариативность астральных символов в знаковой культуре древних предков азербайджанцев // Диалог цивилизаций в эпоху становления глобальной культуры / Отв. ред. Н.А. Хренов. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2012. С. 480–484.
8. Крупнов Е.И. Археологические памятники Ассинского ущелья // Работы археологических экспедиций / Труды ГИМ. Вып. XII / Отв. ред. Б.Я. Закс. М.: ГИМ, 1941. С. 156–179.
9. Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев реки Терек и бассейна реки Суэжи // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. XVII / Ред. А.Я. Брюсов. М.: ГИМ, 1948. С. 5–55.
10. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Наука, 1960. 520 с.

11. *Массон В.М.* Алтын-тепе (раскопки города бронзового века в Южном Туркменистане). Л.: Наука, 1981. 176 с.
12. *Мунчаев Р.М.* Памятники Майкопской культуры в Чечено-Ингушетии // СА. 1962. № 3. С. 176–198.
13. *Наджафов Ш.Н.* Археологическое исследование древнего поселения Сарвантепе в 2009–2014 // Актуальная археология 4: комплексные исследования в археологии (Тезисы международного научной конференции молодых ученых. Санкт-Петербург, 02–05 апреля 2018 г.) / Отв. ред. А.А. Бессуднов, Е.С. Ткач. СПб: ИИМК РАН, 2018. С. 275–278.
14. *Наджафов Ш.Н.* Фактор естественно-географические условия среды обитания населения бассейна среднего течения реки Куры в эпоху бронзы (этно-археологические исследования по памятникам Гянджа-Газахского региона бронзового периода) // Вестник Бакинского Университета. Серия гуманитарных наук. 2019. № 4. Баку: Изд-во БГУ. С. 138–146.
15. *Нариманов И.Г.* Некоторые данные о древних поселениях в окрестностях г. Казаха (Азерб. ССР) // КСИИМК. Вып. 70 / Отв. ред. А.Д. Удадьцов. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 138–142.
16. *Нариманов И.Г.* Глиняные штампы из Западного Азербайджана // Материальная культура Азербайджана. Т. VII. Баку: Элм, 1973. С. 114–130.
17. *Пиотровский Б.Б.* Археология Закавказья с древнейших времен до первого тысячелетия до н.э. Курс лекций. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. 131 с.
18. *Пицхелаури К.Н.* Древняя культура племен, населявших территорию Иоро-Алазанского бассейна (по археологическим материалам доантичного времени). Тбилиси: Мецниереба, 1965. 148 с.
19. *Рустамов Дж.Н., Нариманов И.Г.* Археологические исследования поселения Тойретепе // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965. С. 75.
20. *Халилов Дж.А.* Поселение на холме Сары тепе // СА. 1960. № 4. С. 68–76.
21. *Ханзадян Э.В., Мкртчян К.А., Парсаян Э.С.* Мецамор: Исследования по данным раскопок. 1965–1966 гг. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1973. 214 с.
22. Chogovadze T. Late Bronze-Early Iron Age seals (research and catalogue). The research paper has been completed in order to obtain Master's Academic Degree in Archaeology. Supervisor of the work Licheli V. Tbilisi: Tbilisi State University, 2019. 128 p.
23. Dzhahfzova T.Y. Pintaderas: problems, specifics and ways for treating the information. A database proposal. In *Aqvileia Nostra. Pubblicazione Annuale, Anno LXXIV 2003*, p. 13–76
24. Əliyev V.H. Babadərvişdə son tunc və ilk dəmir dövrü yaşayış yerləri. In *Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti. Cild VIII*. Bakı: Elm, 1976. S. 104–130.
25. Kenoyer J.M. Indus seals: An overview of iconography and style. In *Ancient Sindh*. 2006–2007. Vol. 9. P. 7–30.
26. Krupnov E.I. Kaukasische “Pintaderas”. In *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien.. Bd., XCII*, wien. 1962. P. 197–205.
27. Marshall J.S. Mohendjo-daro and the Indus Civilization. Being an official account of archaeological excavations at Mohenjo-daro carried out by the government of India between the years 1922 and 1927. Vol. I. London: Artur Probsthain. Stephen Austin and Sons LTD, 1931. 428 p.
28. Masson V.M. Seals of a Proto-Indian Type from Altyn-depe. In *The Bronze Age Civilization of Central Asia Recent Soviet Discoveries* (ed. by Philip L.K.). London: Routledge, 1981. P. 149–162.
29. Mécquenem R. Fouilles de Suse 1929–1933. In *Mémoires de la mission archéologique de Perse*. 1934. Vol. XXV. P. 177–237.
30. Mellaart J.J. Excavations at Çatal Hüyük, 1963, Third Preliminary Report. In *Anatolian Studies*. Vol. 14. 1964. Published by: British Institute at Ankara. P. 39–119.
31. Muradova F.M., Nərimanov İ.H. Yastıtəpə qədim yaşayış yeri haqqında. In *Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti. Cild VII*. Bakı: Elm, 1973. S. 46–55.
32. Najafov Sh.N. The Khojaly-Gedabay cultural site – the Sarvantepe settlement. In *Проблемы археологии Кавказа и Передней Азии (неолит-поздняя бронза). Посвящается 90-летию известного археолога И.Г. Нариманова* (ред.-сост. Н.А. Мусеибли). Баку: AFPoliqrAF, 2017. С. 240–264.
33. Nəcəfov Ş.N. Zəyənçay nekropolunda astral inamlarla bağlı dəfn adətləri. In *Elmi xəbərlər. Toplu X*. Bakı: Nurlan, 2004. S. 213–216.

34. Nərimanov İ.H. 1960-cı ildə Sarıtopda arxeoloji qazıntılar. In Tarix İnstitutunun Əsərləri. Cild XVI. Bakı: Elm, 1963. S. 81–98.
35. Osten H.H. Ancient Oriental Seals in the Collection of Mr. Edward T. Newell. Chicago. In The University of Chicago Press, 1934. 204 p.
36. Özdemir B., Kortanoglu M.S. Haluk Perk Muzesi'nden bir grup damga mührün dəyərləndirilməsi. In Trakya Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi. Cilt 10. Sayı 20. Temmuz 2020. S. 173–203.
37. Qaziyev S.M. Qazax və Ağstafa rayonlarındakı arxeoloji və tarixi abidələr haqqında (1957-ci il). In Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti. Cild IV. Bakı: Elm, 1962. S. 140–170.
38. Sedat A.C. Konya Civarında Karahöyük Kazılarında Bulunan Silindir ve Damga Mühürleri. In Türk Tarih Kurumu Yayınları. Dizi. 1972. V/31. Ankara, 276 s.
39. Shah S.G.M., Parpola A.K.A. Corpus of Indus Seals and Inscriptions. Collections in Pakistan. (Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B, t. 240; Memoirs of the Department of Archaeology and Museums, Government of Pakistan, v. 5). 1991. Vol. 2. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia. 448 p.
40. Smith A.T., Leon J.F. The Late Bronze Age Shrines at Gegharot, Armenia. In American Journal of Archaeology. 2014. Vol. 118. No. 4. P. 549–563.
41. Türkcan A.U. Çatalhöyük Damga Mühürleri / Çatalhöyük Stamp Seals, in: E.M. Haydaroglu (ed.). Toprakdan sonsuzluğa Çatalhöyük / From Earth to Eternity Çatalhöyük. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2006. S. 45–49.
42. Umurtak G.N. Some Observations on a Lead Stamp Seal from the Bademağacı Excavations. In Anatolica. 2002. № 28. İstanbul. S. 159–169.

Информация об авторе:

Наджафов Шамиль Надирович, доктор философии по истории (к.и.н.), доцент, ведущий научный сотрудник. Институт археологии, этнографии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА) (г. Баку, Азербайджан); shamil_necefov@mail.ru

CLAY SEALS-PINTADERAS FROM SARVANTEPE SETTLEMENT

Sh.N. Najafov

The settlement of Sarvantepe, belonging to the Late Bronze – Early Iron period (the second half of the II – the beginning of the I millennium BC), is located on the territory of the village of Chaily of the Gazakh district in the western part of the Republic of Azerbaijan. The site is very rich in terms of archaeological materials and reflects the material culture of the region in the marked period. Numerous clay seals found on the settlement are of the greatest interest. So far, 40 similar artifacts have been identified at the settlement. They have different shapes and are not repeated by the patterned element. Such seals are characteristic of the settlements of the Late Bronze Age – Early Iron period of the Ganja-Gazakh zone. The specific purposes of using these seals are not fully specified. Some experts believe that these seals were used to decorate fabrics, to apply ornaments to ceramics and bread during baking. According to a number of researchers, similar seals found in Saritepe, Baba Dervish, Yastitepe, Garabulaq, Sari Reme, Poilu II, Toyretepe and Mingechevir were used to seal water dams and dams in small farms. Most of the Sarvantepe clay seals were made of gray clay, they were well baked. The ornament of most of them was applied by the method of cutting. A swastika-shaped image of a very mixed appearance is made on the working side of the seal.

Keywords: archaeology, Azerbaijan, Middle Kura basin, Gazakh, Sarvantepe, Bronze Age, settlement, clay seals.

REFERENCES

1. Aliev, V. G. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 223–232 (in Russian).
2. Aliev, K. G. 1992. *Antichnaya Kavkazskaya Albaniya (Caucasian Albania of the Classical period)*. Baku: "Azerneshr" Publ. (in Russian).
3. Aslanov, G. M. 1953. In *DAN Azerb. SSR (Reports of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR)* 9. 561–563 (in Russian).
4. Aslanov, G. M., Vaidov, R. M., Ione, G. I. 1959. *Drevniy Mingechaur (epokha eneolita i bronzy)*. Baku: Academy of Sciences of the AzSSR Publ., Publ., 81–97 (in Russian).

5. Vinogradov, V. B. 1963. In Krupnov, E. I. (ed.). *Drevnosti Checheno-Ingushetii (Antiquities of Checheno-Ingushetia)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 212–216 (in Russian).
6. Guseynova, M. A. 2011. *Iz istorii Yuzhnogo Kavkaza. Khodzhalı-Gedabekskaya kul'tura Azerbaydzhana (XIV–IX vv. do n. e.) (From the history of the South Caucasus. Khojaly is the Gadabay culture of Azerbaijan (XIV–IX centuries BC))*. Baku: “Bizim kitab” Publ. (in Russian).
7. Ibragimov, T. I. 2012. In Khrenov, N. A. (ed.). *Dialog tsivilizatsiy v epokhu stanovleniya global'noy kul'tury (Dialogue of civilizations in the era of the global culture formation)*. Moscow: State Institute for Art Studies Publ., 480–484 (in Russian).
8. Krupnov, E. I. 1941. In Zaks, B. Ya. (ed.). *Raboty arkheologicheskikh ekspeditsiy (Works of archaeological expeditions)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 12. Moscow: State Historical Museum, 156–179 (in Russian).
9. Krupnov, E. I. 1948. In Bryusov, A. Ya. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 17. Moscow: State Historical Museum, 5–55 (in Russian).
10. Krupnov, E. I. 1960. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza (Ancient history of North Caucasus)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
11. Masson, V. M. 1981. *Altyn-tepe (raskopki goroda bronzovogo veka v Yuzhnom Turkmenistane) (Altyn-tepe (excavations of the Bronze Age urban settlement in the Southern Turkmenistan))*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
12. Munchaev, R. M. 1962. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 176–198 (in Russian).
13. Nadzhafov, Sh. N. 2018. In Bessudnov, A. A., Tkach, E. S. (eds.). *Aktual'naya arkheologiya 4: kompleksnye issledovaniya v arkheologii (Current Archaeology 4: Comprehensive study in Archaeology)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 275–278 (in Russian).
14. Nadzhafov, Sh. N. 2019. In *Vestnik Bakinskogo Universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk (Bulletin of Baku State University. Series: Humanities)* 4. Baku: Baku State University Publ., 138–146 (in Russian).
15. Narimanov, I. G. 1957. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 70. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 138–142 (in Russian).
16. Narimanov, I. G. 1973. In *Material'naya kul'tura Azerbaydzhana (Material Culture of Azerbaijan)* Vol. 7. Baku: “Elm” Publ., 114–130 (in Russian).
17. Piotrovskiy, B. B. 1949. *Arkheologiya Zakavkaz'ya s drevneyshikh vremen do pervogo tysyachiletiya do n. e. Kurs lektsiy (Archaeology of Transcaucasia from ancient times to the 1 millennium BC. Course of lectures)*. Leningrad: Leningrad State University Publ. (in Russian).
18. Pitskhelauri, K. N. 1965. *Drevnyaya kul'tura plemen, naselyavshikh territoriyu Iori-Alazan-skogo basseyna (po arkheologicheskim materialam doantichnogo vremeni) (The ancient culture of the tribes that inhabited the territory of the Iori-Alazani basin (according to archaeological materials of pre-Classical era))*. Tbilisi: “Metsniereba” Publ. (in Russian).
19. Rustamov, Dzh. N., Narimanov, I. G. 1965. In *Materialy sessii, posvyashchennoy itogam arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy 1964 g. v SSSR (Materials of the session devoted to the results of archaeological and ethnographic studies in 1964 in the USSR)*. Baku, 75 (in Russian).
20. Khalilov, Dzh. A. 1960. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 68–76 (in Russian).
21. Khanzadyan, E. V., Mkrtchyan, K. A., Parsamyan, E. S. 1973. *Metsamor: Issledovaniya po dannym raskopok. 1965–1966 gg. (Metsamor: Studies based on excavation data. 1965–1966)*. Erevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ. (in Russian).
22. Chogovadze, T. 2019. Late Bronze–Early Iron Age seals (research and catalogue). The research paper has been completed in order to obtain Master's Academic Degree in Archaeology. Supervisor of the work Licheli V. Tbilisi: Tbilisi State University.
23. Dzhafarzade, T. Y. 2003. In *Aqvileia Nostra. Pubblicazione Annuale, Anno LXXIV*, 13–76.
24. Əliyev, V. H. 1976. In *Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti. Cild VIII*. Bakı: Elm, 104–130 (in Azerbaijani).
25. Kenoyer, J. M. 2006–2007. In *Ancient Sindh. 2006–2007*. Vol. 9, 7–30.
26. Krupnov, E. I. 1962. In *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Bd., XCII*, wien, 197–205 (in German).
27. Marshall, J. S. 1931. Mohenjodaro and the Indus Civilization. Being an official account of archaeological excavations at Mohenjodaro carried out by the government of India between the years 1922 and 1927. Vol. I. London: Artur Probsthain. Stephen Austin and Sons LTD.
28. Masson, V. M. 1981. In Philip, L. K. (ed.). *The Bronze Age Civilization of Central Asia Recent Soviet Discoveries*. London: Routledge. 149–162.
29. Mecquenem, R. 1934. In *Mémoires de la mission archéologique de Perse*. Vol. XXV, 177–237 (in French).
30. Mellaart, J. J. 1964. In *Anatolian Studies*. Vol. 14. Published by: British Institute at Ankara, 39–119.

31. Muradova, F. M., Nərimanov, İ. H. 1973. In *Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti*. Cild VII. Bakı: Elm, 46–55 (in Azerbaijani).
32. Najafov, Sh. N. 2017. In Museibli, N. A. (ed.). *Problemy arkheologii Kavkaza i Peredney Azii (neolit-pozdnyaya bronza) (Issues of archaeology of the Caucasus and Near Asia (Neolithic-Late Bronze Age))*. Bakı: “AFPoliqrAF” Publ., 240–264.
33. Najafov, S. N. 2004. In *Elmi axtarışlar (Scientific searches)* X. Bakı: Nurlan, 213–216 (in Azerbaijani).
34. Nərimanov, İ. H. 1963. In *Tarix İnstitutunun Əsərləri (Works Of The Institute Of History)* XVI. Bakı: Elm, 81–98 (in Azerbaijani).
35. Osten, H. H. 1934. Ancient Oriental Seals in the Collection of Mr. Edward T. Newell. Chicago. In The University of Chicago Press.
36. Özdemir, B., Kortanoglu, M. S. 2020. In *Trakya Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi (Journal of Trakya University Faculty of Letters)* Vol. 10, No 20, July 2020, 173–203 (in Turkish).
37. Qazıyev, S. M. 1962. In *Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti (Material Culture Of Azerbaijan)* IV. Bakı: Elm, 140–170 (in Azerbaijani).
38. Sedat, A. C. 1972. *Konya Civarında Karahöyük Kazılarında Bulunan Silindir ve Damga Mühürleri (Cylinder and Stamp Seals Found during the Excavations of Karahöyük near Konya)*. Türk Tarih Kurumu Yayınları. Dizi (Turkish Historical Society Publications Series) V/31. Ankara (in Turkish).
39. Shah, S. G. M., Parpola, A. K. A. 1991. *Corpus of Indus Seals and Inscriptions. Collections in Pakistan. (Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B, t. 240; Memoirs of the Department of Archaeology and Museums, Government of Pakistan, v. 5)*. Vol. 2. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia.
40. Smith, A. T., Leon, J. F. 2014. In *American Journal of Archaeology*. Vol. 118, No. 4, 549–563.
41. Türkcan, A. U. 2006. In Haydaroglu, E. M. (ed.). *Topraktan sonsuzluğa Çatalhöyük (From Earth to Eternity Çatalhöyük)*. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 45–49 (in Turkish).
42. Umurtak, G. N. 2002. In *Anatolica*. No. 28. İstanbul, 159–169.

About the Author:

Najafov Shamil N. PhD of History. Associate Professor. Institute of Archaeology, Ethnography & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS). H. Cavid pr.-115, Baku, AZ1143, Azerbaijan Republic; shamil_necefov@mail.ru

Статья принята к публикации 01.03.2023 г.

УДК 902.2 (903.5)

<https://doi.org/10.24852/pa2023.1.43.92.99>

“THE SACRIFICIAL RAM”: GOLDEN STATUE IN THE HISTORY OF ART

© 2023 S.K. Karimov, A.M. Agalarzade

The paper deals with a gold human figure, carrying a ram on its shoulders, kept at the National Museum of History of Azerbaijan (Fig. 1-2). This statue, a rare, small example of plastic art, was taken from a destroyed grave in the south-east of Azerbaijan, in the territory of Lerik district, and was handed over to the Museum of History in 2012. Although the analogies of the statue, distinguished by its uniqueness, have not been found in the South Caucasus up to date, there is no doubt that such figures existed in the ancient art history of the Near and Central East. Also similar images depicted on numerous metal and pottery items, especially demonstrate prototypes of Mannaean, Assyrian and Urartian art of the 9th – 8th century BC. At the same time, this statue with the image of a man carrying a ram on his shoulders can be considered as a traditional continuation of the ritual rite of “sacrificial ram” in the South Caucasus. Because, the discovery of a great number of ram figures in the territory of Azerbaijan in the ancient Eneolithic-Early Bronze Age settlements (Исмаилзаде, 2008, с. 106) and even the use of tombstones with ram images in burial customs in the later antique, early and advanced Middle Ages (Kərimov, 2006, s. 79–81) should be considered as solid facts proving that “sheep-rams” were a sacred symbol in the district for thousands of years. The main goal of the paper is to comprehensively involve this rare find in scientific research and conduct analogies to determine its period.

Key words: archaeological find, Ram image, Goddess statue, Near East, South Caucasus, Azerbaijan, ancient art, chronology.

Introduction. Azerbaijan is one of the oldest metallurgical centers of the Caucasus. It is no coincidence that valuable artifacts reflecting the level of development of ancient metallurgy have been obtained during the archaeological excavations conducted in different periods in the territory of the country. In the territory of Azerbaijan, which has a rich source of raw materials and precious metal deposits, artistic metalworking has been one of the developed art fields since ancient times. Today, among the world’s most famous museums – Saint-Jermain and Louvre in Paris, Victoria-Albert in London, Metropolitan Museum in New York, State Hermitage in St. Petersburg, Topkapi in Istanbul, Turkish and Islamic Art Museums preserve examples of artistic metalworking that characterize the ancient art of Azerbaijan (Əfəndi, 2007, s. 9–25). These examples of art reflect the level of development of ancient Azerbaijani art, artistic and aesthetic features, and differ in the richness of symbolic and meaning shades. It can be

noted that art samples made with high taste by artisans in the field of artistic metalworking had a special importance in the history of art. Since each produced item was made in accordance with the demand of the period and reflected a number of historical features of the period on this sample. At the time of early class societies, the ritual of offering sacrifices to the gods has left a mark in history with statues, images and art motifs reflecting religious beliefs in a vast area. Through these elements, along with following the spiritual culture of an era, we can also see what the organic world, which occupies a central place in religious beliefs, consists of.

Description of the find. In recent years, new findings of ancient art have been discovered both by archaeological excavations and accidentally. Although a few of them were involved in the study, most were left out of investigation. One of such findings is a gold statue-figure, which was accidentally found in Lerik district in 2009 and handed over

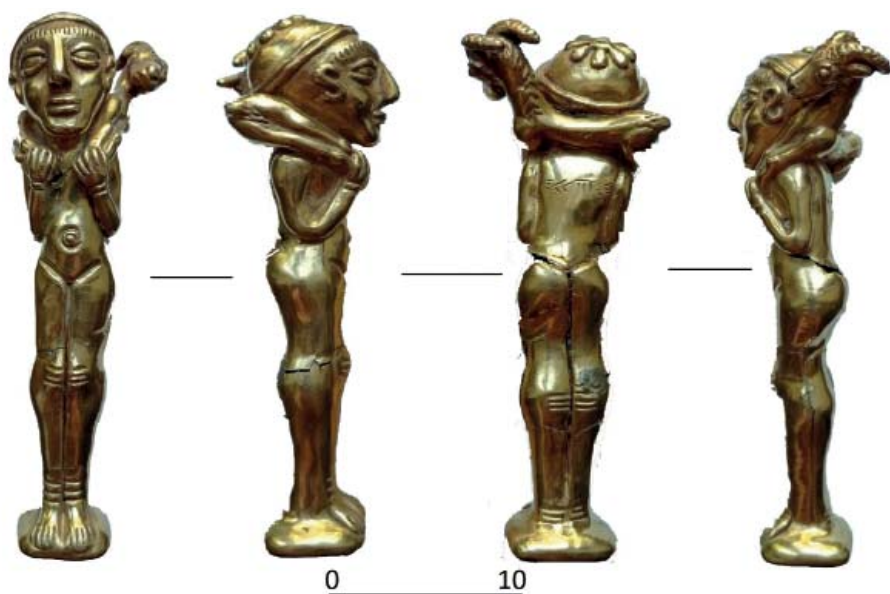

Fig. 1. Golden statue. Fund of the National Museum of History of Azerbaijan.

Рис.1. Золотая статуэтка. Фонд Национального музея истории Азербайджана.

to the National Museum of History of Azerbaijan in 2012. The height of the figure is 14 cm, the diameter of the head is 2.6 cm, the width of the face is 2.7 cm, the diameter of the seat is 2.5 cm and the weight is 21 grams. It was made by casting and welding method (inv. No. 318). Brief information about the figure was given for the first time in the catalog "Gold and silver archaeological items of Azerbaijan" published by the museum in 2013 (Rüstəmbəyova, 2013, s. 88). Unfortunately, this rare gold statue found in Lerik district has not been involved in research for a long time and no substantial scientific information has been provided about it. Authors of this paper for the first time conducted extensive research on the find with the permission of the museum management (*We would like to express our gratitude to academician Naila Velikhanly, director of the museum, for the conditions created to conduct scientific research on the rare find*). We would also note that this unique find should be considered the most important among the gold items

found in Azerbaijan. It can be said that such a find has never been found before in Azerbaijan.

In the statue, a young, half-naked man standing on a pedestal is depicted in a realistic style from front. The young man has an elongated face, salient eyes and cheeks. The ears are "S" shaped, the nose and cheeks are salient, and the chin is relatively oblong. There is a circular, cone-shaped hat or helmet with an eight-petalled flower on his head. His hair is depicted singly combed towards the forehead. On his shoulder a ram with his head tilted to the side, as if he is carrying a sacrifice somewhere. The man's hands are raised above from the elbow holding both legs of the ram. One thick bracelet is depicted on the right arm and two thick bracelets on the left one. The man, who is depicted half-naked and whose navel is indicated by bulging semi-circles, also has short clothing above the knees. The knee joints are indicated by three incised lines and two thick bracelets on both legs are given by notched lines. On his back and on the left side of the ram there are

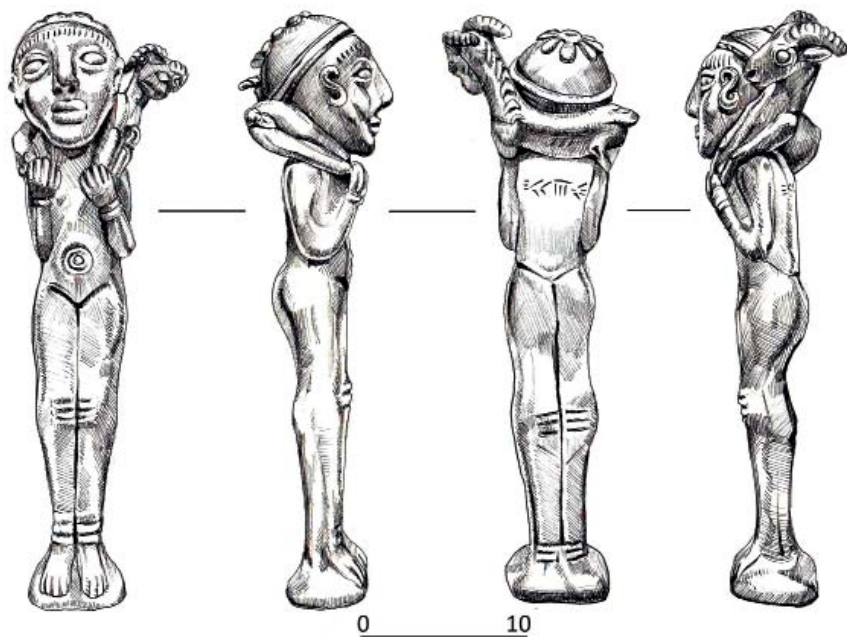

Fig. 2. Graphic representation of the golden statue (artist Seymur Farmanli).

Рис. 2. Графическое изображение золотой статуэтки (художник Сеймур Фарманлы).

marked inscriptions. His hips are bulging from the back and his right hip has an inward dent. Most likely, this dent was formed when it was removed from the soil. The ram's backward-twisted horns, bulging eyes, nostrils and a tinkler on its neck are clearly depicted. Also splitting found in some parts of the statue. Some researchers presented the animal as a mountain goat (Baumer, 2021, p. 155). But in our opinion this is wrong. Because among the animal images known from the monuments of the mentioned period, mostly images of rams are depicted. This is directly related to people's economic life. They sacrificed to nature the animals they kept in their farms. According to ethnographic observations, this custom still exists in our modern times. On the other hand, it is unfounded that the mountain goat is alive on the shoulder of the man as depicted in the figure. It is impossible to catch them alive and sacrifice because mountain goats are quick, timid and wild animals. Also, while the mountain goat has a beard, this is not

reflected in the figure. According to the initial possibility, this figure was found in a destroyed grave monument.

Golden statue: A goddess or a man carrying the sacrifice? In the territory of Lerik district, jewelry items and tinkler made of gold were found in Veri and Keraveladi necropolises (Morgan, 1896, p. 214; Kərimov, 2006, s. 59–60; Rəhimova və b., 2013, s. 356). It should be also noted that since the beginning of the 1st millennium BC the district had extensive relations with the cultural centers of the Middle East. The discovery of such findings in the territory of Lerik district is of great importance in the study of ethnic-cultural relations of the district. From this view point, the figure is of great interest. The headdress or helmet of the figure has certain similarity with the headdresses of Assyrian rulers and warriors depicted in Assyrian (Вардиман, 1990, с. 42) and Elamite reliefs (Alvarez-Mon, 2009, p. 139–180). It should also be noted that pointed and cone-shaped helmets were more typical

Fig. 3. 1–2 – Marlik necropolis (Vahdati, Piller, 2018);
3 – Luristan necropolis (Mahboubian, 1997).

Рис. 3. 1–2 – некрополь Марлик (Иран) (Вахдати, Пиллер, 2018);
3 – некрополь Луристан (Иран) (Махбубиан, 1997).

for the Assyrian army, and such helmets were also found in Hasanli excavations (Qaşqay, 1993, s. 70–71). This figure-statue has similar features to the bronze nude goddess statue found in Luristan (Fig. 3/3). Two doves are depicted on the shoulders of the goddess in Luristan, and a ram with twisted horns is depicted on her head (Mahboubian, 1997, p. 63). The ram is depicted on the shoulders of the gold statue found in Lerik. At the same time, the headdresses of both statues are similar, which makes it possible that the statue is an image of the Goddess.

The human bust made of gold with hands crossed on the chest (Fig. 3/1-2) found in the Marlik graveyard in Gilan dating back to the 13th-12th centuries BC has a closer analogy with the Lerik gold statue in terms of both headdress and facial structure (Vahdati, Piller, 2018). The gold items found from the Marlik graveyard are also more distinguished by their richness. The archaeological

materials found in the Late Bronze and Early Iron Age monuments in Lerik district are also similar to the Marlik findings. Also, there are quite enough ram images among the Marlik finds (Negahban, 1998, p. 47) (Fig. 4).

Archaeological material provides rich and varied monuments of the religion of the Bronze and Iron Ages. But these monuments refer in most cases to the peoples of classical antiquity (Токанов, 1965, с. 45). It should also be noted that the image of the ram embodied the sun god Mithras in the Avesta, and this image spread from the contemporary monuments of South Azerbaijan up to Asia Minor, Egypt, Anatolia and the Black Sea coasts (Ремпель, 1987). Even before the Avesta, the image of the ram was a symbol of fertility and abundance. It has been embodied in various forms in the Middle East art. The first information about the Mithras cult was given in the cuneiform sources of the 15th

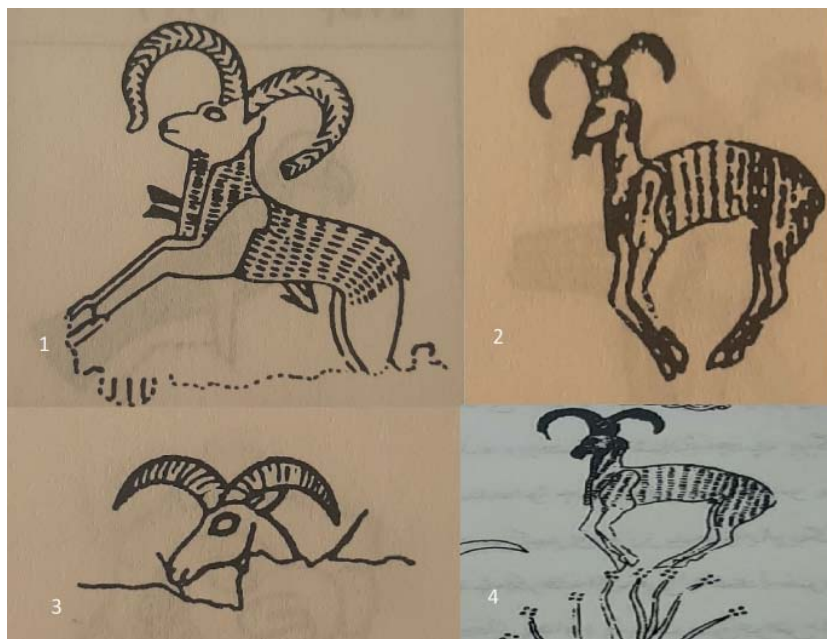

Fig. 4. Ram images on various items in the Marlik necropolis (Negahban, 1998).

Рис. 4. Изображения овна на различных предметах некрополя Марлик (Негахбан, 1998).

century BC, and it was based on the sacrificial ritual and the worship of the Sun (Karaketir, 2016, s. 1–13). Most likely the golden statue of the Goddess found in Lerik also embodies the “Rite of Sacrifice to the Sun”. It can also be assumed that the statue is the “Goddess of the Sun”. Because the image of an eight-petalled flower depicted on his (her) helmet is identical to the image on the headdress of the Late Bronze Age “Wind-Hurricane God” found in Tell-Hazor (Tallay, 2012, p. 454). It should also be noted that “Wind-Hurricane God” has a special place in Mannaean pantheon of gods. The rite of offering wine to the gods depicted in the Hasanli gold basin, and the closeness with the gods of ancient Mesopotamia and Asia Minor, occurred as a result of the integration of the Lake Urmia basin into the culture of the Middle East (Qaşqay, 1993, s. 79–80).

Undoubtedly, we try to look for the closest analogies of this figure in the Hasanli excavations of the Mannaean period. There are images of sacrificed

rams among rich motifs on the Hasanli gold basin. It is interesting that two of the rams here are being carried by people, and the other image of ram is depicted on the shoulder of a half-naked Goddess (Winter, 1989, fig. 6). Archaeological and historical evidence suggests that Hasanli IV B was destroyed at the end of the 9th century BC. It is clear that Hasanli gold basin was also used during ritual rites before this destruction. It is believed to have been made between 1000 and 800 BC (Winter, 1989, p. 90; Magge, 2008, p. 103).

The Assyrian and Urartu expansion to Mannaean also conditioned the influence of Middle Eastern traditions on its art. The golden statue found in Lerik belongs to the local Mannaean art and reflects the centuries-old traditions of the Ancient East. Depicting of the goddess standing indicates her position after the gods sitting on throne in the cult hierarchy of the Middle East and is considered a secondary god (Tallay, 2012). This Goddess seems to create an image of be-

ing in the service of some chief god and offering sacrifices to him.

Chronology and comparative analyses. However, there are three main ideas up to date, that remain unanswered in the field of research of this type of art: 1) the place and history of the production of this type of samples, 2) the iconography of the motifs, and 3) ethnic, linguistic and cultural associations (Winter, 1989, p. 89). Undoubtedly, all the mentioned problems require a joint investigation of the mentioned art examples and do not exclude that they belong to the same art. Perfectly and very delicately worked similar examples of this type, indicate the formation of professional craftsmen and their special position in the period of early class societies.

Unfortunately, although this golden figure-statue has attracted the attention of some researchers, wrong assumptions have been made about it. Some tried mistakenly present it as an example of the Caucasian Albanian (Aliyev et al., 2021, p. 110), while others as an example of the Roman-Parthian period of the 1st century BC (Baumer, 2021, 155, fig.1). All this can be connected with the fact that the above-mentioned authors have superficial information about the figure.

The study of the marks on the back of the human statue and the ram can also help to obtain detailed information about the period of the find. The marks on the ram's back are relatively faint, but the marks on the man's back are clearly visible. We observe that there are four signs here: 1) 3 lines drawn horizontally and parallel; 2) 2 pyramid-shaped signs on the left side; 3) marks with 3 parallel lines drawn vertically and 1 straight line on top (T-shaped); 4) 5-line incised marks.

In general, this type of signs is found mostly in ancient Elamite inscriptions. Of course, their reading is a separate field of study. However, in order to conduct even brief comparative analysis and determine the chronological framework,

we consider it appropriate to bring comparisons from several monuments with examples of this type of writing.

As a result of the excavations carried out in 1961–1962 at the Tchogha Zanbil monument, the inscriptions carved on clay blocks demonstrate the stage of development of the writing culture of the period (Steve, 1962, p. 23), and no matter how difficult, it is an actual problem in the direction of studying the ancient Elamite language through these writings (Lambert, 1965, p. 18). A small group of Middle Elamite inscriptions was also studied in the West Asian collections of the British Museum (Walker, 1980, p. 75).

On the whole, according to the preliminary assumption, the figure-statue found in Lerik can be attributed to the 8th -7th centuries BC. This golden statue of the Goddess stands in the same row as the finds from Hasanli, Marlik, and Ziviyya, which characterize Mannaeen art.

Conclusion. Finally, at the end of the 2nd – beginning of the 1st millennia BC, the formation and development of the art of Elam in the south, the Caucasus in the north, and Bactria in the northeast achieved great progress in craftsmanship (Winter, 1989, p. 104). The analysis of the golden figure-statue of the Goddess discovered in the south-eastern region of Azerbaijan also shows the close connection of this type of samples with the ancient cultural centers of the South Caucasus. In the mentioned period, extensive cultural and economic relations with neighboring districts were important in the life of local tribes, and all these relations led to a number of changes in their social life and spiritual culture (Ağalarzadə, 2021, s. 125). Undoubtedly, the changes should be characterized by the rapid development of the production economy, crafts and local production traditions. For these economic and trade relations, it is possible to mention the road that connects the south-east of Azerbaijan with Luristan (Tepe Giyan)

and Marlik hill as the leading road from the south to the Caucasus (Джафаров, 1894, s. 67–68). It is not an exception that the place of production of this type of samples in the South Caucasus was in the territory of Azerbaijan. Although such finds are known only from the south of Azerbaijan, this find from Lerik proves that its distribution area was wider. Because, there is no doubt that these art samples were made in Azerbaijan, which has rich precious metal deposits. Simply, the main problem fac-

ing us today is to determine their production sites and to obtain more samples. Undoubtedly, examples of this type are not unique, and it is not exception that they will be revealed as a result of more extensive archaeological research in the future. All this will create conditions for the study of the history of ancient art not only of the South Caucasus and Azerbaijan, which is part of it, but also of the Middle East in a wide area, and the study of mutual relations among the districts.

REFERENCES

1. Alvarez-Mon, J. 2009. *Ashurbanipal's feast: a view from Elam*. In *Iranica Antiqua*, vol. XLIV, p. 139–180.
2. Baumer, Ch. 2021. *History of the Caucasus. At the Crossroads of Empires*. Bloomsbury Publishing, 392 p.
3. Danti, M. D. 2013. *Hasanlu V: The Late Bronze and Iron I Periods. Hasanlu excavation reports III*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 483 p.
4. Lambert, M. 1965. *Les inscriptions elamites de Tchogha-Zanbil*. In *Iranica Antiqua*, vol. V, p. 18–38.
5. Mahboubian, H. 1997. *Art of ancient Iran. Copper and Bronze*. London, 368 p.
6. Magge, P. 2008. *Deconstructing the destruction of Hasanlu: archaeology, imperialism and the chronology of the Iranian Iron Age*. In *Iranica Antiqua*, vol. XLIII, p. 89–106.
7. Morgan, J de. 1896. *Mission scientifique en Perse. Tome quatrieme. Recherches archeologiques*. Paris, Ernest leroux editeur. Premiere partie, 125 p. Chapitre II, p. 14–125.
8. Negahban, E. O. 1998. *Suggestion on the origin and background of the Marlik culture*. In *Iranica Antiqua*, vol. XXXIII, p. 43–56.
9. Pittman, H. 1965. *Art of the Bronze Age. Southeastern Iran, Western Central Asia and the Indus Valley*. Translated by Kourosh Roustaei. Tehran, Pishin Pajouh Institute, 103 p. (in Persian).
10. Steve, M. J. 1963. *Textes elamites de Tchogha-Zanbil*. In *Iranica Antiqua*, vol. III, p. 102–123.
11. Tallay, O. 2012. *The Role of Gold in Royal Representation: The case of a Bronze statue from Hazor*. In *Proceedings of the 7th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East*. 12 April–16 April 2010, the British Museum and UCL, London. Volume 2. Ancient & Modern Issues in Cultural Heritage Colour & Light in Architecture, Art & Material Culture Islamic Archaeology. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, p. 445–458.
12. Vahdati, A. A., Piller, Ch. K. 2018. *Marlik. Glory of the Iron Age Culture of Gilan*. Publishers National Museum of Iran. Rasht Museum, 74 p.
13. Winter, I. J. 1989. *"The Hasanlu Gold Bowl": Thirty years later*. In *Expedition 31 (2–3, East of Assyria – The Highland Settlement of Hasanlu)*, p. 87–106.
14. Walker, C. B. 1980. *Elamite inscriptions in the British Museum*. In *Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies*, vol. XVIII, p. 75–82.
15. Вардиман Е. *Женщина в древнем мире*. М., 1990, 335 с.
16. Джафаров Г.Ф. *Связи Азербайджана со странами Передней Азии в эпоху поздней бронзы и раннего железа (по археологическим материалам Азербайджана)*. Баку: «Элм», 1984. 108 с.
17. Исмаилзаде Г.С. *Азербайджан в системе раннебронзовой культурной общности Кавказа*. Баку, «Нафта-Пресс», 2008. 304 с.
18. Ремпель Л.И. *Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии*. Ташкент, 1987. 158 с.
19. Токарев С.А. *Религия в истории народов мира*. М.: «Издательство политической литературы», 1965, 623 с.

20. Ağalarzadə, A. M. 2021. *Azərbaycanın cənub-şərq bölgəsinin Tunc-İlk Dəmir dövrü sənətkarlığında bəzəklər (etnoarxeoloji tədqiqat)*. In AMEA Sosial Elmlər, №1. Bakı, "Elm". S. 118–130.
21. Əliyev, V., Babayev, İ., Cəfərov, H., Məmmədova, A. 2021. *Azərbaycan tarixi*. Dərslük. Bakı: "Şərq-Qərb". 143 s.
22. Əfəndi, R. 2007. *Azərbaycan incəsənəti*. Bakı "Şərq-Qərb". 272 s.
23. Karaketir, E. 2016. *Pers kralı Büyük Kyros 'un (M.Ö.559–530) Antik İran dinləri ilə ilişkisi*. In Akademik Tarih və Düşünce Dergisi. Yıl, Cilt 3, sayı 9. S. 36–48.
24. Kərimov, S. K. 2006. *Lerik rayonunun arxeoloji abidələri*. Bakı: "Araz". 164 s.
25. Qaşqay, S. M. 1993. *Manna dövləti*. Bakı: "Azərənşir". 107 s.
26. Nəgbiyan, İ. 1961 *Marlikdə qazıntılar*. I cild. Tehran. 520 s.
27. Rəhimova, M., Ələkbərov, A., Kazanova, M., Lorre, K. 2013. *Azərbaycan-Fransa arxeoloji ekspedisiyasının Lerik rayonunda apardığı çöl-tədqiqat işləri haqqında*. In "Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2012". Bakı. S. 352–357.
28. Rüstəmbəyova, A. 2013. *Azərbaycanın arxeoloji qızıl və gümüş əşyaları*. Kataloq. Bakı: "Ziya". 100 s.

About the Authors:

Karimov Samir K. PhD of History. Lankaran Regional Scientific Center Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS). Sh.Akhundov str., 18, Lankaran city, AZ 4200; samir-cayrud@mail.ru

Agalarzade Anar M. PhD of History. Associate Professor. Azerbaijan State University Culture and Arts. Inchaatcilar av.-39, Baku, AZ1065, Azerbaijan Republic; anararxeoloq@mail.ru

“ЖЕРТВЕННЫЙ ОВЕН”: ЗОЛОТАЯ СТАТУЭТКА В ИСТОРИИ ИСКУССТВА

С.К. Каримов, А.М. Агаларзаде

В статье сообщается о хранящейся в Национальном Музее Истории Азербайджана золотой фигурке человека, несущего овна на шее. Эта статуэтка, являющаяся редким образцом малой пластики, была найдена в разрушенном погребении на территории Лерикского района, на юго-востоке Азербайджана и сдана в 2012 г. в Музей Истории. Несмотря на то, что эта уникальная статуэтка не имеет до сих пор аналогов на Южном Кавказе, несомненно наличие подобного типа фигурок в истории древнего искусства Ближнего и Среднего Востока. Схожие сюжеты, в частности представляли собой прототипы искусства Маньшан, Ассирии и Урарту IX–VIII вв. до н.э. и изображались также на многочисленных металлических и керамических образцах. Данную статуэтку человека, несущего на шее овна, также можно считать традиционным продолжением ритуального обряда «жертвоприношения овна». Весомыми фактами, доказывающими наличие в регионе на протяжении тысячелетий священного символа овна можно считать выявление многочисленных фигурок овнов из древних поселений эпохи энеолита-ранней бронзы на территории Азербайджана (Исмаилзаде, 2008, с. 106) и использование надгробий в форме овна в античности, раннем и развитом средневековье в погребальных обрядах (Каримов, 2008, с. 79–81). Главной целью данной статьи является привлечение этой редкой находки к комплексному научному исследованию и проведение аналогий для датировки.

Ключевые слова: археологическая находка, изображение овна, статуэтка Богиня, Ближний Восток, Южный Кавказ, древнее искусство, хронология.

Информация об авторах:

Каримов Самир Каримович, доктор философии по истории (к.и.н.), ведущий научный сотрудник. Ленкоранский Региональный Научный Центр Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА), (г. Ленкорань, Азербайджан); samir-cayrud@mail.ru

Агаларзаде Анар Мирсамидович, доктор философии по истории (к.и.н.), доцент, ведущий научный сотрудник. Азербайджанский Государственный Университет Культуры и Искусств (г. Баку, Азербайджан); anararxeoloq@mail.ru

Статья принята к публикации 01.03.2023 г.

УДК 903.02

<https://doi.org/10.24852/pa2023.1.43.100.112>

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ В СУРГУТСКОМ ПРИОБЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ КЕРАМИКИ СЕЛИЩА БАРСОВА ГОРА III/66)¹

© 2023 г. Д.В. Селин, Ю.П. Чемякин

В статье представлены результаты технико-технологического анализа керамики с поселения белоярской культуры Барсова гора III/66. Выделены три группы посуды. К группе 1 относится керамика белоярской культуры. Для нее характерно использование низкозаспесоченных ожелезненных глин, возможно предварительно обработанных. Главным рецептом формовочной массы является несмешанный: глина + шамот. К группе 2 относится посуда смешанного облика с примесью дресвы. Она могла быть изготовлена на селище гончарами со смешанными гончарными навыками, которые образовались в результате интеграционных (возможно, брачных) контактов носителей белоярской культуры с носителями иных гончарных традиций, скорее кульминской или иткульской культур. К группе 3 относится фрагмент привозного сосуда с искусственной добавкой металлургического шлака. Он отражает контакты белоярского населения Барсовой Горы с инокультурными группами, от которых мог импортироваться металл для производства различных изделий. Выделенные группы отражают активные интеграционные процессы и контакты носителей белоярской культуры на Барсовой Горе с представителями иных культур. Эти связи могли носить как торгово-обменный характер, когда «белоярцы» импортировали металл для производства изделий, так и брачный, когда отдельные носители гончарных традиций попадали на белоярские поселения, в результате чего происходило смешение навыков технологии, формообразования и орнаментации керамической посуды.

Ключевые слова: археология, Западная Сибирь, ранний железный век, Барсова Гора, белоярская культура, привозная керамика, гончарное производство.

Керамика – один из важнейших археологических источников. Распространяясь с эпохи неолита, глиняная посуда становится самой массовой категорией археологических находок на разных типах памятников (Молодин и др., 2020; Чаиркина и др., 2020; Жущиковская, Мыльников, 2021). Благодаря этому, исследователям при анализе керамических коллекций становится доступным не только изучение отдельных традиций гончарного производства, но и возможность реконструировать историко-культурные процессы, происходившие в древности у разных групп населения. Особый интерес представляет выделение на памятниках в общем массиве керамики привозной посуды, т. к. она является ярким источником для реконструкции товарно-обменных отношений и брачных контактов носи-

телей разных культур на различных территориях.

Барсова Гора – уникальный природно-археологический комплекс на севере Западной Сибири, где на площади 6 кв. км выявлено около 400 археологических памятников от неолита до Нового времени (Чемякин, Зыков, 2004; рис. 1). К настоящему моменту на ней известно более 70 памятников белоярской культуры, включая 16 городищ и один могильник, раскопаны остатки более 150 построек. Белоярская культура была выделена одним из авторов статьи и датируется VIII – рубежом IV–III вв. до н. э. (Чемякин, 2008, с. 72–74). Так как Барсова Гора является замкнутым ландшафтным объектом, выделение на памятниках, расположенных в урочище, привозной посуды позволит наметить направления торговых связей

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-00039.

Рис. 1. Местоположение урочища Барсова Гора.

1 – местоположение урочища Барсова Гора на карте Евразии;

2 – местоположение урочища Барсова Гора на ситуационной карте.

Fig. 1. Location of the Barsova Gora. 1 – the location of the Barsova Gora on the map of Eurasia; 2 – the location of the Barsova Gora on the situational map.

и контактов носителей белоярской культуры.

Селище Барсова гора III/66 (Бг III/66) находится на ровном участке 3-й надпойменной террасы, в 0,78 км к северо-востоку от берега протоки Утопляя (правый коренной берег р. Оби), на высоте 32 м от уровня воды (рис. 2). Его площадь превышает 2 600 кв. м. В селище были объединены остатки 20 древних объектов, среди которых 11 приподнятых площадок с внешними ямами по периметру и 4 неглубокие впадины с обваловками (Чемякин, Зыков, 2004, с. 128). В 1998 г. В.М. Морозовым в ходе охранно-спасательных работ были изучены две наземные постройки с очагами (Лапшин, 1999). К этому времени минимум два объекта уже были уничтожены. Площадь раскопов составила

350 кв. м, в их пределах памятник однослойный. Материал представлен керамикой (рис. 3; 4: 1–4, 11, 11а, 12), обломками тиглей (рис. 4: 5–8), бронзовым шилом (рис. 4: 10) и каменными орудиями, среди которых были абразивы, два молоточка, отбойник, терочник.

Керамический комплекс содержит обломки не менее 16 сосудов, из них 12 относятся к белоярской культуре (рис. 3; 4: 11, 11а, 12), еще 4 – инородные (рис. 4: 1–4). Выделенные группы посуды будут рассмотрены отдельно друг от друга. Несмотря на небольшое количество посуды, коллекция Бг III/66 ярко демонстрирует контакты носителей белоярской культуры с носителями иных гончарных традиций.

Для всей керамики выполнен технико-технологический анализ по ме-

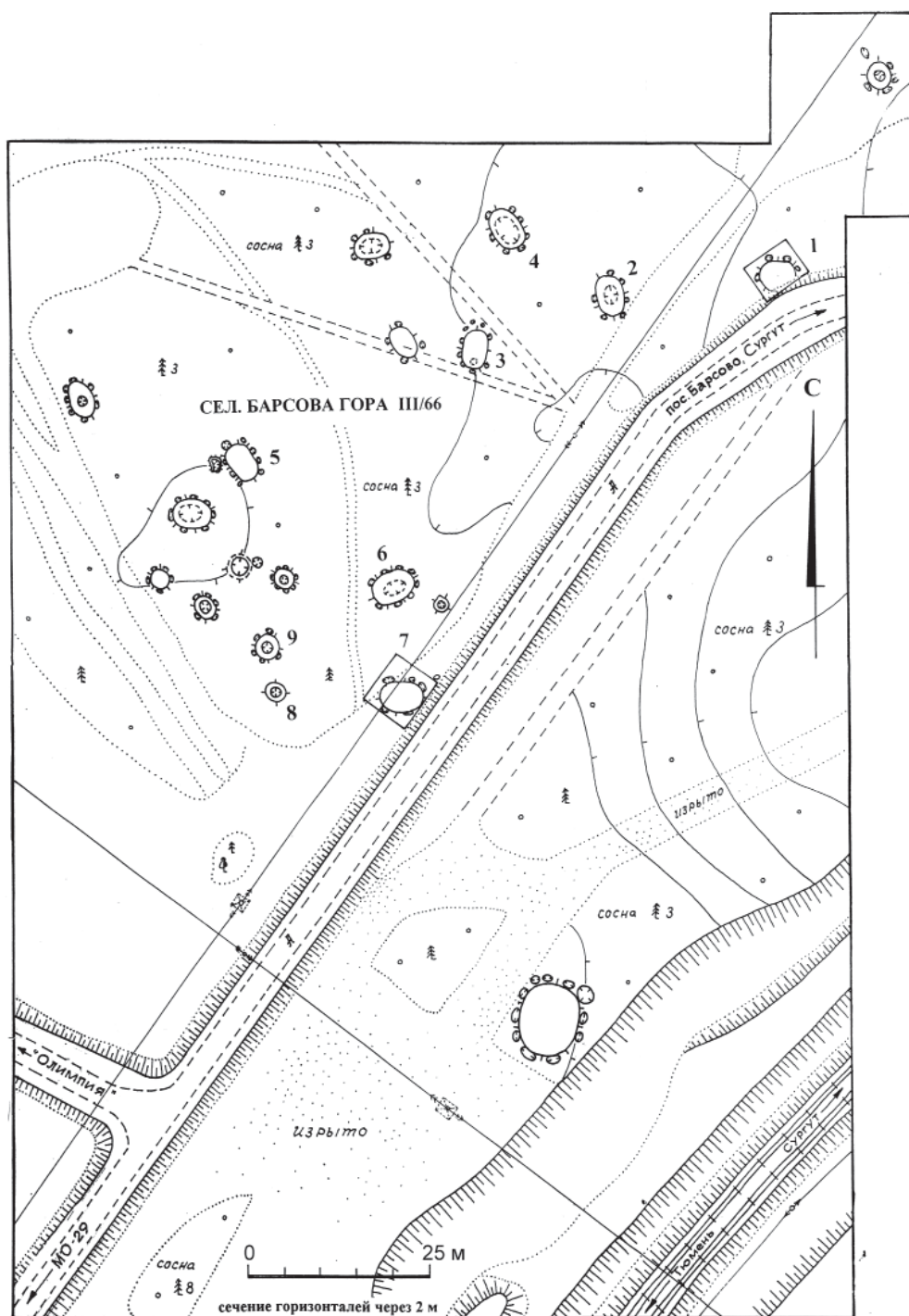

Рис. 2. План селища Барсова гора III/66.
Fig. 2. Plan of the Barsova Gora III/66 settlement.

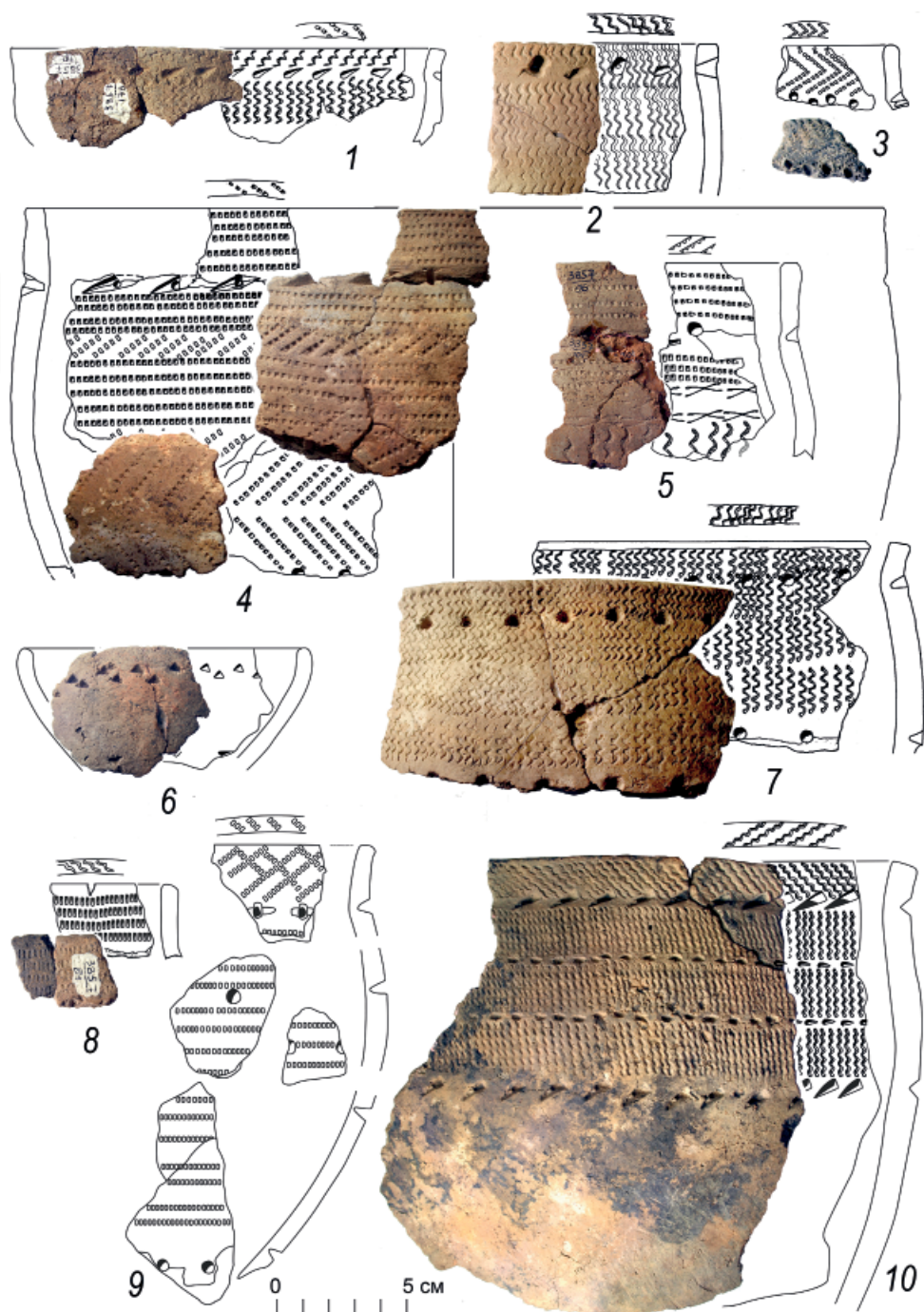

Рис. 3. Селище Барсова гора III/66. Керамика белоярской культуры.
Fig. 3. Barsova Gora III/66 settlement. Ceramics of the Beloyarka culture.

тодике, предложенной А.А. Бобринским в соответствии с естественной структурой гончарного производства (Бобринский, 1978; 1999). Определения проводились при помощи бинокулярной микроскопии (микроскоп Leica M51) поверхностей и изломов изделий с последующим сравнением с экспериментальной коллекцией технологических следов. Критерии выделения технологической информации подробно описаны в специализированной научной литературе и проиллюстрированы в «Каталоге эталонов по керамической трасологии» (см. напр.: Бобринский, 1978; 1999, Цетлин, 2012; 2017; Васильева, Салугина, 2020; Жушиховская, 2022; и др.).

Отбор исходного пластичного сырья. По представлениям гончаров белоярской культуры, отбирался один вид исходного сырья – ожелезненные глины. Выделяются два подвида глин, различающихся по содержанию естественного песка: глина 1 – низкозапесоченные (до 2 вкл. мелкого песка на 1 кв. см) с включениями окатанного и угловатого бурого железняка (8 изд.); глина 2 – высокозапесоченные (до 30 вкл. песка на 1 кв. см, присутствует пылеватый песок), с включениями окатанного бурого железняка (4 изд.).

Песок представлен пылеватыми и мелкими только окатанными (10 изд.) и окатанными и угловатыми (2 изд.) фракциями. Бурый железняк (БЖ) зафиксирован как только окатанный (10 изд.), так и окатанный и угловатый (2 изд.). Наличие угловатых включений БЖ может свидетельствовать о традиции предварительной обработки исходного сырья, в ходе которых фракции дробились и приобретали угловатую форму. Следует отметить, что угловатые фракции БЖ зафиксированы только с глиной 1.

Составление формовочных масс. Для керамики белоярской культуры определены три рецепта формовочной массы:

- 1) глина + шамот (10 изд.);
- 2) глина + дресва (1 изд.);
- 3) глина + шамот + дресва + органика (1 изд.).

Шамот не калибровался и вводился в сырье в концентрации 1:4–6. На устойчивость традиции добавки шамота указывают случаи нахождения шамота в одном сосуде.

Дресва вводилась в пропорции 1:4–6. В одном сосуде дресва не калибрована, в другом – калибрована по верхней границе. Один фрагмент стенки по насыщенности крупными включениями дресвы (гранитоиды) напоминает керамику кульминского типа из бассейна р. Конды (рис. 4: 12).

Органика выявлена в одном сосуде в составе смешанного рецепта формовочной массы и зафиксирована в виде очень мелких включений обрывков растительности.

Глина 1 использовалась с рецептами № 1 и 2, более запесоченная глина 2 – с рецептами № 1 и 3.

Конструирование полого тела. Полное тело конструировалось при помощи лоскутного налепа. На внутренней поверхности одного сосуда, изготовленного из глины 1 и по рецепту № 1, зафиксированы отпечатки формы-основы в виде мелких вытянутых параллельных складок.

Обработка поверхностей сосудов. Поверхности обрабатывались при помощи механического заглаживания различными приспособлениями. Внешняя поверхность заглаживалась гладким орудием, внутренняя – пальцами (7 изд.), гладким орудием (3 изд.), зубчатым предметом (2 изд.).

Обжиг. Цветность изломов разнообразна, зафиксированы одноцветные светло-коричневые (6 изд.), серые (2 изд.), двухцветные (3 изд.), с темным центром и светлыми краями (1 изд.). Обжиг сосудов мог проходить в восстановительной или окислительно-восстановительной среде.

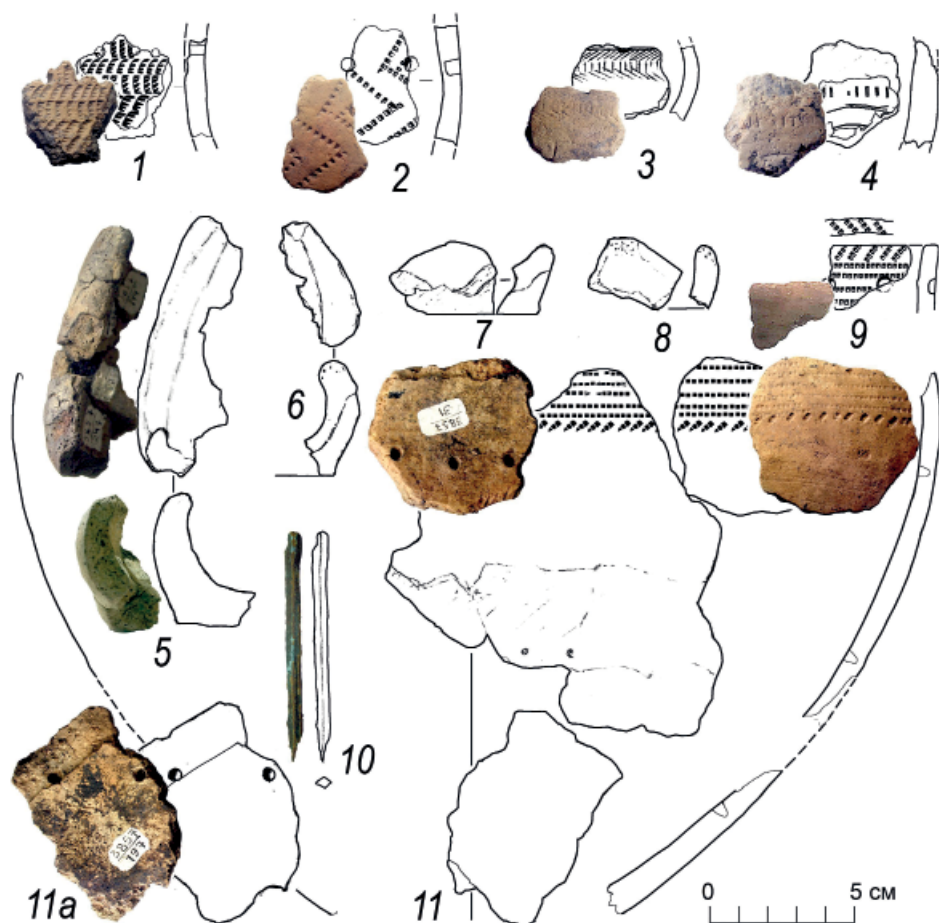

Рис. 4. Селище Барсова гора III/66. Керамика, вещи. 1–3 – инокультурная керамика; 4 – керамика с примесью металлургического шлака; 5–8 – фрагменты тиглей; 9, 11, 11a, 12 – керамика смешанного облика с примесью дресвы; 10 – бронзовое шило.

Fig. 4. Barsova Gora III/66 settlement. Ceramics, items. 1–3 – ceramics from other cultures; 4 – ceramics with an admixture of metallurgical slag; 5–8 – fragments of crucibles; 9, 11, 11a, 12 – ceramics of a mixed appearance with an admixture of gruss; 10 – bronze awl.

Проанализированный керамический комплекс выглядит достаточно однородным и находит аналоги в ранних белоярских комплексах Барсовой Горы и Сургутского Приобья в целом (рис. 3). Выделяются два сосуда, отличающиеся по технологии: они изготовлены из формовочных масс с примесью дробленого камня, что не характерно для остальной посуды с этого памятника (рис. 4: 9, 11, 11a, 12).

Инокультурная керамика. По орнаментации выделяются фрагменты стенок от четырех сосудов. Из-за небольшого размера определить их культурную и хронологическую принадлежность однозначно затруднительно.

Сосуд 1 (рис. 4: 2) был изготовлен из ожежененной слабозапесоченной (1 вкл. мелкого окатанного песка на 1 кв. см) глины с естественными включениями разноразмерного окатанного

бурого железняка (8 вкл. на 1 кв. см). Выявлена искусственная примесь калиброванной (до 1,9 мм) дресвы в концентрации 1:5–6. Обе поверхности заглажены твердым гладким орудием. Излом одноцветный светло-коричневый. Зафиксирован нагар на обеих поверхностях. Предположительно, этот сосуд может датироваться эпохой ранней бронзы. Он мог случайно попасть на памятник в любое время, или же принесен сюда в качестве источника шамота.

Сосуд 2 (рис. 4: 1) изготовлен из ожелезненной слабозапесоченной (1 вкл. мелкого окатанного песка на 1 кв. см) глины с искусственной примесью некалиброванной (до 4 мм) дресвы в концентрации 1:4. Внешняя поверхность заглажена, внутренняя – выщерблена. Излом в центре темно-серого цвета, по краям – светло-коричневого. Фрагмент украшен плотно поставленными арочными гребенчатыми оттисками, более характерными для посуды эпохи неолита – энеолита. Черепок найден на поверхности, и связь его с селищем неизвестна. Возможно, его появление на памятнике такое же, как и сосуда 1. Не исключено также, что его могли принести сюда в новейшее время. Раскопки непосредственно в границах видимых объектов, а не сплошной широкой площадью не позволяют судить о наличии на памятнике более ранних слоев.

Сосуд 3 (рис. 4: 3) по орнаментации резным (?) елочным узором близок средневековой посуде. Он изготовлен из ожелезненной слабозапесоченной (1 вкл. мелкого окатанного песка на 1 кв. см) глины с искусственной примесью мелкого окатанного песка в пропорции 1:3 и мог попасть на памятник в более позднее время в результате перемещения групп населения по урочищу. Но не исключена и его одновременность основному, т. е. белоярскому, комплексу.

Сосуд 4 (рис. 4: 4) вызывает особый интерес. Стенка орнаментирована гладкой волнистой линией. Принадлежность его к слою белоярского поселения не вызывает сомнений, т. к. он был обнаружен в жилище 1 вместе с керамикой этой культуры. Он изготовлен из слабоожелезненной слабозапесоченной (1 вкл. мелкого окатанного песка на 1 кв. см) глины с естественными фракциями разноразмерного окатанного бурого железняка (9 вкл. на 1 кв. см). Как искусственные примеси зафиксированы дресва и металлургический шлак (рис. 5). Обе примеси не калиброваны (фракции до 5 мм) и введены в концентрации 1:6 и 1:4 соответственно. Металлургический шлак в формовочной массе представлен округлыми пористыми конкрециями. Обе поверхности сосуда заглажены твердым гладким орудием. Излом одноцветный светло-серый.

Для гончарства белоярской культуры с поселения Бг III/66 характерно использование ожелезненных глин. Гончарами этого памятника глина отбиралась из двух глинищ, отличавшихся друг от друга степенью запесоченности. Основным рецептом формовочной массы являлся «глина + шамот». Случай нахождения шамота в шамоте показывают устойчивость традиции введения этой примеси, уходящей корнями в предшествующую эпоху. Традиция конструирования полого тела из лоскутов также схожа для всей посуды. Поверхности керамики обрабатывались механическим заглаживанием, обжиг мог проходить в окислительной или окислительно-восстановительной среде. Выявленные технологические особенности свидетельствуют о достаточной однородности гончарной традиции носителей белоярской культуры на Бг III/66, различия проявляются только на уровне навыков отбора исходного сырья, что может

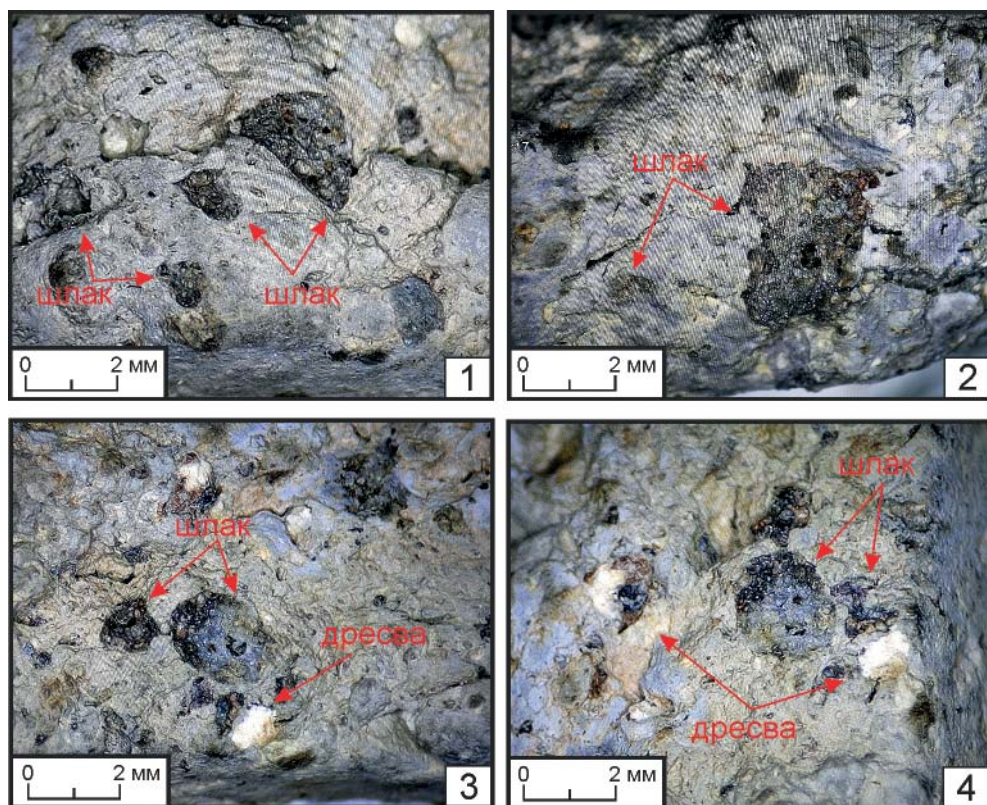

Рис. 5. Микрофотографии излома сосуда с искусственной примесью металлургического шлака и дресвы. 1–2 – металлургический шлак; 3–4 – металлургический шлак и дресва.

Fig. 5. Microphoto of a ceramic with an artificial admixture of metallurgical slag and gruss. 1–2 – metallurgical slag; 3–4 – metallurgical slag and gruss.

указывать на наличие двух семей, использовавших разные глинища, или же на доступность этих источников в разное время.

По технологии изготовления ярко выделяются два сосуда (рис. 4: 9, 11, 11а). Они украшены близкими бело-ярской посуде узорами, такими как горизонтальные линии и пояса, ряды наклонных оттисков штампов. В них выявлена дресва, в одном случае выступающая самостоятельной примесью, в другом – в составе многокомпонентного рецепта «глина + шамот + дресва + органика». Отдельные элементы орнамента на этой керамике (горизонтальные пояски мелкозубчатых оттисков) и форма сосудов находят аналогии в керамике кульминского

типа и восточного варианта иткульской культуры этого же времени. В керамике иткульской культуры исследователями отмечено использование илистых глин как исходного пластичного сырья и зафиксированы добавки шамота, дресвы из талька и слюды, органических растворов (Зими́на, Мыльников, 2006; Зими́на, Илюшина, 2016; Илюшина, 2018). При этом отмечается, что с продвижением иткульских групп на восток навык введения дресвы в формовочную массу начинает постепенно утрачиваться, что приводит к доминированию в иткульской керамике из лесостепного и подтаежного Притоболья шамота (Илюшина, 2018, с. 111). В керамике кульминского типа одним из авторов

статьи также отмечается наличие в качестве примеси крупнозернистого песка, мелко- и крупнотолченой дресвы, в том числе кварцевой, шамота и охры (Чемякин, 2017, с. 338–341).

Обнаружение на белоярском поселении двух сосудов со смешанной технологией изготовления, морфологией и орнаментацией может указывать на наличие процессов интеграции «белоярцев» с носителями иных гончарных традиций. Контакты этого типа были наиболее массовыми и распространенными в древности (Цетлин, 1988). Как отмечают исследователи, в ходе смешения между носителями разных гончарных традиций возникали отношения доминантности и рецессивности. Как правило, доминантными становились носители местных гончарных традиций, которые были более многочисленны и осведомлены о выходах различного сырья (Цетлин, 2012, с. 239). О начале подобной интеграции свидетельствует выделенная нами посуда со смешанными приспособительными навыками, традициями морфологии и орнаментации посуды. Эти процессы могли происходить на уровне брачных контактов. Возможно, что носители иных гончарных традиций, в результате брачных контактов поселившиеся на белоярском поселении Бг III/66, начали изготавливать посуду по смешанной гончарной технологии, в которую входили элементы как их, так и белоярских традиционных рецептов формовочной массы.

Посуда с искусственной добавкой металлургического шлака выявлена на памятниках эпохи палеометалла Барсовой Горы впервые (рис. 4: 4; 5). Сосуды с такой примесью известны на памятниках эпохи бронзы в Приуралье и Самарском Поволжье, в андроновской (федоровской) культуре Центрального Казахстана и на поселении петровской культуры нуртайского типа (Салугина, 2019; Бейсенов, Ломан, 2017; Ермолаева и др., 2018).

Как отмечает Н.П. Салугина, археологические памятники Приуралья и Самарского Поволжья, где в керамике зафиксирована примесь шлака, расположены вблизи рудных источников или содержат остатки производств, связанных с переработкой металлургического сырья (Салугина, 2019, с. 38–39). Не исключено, что и в начале раннего железного века традиция добавления шлаков в формовочную массу в этих регионах продолжала существовать. Это изделие является привозным, так как в более раннее время для культур Барсовой Горы добавка шлака неизвестна. Кроме того, поскольку в регионе не было своей металлургии (только металлообработка), не было и источника шлака. Маловероятно, что им могли служить дробленые тигли.

Таким образом, на поселении Бг III/66 была обнаружена посуда, которая выделяется не только по своим морфологическим характеристикам, но и по технологии изготовления.

Группа 1 – керамика белоярской культуры (рис. 3). Для нее характерно использование низкозапасоченных ожелезненных природных глин, возможно, предварительно обработанных. Главным рецептом формовочной массы является несмешанный «глина + шамот». Шамот не калибровался и вводился в сырье в концентрации 1:4–6. Об устойчивости традиции введения шамота свидетельствует шамот в шамоте.

Группа 2 – посуда смешанного облика с примесью дресвы (рис. 4: 9, 11, 11а). Она могла быть изготовлена на селище гончарами со смешанными гончарными навыками, которые возникли в результате интеграционных (возможно, брачных) контактов носителей белоярской культуры с носителями иных гончарных традиций, предположительно кульминской и иткульской (восточного варианта) культур.

Группа 3 – привозной сосуд с искусственной добавкой металлургического шлака (рис. 4: 4). Он, по всей видимости, отражает контакты белоярского населения Барсовой Горы с инокультурными группами, у которых мог импортироваться металл для производства различных изделий. Вместе с сырьем на селища белоярской культуры попадала и импортная посуда. Конкретное направление этого торгового обмена к настоящему моменту однозначно определить затруднительно, в качестве возможных источников металлургического сырья могли выступать Приуралье, Центральный Казахстан и Алтай. Возможно, что эти торгово-обменные контакты проходили через ареал иткульской (менее вероятно, кульминской) культуры, с представителями которой носители белоярской культуры могли вступать и в брачные связи. Что касается контактов с кульминским населением Нижнего Приобья, бассейнов Конды и Туры, то это направление связей было освоено еще атлымскими племенами в конце бронзового века.

Выделенные группы керамики могут отражать активные интеграционные процессы и межкультурные контакты носителей белоярской культуры на Барсовой Горе с представителями иных культур. Эти связи могли носить как торгово-обменный характер, когда белоярское население импортировало металл для производства изделий, так и брачный, когда носители других гончарных традиций приходили на белоярские поселения, в результате чего происходило смешение навыков технологии, формообразования и орнаментации керамической посуды.

Продолжение комплексных исследований древнего гончарства Барсовой Горы позволит реконструировать ступени гончарной технологии населения, проживавшего в этом урочище, определить особенности развития гончарства, выявить смешанную и импортную посуду, определить направления торгово-обменных и брачных связей, реконструировать отдельные историко-культурные процессы, происходившие на этой территории в древности.

Благодарность

Авторы выражают глубокую признательность директору Сургутского краеведческого музея М.Ю. Селяниной за предоставленную возможность работы с коллекцией.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Новые исследования керамики поселений Атасу и Мыржык // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 221–225.
2. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Под ред. А.А. Бобринского. Самара: изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–106.
3. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
4. Васильева И.Н., Салугина Н.П. Электронный каталог эталонов по керамической трасологии [Электронный ресурс]. Самара, 2020. URL: <http://archsamara.ru/katalog> (дата обращения: 26.04.2022).
5. Ермолаева А.С., Калиева Ж.С., Дубягина Е.В. Культурная атрибуция жилища-мастерской на поселении Талдысай на основе анализа керамики // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 3. С. 269–275.
6. Жуциховская И.С., Мыльникова Л.Н. Древнейшая керамика Восточной Азии: актуальные вопросы исследования (материалы для учебного курса «Керамика как археологический источник») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 7. Археология и этнография. С. 10–33. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-10-33

7. Журиховская И.Ю. Экспериментальный обжиг керамики в археологии: современные подходы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 3. Археология и этнография. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-9-20
8. Зими́на О.Ю., Илю́шина В.В. Керамика иткульской культуры с поселений лесостепной зоны Притоболья // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 165–167.
9. Зими́на О.Ю., Мыльникова Л.Н. Керамика восточного варианта иткульской культуры (по материалам памятников Юртоборовского археологического микрорайона в Нижнем Притоболье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 4(28). С. 96–114.
10. Илю́шина В.В. Технология изготовления керамики у населения восточного варианта иткульской культуры поселений в Андреевской озерной системе // Человек и север: антропология, археология, экология: Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. А.Н. Багашев. Тюмень: ФИЦ ТНЦ СО РАН, 2018. С. 107–112.
11. Ла́шин С.В. Новое селище белоярской культуры из Сургутского Приобья // XXXI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: СГУ, 1999. С. 41–43.
12. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., Ненахов Д.А. Барабинская культура раннего неолита // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 7. Археология и этнография. С. 69–93. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-69-93
13. Салугина Н.П. Металлургические шлаки в формовочной массе керамики позднего бронзового века: возможности историко-культурной интерпретации // Вестник «История керамики». Вып. 1 / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2019. С. 36–48.
14. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.
15. Цетлин Ю.Б. К проблеме сосуществования неолитических культур Верхнего Поволжья // Проблемы изучения археологической керамики / Отв. ред. А.А. Бобринский. Куйбышев, 1988. С. 45–62.
16. Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.
17. Чаиркина Н.М., Беспрозванный Е.М., Молодин В.И. Комплексы с плоскодонной керамикой в неолите Зауралья и Западной Сибири: современное состояние проблем изучения // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 34–43. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-34-43
18. Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.
19. Чемякин Ю.П. Керамика кульминского типа // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 336–353.
20. Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: археологическая карта. Сургут – Омск: Омский дом печати, 2004. 208 с.

Информация об авторах:

Селин Дмитрий Вадимович, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); selin@epage.ru, ORCID 0000-0002-6939-2917

Чемякин Юрий Петрович, кандидат исторических наук, доцент. Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург, Россия); yury-che@yandex.ru, ORCID 0000-0002-1386-2510

**PECULIARITIES OF INTERCULTURAL INTERACTION
IN THE EARLY IRON AGE IN THE SURGUT OB RIVER REGION
(BY MATERIALS OF THE CERAMICS
OF THE SETTLEMENT BARSOVA GORA III/66)**

D.V. Selin, Yu.P. Chemyakin

The article presents the results of technical and technological analysis of ceramics from the settlement of the Beloyarka culture Barsova Gora III/66. There are three groups of pottery. Group 1 includes ceramics of the Beloyarka culture. It is characterized by the use of low-sand ferruginous natural clays, possibly pre-treated. The main forming mass recipe is unmixed: clay + chamotte. Group 2 includes pottery of a mixed appearance with an admixture of grit. It could have been made in the settlement by potters with mixed pottery skills, which were formed as a result of integration (possibly marriage) contacts between the bearers of the Beloyarka culture and the bearers of other pottery traditions, probably the Kulma and Itkul cultures. Group 3 includes an imported vessel with an artificial addition of metallurgical slag. It reflects the contacts of the Beloyarka population of Barsova Gora with groups of other cultures, from whom a metal could be imported for the production of various items. The selected groups may reflect active integration processes and intercultural contacts between the bearers of the Beloyarka culture on Barsova Gora and representatives of other cultures. These links could be both trade and exchange in nature, when the Beloyarka people imported metal for the production of items, and marriage, when some carriers of pottery traditions found their way to the Beloyarka settlements, as a result of which there was a mixture of skills in technology, shaping and ornamentation of ceramics.

Keywords: archaeology, Western Siberia, Early Iron Age, Barsova Gora, Beloyarka culture, imported ceramics, pottery.

REFERENCES

1. Beisenov, A. Z., Loman, V. G. 2017. In *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* (*Izvestiya of Altai State University*) (2), 221–225 (in Russian).
2. Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia)* (*Current Issues of Ancient Pottery Studies: Collective Monograph*). Samara: Samara State Pedagogical University, 5–106 (in Russian).
3. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia* (*East-European Pottery. Sources and Research Methods*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Vasil'eva, I. N., Salugina, N. P. 2020. *Elektronnyy katalog etalonov po keramicheskoy trasologii (Elektronnyy resurs)* (*Electronic catalogue of standards for ceramics traceology (Web resource)*). Samara. URL: <http://archsamara.ru/katalog>. (in Russian).
5. Ermolaeva, A. S., Kalieva, Zh. S., Dubyagina, E. V. 2018. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 7 (3), 269–275 (in Russian).
6. Zhushchikhovskaya, I. S., Mylnikova, L. N. 2020. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya* (*Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology*) 7 (19), 10–33 (in Russian). DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-10-33
7. Zhushchikhovskaya, I. S. 2022. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya* (*Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology*) 3 (21), 9–20 (in Russian). DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-9-20 (in Russian).
8. Zimina, O. Yu., Ilyushina V. V. 2016. In Goldina, R. D. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Urals: ot pervykh otkrytii k fundamental'nomu nauchnomu znaniyu (XX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie)* (*Archaeological Heritage of the Urals: from First Discoveries to Fundamental Scientific Knowledge (20th Ural Archaeological Session)*). Izhevsk, 165–167 (in Russian).
9. Zimina, O. Yu., Mylnikova, L. N. 2006. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 28 (4), 96–114 (in Russian).
10. Ilyushina, V. V. 2018. In Bagashev, A. N. (ed.). *Chelovek i sever: antropologiya, arkheologiya, ekologiya: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* (*Human being and the North: anthropology, archaeology, ecology: Materials of the All-Russian scientific conference*). Tyumen: "FITs TNTs SO RAN" Publ., 107–112 (in Russian).
11. Lapshin, S. V. 1999. In Matveeva, G. I. (ed.). *XXXI Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiia studentov i molodykh uchenykh* (*31st Conference of Students and Young Scientists from the Ural and Volga Regions*). Samara: Samara State University, 41–43 (in Russian).
12. Molodin, V. I., Mylnikova, L. N., Nesterova, M. S., Kobeleva, L. S., Nenakhov, D. A. 2020. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya* (*Bulletin of the Novosi-*

birsk State University: History, Philology) 7 (19), 69–93 (in Russian). DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-69-93

13. Salugina, N. P. 2019. In *Vestnik «Istoriya keramiki»* ("History of ceramics" Bulletin) 1. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 36–48 (in Russian).

14. Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevniaia keramika. Teoriia i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda* (Ancient Ceramics. The Theory and Methods of Historical and Cultural Approach). Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

15. Tsetlin, Yu. B. 1988. In Bobrinskii, A. A. (ed.). *Problemy izucheniya arkhеologicheskoy keramiki* (Issues of the study of archaeological ceramics). Kuibyshev, 45–62 (in Russian).

16. Tsetlin, Yu. B. 2017. *Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda* (Ceramics. Concepts and Definitions of the Historical-and-Cultural Approach). Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

17. Chairkina, N. M., Besprozvannyi, E. M., Molodin, V. I. 2020. In *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 19, no. 7: Archaeology and Ethnography, 34–43. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-34-43 (in Russian).

18. Chemyakin, Yu. P. 2008. *Barsova Gora: Ocherki arkhеologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost' (Barsova Gora: Essays on the Archaeology of the Surgut Ob region. Antiquity)*. Surgut; Omsk: "Omsk House of Press" Publ. (in Russian).

19. Chemyakin, Yu. P. 2017. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 4, 336–353 (in Russian).

20. Chemyakin, Yu. P., Zykov, A. P. 2004. *Barsova Gora: arkhеologicheskaya karta* (Barsova Gora: an archaeological map). Surgut; Omsk: "Omskiy dom pechati" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Selin Dmitry V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Acad. Lavrentiev Ave., 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; selin@epage.ru, ORCHID 0000-0002-6939-2917

Chemyakin Yury P. Candidate of Historical Sciences. Associate Professor. Ural State Pedagogical University, Kosmonavtov Ave., 26, Yekaterinburg, 620091, Russian Federation; yury-che@yandex.ru ORCHID 0000-0002-1386-2510

Статья принята к публикации 01.03.2023 г.

СЕМАНТИКА ОБРАЗОВ «ГРИФОНО-ГИППОКАМПА» И «РОГАТОЙ РЫБЫ» В СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЗОНЫ

© 2023 г. Л.С. Добровольский, Е.Б. Сыдыков,
У.У. Умиткалиев, Г.Т. Каженова

Работа посвящена изучению скифского звериного стиля как художественного явления – одной из кардинальных проблем скифологии, в частности вопросу о содержании его художественных образов. Изучается семантика синкретических образов «грифоно-гиппокампа» и «рогатой рыбы» в скифском зверином стиле восточноевропейской зоны, охватывающей территории степных, лесостепных и северокавказских локальных подвариантов скифского звериного стиля. Используются традиционный иконографический, формально-стилистический и структурно-семиотический методы, а также методы общенаучного гипотетико-дедуктивного метода с общим системно-функциональным и синхронно-диахроническим подходами к рассмотрению исторических фактов. В результате исследования была установлена связь трёх изображений синкретических существ с древнегреческим мифическим Тифоном, двух изображений – с Дионисом и двух – с Эгипаном (Паном). Дальнейшей задачей является изучение семантики образов бестиария скифского звериного стиля – воплощений мифологических персонажей.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, восточноевропейская зона, грифоно-гиппокамп, рогатая рыба, семантика образа, скифский звериный стиль.

Введение

Одной из кардинальных проблем скифологии является скифский звериный стиль как художественное явление, а также его происхождение, содержание и средства выражения. По определению Е.Ф. Корольковой, «это искусство представляет собой феномен, присущий исключительно своей эпохе и своей этнокультурной среде, будучи отражением мировоззрения евразийских кочевников с их мифологической системой, эстетическими нормами и психоинтеллектуальными особенностями» (Королькова, 2006, с. 161). Этот стиль, как отмечает А. Фаркаш, «несомненно обладает не только декоративной, но и смысловой функцией, о которой мы можем лишь гадать» (Farkas, 1979, с. 51).

Дискуссия о возможных корнях скифского искусства сводится к оппозиции центральноазиатской (Borovka, 1928; Тереножкин, 1976; Шер, 1998; Курочкин, 1993; Ковалёв, 1996; Богданов, 2004), переднеазиатской (Ростовцев, 1925; Артамонов, 1961; Погребова, Раевский, 1992; Раевский,

Кулланда, Погребова, 2013) и полицентрической гипотез (Грязнов, 1978, 1980; Яценко, Раевский, 1980; Переводчикова, 1994; Канторович, 2015).

Однако скифская культура в целом, как и её происхождение, и смысл искусства звериного стиля, «по-прежнему остаются проблемными, требующими разрешения и являются для современного исследователя задачей столь сложной, столь и заманчивой» (Королькова, 2006, с. 7).

Наше исследование посвящено вопросу о содержании художественных образов в искусстве звериного стиля, в частности семантике синкретических образов «грифоно-гиппокампа» и «рогатой рыбы» в скифском зверином стиле восточноевропейской зоны, охватывающей территории степного, лесостепного и северокавказского локальных субвариантов скифского звериного стиля.

Методы

Используем традиционный иконографический метод (Borovka, 1928; Членова, 1967; Ильинская, 1965 и

др.), формально-стилистический метод (Rostovtzeff, 1929; Артамонов, 1968, 1973; Шер, 1980) и структурно-семиотический метод (Леви-Стросс, 1985; Пропп, 1996; Кузьмина, 1976; Переводчикова, 1994; Антонова, Раевский, 2002; Раевский, 2006), а также приёмы общенаучного гипотетико-дедуктивного метода при общих системно-функциональном и синхронно-диахроническом подходах к рассмотрению исторических фактов.

Результаты

Сложным комплексом культурных напластований обусловлен многокомпонентный характер всей художественной структуры скифо-сибирского звериного стиля, включающий как стилевые факторы (идейное содержание, образную систему и метод – элементы содержательного уровня), так и носители стиля – элементы плана выражения, или формальные признаки (Королькова, 2015, с. 163).

Зооморфные образы отражают характерное для всех индоиранских народов «представление о многочисленных перевоплощениях, инкарнациях и различных ипостасях, в которых предстаёт каждое божество» (Кузьмина, 1976, с. 58–59; Хазанов, Шкурко, 1976, с. 46). В «пространственных и временных формах художественного творчества материализовывались миф, ритуал, религия и искусство, выступая как духовные проявления жизни общества» (Королькова, 2015, с. 180).

Однако, как утверждает Д.С. Раевский, «распространение этого утверждения на скифов требует в каждом конкретном случае отдельного обоснования», поскольку «как раз для скифов эта черта прямо не документируется: никаких свидетельств о зооморфных воплощениях скифских богов источники не содержат (о единственном исключении – полиморфном облике мифической прародительницы скифов)» (Раевский, 2006, с. 363).

«Мифология является необходимым условием и первичным материалом для всякого искусства» (Шеллинг, 1936, с. 146), «тотально господствующим способом глобального концептирования» (Мелетинский, 1995, с. 163). Однако, как отмечает Е.Е. Кузьмина, «те сведения, которые сохранились о религии скифов, мало дают для суждения о том, как скифы представляли своих богов и героев», за исключением данных о поклонении Аресу в виде акинака и об облике родоначальницы скифов – полудевы-полузмеи (Кузьмина 1976, с. 55, 56).

По мнению М.И. Артамонова, мала вероятность полного соответствия скифской религии и богов греческим, и поэтому «для понимания скифской религии одних сопоставлений скифских божеств с греческими совершенно недостаточно». Тем не менее данные, приводимые у Геродота, «могут явиться исходным пунктом исследования, обращённого к вещественным памятникам. Они позволяют подойти к пониманию их внутреннего содержания. В свою очередь, раскрытые в своём значении памятники обогащают и уточняют данные Геродота» (Артамонов, 1961, с. 57). Важность и актуальность анализа текстов Геродота и других древних авторов на современном этапе исследования скифского звериного стиля подчёркивает Я.А. Шер (Шер, 2017, с. 19).

Таким образом, научно обоснованным считаем обращение к текстам древнегреческой мифологии и философии в изучении семантики художественных образов скифского звериного стиля, в частности в нашем исследовании семантики синкретических образов «грифоно-гиппокампа» и «рогатой рыбы», по определению А.Р. Канторовича (Канторович, 2015, с. 812, с. 834). Предполагаем, что в этих образах воплощён Тифон – хтоническое териоморфное существо древнегреческой мифологии, а также

древнегреческие боги Дионис и Пан (Эгипан) в сюжете мифа о нападении Тифона на богов и их спасении.

Из античных источников приведём упоминания о внешнем облике Тифона и превращении богов в мифе об их спасении, а также данные о морфологии анализируемых художественных образов, выполненных в скифском зверином стиле.

Изображение мифического Тифона. Описание внешнего вида Тифона варьируется. «Тифон – хтоническое териоморфное существо: у него сотня драконьих голов, часть туловища до бёдер – человеческая. Ниже бёдер вместо ног у Тифона – извивающиеся кольца змей. Тело покрыто перьями. Он бородат и волосат (Apollod. I 6, 3)» (Мифологический словарь, 1990, с. 529). Кроме того, у Аполлодора читаем: «Руки у него были таковы, что одна вытягивалась до Запада, другая – до Востока; лохматые волосы с головы и от подбородка развевались по ветру» (Лосев, 1996, с. 840). «Каждая из глоток Тифона издаёт вопли быков, львов, псов (Hes. Theog. 829–835)» (Мифологический словарь, 1990).

Эсхил в произведении «Скованный Прометей» называет Тифона «стоголовым», «дикивинным чудищем» (Лосев, 1996, с. 839).

В «Тифонии» Нонна упоминаются «зияющие уста Тифоея», «пар от зубов Тифоевых чудищ», «ладонь руки непомерной» (Лосев, 1996, с. 846).

Также в «Тифонии» Нонна приведён перечень звериных обликов Тифоньих голов – медведя, льва, ехидны и птицы – и терзание ими животных:

«Гибель грозила стадам и зверям: ведь в лице Тифоея

Хищный медведь разрывал челюстями другого медведя;

Рыжего, грудью косматого льва голова пожирала

Львов сочлененья других, и подобными были по виду

Пасть у него и у них; а змеиная глотка ехидны

Хладную спину змеи-землехода – дракона глотала;

Воздуха птицы, летящие в чистом эфире, соседним

Клювом настигнуты были; но больше всего пожирал он

Близко летавших орлов, ибо Зевсова птица известна.

Жрал и быка-земледельца, его не щадя, хоть казался

Он окровавленным весь от ярма из-за ссадин на шее» (Лосев, 1996, с. 853).

В «Превращениях» Антонина Либера читаем: «Демоном необычайной силы и чудовищной наружности был сын Геи Тифон, со множеством рук, голов и крыльев. Огромные змеиные хвосты начинались у его бедер. Он мог подражать разным голосам» (Лосев, 1996, с. 842).

В «Теогонии» Гесиода Тифон описан как «змей-дракон»:

«Силою были и жаждой деяний исполнены руки

Мощного бога, не знал он усталости ног; над плечами

Сотня голов поднималась ужасного змея-дракона.

В воздухе тёмные жала мелькали. Глаза под бровями

Пламенем ярким горели на главах змеиных огромных.

Взглянет любой головою, – и пламя из глаз её брызнет» (Лосев, 1996, с. 701).

Приведённые источники содержат описание Тифона как «дикивинного чудища», «змея-дракона» с покрытым перьями телом, множеством рук, крыльев и голов разнообразных диких животных, с огромными руками и заворачивающимися кольцами змеиными ногами.

Именно эта «чудовищная наружность» и воплощена во внешнем облике трёх синкретических животных на происходящих с территории Ниж-

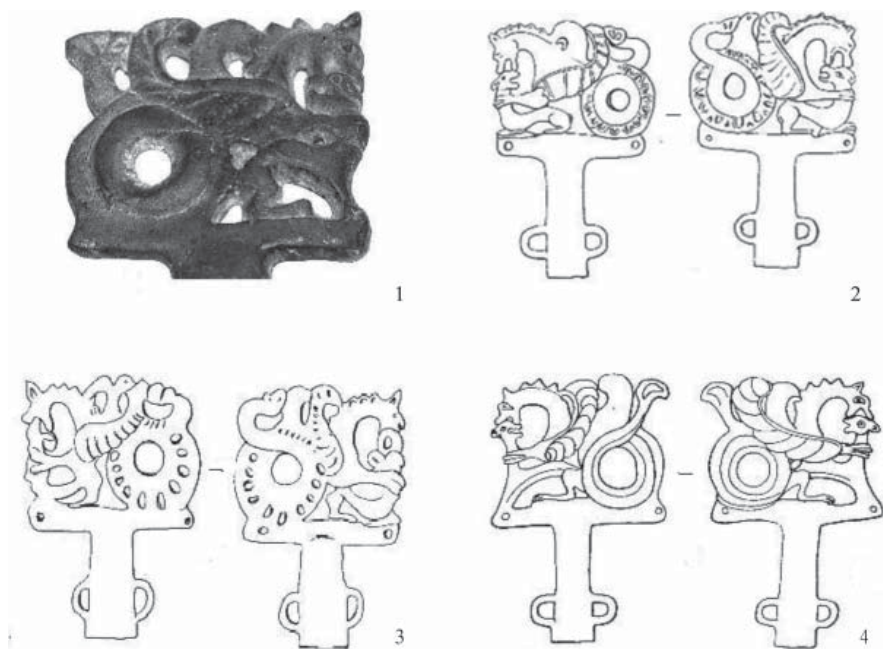

Рис. 1. Монстр грифоно-гиппокампа в скифском зверином стиле как воплощение мифического Тифона. 1 – бронзовое навершие, находка в районе Тилигульского лимана, Одесский археологический музей (по: Канторович, 2015, с. 1653, рис. 1); 2 – бронзовое навершие, Краснокутский курган (по: Канторович, 2015, с. 1653, рис. 2-1); 3 – бронзовое навершие, Краснокутский курган (по: Канторович, 2015, с. 1653, рис. 2-2); 4 – бронзовое навершие, Краснокутский курган (по: Канторович, 2015, с. 1653, рис. 2-3).

Fig. 1. Griffin-hippocampus monster in the Scythian animal style as the embodiment of the mythical Typhon. 1 – bronze finial, finding near the Tiligul Estuary, Odessa Archaeological Museum (after Kantorovich, 2015, p. 1653, fig. 1); 2 – bronze finial, Krasnokutsk barrow (after Kantorovich, 2015, p. 1653, fig. 2-1); 3 – bronze finial, Krasnokutsk barrow (after Kantorovich, 2015, p. 1653, fig. 2-2); 4 – bronze finial, Krasnokutsk barrow (after Kantorovich, 2015, p. 1653, fig. 2-3).

него Поднепровья изображениях, моделированных в двустороннем рельефе с прорезями и оформляющих бронзовые навершия (Краснокутский (350–320 гг. до н. э.) и Тилигульский памятники) (рис. 1: 1–4).

А.И. Мелюкова, С.С. Бессонова и А.Р. Канторович склонны видеть в этом образе грифоно-гиппокампа контаминацию грифона и гиппокампа (морского конька) (Мелюкова, 1981, с. 36; Бессонова, 2004, с. 28; Канторович, 2015, с. 814).

По данным исследования А.Р. Канторовича, в рамках 3-й четверти V–IV в. до н. э. под сильным греческим (в ряде случаев, греко-фракийским) влия-

нием на базе природной темы гиппокампа и на границе с образом орлиноголового грифона появляются образы гиппокампа-лошади (1 изображение), грифоно-гиппокампа (6 изображений) и «петушка-гиппокампа» (16 изображений). Результатом совмещения образа рыбы с образом копытного является уникальный образ рогатой рыбы (1 изображение) (Канторович, 2015, с. 989–990).

Как отмечает А.Р. Канторович, восточноевропейский звериный стиль уже на стадии своего зарождения сочетал пришлые и автохтонные тенденции; особенно сильное воздействие классического греческого и

фракийского зооморфизма ощутимо в период его развития (Канторович, 2015, с. 1014).

Так, из переднеазиатского (ассирийского, урартского, хеттского) и восточнотурецкого искусства в восточноевропейский звериный стиль вошли изначальная идея зооморфного превращения наряду с целым рядом образов, мотивов и художественных приёмов. Это, в частности, образ грифона, мотив обособленной головы грифона, полнофигурное изображение восточнотурецкого грифона, обособление головы животного с помощью поперечной линии на шее, гипертрофирование мускулов ног, лопатки и крупа, акцентирование лопатки вместе с мускулом плеча или предплечья с возникновением мотива «дробной лопатки» и др. (Канторович, 2015, с. 1013–1014).

В изображениях т. н. «грифоно-гиппокампа» (рис. 1: 1–4), в которых мы склонны видеть воплощение мифического Тифона, акцентируем некоторые существенные для подкрепления нашей позиции элементы в характеристике морфологии этого образа, приведённые в работе А.Р. Канторовича (Канторович, 2015, с. 814–815): изображено некое существо (схватившее за шею и грызущее неизвестного зверя), наделённое головой и передними ногами кошачьего хищника, гребнем грифона, крыльями, без задних ног и со змеевидной задней частью туловища и хвостом, которые очень похожи на туловище и хвост гиппокампов в греческом искусстве. Змеевидная часть туловища однократно закручена и переходит в хвост, задранный вверх и на конце загнутый вперёд. Пасть открыта. Крыло имеет рифление (имитация перьев). Змеевидная часть туловища или гладкая, или покрыта рельефными овами (имитация чешуи?).

Следует также отметить, что во всех трёх фигурах особо выразитель-

но изображена большая, держащая за горло терзаемое животное, передняя рука (лапа) змея-дракона.

Таким образом, мы полагаем, что это синкретическое существо, соединяющее в себе множественные элементы различных животных, отвечает описанию, данному древними авторами мифическому Тифону.

Изображение перевоплощённого Диониса. Пиндар, Эсхил, Овидий и Гигин упоминают нападение Тифона на богов. «В своём диком неистовстве против всего светлого нападает он на богов, и притом, как подчёркивают источники, на всех богов сразу (Pind., frg. 91; Aesch. Prom. 358), причём катастрофа была столь близка, что богам пришлось превращаться в разных животных, не исключая и самого Зевса» (Лосев, 1996, с. 821).

Эти мифические «превращения» описаны в «Метаморфозах» Овидия (Песнь Музы о Тифоне):

«Стада вождем, – говорит, – стал сам Юпитер:

Либийский

Изображаем Аммон и доныне с крутыми рогами!

Вороном сделался Феб, козлом – порожденье Семелы,

Кошкой – Делийца сестра, Сатурния – белой коровой,

Рыбой Венера ушла, Киллений стал ибисом-птицей» (Лосев, 1996, с. 841).

Примечательно также, что в «Тифонии» Нонна упоминается «Козерог рыбообильный» (Лосев, 1996, с. 846).

Гигин в «Астрономических очерках» (Созвездие Козерог) пишет: «Этот образ похож на Эгипана [Пана, в котором особенно выдвинута козловидность]. Юпитер, будучи воспитан с ним, захотел, чтобы тот был среди звёзд... Египетские же жрецы и некоторые поэты говорят, что когда большинство богов сбежалось в Египет и туда же внезапно прибыл Тифон, жесточайший Гигант и величайший враг

1

2

Рис. 2. Полукозёл-полурыба как перевоплощённый Дионис (грифоно-гиппокамп в скифском зверином стиле).

1 – золотая обивка чаши, находка у с. Акимовка, курган 3, погребение 6 (по: Канторович, 2015, с. 1654, рис. 1); 2 – золотая обкладка ножен меча, Елизаветовский могильник, курган 1, 1910 г. (по: Канторович, 2015, с. 1654, рис. 2).

Fig. 2. Half-goat – half-fish as a reincarnated Dionysus (griffin-hippocampus in the Scythian animal style). 1 – golden upholstery of the bowl, finding near the village of Akimovka, barrow 3, burial 6 (after Kantorovich, 2015, p. 1654, fig. 1); 2 – golden sheath of the sword, Elizavetovskiy burial ground, barrow 1 (1910) (after Kantorovich, 2015, p. 1654, fig. 2).

богов, то последние со страху превратились в разные формы: Меркурий – в ибиса, Аполлон – в птицу, которая называется фракийской, Диана уподобилась кошке. По этой причине египтяне доказывают, что нельзя осквернять эти породы, поскольку они являются образами богов. В это же самое время, говорят, Пан бросился в реку и сделал заднюю часть своего тела рыбой, а остальную – оленьей и таким образом убежал от Тифона. Удивившись этой выдумке, Юпитер поместил его изображение среди звёзд» (Лосев, 1996, с. 841–842).

На золотой обивке чаши из Акимовского кургана (Нижнее Поднепровье) (рис. 2: 1) и на основной части золотой обкладки ножен меча из Елизаветовского могильника (V – нач. IV в. до н. э.) (Нижнее Подонье) (рис. 2: 2) изображено синкретическое животное – «грифоно-гиппокамп» (Канторович, 2015, с. 816–818), состоящее из грифоней передней части и рыбоподобной задней части. А.Р. Канторович допускает соотношение изображений этого типа с образом «собако-птицы»,

описанным в скифском искусстве С.С. Бессоновой (Безсонова, 1977).

На наш взгляд, это изображение является воплощением мифического Диониса, при спасении бегством от Тифона превратившегося в козла (согласно Овидию), или в полукозла и полурыбу (ср. эпитет «Козерог рыбообильный» у Нонна (Лосев, 1996, с. 846).

В композицию елизаветовского изображения (рис. 2: 2), кроме образа «монстра», входит также выполненное в греческой манере изображение впившегося в его язык «змея, обвивающая туловище монстра, проходящая под его животом и затем пропущенная между его лапами» (Канторович, 2015, с. 816).

В трактовке образов, согласно А.Р. Канторовичу (Канторович, 2015, с. 816–818), монстры лишены задних ног и наделены в передней части крыльями, лапами хищника, головой кошачьего хищника с клювовидной верхней челюстью. Задняя часть монстров короткая гладкая, переходит в большой или огромный хвостовой плавник – в

Рис. 3. Полурыба-полуолень как перевоплощённый Эгипан (рогатая рыба в скифском зверином стиле). 1 – золотой нащёчник – обкладка деревянной основы, Гайманова могила, центральная гробница № 2, конская могила, конь 2 (по: Канторович, 2015, с. 1660, рис. 1а); 2 – золотой нащёчник – обкладка деревянной основы, Гайманова могила, центральная гробница № 2, конская могила, конь 2 (по: Канторович, 2015, с. 1660, рис. 1а); 3 – золотая обивка деревянной чаши, находка у с. Калинино, курган 3, погребение 3 (по: Канторович, 2015, с. 1455, рис. 1а).

Fig. 3. Half-fish – half-deer as a reincarnated Aegipanos (horned fish in the Scythian animal style). 1 – golden cheek pad – facing of a wooden base, Gaimanov's grave, central tomb No. 2, horse grave, horse 2 (after Kantorovich, 2015, p. 1660, fig. 1a); 2 – golden cheek pad – facing of a wooden base, Gaimanov's grave, central tomb No. 2, horse grave, horse 2 (after Kantorovich, 2015, p. 1660, fig. 1a); 3 – gold upholstered wooden bowl, Finding near the village of Kalinino, barrow 3, burial 3 (after Kantorovich, 2015, p. 1455, fig. 1a).

виде трёхлепестковой пальметки или в виде прямоугольника.

Некоторые переднеазиатские и восточнотурецкие заимствования указывают на особенности стилистики образов: ноги укороченные, мускулы ног подчеркнуты углублёнными линиями; голова отделена от шеи шёрстной складкой, имитированной валиком или желобком; лопатки рельефно выделены; в лопатку акимовского монстра вписана рельефная «малая лопатка»; у елизаветовского монстра лопатка моделирована двуконным завитком в один оборот и переходит в рифлёное крыло; трактовка хвоста в виде пальметки; клювовидная верхняя челюсть.

Кроме того, комбинированная форма хвоста в елизаветовском изображении очень напоминает две ноги. Также обратим внимание на большие размеры хвостового плавника, в который переходит короткое тело или два его разветвления: таким способом художник акцентировал значение плавника как средства быстрого спасения от Тифона, нападающего на Диониса, а также как наиболее выразительную

черту рыбы, в которую он превратился. Иными словами, с помощью этого элемента художественного образа соткана канва мифологического повествования.

В морфологии анализируемых образов отметим очень важную деталь, упущенную исследователями, но существенную для определения художественного образа полукозла-полурыбы: у елизаветовского «монстра» особенно явно просматриваются два рога наподобие тех, что у самцов рода Водяных козлов (лат. *Kobus*) (достигающих одного метра в длину).

В акимовском изображении (рис. 2: 1), вероятно, воплощён образ самки рода Водяных козлов (поскольку наблюдается сходство в очертании головы и ушей), что не препятствует трактовке изображения как художественного образа Диониса ввиду андрогинности этого божества.

Изображение перевоплощённого Эгипана. В изображениях «рогатой рыбы» (термин А.Р. Канторовича) на золотых нащёчниках – обкладках деревянной основы из Центральной гробницы Гаймановой могилы

(390–380 гг. до н. э.) (рис. 3: 1, 2) мы склонны видеть мифического Эгипана (Пана), который, спасаясь бегством от Тифона, превратился, согласно изложению Гигина, в полурыбу-полуоленья (Лосев, 1996, с. 842).

Это изображение, согласно А.Р. Канторовичу (Канторович, 2015, с. 834–835), наделено природными признаками рыбы и природными признаками млекопитающих (хищника и оленя): синкретическое животное обладает большой головой с укороченным тупым рылом, напоминающим морду хищника, зубами, показанными в распахнутой пасти, а также глазницами с выступающими вперёд и назад каналами слезниц. По верху туловища рыбы вдоль спины показаны отростки задней ветви оленьих рогов; передний отросток рога изгибается вдоль головы, затем разделяется на два завитка, передний из которых упирается в носовой выступ рыбы. Под животом рыбы, имитируя ноги зверя, проходит полоса четырёх завитков. Как имитация жаберного плавника отмечен валик, отделяющий голову от туловища, которое также покрыто валиками, имитирующими чешую. При наличии одного лишь мощного хвостового плавника (выполненного, как и в акимовском изображении, в виде пальметки) маленькое веретенообразное туловище не пропорционально в сравнении с головой и хвостом.

На наш взгляд, мощный хвостовой плавник (подобно акимовскому и елизаветовскому изображениям) является воплощением идеи зооморфного превращения и бегства от преследования. Также полагаем, что передний отросток рога, упирающийся в носовой выступ рыбы, является особенно рельефно выделенной и заметной деталью в изображении. Таким способом была подчеркнута наиболее характерная черта внешности Эгипана – его рогатость.

Также изображение синкретического животного – полурыбы-полуоленья – как воплощение трансформации Эгипана размещено на золотой обивке деревянной чаши (с. Калиновка, Крым, памятник сер. IV в. до н. э.) (рис. 3: 3). А.Р. Канторович отмечает в образе оленя «наличие гипертрофированной шёрстной складки под брюхом, обозначенной тремя горизонтальными линиями «жемчужника» (Канторович, 2015, с. 357). В нашем понимании «шёрстная складка» – хвостовой плавник рыбы.

Обсуждение и выводы

Как предполагает А.Р. Канторович, значительное присутствие синкретических образов, связанных с водной стихией, подтверждает важность выводов Д.С. Раевского и С.С. Бессоновой о большой роли водного начала в скифских религиозно-мифологических представлениях (отображённых, в частности, в мифических образах Апи, Арпоксая, Фэгимасада-Посейдона) (Раевский, 2006, с. 64–66, 84; Бессонова, 2004, с. 25; Канторович, 2015, с. 989–990).

Однако рассмотренные нами образы связаны с конкретным существом и божествами древнегреческого пантеона (Тифон, Дионис и Эгипан), синкретический облик которых обусловлен мифическим сюжетом, в котором не присутствуют божества Гея-Апи, Посейдон-Тагимасад и герой этногенетического мифа Арпоксай.

Как отмечает Е.Ф. Королькова, «если рассматривать звериный стиль как воплощение мифологических образов и текстов, то ничего незначимого в них нет, поскольку каждый признак выражает то или иное свойство образа, который действует в рамках определенного иконического кода» (Королькова, 2015, с. 177).

Безусловно, в рассмотренных изображениях остаётся ещё ряд необъяснённых деталей (в частности, неясна семантика зооморфной трансформа-

ции окончания хвоста грифоно-гиппокампа в голову хищной птицы или в развёрнутую на зрителя подошву копыта в тилигульском и краснокутском изображениях).

В зверином стиле исследователи видят «магическое содержание, связанное своими корнями с древними тотемистическими представлениями» (Яценко, 1971, с. 131). Однако, как отмечает Д.С. Раевский, «магическая функция, несомненно, присущая характерным для искусства мотивам, не только не исчерпывает их содержания, но может даже быть напрямую не связана с этим содержанием, не определять его и не вытекать из него» (Раевский, 2006, с. 362).

Констатируемая на сегодняшний день невозможность «обнаружить прямую генетическую связь и непосредственную формальную зависимость звериного стиля от какой-то конкретной художественной культуры Древнего Востока или античного мира» (Королькова, 2015, с. 161) объясняется, на наш взгляд, ошибочностью исследовательского подхода. Обращение к разным, отдалённым во времени и пространстве культурным регионам древнего мира в поисках прототипов и истоков изобразительного творчества лишь даёт возможность выявления некоторых разрозненных параллелей в искусстве разных народов древности.

Полагаем, что полицентрическая теория происхождения скифского искусства не совсем верна, поскольку отсутствие в науке сведений о семантике художественных образов, выполненных в скифском зверином стиле, приводит к игнорированию базового принципа связи формы и содержания, исключению факторов моды и импорта предметов искусства, а также к нарушению методологии исследования от частного к общему.

Изучение формы художественных образов в отрыве от их содержания в

искусстве скифского звериного стиля приводит к преждевременному констатированию факта гетерогенности образов, сюжетов, мотивов и художественных приёмов, изначально присущих, по утверждению А.Р. Канторовича (Канторович, 2015, с. 1011), большинству его локальных вариантов.

Я.А. Шером был предложен метод сопоставления инвариантных элементов, присущих изображениям того или иного стиля, в частности составление «алфавита» первичных элементов звериного стиля, а затем методами позиционной статистики отслеживание их взаимовстречаемости в пространстве и времени» (Шер, 1980). Этот подход, по расчётам исследователя, «позволит составить «алфавит» первичных элементов звериного стиля, а затем методами позиционной статистики проследить их взаимовстречаемость в пространстве и времени», и такая «изокомпаративистика» рациональна при поисках дописанных мифологических формул и сюжетов (Шер, 2017, с. 19).

Безусловно, скифское искусство представляет собой феномен, не исключаящий существование прототипов в предшествующих художественных традициях, как и художественных параллелей, и взаимовлияний формальных стереотипов. Однако мы полагаем, что при данном подходе невозможно изучить семантику дискретной системы образов, в частности скифского звериного стиля. Но можно обозначить многочисленные разновременные межсистемные связи на основе совпадения формы ввиду изначального отсутствия сведений о содержании знака, тем самым рассматривая объект исследования как индискретную систему (что на самом деле противоречит действительности).

Мы полагаем, что спорный в скифологии вопрос о функции и содержании звериного стиля может быть

решён исключительно на основе раскрытия семантики каждого конкретного изображения и всех связей каждого воплощённого образа с другими образами в рамках известных нам античных мифов. В результате станет возможным очертить тот круг мифов, которые были понятны для восприятия скифов или же отображали их религиозное мировоззрение. В этом аспекте очень справедливо указание Е.Ф. Корольковой на такую необходимую черту художественного образа, как его узнаваемость «даже при самой условной и стилизованной манере его исполнения, и этот процесс также предполагает наличие способности сознания к анализу и синтезу» (Королькова, 2015, с. 161).

Полагаем, что мифо-ритуальная функция каждого изображения и декорированного им предмета также должна изучаться и описываться сквозь призму конкретных мифов, то есть дискретно во времени и пространстве. При этом важнейшим условием исследования полагаем общенаучные принципы системности и историзма.

Результатом нашего исследования, проведённого на основе этих принципов, было обнаружение связи четырёх изображений синкретических животных с древнегреческим мифическим Тифоном, двух изображений – с Дионисом и трёх – с Эгипаном (Паном). Художественные образы «грифоно-гиппокампа» и «рогатой рыбы» оказались для современного зрителя и исследователя узнаваемыми образами древнегреческой мифологии:

зооморфно трансформированными божествами – Дионисом и Эгипаном, а также преследующим их Тифоном, изображёнными как в сложных композициях, так и в одиночных изображениях.

В оригинальных изображениях скифского звериного стиля, имеющих некоторые заимствованные формальные признаки, воплотились персонажи мифа, отображённого в многочисленных античных письменных источниках, что ещё раз подтверждает значимость междисциплинарного подхода в исследованиях древней культуры и искусства.

Примечательно, что изображения зооморфно трансформированных божеств выполнены в золоте. Помимо эстетической, функции рассмотренных художественных образов и предметов, ими декорированных, могут быть раскрыты только в системе и сквозь призму семантики образов в рамках конкретных мифов и, рассматривая шире, в рамках всего мировоззрения.

Перспективы

Наша дальнейшая задача – исследование всего бестиария скифо-сибирского звериного стиля, как изображений реальных животных, так и образов фантастических полиморфных чудовищ, с целью создания системы образов в рамках конкретных мифов античного мира. Наличие таких мифов, дошедших до нас в античных письменных источниках, – важнейшая научная база современного исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Е.В., Раевский Д.С. Археология и семиотика // Структурно-семиотические исследования в археологии / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во Донецк. нац. ун-та, 2002. С. 11–23.
2. Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // Скифо-сарматское время / АСГЭ. Вып. 2 / Отв. ред. М.И. Артамонов. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. С. 57–87.
3. Артамонов М.И. Происхождение скифского искусства // СА. 1968. № 4. С. 27–45.

4. Артамонов М.И. Сокровища саков. М.: Искусство, 1973. 280 с.
5. Безсонова С.С. Образ собако-птаха в мистецтві Північного Причорномор'я скифської пори // Археологія. 1977. № 23. С. 11–24.
6. Безсонова С.С. Крылатый конь – гиппокамп – морской конёк и скифский Посейдон // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму: Збірник наукових праць. Т. XI / Гол. ред. П.П. Толочко. Запоріжжя: Запорізький державний університет, 2004. С. 25–30.
7. Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 64 с.
8. Грязнов М.П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. Вып. № 154 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1978. С. 9–18.
9. Ильинская В.А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. 1965. № 1. С. 86–107.
10. Канторович А.Р. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Дисс... докт. ист. наук. Москва, 2015. 1724 с.
11. Ковалев А.А. Происхождение скифов согласно данным археологии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 121–126.
12. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (7–4 вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.
13. Королькова Е.Ф. Следы невиданных зверей (к проблеме трактовки фантастических образов) // АСГЭ. Вып. 40. Материалы и исследования по археологии Евразии. Памяти Л.К. Галаниной посвящается / Ред. Т.Б. Сениченкова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 157–188.
14. Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 58–59.
15. Курочкин Г.Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы) // Археологические изыскания. Вып. 7 / . СПб.: ИИМК РАН, 1992. 94 с.
16. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Вост. Лит., 1985. 396 с.
17. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. 875 с.
18. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: ЯСК, 1995. 408 с.
19. Мелюкова А.И. Краснокутский курган. Москва: Наука, 1981. 112 с.
20. Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.
21. Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература, 1994. 206 с.
22. Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры. М.: Наука, 1992. 260 с.
23. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 544 с.
24. Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. 600 с. (Studia historica).
25. Раевский Д.С., Куланда С.В., Погребова М.Н. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 274 с.
26. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: Тип. 1-й Лен. Труд. Арт. Печати. 1925. 624 с.
27. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 223 с.
28. Хазанов А.М., Шкурко А.И. Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 40–51.
29. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
30. Шеллинг Ф.В. Система трансцендентального идеализма. Ленинград: ОГИЗ СОЦЭГГИЗ, 1936. 480 с.
31. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука. 1980. 328 с.

32. Шер Я.А. О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2 / Отв. ред. З. Самашев. Алматы–Москва: «Гылым», 1998. С. 218–230.

33. Шер Я.А. Угасает ли дискуссия о происхождении скифов, скифской культуры и скифского звериного стиля? // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 15–27.

34. Яценко И.В. Искусство скифских племён Северного Причерноморья // История искусства народов СССР. Т. 1. Искусство первобытного общества и древнейших государств на территории СССР. М.: Изобразительное искусство, 1971. С. 116–138.

35. Яценко И.В., Раевский Д.С. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы // Народы Азии и Африки. 1980. № 5. С. 102–117.

36. Borovka G. Scythian Art. London: Ernest Benn, 1928. 185 p.

37. Farkas A. Pursuing Scythian Art. In Highlights of Persian Art. Ed. R. Ettinghausen. N.Y.: Westview Press, 1979. 391 p.

38. Rostovtzeff M. The Animal Style in South Russia and China. Princeton, N.Y.: Hacker Art Books, 1929. 112 p.

Информация об авторах:

Добровольский Любомир Степанович, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва (г. Астана, Республика Казахстан); lubomirdobrovolskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>

Сыдыков Ерлан Батташевич, доктор исторических наук, профессор, академик, вице-президент Национальной академии наук Республики Казахстан. Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, ректор (г. Астана, Республика Казахстан, 010008); rector@enu.kz, <https://orcid.org/0000-0001-5276-772X>

Умиткалив Улан Умиткалиевич, кандидат исторических наук, доцент. Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва (г. Астана, Республика Казахстан, 010008); uumitkaliev@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7870-0045>

Каженова Гульнар Тулегеновна, кандидат исторических наук, доцент. Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва (г. Астана, Республика Казахстан, 010008); gkazhenova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4124-0460>

SEMANTICS OF THE IMAGES OF THE “GRIFFIN-HIPPOCAMPUS” AND “HORNED FISH” IN THE SCYTHIAN ANIMAL STYLE OF THE EASTERN EUROPEAN ZONE

L.S. Dobrovolskiy, E.B. Sydykov, U.U. Umitkaliev, G.T. Kazhenova

The work deals with study of the Scythian animal style as an artistic phenomenon, which is one of the cardinal problems of Scythology, in particular the issue of the content of its artistic images. The semantics of the syncretic images of “griffin-hippocampus” and “horned fish” in the Scythian animal style of the Eastern European zone, covering the territories of the steppe, forest-steppe and North Caucasian local sub-variants of the Scythian animal style, is studied. The authors use the traditional iconographic method, formal-stylistic and structural-semiotic methods, as well as the methods of the general scientific hypothetical-deductive method with the general systemic-functional and synchronous-diachronic approaches to the consideration of historical facts. As a result of the study, a connection was established between four images with the ancient Greek mythical Typhon, two images with Dionysus and three images with Aegipan (Pan). The next task is to study the semantics of the images of the bestiary of the Scythian animal style as the incarnations of mythological characters.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Eastern European zone, griffin-hippocampus, horned fish, Scythian animal style, semantics of the image.

REFERENCES

1. Antonova, E. V., Raevskii, D. S. 2006. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arkheologii (Structural and Semiotic Studies in Archaeology)*. Donetsk: Donetsk National University, 11–23 (in Russian).
2. Artamonov, M. I. 1961. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Skifosarmatskoe vremia) (2) (Archaeological Collection of Papers of the State Hermitage. Scythian-Sarmatian Period) (2)* Leningrad: “Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha” Publ., 57–87 (in Russian).
3. Artamonov, M. I. 1968. In *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology) (4)* 27–45 (in Russian).

4. Artamonov, M. I. 1973. *Sokrovishcha sakov (Treasure of Saka people)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
5. Bezsonova, S. S. 1977. In *Arkheologiya (Archaeology)* (23) 11–24 (in Ukrainian).
6. Bessonova, S. S. 2004. In Tolochko, P. P. (ed.) *Starozhiznosti Stepovogo Prichornomor'ia i Krimu: Zbirnik naukovikh prats (Antiquities of the steppe Black Sea region and Crimea)* XI. Zaporizhzhia: "Zaporiz'kii derzhavnyi universitet" Publ., 25–30 (in Russian).
7. Griaznov, M. P. 1980. *Arzhan. Tsarskii kurgan ranneskifskogo vremeni (Arzhan. Tsar's Burial Mound of the Early Scythian Period)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Gryaznov, M. P. 1978. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 154. Moscow: "Nauka" Publ., 9–18 (in Russian).
9. Il'inskaya, V. A. 1965. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1) 86–107 (in Russian).
10. Kantorovich, A. R. 2015. *Skifskii zverinyi stil' Vostochnoi Evropy: klassifikatsiia, tipologiia, khronologiia, evoliutsiia (Scythian Animal Style of Eastern Europe: Classification, Typology, Chronology, Evolution)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).
11. Kovalev, A. A. 1996. In Piotrovskiy, Yu. Yu (ed.). *Mezhdru Aziei i Evropoi. Kavkaz v IV–I tys. do n.e. (Between Asia and Europe. The Caucasus in 4th – 1st Millennium B.C.)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 121–126 (in Russian).
12. Korolkova, E. F. 2006. *Zverinyi stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia v skifskuiu epokhu (7–4 vv. do n.e.). Problemy stil'ia i etnokul'turnoi prinaldzhnosti (Zoomorphic Style of Eurasia. The Art of the Tribes of the Lower Volga Region and the Southern Urals during the Scythian Era (7th–4th Centuries B.C.). Issues of style and ethnic-cultural attribution)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).
13. Korolkova, E. F. 2015. In Senichenkova, T. B. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha: Materialy i issledovaniia po arkheologii Evrazii. Pamyati L.K. Galaninai posvyashchaetsia Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum. (Materials and Research on the Archaeology of Eurasia. In memory of L.K. Galanina)* (40). Saint Petersburg: "Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha" Publ., 157–188 (in Russian).
14. Kuz'mina, E. E. 1976. In Meliukova, A. I., Moshkova M. G. (eds.). *Skifo-sibirskiy zverinyi stil' v iskusstve narodov Evrazii. (Scythian-Siberian Animal Style in the Art of the Peoples of Eurasia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 58–59 (in Russian).
15. Kurochkin, G. N. 1992. *Bogatye kurgany skifskoy znati na yuge Sibiri (Bol'shoy Novoselovskiy i Bol'shoy Poltavovskiy kurgany) (Rich Burial Mounds of the Scythian Nobility in the South of Siberia (Bolshoy Novoselovsky and Bolshoy Poltavovsky Mounds))*. Series *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological Research)* (7). Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).
16. Lévi-Strauss, K. 1985. *Strukturalnaya antropologiya (Structural anthropology)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
17. Losev, A. F. 1996. *Mifologiya grekov i rimlyan (Mythology of the Greeks and Romans)*. Moscow: "Mysl'" Publ. (in Russian).
18. Meletinskii, E. M. 1995. *Poetika mifa (Poetics of myth)*. Moscow: "Izdatel'skii Dom Yazyki Slavyanskikh Kul'tur" Publ. (in Russian).
19. Meliukova, A. I. 1981. *Krasnokutskii kurgan (Krasnokutsky Barrow)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
20. Meletinskii, E. M. (ed.) 1990. *Mifologicheskii slovar' (Mythological Dictionary)*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ. (in Russian).
21. Perevodchikova, E. V. 1994. *Iazyk zverinykh obrazov. Ocherki iskusstva evraziiskikh stepei skifskoi epokhi (Language of Animal Images. Sketches of Art from Eurasian Steppes in Scythian Time)*. Moscow: "Vostochnaya Literatura" Publ. (in Russian).
22. Pogrebova, M. N., Raevskii, D. S. 1992. *Rannie skify i drevnii Vostok. K istorii stanovleniya skifskoi kul'tury (Early Scythians and the Ancient East. To the History of the Formation of the Scythian Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
23. Propp, V. Ya. 2020. *Istoricheskoe korni volshebnoy skazki (Historical origin of a fairy tale)*. St. Petersburg: "Azbuka", "Azbuka-Atticus" Publ. (in Russian).
24. Raevskii, D. S. 2006. *Mir skifskoy kul'tury (The World of Scythian Culture)*. Moscow: "Yazyki Slavyanskikh Kul'tur" Publ. (in Russian).
25. Raevskii, D. S., Kullanda, S. V., Pogrebova, M. N. 2013. *Vizual'nyy fol'klor. Poetika skifskogo zverinogo stilya (Visual Folklore. Poetics of the Scythian Animal Style)*. Moscow: "Institut vostokovedeniia Rossiiskoi Akademii Nauk" Publ. (in Russian).
26. Rostovtsev, M. I. 1925. *Skifiya i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamyatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh (Scythia and the Bosphorus. Critical Review of Literary and Archaeological Monuments)*. Leningrad: "Tipografiia pervoi Leningradskoi trudovoi arteli pechati" Publ. (in Russian).
27. Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeritsy (The Cimmerians)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

28. Khazanov, A. M., Shkurko, A. I. 1976. In Meliukova, A. I., Moshkova M. G. (eds.). *Skifosibirskiy zverinyy stil' v iskusstve narodov Evrazii*. (Scythian-Siberian Animal Style in the Art of the Peoples of Eurasia). Moscow: "Nauka" Publ., 40–51 (in Russian).
29. Chlenova, N. L. 1967. *Proiskhozhdenie i rannaya istoriya plemen tagarskoy kul'tury* (Genesis and early history of the tribes of the Tagar culture). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
30. Schelling, F. W. 1936. *Sistema transtsendental'nogo idealizma* (The System of Transcendental Idealism). Leningrad: "OGIZ SOTsEKGIZ" Publ. (in Russian).
31. Sher, Ya. A. 1980. *Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii* (Petroglyphs of Middle and Central Asia). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
32. Sher, Ya. A. 1998. In Samashev, Z. (ed.). *Voprosy arkheologii Kazakhstana* (Issues of the Archaeology of Kazakhstan) 2. Almaty; Moscow: "Gylm" Publ., 218–230 (in Russian).
33. Sher, Ya. A. 2017. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 247, 15–27 (in Russian).
34. Yatsenko, I. V. 1971. In *Istoriya iskusstva narodov SSSR. T. 1. Iskustvo pervobytnogo obshchestva i drevneyshikh gosudarstv na territorii SSSR* (History of the Arts of the Peoples of the USSR. The art of primitive society and ancient states on the territory of the USSR) (1). Moscow: "Izobrazitel'noe iskusstvo" Publ., 116–138 (in Russian).
35. Yatsenko, I. V., Raevskii, D. S. 1980. In *Narody Azii i Afriki* (Peoples of Asia and Africa) (5), 102–117 (in Russian).
36. Borovka, G. 1928. *Scythian Art*. London: Ernest Benn.
37. Farkas, A. 1979. In Ettinghausen, R. (ed.). *Highlights of Persian Art*. New-York: Westview Press.
38. Rostovtzeff, M. 1929. *The Animal Style in South Russia and China*. Princeton, New-York: Hacker Art Books.

About the Authors:

Dobrovolskiy Liubomyr S. Department of Archaeology and Ethnology. L.N. Gumilyov Eurasian National University. Pushkin str., 11, Astana, 010008, Republic of Kazakhstan; lubomirdobrovolskiy@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>

Sydykov Yerlan B. Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician, Vice-chairman of National Academy of Sciences; Rector. L.N. Gumilyov Eurasian National University. Pushkin str., 11, Astana, 010008, Republic of Kazakhstan; rector@enu.kz; <https://orcid.org/0000-0001-5276-772X>

Umitkaliev Ulan U. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Head of the Department of Archaeology and Ethnology. L.N. Gumilyov Eurasian National University. Pushkin str., 11, Astana, 010008, Republic of Kazakhstan; uumitkaliev@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7870-0045>

Kazhenova Gulnar T. Candidate of Historical Sciences. Associate Professor. L.N. Gumilyov Eurasian National University. Pushkin str., 11, Astana, 010008, Republic of Kazakhstan; gkazhenova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4124-0460>

Статья принята к публикации 01.03.2023 г.

КУРГАН РАННЕСАКСКОГО ВРЕМЕНИ УЛЬКЕНСОР¹

© 2023 г. С.А. Ярыгин, С.К. Сакенов, О.Д. Мысыр

В 2020 году на берегу озера Улькенсор (территория Бурабайского района Акмолинской области) был обнаружен и затем исследован одиночный курган, в котором находилось погребение раннесакского времени. В данной статье приводятся анализ результатов практического исследования полученных материалов и их интерпретация. Погребение совершено в подбое, на дне находился полный скелет человека в вытянутом положении, на спине, головой ориентирован на запад с отклонением к югу. Сопроводительный инвентарь представлен наборным поясом, бронзовым кинжалом в чехле с бутеролью, точильным камнем, колчаном с бронзовыми наконечниками стрел, камчой, роговым костыльком и железным ножом. Погребальный обряд и предметный комплекс позволяют отнести памятник к улубай-тасмолинской археологической культуре Северного Казахстана и датировать VII–VI вв. до н. э. Важнейшей археологической находкой для региона является наборный пояс, детали которого изготовлены из рога (предположительно, из рога оленя). Форма и тип отдельных элементов этого специфического украшения, его декор и конструктивные особенности отражали положение владельца на социальной лестнице, а также находят аналогии в тасмолинской культуре Центрального Казахстана и в круге раннесакских памятников от Урала до Саяно-Алтая.

Ключевые слова: археология, Казахстан, Кокчетавская возвышенность, Бурабай, кочевники, улубай-тасмолинская культура, звериный стиль, курган, погребение, раннесакское время, колчаный набор, наборный пояс.

Курган Улькенсор расположен в Бурабайском районе Акмолинской области Республики Казахстан, в 5,5 км к северо-востоку от аула Аблайхан, в 60 метрах к западу от берега озера Улькенсор. Памятник размещен несколько изолированно, на свободном пространстве между озером и солончаком Кишисор (рис. 1, 2). Местность представляет собой равнину, расчлененную сопками, солончаками и небольшими степными озерами, на которой вытянута к северу длинная гряда Карабаур.

Материал исследования.

Насыпь кургана каменно-земляная, круглая в плане и уплощенная в разрезе. Диаметр 12 м, высота 0,3 м. После расчистки и фиксации каменного погребального памятника в центральной части подкурганного пространства было выявлено, что заполнение могильной ямы состоит в основном из камней (рис. 3).

На глубине 0,3 м от современной поверхности яма приобрела размеры 2,4×2,6 м. Длинные стороны ориентированы по линии запад – восток. Внутреннее пространство ямы заполнял плотный каменный завал, который наблюдался до суглинистой почвы на глубине 0,7 м. Здесь, в центре ямы, выявлена небольшая вертикально установленная каменная стела треугольной формы с округлым основанием. Высота стелы 0,8 м, максимальная ширина у основания 0,4 м, в сечении плита имела трапециевидную форму. На указанной глубине размеры могильной ямы составили 1,3×2,6 м. На глубине 1,8 м могильная яма сузилась до 2,1×0,9 м. У южной стенки зафиксирована материковая ступенька шириной 0,3 м; к северу от нее на глубине 2,1 м обнаружен полный скелет человека. Ширина могильной ямы на этом уровне равна 0,6 м, длина 2,1 м.

¹ Выполнено по программе BR 11765630 «Культурогенез в казахских степях: новые парадигмы проблем изучения преемственности материального и духовного наследия по данным археологических источников», Комитет науки, Министерство высшего образования и науки Республики Казахстан.

Рис. 1. Месторасположение памятника.

Fig. 1. Location of the site.

Судя по стратиграфическим наблюдениям, погребение было совершено в подбое, на который обрушился грунт под воздействием собственного веса. Вероятная высота свода подбоя составляла 0,5–0,6 м. Скелет лежал на спине, головой на запад, лицом на север. Руки вытянуты вдоль тела, ноги прямые (рис. 4, 5). В процессе расчистки выявлен разнообразный погребальный инвентарь: кинжал, оселок, нож, наконечники стрел, роговые детали наборного пояса, подвеска для колчана, бутероль, детали камчи, костылек и ворворка (рис. 6–8).

В 15 см выше черепа в небольшой полунише лежали берцовая кость и лопатка барана. Среди них обнаружены коррозированные фрагменты железного ножа. Реконструируемая длина составляет 17,3 см без острия, ширина полотна 1,4 см. Навершие ножа кольцевидное, диаметром 2,1 см (рис. 6: 3).

Обнаруженный при расчистке пояс состоял из 16 роговых деталей: ажурная застежка, десять одинаковых, рифленых с обеих сторон обойм с четырьмя сквозными отверстиями у каждой, обойма с ажурным декором и навершием, две подвески, костылек, обойма-подвеска для колчана (рис. 7; 8: 1, 6, 7).

Роговая застежка пояса была с ажурным оформлением в стилистике сложного завитка и с орнаментом. В центре композиции расположена некая фигура с тремя острыми углами. Она изображена тремя линиями: двумя длинными изогнутыми, сливающимися в острый угол наверху очертания, и короткой дугообразной в основании фигуры. Два отверстия расположены в верхней части застежки, по обе стороны от центральной фигуры, диагонально по отношению друг к другу. Дополнением к главному изображению выступают два завитка

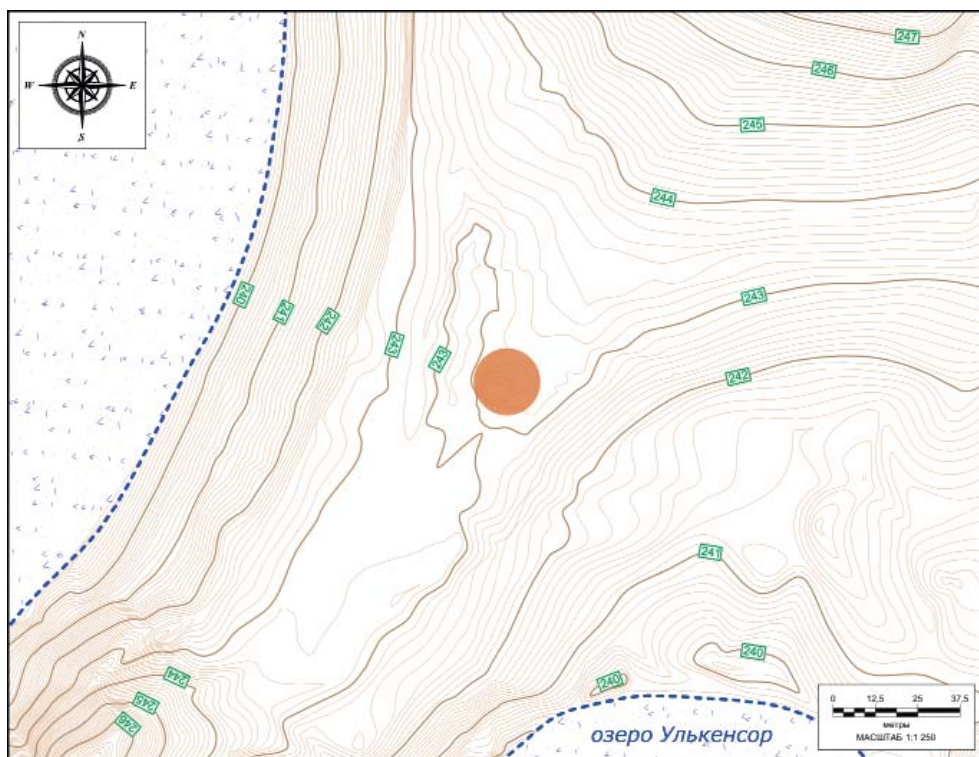

Рис. 2. Топография памятника.

Fig. 2. Topography of the site.

и одна дугообразная линия; первый завиток находится справа от фигуры и под верхним отверстием, второй – слева и под нижним отверстием. Дугообразная фигура вырезана слева в верхней части застежки. Максимальная ширина изделия 4,8 см, длина 7,1 см. Сквозь основание данного рогового элемента пояса проходят четыре отверстия. Внутренняя часть изделия не обработана (рис. 7: 1).

К навершию справа примыкают десять узких роговых обойм длиной 3,4 см, шириной 0,7 см. Оформление обеих внешних сторон выполнено в виде шести валиков. Каждая обойма имеет по четыре сквозных отверстия диаметром (рис. 7: 2). В 10 см правее рифленых обойм располагались три неорнаментированные роговые обоймы, каждая с одним сквозным отверстием. Высота обойм около 3,3 см, ширина 2 см (рис. 7: 4–6).

В двух сантиметрах от простых обойм, практически на правом боку погребенного, расчищена еще одна роговая обойма-подвеска. Основная часть с обоймой декорирована четырнадцатью спаренными резными прямоугольниками. Ширина обоймы 2 см. Нижняя часть оформлена в ажурном стиле. Общая длина предмета 7,2 см. Имеет большое отверстие диаметром, расположенное ближе к стыку с обоймой и по центру, и два меньших отверстия, одно ближе к концу ажурного окончания, второе – у его правого края (рис. 7: 3). Под роговой обоймой-подвеской располагались две идентично оформленные ажурные подвески. Первая длиной 2,5 см, шириной 1,7 см; вторая длиной 2,3 см, шириной 1,6 см (рис. 7: 10, 11).

В 6 см ниже основной оси пояса выявлены три малые обоймы со сквозными отверстиями. Высота из-

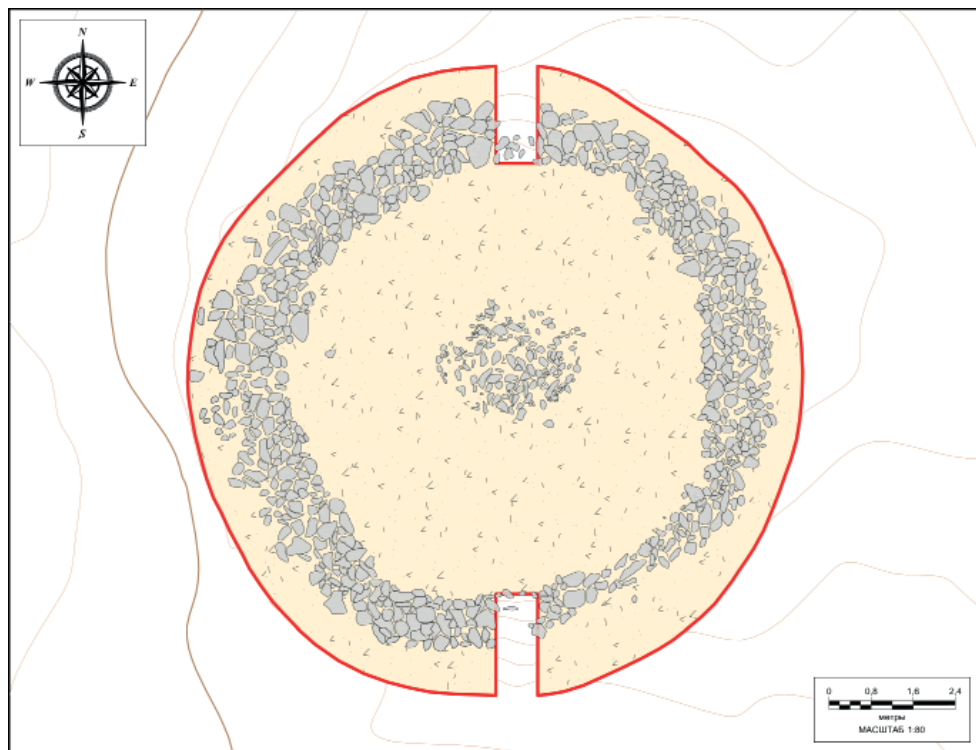

Рис. 3. План кургана на уровне древней поверхности.

Fig. 3. Plan of the barrow at the level of the ancient surface.

делий от 1,7 до 2 см, ширина от 0,7 до 1 см. Обоймы декорированы тремя-четырьмя поперечными валиками. У одного изделия валики выполнены с двух сторон, у двух – только с одной стороны (рис. 7: 7–9).

Между левой рукой и берцовой костью скелета человека обнаружен бронзовый кинжал в ножнах с зооморфной бутеролью (рис. 6: 1; 8: 2). Длина оружия 25 см, ширина перекрестья 4,4 см. Ширина рукояти 2 см, толщина 0,3 см. Перекрестье, вероятно, почковидное; чехол плотно облегал кинжал. В верхней части на рукояти, судя по образовавшемуся комку, очевидно, были дополнительные кожаные элементы, которые являлись частью системы крепления к поясу. В нижней половине кинжала выявлена бутероль, изготовленная из кончика рога и оформленная в виде головы животного. Длина предмета 4,8 см,

диаметр основания 1,8 см. Глубина втульчатой полости 2,3 см.

Ниже левой руки костяка, под кистью, выявлены остатки камчи. Они фиксировались по остаткам древесного тлена бордового цвета, длиной около 30 см, шириной примерно 1,5 см. Рядом находились три роговые детали. Две сквозные пронизки разных размеров лежали вплотную друг к другу в западной части тлена. Первая крупная пронизка была в виде роговой трубочки длиной 2,3 см. Вторая бусина выполнена в виде ворворки, диаметр нижней широкой части 1,8 см, диаметр верхней 1,4 см, высота 1,2 см. Третья деталь – набалдашник со сквозным отверстием – лежала в восточной части тлена. Общая длина предмета 2,7 см, диаметр шарообразного навершия 2,2 см (рис. 8: 3–5).

С левой стороны от застежки находились обойма-подвеска для колча-

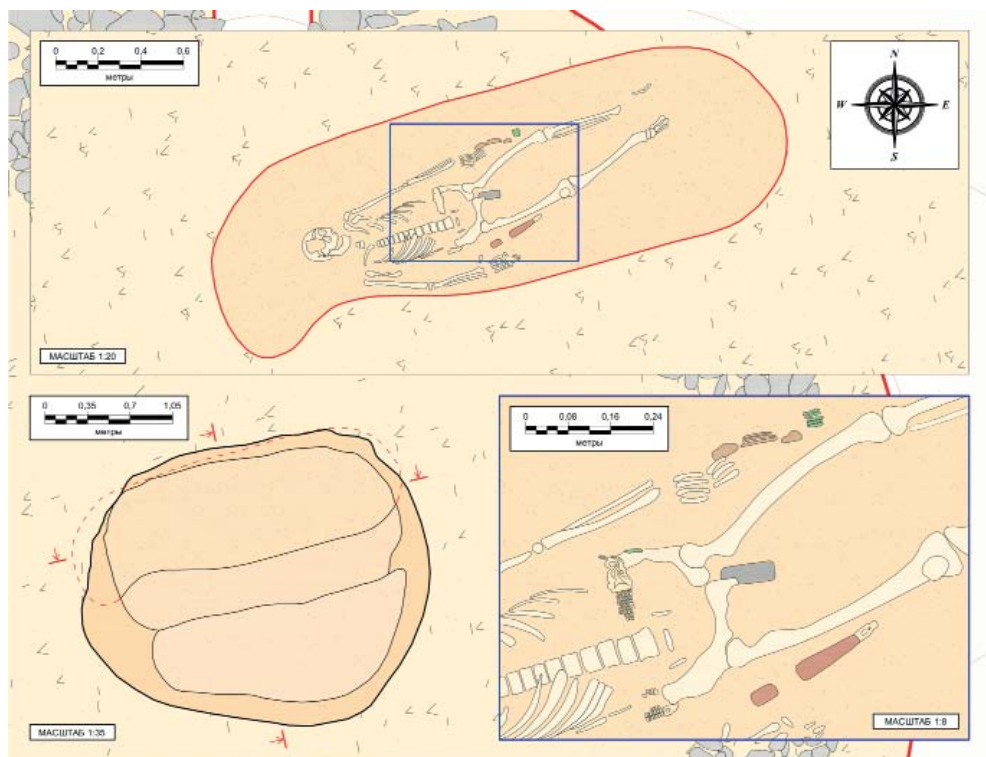

Рис. 4. План погребения и могильной ямы.

Fig. 4. Plan of burial and grave pit.

на и бронзовое кольцо для крепления ремешка. Общая длина обоймы-подвески 4,7 см, высота 6 см, толщина 1,5 см; оформлена в зверином стиле. Верхняя часть состояла из двух отдельных прорезных элементов, сквозь которые пропускался ремень; их ширина 1 см, толщина 0,5 см. Данные элементы декорированы пятью валиками. Основная часть представлена подковообразным предметом с центральным отверстием размером 1,2×1,5 см. В месте стыка правой узкой обоймы и кольца помещена протомы в виде морды животного с круглым ухом, глазом и искривленной пастью. Конец морды тупой, выделена нижняя челюсть (рис. 8: 1). Ниже подвески для колчана располагалось бронзовое кольцо размером 4,4×5,75 см, изготовленное из прута диаметром около 1 см.

Под кистью левой руки умершего обнаружены остатки стрел. Всего зафиксировано девять бронзовых наконечников с истлевшими древками. Стрелы лежали наконечниками к ступням костяка. Длина сохранившихся древков равна 19,8 см, средняя длина наконечников составляет 3,7 см. Ширина пучка стрел около 5 см. Из обнаруженных наконечников пять относятся к трехперым, четыре – к двухлопастным. Оба типа с выделенными втулками (рис. 6: 4).

После разбора погребения на одной оси с прочими деталями пояса под ребрами костяка были выявлены роговые костылек и ворворка (рис. 8: 6, 7). Костылек представлял собой острый стержень с орнаментированным навершием цилиндрической формы. Длина костылька 8,2 см, максимальный диаметр стержня у

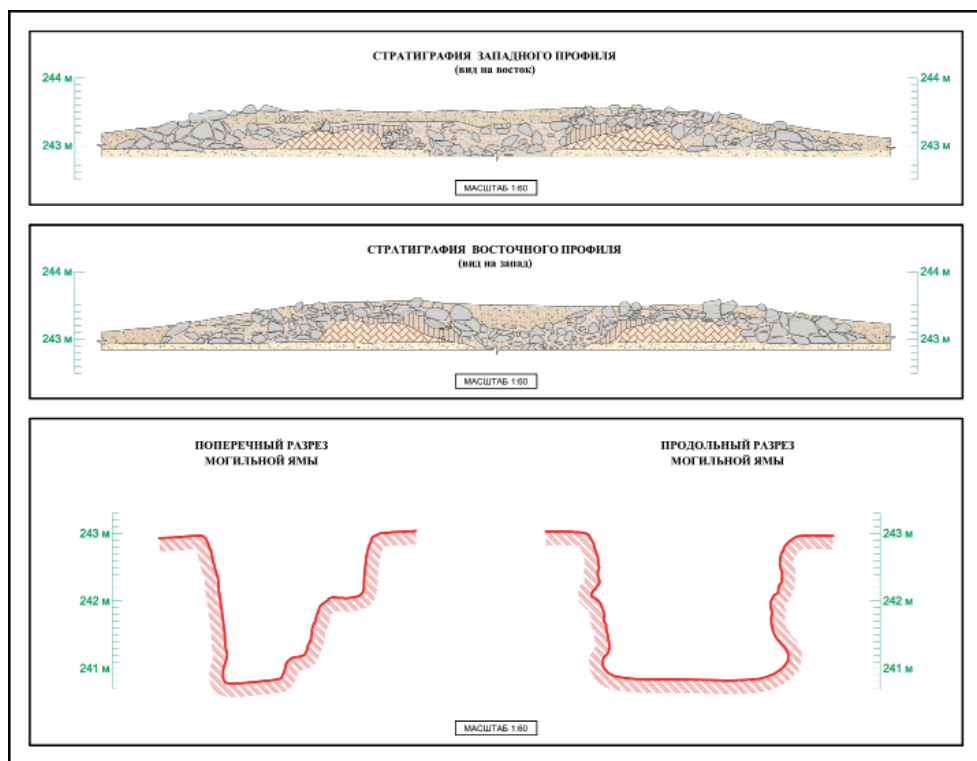

Рис. 5. Стратиграфия насыпи и разрез могильной ямы.

Fig. 5. Stratigraphy of the mound and section of the grave pit.

навершия 0,8 см. Размер навершия 1,2×1,4 см, высота 1 см. Изделие имеет прямое сквозное отверстие для крепления ремешка, которое входит сверху наискосок и выходит под шляпкой. Навершие орнаментировано по бокам десятью резными, пересекающимися внизу и соприкасающимися наверху линиями. Рядом находилась ворворка, ее высота 0,7 см, диаметр основания 1,4×1,6 см.

Непосредственно под тазовыми костями скелета найден каменный оселок с прямым сквозным отверстием в верхней части. Он изготовлен из мелкозернистого песчаника с естественными разводами серых тонов. Длина оселка 14,8 см, ширина 4,3 см, максимальная толщина 1,4 см (рис. 6: 2).

Анализ и обсуждение.

Ближайшее к кургану Улькенсор погребение в подбое зафиксировано

в тасмолинском кургане Шагалады 4, датированном VII–VI вв. до н. э. Памятник расположен в Зерендинском районе Акмолинской области (Вальчак и др., 2017, с. 142–154). В Центральном Казахстане, в частности в Павлодарской области, подбойные погребения в курганах тасмолинской культуры встречаются как на ее раннем этапе, например, в кургане 5ж могильника Карамурун I, так и на позднем – два подбоя были зафиксированы в группах курганов Майкубень (Маргулан и др., 1966, с. 337–338, рис. 32; Бейсенов, Чотбаев, 2001, с. 290–293). Данный тип погребений не получил широкого распространения в тасмолинской культуре, однако может считаться одним из вариантов захоронений, которые практиковались весь период ее существования.

В погребальном инвентаре основное внимание привлекают наборные

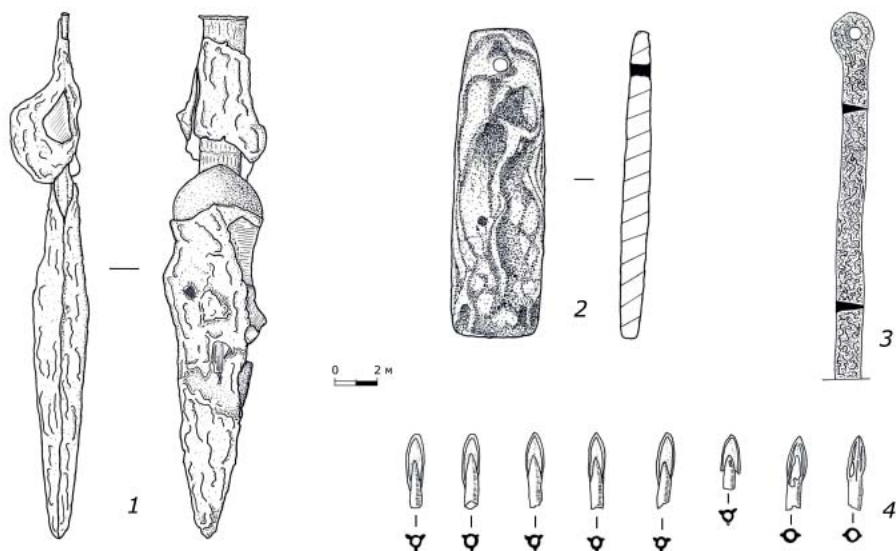

Рис. 6. Предметы вооружения и быта: 1 – кинжал в минерализованных кожаных ножнах; 2 – каменный оселок; 3 – железный нож; 4 – бронзовые наконечники стрел.
Fig. 6. Items of armour and everyday life: 1 – dagger in a mineralized leather sheath; 2 – whetstone; 3 – iron knife; 4 – bronze arrowheads.

пояса из роговых пронизок и подвесок. Подобные пояса нередко встречаются в памятниках Приуралья, Центрального Казахстана, Алтая и Тувы первой половины I тыс. до н. э.

Судя по конструктивным особенностям и положению роговых обойм, пояс из погребения в тасмолинском кургане Шагала 4 был комбинированным. Первая его часть – от застежки и по правую сторону – была выполнена в виде четырех параллельных кожаных ремешков. Вторая часть, основная, от обойм со сплошным отверстием, находившихся на левом боку, и вплоть до оконечности пояса была представлена сплошным кожаным ремнем. Аналогии данному поясу и его фурнитуре обнаруживаются в раннесакских памятниках Северного и Центрального Казахстана, Южного Приуралья, Алтая и Тувы.

В памятниках тасмолинской культуры Центрального и Северного Казахстана пояса известны по находкам в погребениях в следующих курганах: курган № 2 урочища Алыпкаш (Се-

верный Казахстан), курган № 9 могильника Жол-Кудук, курганы № 1 и 3 могильника Нурманбет IV, курган № 1 могильника Тасмола I, курган № 3 могильника Тасмола 5, курган № 12 могильника Майкубень-3, курган № 3 могильника Мыржык-6, погребение № 1 кургана № 27 могильника Тегисжол (Центральный Казахстан) (Хабдулина, 1992, с. 106, табл. 20. 9; Агеева, Максимова, 1959, с. 32–58; Маргулан и др., 1966, с. 324, 397, 426, рис. 62; Бейсенов, Чотбаев, 2001, с. 290–293, рис. 1: 1; Бейсенов, Дуйсенбай, 2017, с. 18–25, илл. 2, 3: 3–5; Варфоломеев, 2011, с. 315–324).

Ближайшие аналогии ремешковым поясам обнаружены в раннесакских курганах Центрального Казахстана. Пояс из четырех параллельных ремешков с роговой фурнитурой найден при исследовании кургана № 9 могильника Жол-Кудук (Павлодарская область), датируемого VI в. до н. э. Восемь костяных поясов, четыре из которых фигурные, находились в грабительском выбросе, еще три

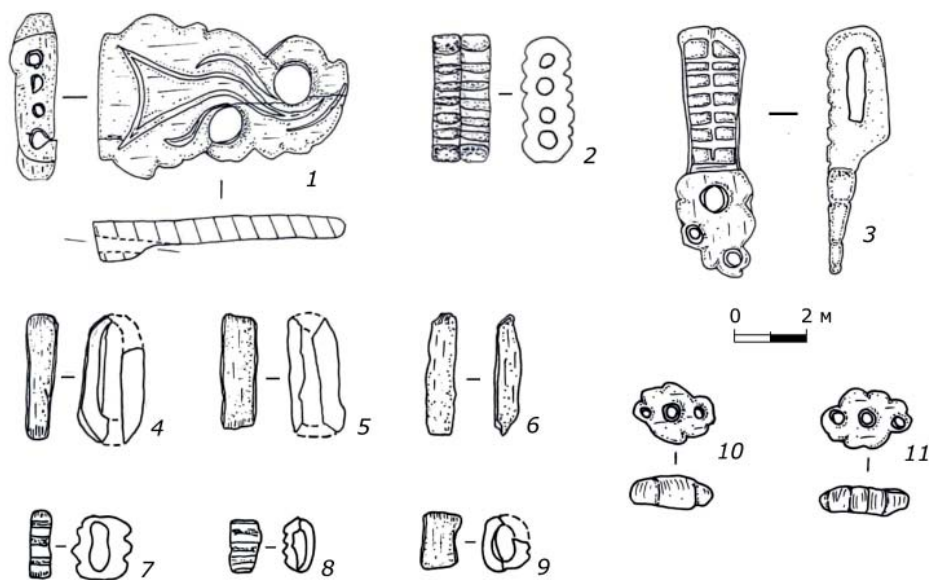

Рис. 7. Роговые детали наборного пояса: 1 – застежка; 2 – обоймы с четырьмя сквозными отверстиями и рифленным оформлением внешней стороны (10 экз.); 3 – ажурная обойма-подвеска с одним центральным отверстием; 4–6 – простые обоймы с одним центральным отверстием; 7–9 – обоймы с одним отверстием и рифленным оформлением внешней стороны; 10, 11 – ажурные подвески.

Fig. 7. Antler details of the composite belt: 1 – clasp; 2 – clips with four through holes and corrugated design of the outer side (10 copies); 3 – openwork hanging clip with one central hole; 4–6 – simple clips with one central hole; 7–9 – clips with one hole and corrugated design of the outer side; 10, 11 – openwork pendants.

простых – под костями скелета. Фигурные обоймы имели по четыре отверстия под ремешки и орнаментированы пятью валиками. Захоронение совершенно в подбое, погребенный ориентирован головой на запад (Агеева, Максимова, 1959, с. 32–58). Схожий по типу пояс выявлен в кургане № 3 могильника Тасмола 5. Однако он состоял, судя по обоймам, из пяти ремешков. Пояс заканчивался роговой застежкой в виде стилизованной головы грифона, на внешней поверхности пряжки имелся многофигурный рисунок. Длина изделия 5 см, ширина 4 см, толщина 0,7 см. Курган датирован VII–VI вв. до н. э. (Маргулан и др., 1966, с. 324, 397, 426, рис. 62).

Поясная пряжка из кургана Улькенсор по манере оформления находит аналогии в бронзовой застежке наборного пояса из могилы № 12

группы № 5 могильника Гилево-10 в Алтайском крае. По словам авторов исследования, она выполнена «в виде стилизованного изображения комбинированного орла» (Шульга, 2007, с. 27–40; Шульга, 2016, с. 202, рис. 2: 17). Далее, на восток от Алтая, подобные изделия обнаружены в курганах алды-бельской культуры Тувы – в Чинге-Тей I и Аржане-2. Памятники датированы VII–VI вв. до н. э. (Килуновская и др., 2021, с. 30–50, рис. 5; 6: 8–10). С подвесками на ремне из кургана Аржана-2 можно сопоставить оформление обоймы-подвески из кургана Улькенсор со спускающимся вниз декорированным язычком (Чугунов, 2011, с. 39–60, рис. 6: 3).

В раннесакских памятниках похожих подвесок под колчан не найдено. В качестве отдаленных аналогий использования протом для украшений

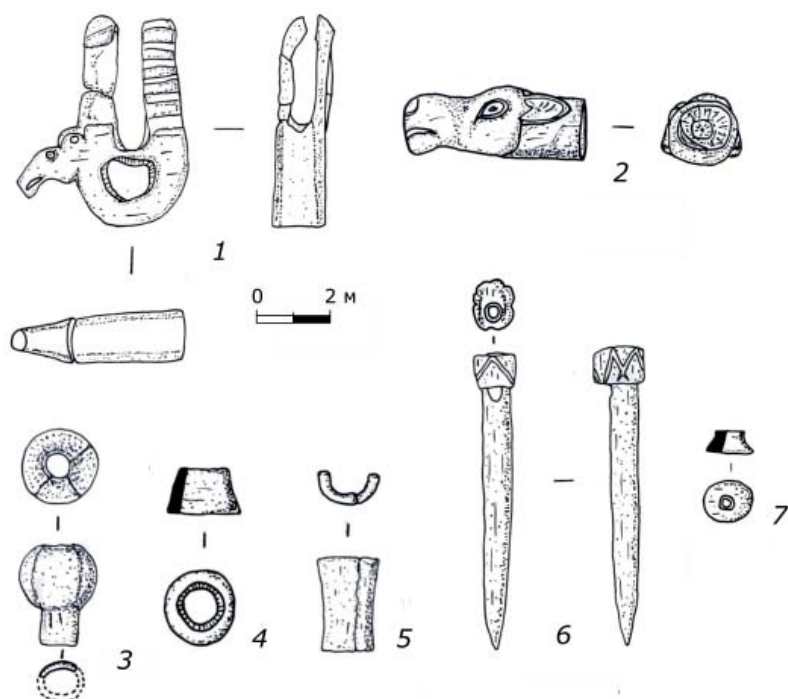

Рис. 8. Предметы снаряжения: 1 – обойма-подвеска для колчана; 2 – бутероль; 3 – шаровидный набалдашник; 4, 5 – пронизки; 6 – костылек; 7 – ворворка.

Fig. 8. Items of equipment: 1 – hanging clip for a quiver; 2 – chape; 3 – spherical knob; 4, 5 – beads with hole; 6 – clasp made of bone; 7 – clasp made of pebble stone.

предметов данного типа можно привести парные протомы в виде верблюдов, лошадей, хищных птиц, обнаруженные в раннесакских погребениях в кургане Кичигино (Южное Зауралье), в погребении № 2 кургана № 4 могильника Сыпучий Яр, в могиле № 5 кургана Аржан-2 (Тува), в материалах могильника Чаухугоу (Восточный Туркестан) (Таиров, Боталов, 2010, с. 339–354).

Идентичных найденной в кургане Улькенсор бутеролей обнаружить не удалось, однако можно обратить внимание на серию бронзовых бутеролей из Крыма и Северного Причерноморья, датирующихся VII–VI вв. до н. э. Это бутероли, выполненные в форме уплощенного конуса или цилиндра, на котором смоделирована скульптурная голова птицы (Репяховатая Могила, остров Левке, Агармыш, Алан-Тепе) (Зимовец, 2016, с. 76–88, рис. 5).

Точильный камень по форме и размерам можно сопоставить с аналогичными изделиями, распространенными в тасмолинской культуре. Подобные предметы известны по находкам в кургане 2 могильника Карамурун I, в кургане 3 могильника Карамурун II, в кургане «а» могильника Тасмола VI (Маргулан, 1966, с. 337, рис. 31).

Раннесакские аналогии демонстрирует и тип ножа, ближайшие параллели которого обнаружены в погребениях улубай-тасмолинской культуры Северного Казахстана. Это ножи пластинчатой конструкции с прямой спинкой и кольцевым навершием, со средними размерами 12,5–20,5×1,1–1,4 см; чаще всего они изготавливались из бронзы. Были сделаны находки железных ножей, однако степень их сохранности обычно невысокая. Встречаются биметаллические ножи близких форм VI–V вв.

до н. э. К таковым относится нож с бронзовой рукоятью, кольцевым навершием и прямым железным лезвием, обнаруженный в кургане № 2 урочища Алыпкаш (Хабдулина, 1992, с. 58–59, табл. 56: 1–4).

В этот круг находок можно включить и бронзовые наконечники стрел, имеющие сходство с центральноказахстанскими. Наконечники подобных типов обнаружены при исследовании курганов 5а и 5ж могильника Карамурун I. В тасмолинской культуре первый тип с асимметрично-ромбовидной формой пера и втулкой, доходящей до острия боевой головки, получает широкое распространение на раннем этапе развития данной культуры. Второй тип – трехперые втульчатые наконечники – появляются во второй половине – конце VI в. до н. э. При этом их наиболее ранние формы отличаются полуовальным контуром лопастей (Маргулан и др., 1966, с. 353, 377–379, рис. 46, 58).

Роговой костылек был в составе поясного набора, зафиксированного в кургане № 3 могильника Тасмола V (Маргулан и др., 1966, с. 329, рис. 22, 23). Костылек, почти аналогичный по форме находке из кургана Улькенсор, обнаружен в кургане М14 могильника Саэнсаи, расположенного у города Урумчи (Синьцзян, Китай). Памятник датирован VIII–VII вв. до н. э. (Шульга П., Шульга Д., 2015, с. 525, илл. 8: 28). Орнамент на костыльке достаточно примитивен, но в качестве интересной аналогии можно упомянуть узор в виде прочерченного однорядного горизонтального зигзага с несомкнутыми концами, украшающий сосуд из кургана № 2 могильника Кособа, который расположен в Каркаралинском районе Карагандинской области. Здесь так же, как и в кургане Улькенсор, погребенные головой ориентированы на запад с отклонением на юг. Согласно результатам радиоуглеродного датирования и вероятной дате

изготовления стеклянных бус, курган датируется VI – началом V в. до н. э. (Бейсенов, 2014, с. 7–16, рис. 6).

Камча, обнаруженная в погребении, состояла из четырех основных деталей – набалдашника, втулки у основания, ворворки и рукояти. Элементы камчи, обнаруженной в кургане Улькенсор, имеют сходство с находками в курганах № 25, 45 и 83 раннесакского могильника Уйгарак в Приаралье (Вишневская, 1973, с. 111). Похожие набалдашник и бронзовая трубочка обнаружены при исследовании раннескифского кургана могильника Хемчик-Бом-3 (Шульга П., 2005, с. 183–188, рис. 1). По внешнему облику к камче из Улькенсора близки изображения скифских плетей на антропоморфных статуарных памятниках из Северного Причерноморья и Предкавказья, это хорошо видно на примере двух изваяний из Татарки и Ольховчика (Ольховский, 2005, с. 218, 222, илл. 73: 1; 79: 1, табл. 6).

Заключение.

Анализ погребального инвентаря из кургана Улькенсор позволяет предположить, что он был сооружен на рубеже VII–VI вв. до н. э. или в начале VI в. до н. э. Памятник принадлежит к небольшой группе подбойных захоронений тасмолинской культуры, исследованных на территории Кокшетауской возвышенности Северного Казахстана. Обнаруженные в могиле предметы позволяют реконструировать военное снаряжение и внешний вид погребенного. Это легковооруженный воин, снабженный двумя типами вооружения: оружием ближнего боя – кинжалом, дальнего боя – луком со стрелами. Судя по находкам роговых обойм и их расположению, он имел два пояса – внешний и внутренний. Внешний наборный был двусоставным. Правая часть (длиной около 30 см) состояла из четырех тонких ремешков, крепившихся к ажурной застежке и проходивших сквозь десять

рифленых обойм, имеющих по четыре отверстия. За ними был подвешен костылек, который, очевидно, фиксировался ремешком, пропущенным через ворворку. В районе длинной ажурной обоймы-подвески четыре ремешка состыковались со сплошным цельным ремнем, получалась, по сути, португепя. На него тонкими ремешками подвешивались две небольшие ажурные подвески. Вероятно, в этой части располагалась петля для подвешивания камчи. В районе спины к ремню был подвешен оселок, а к левому бедру – колчан. Между собой части ремня крепились при помощи застежки и, вероятно, небольших ремешков. Второй пояс, согласно традиции кочевников, надевали под одежду; его ширина не превышала 1,5 см. Пояс служил для подвешивания кинжала. В районе крепления оружия ремень украшали три сквозные рифленые обоймы.

Частью снаряжения воина выступала камча. Данный предмет имел

исключительную важность в жизни кочевников и мог нести военную функцию как оружие защиты и нападения. В социальном значении нагайка выступала важной инсигнией власти в культуре ранних кочевников. Об этом свидетельствует скифское предание о битве с потомками рабов, находки деталей плетей, обернутых золотой фольгой, при исследовании могильника Берель в Восточном Казахстане (Самашев, 2012, с. 195–222).

Раннесакский воин с Кокшетауских гор имел стандартный для данного периода набор вооружения и социально важный атрибут – наборный пояс. Он достаточно своеобразен, так как из рога изготовлены не только основная застежка, но и все остальные детали. Это позволяет предположить, что эти элементы одежды были выполнены специально для погребения и оформлены исходя из существующих в обществе канонов в сфере военной атрибутики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчёт Павлодарской экспедиции 1955 года // Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР. Т. VII (Археология). Алма-Ата, 1959. С. 32–58.
2. Бейсенов А.З. Исследование кургана сакского времени с каменным изваянием на могильнике Кособа (Центральный Казахстан) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014. С. 7–16.
3. Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б. Воинское погребение тасмолинской культуры на реке Атасу // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): Материалы Международной научно-практической конференции (Горно-Алтайск, 22–24 мая 2017 г.) / Ред. А.В. Эбель, Ф.И. Куликов. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2017. С. 18–25.
4. Бейсенов А.З., Чотбаев А.Е. Погребение воина сакского времени из могильника Майкубень-3 в Центральном Казахстане // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: Материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции (Барнаул, 25–30 марта 2001 г.) / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2001. С. 290–293.
5. Вальчак С.Б., Демиденко С.В., Малашев В.Ю., Сакенов С.К., Свиридов А.Н., Ярыгин С.А. Новые раннесакские погребения из Северного Казахстана // РА. 2017. № 4. С. 142–154.
6. Варфоломеев В.В. Тасмолинское погребение с наборным поясом из могильника Тегисжол // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3 / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии Бегазы-Тасмола, 2011. С. 315–324.
7. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э.: по материалам Уйгарака. М.: Наука, 1973. 160 с.

8. Зимовец Р.В. О локальных особенностях бронзовых бутеролой в виде головы хищной птицы // Археологія і давня історія України. 2016. Вип. 2 (19). С. 76–88.
9. Килуновская М.Е., Семенов Вл.А., Семенов А.В., Бусова В.С. Поясные наборы в культуре кочевников Тувы // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 30–50.
10. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.
11. Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука. 2005. 299 с.
12. Самашев З. Вещевой комплекс Береля: состав и содержание // Археология и история Сарыарки: сборник научных статей / Ред. Р.М. Жумашев, В.Г. Ломан. Караганда: КарГУ, 2012. С. 195–222.
13. Таиров А.Д., Боталов С.Г. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / МИАР. Вып. 13 / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 339–354.
14. Чугунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия / Отв. ред. Д.А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 39–60.
15. Шульга П.И. О находках нагаек скифского времени на Алтае // Снаряжение кочевников Евразии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005. С. 183–188.
16. Шульга П.И. О конструкции раннескифских поясов с Алтая и прилегающих территорий // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. С. 27–40.
17. Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.
18. Шульга П.И. Могильник раннескифского времени Гилёво-10 в предгорьях Алтая. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2016. 258 с.
19. Шульга П.И., Шульга Д.П. Могильник Сазансай раннескифского времени у г. Урумчи (Синьцзян, Китай) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 77: Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы / Отв. ред. Е. Ф. Королькова. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2015. С. 512–533.

Информация об авторах:

Ярыгин Сергей Александрович, PhD, ведущий научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Нур-Султан, Республика Казахстан); sergeyuarygin80@gmail.com

Сакенов Сергазы Кайырбекович, PhD, ведущий научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Нур-Султан, Республика Казахстан); sergazi_82@mail.ru

Мысыр Олжас Дэуренұлы, докторант 1-го курса. Alihan Bokeikhan University (г. Семей, Республика Казахстан); odaurenuly@mail.ru

BARROW OF THE EARLY SAKA TIME ULKENSOR

S.A. Yarygin, S.K. Sakenov, O.D. Mysyr

In 2020 on the shore of Lake Ulkensor (in the Burabay district of the Akmola region) a single barrow was discovered and then studied, there was a burial of the early Saka time. This paper presents an analysis of the results of a practical study of the obtained materials and their interpretation. The burial was performed in undercut, at the bottom there was a full skeleton of a man in an extended position, on his back, with his head oriented to the west with a deflection to the south. Accompanying goods are represented by a composite belt, a bronze dagger in a case with a chape, a grindstone, a quiver with bronze arrowheads, a whip, a antler clasp and an iron knife. The burial rite and set of items allow the authors to attribute the site to the Ulubai-Tasmola archaeological culture of Northern Kazakhstan and date it to

Implemented under the program BR 11765630 "Cultural genesis in the Kazakh steppes: new paradigms for the problems of studying the continuity of material and spiritual heritage according to archaeological sources" Committee of Science, Ministry of Higher Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

the 7th–6th centuries BC. The most important archaeological find for the region is a composite belt, its details are made of antler (presumably, of deer antler). The shape and type of individual elements of this specific decoration, its decor and design features reflected the position of the owner on the social ladder and also find analogies in the Tasmola culture of Central Kazakhstan and in the circle of early Saka sites from the Urals to the Altai-Sayan.

Keywords: archaeology, Kazakhstan, Kokshetau Hills, Burabay, nomads, Ulubai-Tasmola culture, animal style, barrow, burial, early Saka period, quiver set, composite belt.

REFERENCES

1. Ageeva, E. I., Maksimova, A. G. 1959. *Otchet Pavlodarskoy ekspeditsii 1955 goda (Report of the Pavlodar expedition 1955)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 32–58 (in Russian).
2. Beysenov, A. Z. 2014. In Tishkin, A. A. (ed.). *Drevnie i srednevekovye izvaianiia Tsentral'noi Azii (Ancient and Medieval Statues of Central Asia)*. Barnaul: Altai State University, 7–16 (in Russian).
3. Beisenov, A. Z., Duysenbay, D. B. 2017. In Ebel', A. V., Kulikov, F. I. (eds.). *Istoriya i kul'tura narodov Yugo-Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh regionov (Kazakhstan, Mongoliya, Kitay) (History and culture of the peoples of Southwestern Siberia and adjacent regions (Kazakhstan, Mongolia, China))*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University Publ., 18–25 (in Russian).
4. Beisenov, A. Z., Chotbaev, A. E. 2001. In Tishkin, A. A. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoy Azii: Itogi i perspektivy izucheniya na rubezhe tysyacheletiy (Historical and cultural heritage of North Asia: results and prospects of studying at the turn of the millennia)*. Barnaul: Altai State University Publ., 290–293 (in Russian).
5. Valchak, S. B., Demidenko, S. V., Malashev, V. Yu., Sakenov, S. K., Sviridov, A. N., Yarygin, S. A. 2017. In *Rossiiskaya Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 142–154 (in Russian).
6. Varfolomeev, V. V. 2011. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Voprosy arkheologii Kazakhstana (Issues of the Archaeology of Kazakhstan)* 3. Almaty: “Research Center for the History and Archeology of Begazy-Tasmol” Publ., 315–324 (in Russian).
7. Vishnevskaya, O. A. 1973. *Kul'tura saksikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII–V vv. do n.e.: po materialam Uigaraka (Culture of the Saka Tribes of the Lower reaches of the Syr Darya in the 7th – 5th cc. B.C.: Based on Materials from Uigarak)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
8. Zimovets, R. V. 2016. In *Arkheologiya i davnia istoriia Ukraïni (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 2 (19), 76–88 (in Russian).
9. Kilunovskaya, M. E., Semenov, V. I., Semenov, A. V., Busova, V. S. 2021. In *Novye issledovaniya Tuva (New studies of Tuva)* 1, 30–50 (in Russian).
10. Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. 1966. *Drevniaia kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
11. Olkhovsky, B. C. 2005. *Monumental'naya skulptura naseleniya zapadnoy chasti yevraziyskikh stepey epokhi rannego zheleza (Monumental sculpture of the population of the western part of the Eurasian steppes of the Early Iron Age)*. M.: “Nauka” Publ. (in Russian).
12. Samashev, Z. 2012. In Zhumashev, R. M., Loman, V. G. (eds.). *Arkheologiya i istoriya Saryarki (Archaeology and History of Saryarka)*. Karaganda: Karaganda State University Publ., 195–122 (in Russian).
13. Tairov, A. D., Botalov, S. G. 2010. In Gerasimova, M. M., Malashev, V. Yu., Moshkova, M. G. (eds.). *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepei i sopredel'nykh territorii (Archaeology and Paleoanthropology of Eurasian Steppes and Adjacent Territories)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 13. Moscow: “Taus” Publ., 339–354 (in Russian).
14. Chugunov, K. V. 2011. In Machinskiy, D. A. (ed.). *Evropeyskaya Sarmatiya (European Sarmatia)*. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriya” Publ., 39–60 (in Russian).
15. Shul'ga, P. I. 2005. In Tishkin, A. A. (ed.). *Snaryazhenie kochevnikov Evrazii (Equipment of Eurasian nomads)*. Barnaul: Altai State University Publ., 183–188 (in Russian).
16. Shul'ga, P. I. 2007. In Larichev, V. E. (ed.). *Altai-Sayanskaya gornaya strana i sosednie territorii v drevnosti (Altai-Sayan mountain country and neighboring territories in ancient times)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography Press, 27–40 (in Russian).
17. Shul'ga, P. I. 2016. *Mogil'nik ranneskifskogo vremeni Gilyovo-10 v predgor'yah Altaya (Gilyovo-10 early Scythian burial ground in the Altai foothills)*. Novosibirsk: Editorial and Publishing Centre of Novosibirsk State University Publ. (in Russian).
18. Shulga, P. I. 2008. *Snaryazhenie verkhovoi loshadi i voinskie poiasa na Altai. Ch. I. Ranneskifskoe vremia (Equipment of the Saddle Horse and Warrior Belts in Altai. Part I. Early Scythian period)*. Barnaul: “Azбука” Publ. (in Russian).
19. Shul'ga, P. I., Shul'ga, D. P. 2015. In Korol'kova, E. F. (ed.). *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. 77: Arkheologiya bez granits: kolektzii, problemy, issledovaniya, gipotezy (Transactions of the State Hermitage Museum. LXXVII. Archaeology without Borders: Collections, Issues, Studies, Hypotheses)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Publ., 512–533 (in Russian).

About the Authors:

Yarygin Sergey A. PhD. Leading Researcher. Institute of Archeology named after A. Kh. Margulan (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan); sergeyyarygin80@gmail.com

Sakenov Sergazy K. PhD. Leading Researcher. Institute of Archeology named after A. Kh. Margulan (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan); sergazi_82@mail.ru

Mysyr Olzhas D. Alihan Bokeikhan University (Semey, Republic of Kazakhstan); odaurenuly@mail.ru

Статья принята к публикации 01.03.2023 г.

ОБРАЗ ГОЛОВЫ ХИЩНОЙ ПТИЦЫ В АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ¹

© 2023 г. А.А. Чижевский, А.В. Лыганов, Р.Х. Храмченкова

Предметы, украшенные изображениями головки хищной птицы, распространяются на территории АКИО с появлением биметаллических чеканов и связаны с движением кочевников Казахстанско-Центральноазиатского региона на запад в начале раннего железного века. Самые ранние изображения головы хищной птицы в АКИО датируются второй четвертью/серединой VII в. до н. э. Со второй четверти VI до н.э. под влиянием скифского звериного стиля, появляются изображения головы хищной птицы со звериными ушами. В VI–V вв. до н. э. оформляются самостоятельные ананьинские сюжеты, такие как репродукции сов или филинов, головки хищной птицы на навершиях втулок «парадных» секир и плечах полнофигурных изображений птиц, «круговое движение» и «превращения» головок птиц на пряслицах. Образ головы хищной птицы доживает до конца существования АКИО – IV – первой половины III вв. до н.э.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, Среднее Поволжье, Прикамье, ананьинская культурно-историческая область, звериный стиль, хронология.

Побудительным мотивом подготовки данной статьи стала находка в октябре 2021 г. предмета, выполненного в зверином стиле, на территории Усть-Вихлянского археологического комплекса. Работы на памятнике производились под руководством А.В. Лыганова.

Введение.

Усть-Вихлянский археологический комплекс памятников находится на острове, образованном Куйбышевским водохранилищем в 5–6 км к северо-востоку от Болгарского городища в Спасском районе Республики Татарстан (рис. 1: а).

За годы исследований на памятнике в прибрежной зоне вдоль восточного берега острова был собран многочисленный подъемный материал, состоящий из кремневых изделий, фрагментов глиняной посуды бронзового века (маклашеевская культура) и средневековья (эпохи Волжской Болгарии). Кроме того, здесь были найдены фрагменты керамики постмаклашеевской культуры АКИО, бронзовый наконечник стрелы типа С-64 (рис. 2:

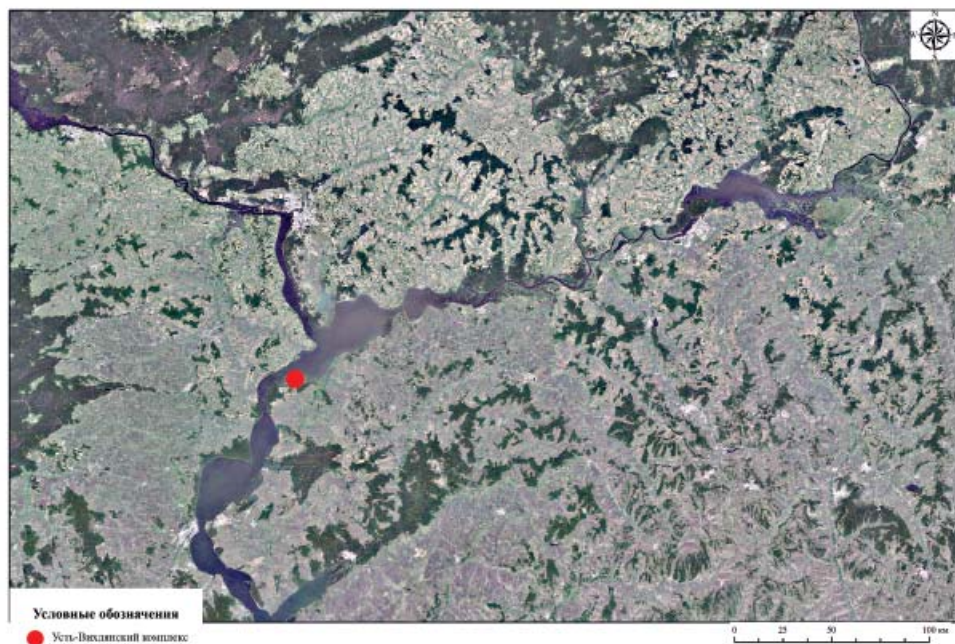
1, 5) (по: Кузьминых, 1983) и медная пронизка.

В раскопе площадью 98 кв. м (рис. 1: б) были выявлены фрагменты керамики, среди которой присутствовал только один венчик, орнаментированный отрисками ямок с выпуклинами на внутренней стороне (рис. 2: 8). Судя по орнаментации, данный фрагмент относится к керамике постмаклашеевской культуры.

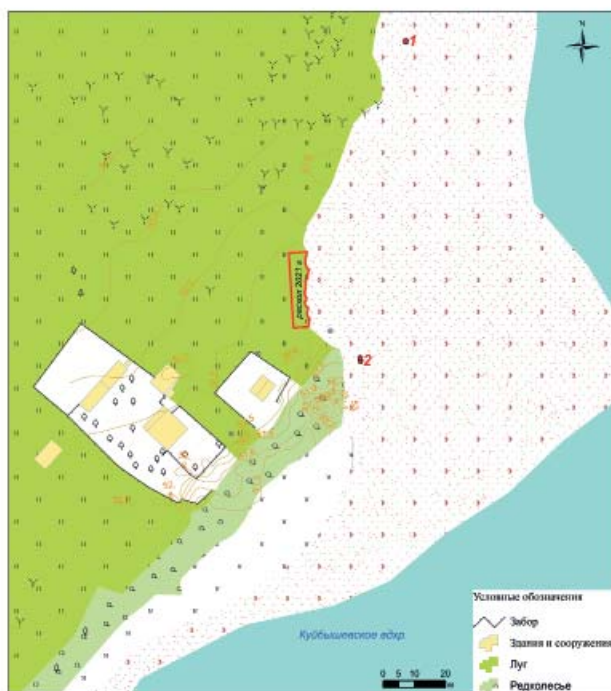
Находки раннего железного века были зафиксированы также в подъемном материале (рис. 1: б). Всего найдено четыре изделия, выполненные из цветных металлов. Две трехлопастных стрелы типа С-34 (малых размеров) и С-40 (по: Кузьминых, 1983) зафиксированы недалеко от раскопа в размыве берега (рис. 2: 3, 4). Здесь же была найдена пронизка, по форме и материалу изготовления типичная для украшений АКИО (рис. 2: 2).

Четвертая находка – стержень с орнитоморфным изображением – была найдена в 50 м севернее границы памятника (рис. 2: 6).

¹ Финансирование исследований осуществлялось по программе мониторинга состояния «Буферной зоны объекта всемирного культурного наследия ЮНЕСКО «Болгарский историко-археологический комплекс» (объекты археологического наследия)».

а.

б.

Рис. 1. а – Усть-Вихлянский археологический комплекс;
б – план раскопа 2021 г. и местонахождения находок на разрушенной части памятника. 1 – уздечная подвеска; 2 – наконечники стрел и пронизка.

Fig. 1. а – Ust-Vikhlyanka archaeological complex
б – the plan of 2021 excavation and the location of the findings on the destroyed part of the site. 1 – bridle pendants, 2 – arrowheads and bead with hole.

Рис. 2. Усть-Вихлянский археологический комплекс.

1, 2 – проны, №1989, 133; 3–5 – наконечники стрел, № 127, 128, 1989; 6 – уздечная подвеска, №132; 7, 8 – керамика. 1–6 – бронза; 7, 8 – фрагменты керамики. 1, 7 – сборы А.Х. Халикова в 1967 г.; 2–4, 6 – сборы 2021 г.; 5 – сборы 1989 г. Е.А. Беговатова; 7 – раскоп 2021 г.

Fig. 2. Ust-Vikhlyanka archaeological complex.

1, 2 – beads with hole, No. 1989, 133; 3–5 – arrowheads, №127, 128, 1989; 6 – bridle pendant, No. 132; 7, 8 – ceramics. 1–6 – bronze; 7, 8 – fragments of ceramics. 1, 7 – A.H. Khalikov's findings in 1967; 2–4, 6 – 2021 findings; 5 – Ye.A. Begovatov's findings in 1989; 7 – 2021 excavation.

Данное изделие представляет собой изображение головы хищной птицы с ушами, которое является окончанием приостренного стержня. На голове показаны глаза в виде выпуклых овалов, окантованных углубленными линиями. Мощный, загнутый клюв рассекает изогнутая канавка. За глазами перпендикулярно стержню располагаются уши, левое каплевидное, вероятно, это дефект литья, правое приостренное. На той его части, которая обращена во внешнюю сторону, отмечено подковообразное углубление. Ниже располагается петля подтреугольной формы. Судя по форме изделия, данная деталь при отливке была с дефектом, поэтому верхнюю ее часть пришлось доливать дополнительно, свидетельством чему

являются канавки на верхнем и нижнем окончаниях этой части петли. Общая длина находки составляет 3,6 см, толщина стержня 0,25–0,6 см, длина головки птицы от кончика клюва до окончания ушей – 1,8 см.

Комплекс находок постмаклашевской культуры Усть-Вихлянского археологического комплекса по наконечникам стрел – мелкому С-34 – IV–III вв. до н. э., С-40 – V–III вв. до н. э., С-64 – конец VI–IV вв. до н. э. – датируется в пределах этапов П-2 среднего и III-1 позднего периодов АКИО (Кузьминых, 1983, с. 109, 111; Чижевский, 2017, с. 216).

Результаты РФА анализа

Часть предметов из цветного металла, найденных во время работ 2021 г., была исследована методом эмисси-

Таблица 1

Химический состав находок из Усть-Вихлянского археологического комплекса, из сборов 2021 г.

№	находка	Ag	As	Au	Bi	Co	Cr	Cu	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn
1	Уздечная подвеска №132	0,0018	0,0182	0,0012	0,0021	-	-	99,12	0,001	0,009	0,0042	0,023	0,0178	0,78	0,012
2	Наконечник стрелы №128	0,017	0,0042	0,028	0,0012	-	-	99,67	0,004	0,0097	0,0004	0,006	0,0025	0,24	0,008
3	Наконечник стрелы №127	0,0014	0,029	0,0007	0,00021	0,012	0,0021	80,83	2,02	0,076	0,0064	2,73	0,0055	14,25	0,018

онного спектрального анализа, методика которого описана в работе (Чижевский, Гисматуллин, Храмченкова, 2020). Как показали результаты (табл. 1), два изделия отлиты из меди, один – из бронзового сплава. Присутствие цинка во всех изделиях свидетельствует о минимальной переплавке и отливке изделий непосредственно из очищенных руд.

Стержень с орнитоморфным изображением (рис. 2: 6) и наконечник стрелы (рис. 2: 4) изготовлены из меди с небольшой примесью олова – 0,78% и 0,24%, соответственно. Для этих образцов фиксируются прямые корреляционные связи в группах: «медь – золото – серебро» и «олово – мышьяк – висмут – свинец – сурьма», в то же время между двумя этими группами отмечается обратная корреляция (рис. 3). Этот факт позволяет предположить один сырьевой источник.

Несмотря на то, что в большинстве своем артефакты рассматриваемого в работе периода отлиты из бронзы, изделия из чистой меди нередки на археологических памятниках широкой географической локализации. Согласно данным С.В. Кузьминых, практически на всех изученных им объектах АКИО присутствуют изделия из чистой меди, примеси в которой не превышают 1%. Наибольшая концентрация таких артефактов характерна для Гремячанского селища (78%) и Шихана в устье р. Белой (65%) (Кузьминых, 1983).

Многочисленные аналоги по химическому составу можно найти в каталоге С.В. Кузьминых и Л.Б. Орловской (Кузьминых, Орловская, 2017). Медь с близкими пропорциями всех без исключения примесных компонентов определена в 33 артефактах (кельты, наконечники копий и стрел) Зуевского могильника, в 21 находке (кельты, наконечники стрел, копий и дротика, удила) Старшего Ахмыловского могильника, в 10 кельтах могильника Таш-Елга и в 5 наконечниках стрел Ананьинского могильника.

В работе Т.Б. Барцевой отмечены единичные находки наконечников стрел из близкой по составу меди в скифских древностях Лесостепного Поднепровья: Вельских курганах, Глинище, Полтавщине и Лихачевском (Барцева, 1987). Особо следует отметить два котелка из коллекции (№ 17.473, Аксютинцы, и № 20.615, Глинище), отлитых из металла, в котором определяется весь набор примесных элементов в схожих с Усть-Вихлянскими предметами концентрациях.

Исходным источником руды для изготовления изделий вышеуказанного типа в древности служили медистые песчаники, при обработке которых получалась достаточно чистая медь с различным набором микропримесей в зависимости от минеральных компонентов, составлявших исходную породу. Со всей определенностью можно говорить, что данные

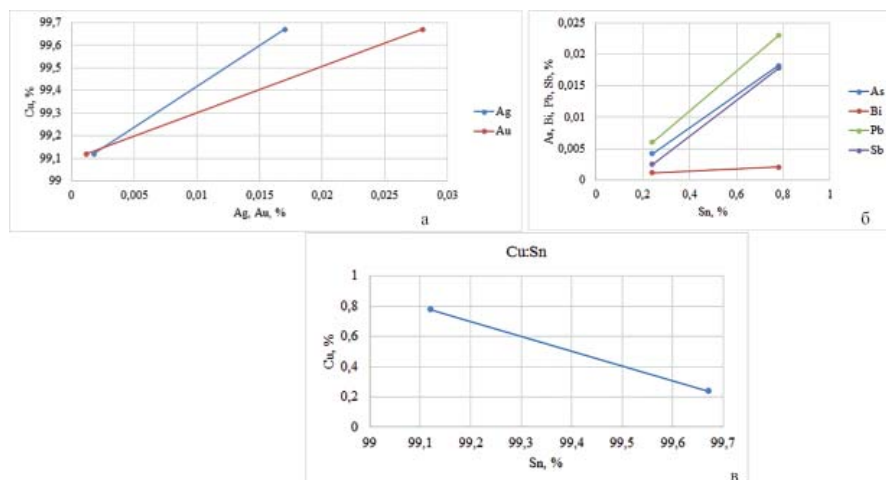

Рис. 3. Диаграмма прямой (а, б) и обратной (в) корреляции: а – меди, серебра и золота; б – олова, мышьяка, висмута, свинца и сурьмы; в – группы меди и олова.

Fig. 3. Diagram of direct (a, б) and inverse (в) correlation: а – copper, silver and gold; б – tin, arsenic, bismuth, lead and antimony; в – copper and tin group.

изделия выполнены не из медистых песчаников Татарстана, поскольку местное сырье отличается особой чистотой с минимальным количеством примесей. Вероятнее всего, в качестве рудных истоков использовались медистые песчаники Башкирии, находящиеся вблизи полиметаллических руд Урала. Именно они являются поставщиком широкого набора элементов, выявленных в исследованных находках.

Характерен сплав наконечника стрелы (рис. 2: 3) с высокой концентрацией олова в 14,25% с примесью 2,73% свинца и 2,02% железа. Свинцовая компонента вполне характерна для древней бронзы, а повышенное содержание железа может объясняться либо длительной археологизацией изделия в непосредственном контакте с железными предметами, либо может характеризовать особенность месторождения меди. В дополнение к этому, соотношение микропримесей в образце существенно отличается от первых двух находок. Если марганца в сплаве на порядок больше, то висмута и золота на порядок меньше, что является однозначным доказательством

иноного происхождения медного сырья. Об этом свидетельствует и тот факт, что помимо характерных для металла стержня с орнитоморфным изображением и наконечника стрелы (рис. 2: 4, б) элементов, в пробе определились хром и в значимых концентрациях кобальт (0,12%).

Обращает на себя внимание тот факт, что все выявленные аналоги по химическому составу не являются предметами вооружения. Среди археологических памятников, на которых были найдены предметы из схожей бронзы, в первую очередь можно упомянуть Старший Ахмыловский могильник (обкладка зеркала, накладка, гривна), Ананьинский могильник (9 бляшек), пронизка из Тетюшского могильника и бляшка из Котловского могильника (Кузьминых, Орловская, 2017).

Очень близка по составу к бронзе наконечника стрелы (рис. 2: 3) большая коллекция предметов из раскопов Волковцов (Барцева, 1987). Из них более десятка различных изделий, включая бляхи, налобник, псалий, наносник, имеют схожий по соотношению олова со свинцом (10–14:1–4) и при-

сутствию значимого кобальта и цинка бронзовый сплав, однако железа в них меньше.

Также меньше железа и в упомянутых выше изделиях Волго-Камья (за исключением котловской бляшки, имеющей в металле 1,3% Fe). Другая группа находок из Лесостепного Днепроовского левобережья включает атрибуты именно воинского снаряжения, это два наконечника стрел из Аксютинцев, которые схожи с усть-вихлянским наконечником по концентрации и соотношению примесей в бронзе, включая повышенную концентрацию железа.

В поисках исходного рудного материала логичным видятся полиметаллические руды Уральского региона (Пучков, 2014). Отличительная особенность сплава с повышенным содержанием кобальта при низких значениях никеля свидетельствует о характерных примесных минералах в исходной руде – кобальтине (CoAsS) либо скуттерудите (CoAs_3). Однако возможно, что в отличие от всех упомянутых аналогов наконечник отлит из особого сырья, в состав которого входил кобальтоносный пирит с сафлоритом $(\text{Co,Fe})\text{As}_2$ и глаукотом $(\text{Co,Fe})\text{AsS}$, сопутствующий медноколчеданным рудам. В этом случае объясняется высокая концентрация железа, выделяющаяся в бронзе наконечника стрелы (рис. 2: 3). Но не исключена вероятность того, что повышенное содержание железа говорит о накоплении этого элемента в находке в результате диффузии из грунта.

Исходя из представленных данных, закономерно высказать предположение о том, что общим для всех трех находок сырьевым источником были восточные рудоносные районы Центрального Урала.

Голова хищной птицы или голова грифона?

Находка из Усть-Вихлянского археологического комплекса, украшен-

ная изображением орнитоморфа, выполнена в традициях ананьинского звериного стиля, который является устойчивым художественным направлением в рамках скифо-сибирского звериного стиля и представляет собой один из его локальных вариантов (Корепанов, 2000; Васильев, 2002). Соответственно задачами, которые мы ставим в данной статье, являются: определение времени появления сюжета головы хищной птицы в АКЮ, его распространенность, техника изготовления, хронология и эволюция.

В археологических публикациях орнитоморфные изображения часто относят к грифонам, поэтому необходимо обратиться к этому утверждению подробнее. Образ «скифского грифона» был выделен Н.Н. Погребовой, по ее мнению, в нем сочетались части тела различных зверей, как бы усиливающих боевые качества животного. В тоже время она отмечала, что чаще всего в скифском искусстве изображали просто хищных птиц, иногда дополняемых таким фантастическим элементом, как звериное ухо (Погребова, 1948, с. 66, 67).

Образ грифона обладает вполне определенными чертами, которые можно использовать для оценки наличия таковых среди предметов ананьинского звериного стиля. Согласно современным исследованиям для переднеазиатского грифона характерно наличие гребня на шее; для ранних греческих образцов раскрытый клюв с выступающим из него языком, вертикальные уши и выступ на темени; для позднегреческих волчьи уши и перепончатый гребень; грифон ахеменидского типа со львиной головой и рогами уже не может претендовать на звание орнитоморфа в прямом смысле этого слова (Канторович, 2022, т. 1, с. 281). Все вышеперечисленные черты характеризующие изображение грифона очень слабо представлены в искусстве АКЮ, они известны в

единственном числе только на уздечной бляшке из с. Шиловка (Чижевский, в печати). В более позднее время традиция изображения грифона проявляются на бляхах из Уфимского (Чертова) городища кара-абызской культуры (Корепанов, 2000, табл. 158: 6; Васильев, 2002, с. 435; Воробьева, 2021, рис. 7: 8, 9).

Таким образом, орнитоморфные изображения в ананьинском зверином стиле являются именно изображениями птиц иногда с определенными фантастическими чертами, звериными ушами и гипертрофированными клювами.

Предметы с изображениями головы хищной птицы, аналогии и хронология.

Среди орнитоморфных изображений в АКИО выделяются две группы изделий полнофигурные и парциальные изображения хищной птицы (Корепанов, 2000; Васильев, 2002; Чемякин, Кузьминых, 2009, с. 217, 218).

Полнофигурные изображения птиц показаны в двух позах: в фас с расправленными крыльями и головой, смотрящей прямо или повернутой вбок, и в профиль, с головой, направленной прямо или развернутой назад.

В связи с находкой на Усть-Вихлянском археологическом комплексе нас интересуют прежде всего парциальные изображения. Как правило, такие изделия представляют собой изображения голов или нижней части лап птицы с когтями.

Предметы, выполненные в виде лап птицы с когтями, единичны, в настоящее время можно назвать только одну такую находку в виде подвески из состава Скородумского клада (Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 2: 9).

В тоже время орнитоморфные сюжеты, переданные изображениями головы хищной птицы, были широко распространены в АКИО, подобные изделия присутствуют на четырех видах предметов материальной куль-

туры: вооружении, конской упряжи, костюмных комплексах, предметах быта (табл. 2). В массе своей они представлены объемными предметами, ближе всего к характеристике таких изображений подходит термин «скульптура».

В нашем случае большая часть изображений хищной птицы – это миниатюрная скульптура. Она подразделяется на круглую (объемную), доступную к обзору как с фронтальной, так и тыльной стороны, и плоскую, одностороннюю, выполненную низким рельефом, доступную для обзора только с фронтальной стороны (Иванов, 1970, с. 5; Мошинская, 1976, с. 90–97; Якина, 2020, с. 5).

Еще одной группой орнитоморфов были предметы с изображениями, выполненными в технике графито, как правило, такие рисунки делали на пряслицах и гребнях.

Исходя из анализа орнитоморфных изображений АКИО (табл. 2), становится понятно, что они в значительной мере изготовлялись в технике круглой скульптуры (64 экз.) и лишь в 31% случаев (29 экз.) в плоской скульптуре или графито.

Парциальные изображения голов хищных птиц в ананьинском искусстве представлены двумя видами орнитоморфов.

Первая группа небольшая. Она содержит лишь два фронтальных изображения птицы с широким лицевым диском, широко расставленными круглыми глазами, хорошо выраженными, торчащими ушами, крючкообразным клювом (табл. 3: 25, 93; рис. 4: 14; 7: 21). На костяном гребне из Гремячанского святилища орнитоморфное изображение было выполнено в технике графито, а на верхней части секиры из Галанова оформлено низким рельефом в виде плоской скульптуры, авторы публикаций относят данные изображения к совам или филинам (Киржнер, Арматынская,

Таблица 2

Категории предметов АКИО,
выполненные в виде парциальных орнитоморфных изображений

№	Виды предметов материальной культуры	категория	Орнитоморфное изображение		Итого
			Объемное	Плоское	
1	Вооружение	Чеканы	17	0	17
2		Секиры	7	1	8
3		Рукоятки мечей/кинжалов	10	0	10
4	Конская упряжь	Бутероли	2	2	4
5		Псалий	1		1
6		Уздечные подвески	3	0	3
7		Распределители	7	0	7
8		Бляхи	0	16	16
9а	Костюмные комплексы	Крючки поясные (бронза)	7	1	8
9б		Крючки поясные (кость)	7	0	7
10		Наконечники	3	2	5
11		Накладки	0	3	3
12		Пряслица	0	2	2
13	Бытовые предметы	Гребни	0	2	2
	Итого		64	29	93

1990; Коренюк, 1998, с. 80, рис. 4: 2). Гребень Ст.А. Васильев датирует V–IV вв. до н. э., секиру авторы публикации – VI–V вв. до н. э. (Киржнер, Арматынская, 1990, с. 258; Васильев, 2002, с. 301).

Вторая группа представляет собой серию, состоящую из 91 предмета, выполненную в виде круглой и плоской скульптуры, а также техникой граффито (Корепанов, 2000; Васильев, 2002). Все эти изображения объединяют общие признаки, передающие очертания узкой головы с круглыми глазами, размещенными по бокам, и мощным, иногда гипертрофировано крупным клювом с острым крючком на конце. А.Р. Канторович убедительно показал, что большая часть орнитоморфов в скифском зверином стиле, составной частью которого был ананьинский звериный стиль, является изображениями птиц из отрядов соколообразных или ястребиных (Канторович, 2022, т. 1, с. 233).

Эта группа включает 12 категорий изделий. Наибольшее количество предметов второй группы относится к

вооружению (табл. 2). Оно представлено чеканами, секирами, рукоятками мечей и кинжалов, бутеролями.

В настоящее время в АКИО известно 17 чеканов с изображениями головок хищной птицы. Они представлены изделиями из бронзы, железа и биметалла (железа и бронзы). Наиболее ранние, биметаллические чеканы типа КЧ-30 (табл. 3: 1–4; рис. 4: 1) относятся ко второй – третьей четверти VII в. до н. э. Хронологически к ним вплотную примыкают бронзовые чеканы КЧ-8, КЧ-10, КЧ-16, КЧ-20, КЧ-22, КЧ-26, КЧ-34 (табл. 3: 5–7, 9–11, 17; рис. 4: 2–5), датированные в пределах второй четверти – второй половины VII – начала VI в. до н. э. (Кузьминых, 1983; Денисов, Коренюк, 2001; Чижевский, Гисматуллин, Храмченкова, 2019; Кочкина, Сташенков, 2020; Чижевский, Черных, Коренюк, 2021, с. 212). Все они имеют изображение головки хищной птицы на втулке, направленной клювом вниз или вперед параллельно клинку. Обязательными атрибутами изображения являются выделенный

Рис. 4. Образ головы хищной птицы на чеканах и «парадных» ананьинских секирах.
 1 – Ананьинский мог., погр. G; 2 – Ананьинский мог., погр. С; 3 – Ульяновский музей, случайная находка; 4 – р. Сарабаиха, случайная находка; 5 – Релка, мог., погр. 2; 6 – Першинский мог., погр. 63–64; 7 – Ново-Уфимский мог., сборы; 8 – гора Кара-Абыз, случайная находка; 9 – Воткинский завод, случайная находка; 10, 11 – р. Пинега, случайные находки; 12 – р. Слудка, случайная находка (по: Васкул, Ашихмина, 2021, рис. 27: 3); 13 – гора Кара-Абыз, случайная находка (по: Tallgren, 1937, fig. 5); 14 – с. Галаново, случайная находка (по: Чижевский, Черных, Кореньюк, 2021, рис. 14: 2).

Fig. 4. The image of the head of a bird of prey on the hammer-axes and "ceremonial" Ananyino axes.

круглый глаз с точкой-углублением по центру и крючковатый хищный клюв.

Другая группа бронзовых чеканов: КЧ-12, КЧ-13, КЧ-14 (табл. 3: 8, 12, 13) – также имеет изображение хищной птицы на втулке, но редуцированное, в качестве основного элемента изображения здесь выступает изогнутый крючком клюв, глаза отсутствуют. Несколько особняком отстоит чекан КЧ-32 (табл. 3: 16; рис. 4: 6) с изображением т. н. «палочки», имитирующей вытянутый вперед клюв хищной птицы. Все эти чеканы датируются в пределах второй половины VII – начала VI в. до н. э.

Ближайшие аналогии ранним чеканам АКИО прослеживаются среди материалов памятников Казахстанско-Центральноазиатского региона (Чижевский, Гисматуллин, Храмченкова, 2019; Чижевский, Черных, Кореньюк, 2021, с. 212).

У более поздних чеканов второй половины VI–V вв. до н. э. типа КЧ-18 (табл. 3: 14, 15; рис. 4: 7, 8), бронзового и железного, на втулке располагается массивная головка хищной птицы с изогнутым клювом, опущенным вниз, глаз круглый с углублением в центре (Ахмеров, 1959; Кузьминых, 1983; Чижевский, Волкова, 2021, с. 182).

«Парадные» ананьинские секиры (8 экз.) – вторая по количеству изображений головки хищной птицы категория вооружения (табл. 2). Одно из них, изображение филина на галановской секиры, мы уже рассматривали, остальные присутствуют на секирах пинежского типа. Наиболее многочисленны они на секирах воткинского (елабужского) варианта (5 экз.) (табл. 3: 18–22; рис. 4: 9–11), это изделия с обушком в виде волчьей головы, слудкинский вариант с обушком в виде головы хищной птицы (табл. 3: 23; рис. 4: 12) и кара-абызский вариант с обушком в виде молота (табл. 3: 24; рис. 4: 13), известны в единичных экземплярах. Типология дана по

А.М. Тальгрену, С.В. Кузьминых и А.В. Берлин с добавлением слудкинского варианта (Тальгрен, 2019; Кузьминых, 1983; Берлин, 2010).

Все секиры пинежского типа в верхней части втулки украшены объемным изображением головы хищной птицы, повернутой в сторону клинка. Глаза птицы трактованы в виде кругов с углублением или выступом в центре, клюв массивный загнутый. У затылочной части на головках птиц воткинского и слудкинского (Васкул, Ашихмина, 2021, рис. 21: 1; 27: 3) вариантов секир отмечены округлой формы уши, кара-абызский вариант ушей не имеет.

Подобным образом оформлена и голова хищной птицы на обушке секиры, найденной на р. Слудке. Глаза птицы выполнены в виде кругов с выступающей центральной частью, впереди выделяется мощный, волотовидный клюв с выделенной восковицей. Ухо трактовано в виде спирали округлой формы, ниже располагается косой крест, выполненный пунсоном.

Датировка «парадных» ананьинских секир определена в рамках рубежа VI/V – IV вв. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 145). Эту дату подтверждают известные аналогии в виде сходным образом оформленного миниатюрного чекана западносибирского происхождения с головкой хищной птицы на верхней части втулки, а также чекана, найденного в Предуралье на р. Усе (КЧ-28) (Кузьминых, 1983, с. 142; Васкул, Ашихмина, 2021, рис. 21: 2). Время существования для усть-полуйского экземпляра определено V–IV вв. до н. э. (Чернецов, 1953, с. 124, табл. 1: 1). Предуральский чекан, найденный на р. Усе, крупнее и, по-видимому, относится к более раннему времени, не позднее V в. до н. э.

Более раннюю датировку секир воткинского (елабужского) варианта подкрепляют и известные нам секиры с обушком в виде головы волка

из Новогрозненского могильника и Юрюзани, датированные серединой VI–V вв. до н. э. (Вольная, 2009, с. 267, 268, рис. 4: 4; Кузьминых, Виноградов, 2015).

Характерная, почти спиралевидная изогнутость изображений клювов птиц на обухе и верхней части слудкинской секиры позволяет датировать их в пределах второй четверти VI – первой половины V вв. до н. э. по аналогии с наиболее близкими изображениями головок птиц первого варианта ольвийско-завадского типа (Канторович, 2022, т. 1, с. 250–255; т. 2, с. 91, тип 3, вариант 1: 1, 11, 19, 23).

В связи с указанными выше аналогиями считаем возможным скорректировать предложенное нами ранее время существования «парадных» секир (Чижевский, Черных, Коренюк, 2021, с. 212) в сторону омоложения, по всей вероятности, общая дата данной категории вооружения относится ко второй четверти/середине VI–V вв. до н. э.

Исследователи рассматривают «парадные» ананьинские секиры как продукцию местного производства (Тальгрэн, 1919, с. 123; Кузьминых, 1983, с. 144).

Количество *рукоятей мечей и кинжалов*, оформленных изображением головки хищной птицы, в настоящее время достигает 10 экз. Выделяются две группы изображений с одинарным и дуальным изображениями головы хищной птицы на рукояти. Дуальные изображения в свою очередь можно разделить еще на три варианта по стилизации и увеличению степени условности изображения.

Первая группа, одинарное изображение головы хищной птицы из Усть-Цильны (табл. 3: 35; рис. 5: 1). Рукоять кинжала выполнена в виде шеи, которая переходит в навершие в виде головы птицы с раскрытым клювом, загнутым таким образом, что его верхняя часть касается окончанием

нижней части. Глаз овальной формы с овальным выступом зрачка в центре. На затылочной части округлое ухо. Найдена вместе с ножнами, украшенными зооморфным и орнитоморфным орнаментом (см. ниже). Датирована по аналогии с бутеролью из Скородумского «клада» V–IV вв. до н. э.

Вторая группа, дуальные изображения.

1 вариант (5 экз.). На головке птицы передан глаз круглой формы с углублением в центре, хищно изогнутый клюв, иногда показано ухо (табл. 3: 26, 27, 31, 32, 34; рис. 5: 2–5). Изображения парные, размещены на перекрестии или/и навершии рукояти. Детали оформления позволяют отнести данные мечи к типу Иссык (Топал, 2021, рис. 112: 1, 5). Датировка меча из Мурзихинского I могильника, по мнению автора публикации, не выходит за пределы V в. до н. э. (Беговатов, 1989). Мечи данного типа датируются в широких пределах второй четверти VI–IV вв. до н. э., однако максимальное их распространение относится к середине VI – середине V вв. до н. э. (Халиков, 1977, с. 169; Кузьминых, 1983, с. 130).

2 вариант (2 экз.). Парные стилизованные изображения птичьей головы на антеннах навершия, без выраженной шеи (табл. 3: 28, 29; рис. 5: 6, 7). Глаз передан кольцом, изогнутый клюв – изгибами антенновидного навершия рукояти. Оформление рукоятей аналогично изображениям на жуrowsко-уляпском типе изделий скифского звериного стиля (Канторович, 2022, т. 1, с. 266, 267; т. 2, с. 104, 105, тип 19). Сами мечи отнесены к типу Грищенцы, распространенному от Северного Причерноморья до Приуралья (Топал, 2021, с. 257–276, рис. 126: 7). Датируются рукояти в рамках скифских аналогий концом VI–V вв. до н. э.

3 вариант (2 экз.). Парные стилизованные изображения птицы в виде

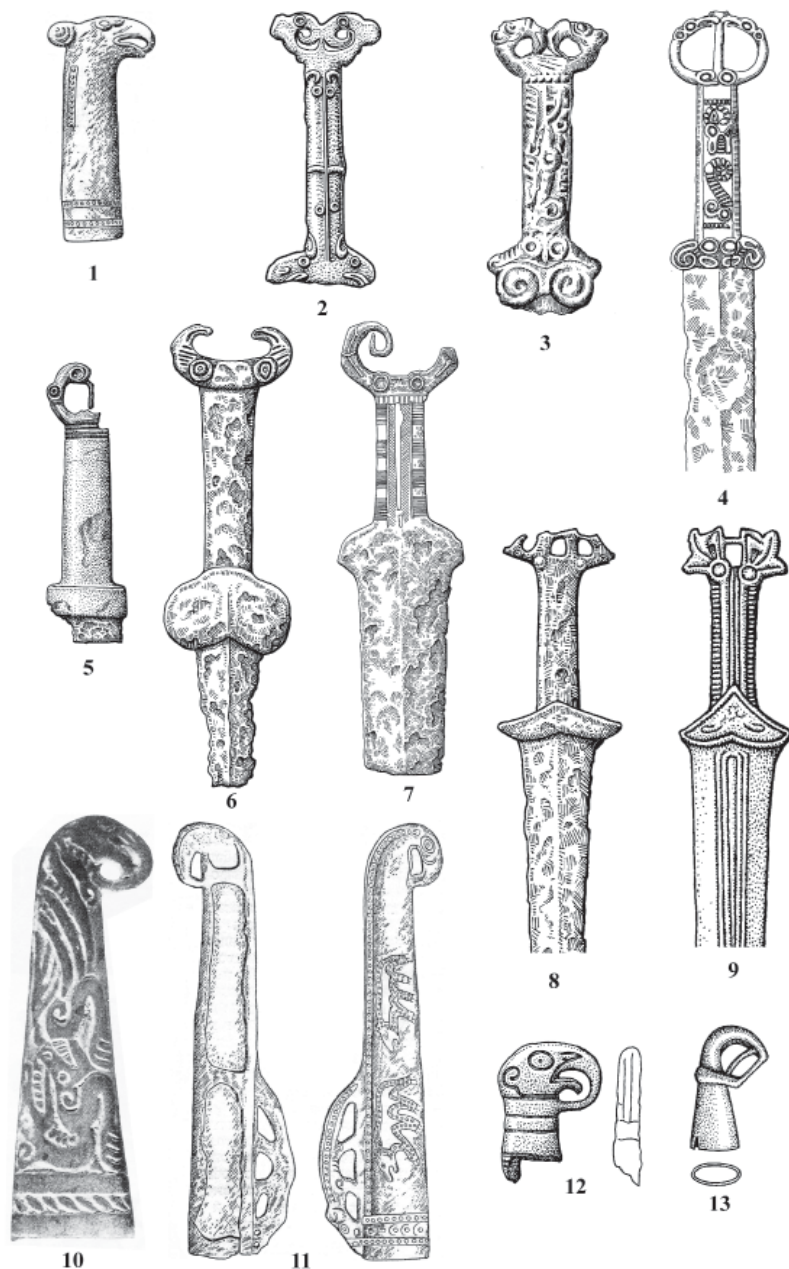

Рис. 5. Образ головы хищной птицы на рукоятях кинжалов и бутеролях. 1 – с. Усть-Цильна, случайная находка (по: Васкул, Ашихмина, 2021, рис. 23: 18); 2 – гор. Грахань, раскопки; 3 – б. Ядринские уезд, случайная находка (по: Збруева, 1952, табл. XXXII: 10); 4 – Мурзихинский I мог., сборы; 5, 6 – Ананьинский мог., случайные находки; 7 – г. Свияжск, случайная находка; 8 – Усть-Качка, случайная находка; 9 – ур. Малая Чеганда, случайная находка; 10 – Скородумский «клад», сборы (по: Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 4: 7); 11 – с. Усть-Цильна, случайная находка (по: Васкул, Ашихмина, 2021, рис. 23: 18); 12 – Шиховской мог., погр. 28; 13 – Старший Ахмыловский мог., погр. 336.

Fig. 5. The image of the head of a bird of prey on dagger handles and chapes.

навершия рукояти. От образа птицы здесь остался только глаза круглой формы и птичьи лапы над ними (табл. 3: 30, 33; рис. 5: 8, 9). Полные аналоги имеются среди рукоятей, оформленных изображениями елизаветовско-солоховского типа скифского звериного стиля (Топал, 2021, рис. 139: 1, 10; Канторович, 2022, т. 2, с. 105, тип 20). Датировка данных изображений определена V–IV вв. до н. э. (Чижевский, 2017, с. 212; (Топал, 2021, с. 281–305; Канторович, 2022, т. 1, с. 267, 268).

На *бутеролях* АКИО известно четыре изображения головы хищной птицы. Первое (погр. 336 Ст. Ахмыловский мог.) объемное стилизованное (табл. 3: 36; рис. 5: 13), на грани узнавания, в виде изогнутого раскрытого клюва с перемычкой, символизирующей язык. Глаза не фиксируются, вместо них присутствует валик, опоясывающий втулку бутероли кольцом. Данная бутероль относится к типу Фаскау, изображение имеет явное кавказское происхождение, по аналогиям датировано рубежом VII/VI – VI вв. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 135; Топал, 2021, с. 96, 99, рис. 46: 10).

Второе происходит из т. н. Скородумского «клада» (табл. 3: 37; рис. 5: 10) и украшает завершение металлической части ножен, на которых изображены фантастические волкоподобные и медведеподобные хищники. Изображение хищной птицы одностороннее и относится к плоской скульптуре. Оно показано в виде головы птицы с шеей, покрытой длинными перьями, глаз круглый, выпуклый, клюв открытый длинный, загнутый крючком почти в спираль. Изображение датировано V–IV вв. до н. э. и, видимо, имеет местное происхождение (Коренюк, Майстренко, 2011, с. 146).

С изображением из Скородумского «клада» сближается третья репродукция на ножнах из с. Усть-Цильна (табл. 3: 39; рис. 5: 11). Одностороннее изображение головы хищной пти-

цы выполнено в виде навершия на металлической части ножен, на которых представлены фигуры хищных зверей, вероятно, медведей. На длинной изогнутой шее показана голова с загнутым клювом, касающимся шеи, глаз овальной формы с овальным выпуклым зрачком. Правомерно датировать в тех же рамках, что и скородумские ножны, т. е. V–IV вв. до н. э.

Четвертое изображение известно по находке из погр. 28 Шиховского могильника (табл. 3: 38; рис. 5: 12), оно объемное и по оформлению схоже с изображением из Скородумского «клада». Глаза показаны в виде овалов, с выступом в центре и углублением на месте зрачка, клюв раскрытый длинный, загнутый полукольцом. За глазом гравировкой показано ухо. Датировается, вероятно, так же как и скородумское изображение, V–IV вв. до н. э.

Изображения хищной птицы на конской упряжи представлены псалием, уздечными подвесками, распределителями ремней и бляхами.

В пределах территории АКИО только один двудырчатый *псалий* из с. Шиловка имеет окончания в виде голов хищной птицы (табл. 3: 40; рис. 6: 14). Они представляют собой изображения небольших головок без шеи с преувеличенно крупным глазом без зрачка и массивным, загнутым клювом с выделенной восковицей. Все имеющиеся аналогии происходят из Южного Предуралья и датируются концом VI–V вв. до н. э. (Чижевский, 2021, с. 182, рис. 9: 15).

К *уздечным подвескам* относится лишь три изделия (табл. 3: 41–43; рис. 6: 15–17). Основные элементы конструкции, такие как массивный стержень с головой хищной птицы и петель для подвешивания, позволяют отнести к этой группе и находку из Усть-Вихлянского комплекса.

Все изображения располагаются в верхней части изогнутого стержня или

Рис. 6. Образ головы хищной птицы на конской упряжи. 1 – Мурзихинский I мог., сборы; 2 – Рысовский I мог., сборы; 3 – Ананьинский мог., случайная находка (по: Tallgren, 1919, fig. 120: 3); 4 – Аргыжское гор., раскопки (по: Черных и др., 2002, рис. 36: 12); 5 – Ананьинский мог., случайная находка (по: Сапрыкина, Кузьминых, 2014, рис. 4: 1); 6 – Мурзихинский I мог., сборы; 7 – Заюрчимское I сел., раскопки (по: Корепанов, 2000, табл. 231: 8); 8, 9 – Мурзихинский I мог., сборы (по: Васильев, 2002, кат. II–183, кат. II–185, рисунки С.В. Кузьминых); 10, 11 – Мурзихинский I мог., сборы; 12 – Зуевключевское I гор. (по: Черных, 2009, рис. 10: 8); 13, 18 – Шиховской мог., погр. 38 (по: Васкул, Ашихмина, 2021, рис. 27: 1); 14 – с. Шиловка, случайная находка; 15 – Такталачук мог. и сел., сборы; 16 – Усть-Вихлянка стоянка, сборы; 17 – Заюрчимское I сел., раскопки; 19 – с. Ивановско-Ленинское, сборы (по: Мясников, 2014, рис. 1: 3); 20 – Скородумский «клад», сборы (по: Коренюк, 1998, рис. 4: 3); 21 – Ананьинский мог., случайная находка (по: Невоструев, 1871, табл. XXII: 51); 22 – Мурзихинский I мог., сборы (по: Васильев, 2004, рис. 18: 5); 23, 24 – Ананьинский мог., раскопки (по: Васильев, 2004, рис. 18: 6, 7); 25 – Заосиновское V сел. (по: Васильев, 2004, рис. 18: 2); 26 – Ананьинский мог., раскопки (по: Васильев, 2004, рис. 18: 1); 27 – Галкинское гор., раскопки (по: Збруева, 1952, XXVI: 1).

Fig. 6. The image of the head of a bird of prey on a horse harness.

трубки. У находок из Такталачука и Усть-Вихлянки на тыльной стороне стержня отмечена петля, а на изделии из Заюрчима сквозное отверстие для подвешивания. Глаза птицы переданы округлым кольцевым валиком, овальным углублением или спиралью, клюв загнутый. У Усть-Вихлянского экземпляра показаны острые звериные уши. Нижняя часть заюрчимской подвески оформлена в виде копыта, а такталачукской – спирали. Скифские аналогии в изображениях дуровско-карагодеуашхского типа прослежены лишь для заюрчимской подвески (Канторович, 2022, т. 2, с. 112, тип 4). Уздечные подвески с изображениями головы хищной птицы по кавказским, скифским и прохоровским аналогиям датируются концом V – первой половиной III вв. до н. э. (Чижевский, 2017, с. 202, 203; Лыганов и др., 2020; Канторович, 2022, т. 1, с. 275–277).

Столбики-распределители ремней представлены 7 экз. (Беговатов и др., 1993, рис. 14: 2; Васильев, 2002). Выделяются две группы изображений.

На изображениях первой группы (табл. 3: 44, 50; рис. 6: 21, 22) голова хищной птицы с круглым глазом, показанным кольцевым углублением и выступающей центральной частью. Клюв мощный, загнутый, с выраженной восковицей. Реалистичность представления хищной птицы сближает эти изделия с некоторыми изображениями келермесско-гуляй-городского типа скифского звериного стиля, но с менее загнутым клювом (Канторович, 2022, т. 2, с. 90, тип 1: 15, 22). Датируется по аналогиям серединой VII – третьей четвертью VI вв. до н. э. (Канторович, 2022, т. 1, с. 248, 249).

Вторая группа более многочисленна (5 экз.) (табл. 3: 45–49, рис. 6: 23–27). Изображения головы хищной птицы размещены на боковой части столбика-распределителя в виде плоской бляхи, на которой с разной степе-

нью выразительности показана головка хищной птицы с круглым, иногда плохо различимым глазом и загнутым клювом. Глаз передан в виде кольца, центральная часть выпуклая.

Выделяются два варианта второй группы распределителей ремней. Второй не имеет дополнительных изображений (рис. 6: 23, 24), первый, по всей видимости, является переходным от первой группы изображений ко второму. На верхней части столбиков-распределителей первого варианта (рис. 6: 25–27) представлено еще одно изображение головы хищной птицы с мощным изогнутым клювом, у экземпляра из Галкинского городища показаны круглые глаза в виде кольца с выступающей центральной частью, на клюве восковица. Остальные изделия выполнены без глаз и очень схематично. При профильном обзоре голова хищной птицы, размещенная сбоку, выглядит как огромное ухо. Первый вариант распределителей ремней датирован по аналогиям с материалами савроматских могильников V в. до н. э., второй вариант V–IV вв. до н. э. (Смирнов, 1961, с. 89, 94, 95, , табл. 50: 11; 55: 1, 2; 1964, рис. 29: 4г; 32: 1з).

В отличие от остальных категорий все *бляхи* конской упряжи (16 экз.) односторонние и относятся к плоской скульптуре (табл. 2). Бляхи с головой хищной птицы по деталям оформления размерам и степени изогнутости клюва, а также глубине схематизации первоначального образа можно разделить на шесть групп.

Первая группа (табл. 3: 51–53, 55, 60–62; рис. 6: 1–7) репродукций объединяет изображения головы хищной птицы с загнутым, иногда спиралевидным клювом. На зувовключевском экземпляре часть клюва, вероятно, утрачена. Почти во всех случаях показана восковица в виде выступа над клювом. Глаз гипертрофировано крупный, округлой формы с выпуклой

центральной частью. Изображение из Заюрчимского I селища дуальное. На трех репродукциях присутствует звериное ухо. Аналогии среди изображений первого варианта ольвийско-завадского типа позволяют датировать бляхи первой группы серединой VI – первой половиной V в. до н. э. (Канторович, 2022, т. 1, с. 254, 255; т. 2, с. 91, тип 3: 9, 19, 21).

На изображениях второй группы (табл. 3: 56, 57, 59; рис. 6: 8, 9, 11) схематично, тонкими выступающими валиками показаны все части головы птицы, шея отсутствует. Глаз птицы крупный, круглый, с выступающей центральной частью. На одной из блях он смещается примерно на середину клюва. Клюв с выступающей восковицей загнут меньше, чем у блях первой группы, примерно до 90°. На всех изображениях за глазом размещается круглое ухо. Датируется в широких пределах концом VI – IV вв. до н. э. (Канторович, 2022, т. 1, с. 256; т. 2, с. 96, тип 4).

К третьей группе относится одна бляха из Мурзихинского I могильника (табл. 3: 58; рис. 6: 10). На ней представлено изображение головы хищной птицы без шеи и круглым глазом с выступающей центральной частью, клюв мощный, загнутый под углом 90°. Это наиболее реалистичное изображение хищной птицы из всех бляшек АКИО. Прямых аналогов не имеет, но по деталям оформления, загнутости клюва, размерам глаза близка ко второй группе блях и может датироваться в тех же границах концом VI – IV вв. до н. э.

Четвертая группа (табл. 3: 54, 63, 64; рис. 6: 12, 13, 18), представлена бляхами с наибольшей схематизацией изображения в виде двух соединенных клювами стилизованных головок хищных птиц, образующих S-видную фигуру, на окончаниях которой показаны глаза в виде округлых ямок. Датируются бляхи этой группы по

среднедонским аналогиям IV в. до н. э. (Чижевский, 2017, с. 218).

Пятая группа. Более раннюю хронологическую позицию занимает подпружная бляха с головой хищной птицы на внешней стороне рамке (табл. 3: 65; рис. 6: 19), она происходит из с. Ивановско-Ленино (Мясников, 2014, рис. 1: 3). Изображение одностороннее, профильное, голова показана в виде выступающего полушария, глаз отсутствует, клюв тонкий, загнутый. Бляхи с головкой хищной птицы на боковой стороне с разной степенью стилизации и редукции известны в материалах раннесакских могильников Средней Азии, где они датируются VII–VI вв. до н. э. (Вишневская, 1973, с. 120, 122, 125, табл. I: 19; II: 1, 2; XXVII: 8, 9, 15).

Шестая группа. Особняком от остальных стоит бронзовая бляха из Скородумского «клада» (табл. 3: 66; рис. 6: 20), на которой представлено одностороннее полнофигурное изображение птицы, на груди которой располагается человеческая личина. На плечах птицы располагаются профильные изображения головы хищной птицы, глаза круглой формы выполнены кольцевым углублением с выступающей центральной частью, клюв короткий загнутый. Данная находка датируется авторами публикации V–IV вв. до н. э. (Кореньюк, Майстренко, 2011, с. 146). Отсутствие аналогий позволяет предположить ее местное происхождение.

Поясные крючки с изображением головы хищной птицы в АКИО достаточно многочисленны, они изготовлялись из бронзы (8 экз.) и кости (7 экз.).

Поясные крючки представлены четырьмя типами по Ст.А. Васильеву (2002). Крючки типа 1.1.1 (3 экз.), бронзовые (табл. 3: 68, 69, 73; рис. 7: 11, 12), оформлены на щитке двойным изображением волчьих хищников, непосредственно сам крючок стилизован в виде головы хищной

птицы с круглым ухом. У экземпляра из Шиховского могильника крючок отломан. Глаза птицы круглые, с выпуклой центральной частью и окантовкой валиком, клюв сильно загнут. Датируется концом V – IV вв. до н. э. (Чижевский, 2017, с. 200).

Крючки типа 4.1.1 (2 экз.), бронзовые с изображением медведя и головы хищной птицы, происходят из Чурачического могильника (табл. 3: 70, 71; рис. 7: 13, 14). Запорное устройство стилизовано в виде головы птицы с округлыми глазами переданными валиком с выпуклой центральной частью, непосредственно за ними показаны круглые уши, клюв длинный, загнутый почти на 180°. Крючки данного типа датируются IV в. до н. э. (Чижевский, 2017, с. 221).

К крючкам типа 5.1.1 относятся два почти идентичных изделия из бронзы (табл. 3: 67, 74; рис. 7: 15, 16) и семь из кости. На щитках бронзовых поясных крючков представлено полнофигурное изображение птицы, запорное устройство оформлено в виде головы хищной птицы. Глаза округлые, моделированы валиком, непосредственно за ними показаны уши, клюв длинный загнутый почти на 180°. Костяные крючки (7 экз.) (табл. 3: 75–81; рис. 7: 18, 19) выполнены в подражание бронзовым. На запорном устройстве воспроизведен загнутый клюв хищной птицы, глаза схематично показаны выступами над ним. На одном из поясных крючков Пижемского городища глаз передан с помощью кольцевого валика (рис. 7: 18). Датировка крючков данного типа определена концом V – IV вв. до н. э. (Чижевский, 2017, с. 207).

Все крючки вышеперечисленных типов имеют аналогии в среднедонских древностях и возникли, вероятно, под скифским влиянием.

Находка из скородумского «клада» (тип 6.1.1) выполнена из бронзы (табл. 3: 72; рис. 7: 17). Он имеет

массивный щиток, на котором представлено дуальное изображение противостоящих волчьих хищников и вырастающих из них головок хищной птицы. В отличие от остальных изображений на поясных крючках данное изображение одностороннее и относится к плоской скульптуре. Глаз птицы гипертрофирован крупный, оформлен кольцевым валиком с углублением в центре. Клюв сильно загнутый, раскрытый. Датирован IV–III вв. до н. э. (Чижевский, 2017, с. 209). Изделие оригинальной формы, вероятно местного происхождения.

Все *наконечники* (5 экз.) изготовлялись из бронзы и, вероятнее всего, использовались в качестве поясной гарнитуры, ахмыловский экземпляр авторы раскопок рассматривают в качестве наконечника кибити лука (Патрушев, Халиков, 1982, с. 123). Подразделяются на две группы изображений.

Первая группа (табл. 3: 82, 84; рис. 7: 3, 4) – это односторонние дуальные противостоящие изображения стилизованных головок хищных птиц, в одном случае с плохо различимым круглым глазом, выраженным ухом и крючковатым, слабо загнутым клювом. Изображения располагались на полуоткрытых овальных обоямах. Аналогии неизвестны, Ст.А. Васильев предлагал датировать их V–IV вв. до н. э. в соответствии с рукоятями мечей, оформленных противостоящими изображениями птиц (Васильев, 2002, с. 86).

Вторая группа – объемные одиночные изображения хищной птицы, размещенные на окончании овальной или круглой втулки, подразделяются на два варианта.

Первый (табл. 3: 83; рис. 7: 1) содержит изображение короткого загнутого клюва птицы и уха овальной формы на боковых частях окончания втулки. Аналогии неизвестны. Ст.А. Васильев датировал данный предмет

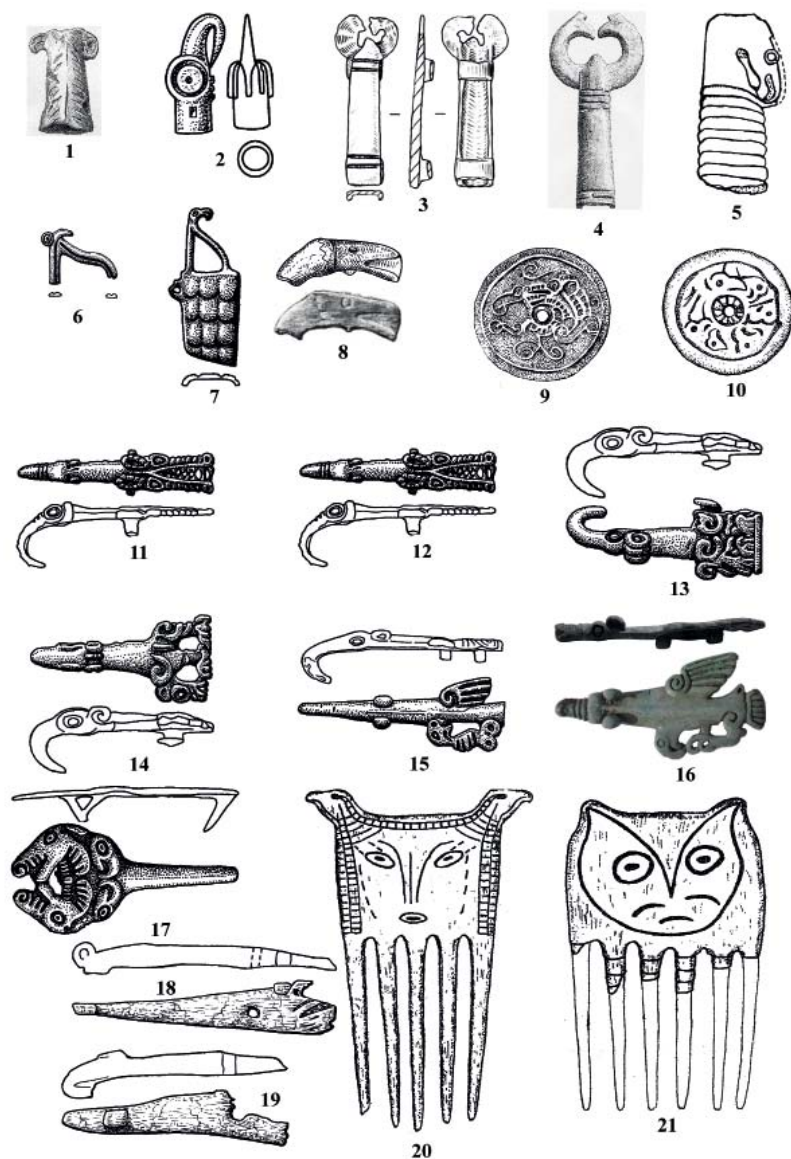

Рис. 7. Образ головы хищной птицы на предметах быта и костюмных. 1, 4 – Зуево-ключевской I мог., случайная находка (по: Худяков, 1933, табл. V: 25; VI: 27); 2 – Старший Ахмыловский мог., погр. 926; 3 – Ананьинский мог., раскопки (по: Васильев, 2002, кат. II-32, рисунок С.В. Кузьминых); 5 – Шиховской мог., погр. 4 (по: Васкул, Ашихмина, 2021, рис. 25: 13); 6 – Аргыжское гор., раскопки (по: Черных и др., 2002, рис. 36: 16); 7 – Омарский починок, случайная находка; 8 – Галкинское гор. (по: Збруева, 1940, рис. 7: 16; 1952, табл. XXVI: 5); 9 – Пижемское гор., раскопки (по: Збруева, 1952, табл. XXVI: 9); 10 – Грахань, гор., раскопки (Збруева, 1952, табл. XXV: 10); 11 – Грахань гор., раскопки; 12 – Новомордовский I мог., сборы; 13, 14 – Чурачикский курган, раскопки; 15 – с. Большая Таяба, случайная находка; 16 – д. Ново Чурашево, случайная находка (по: Мясников, 2017, рис. 3: 55); 17 – Скородумский клад, сборы (по: Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 4: 3); 18, 19 – Пижемское гор., раскопки (по: Ашихмина и др., 2006, рис. 76: 3, 6); 20 – Заюрчимское I сел. (по: Коренюк, 1998, рис. 4: 1); 21 – Гремячанское святилище, раскопки (по: Коренюк, 1998, рис. 4: 2).

Fig. 7. The image of the head of a bird of prey on household items and costume complexes

Таблица 3

Предметы АКИО с изображением головы хищной птицы

№	Категория	Памятник	Материал	Тип
1	Чеканы	Ананьинский мог., погр. 9/10/11, раскопки П.В. Алабина	бронза и железо	КЧ-30
2	–	Ананьинский мог., погр. G, раскопки П.А. Пономарева	бронза и железо	КЧ-30
3	–	Ананьинский мог., покупка И.Р. Аспелина	бронза и железо	КЧ-30
4	–	с. Молгачи, случайная находка	бронза и железо	КЧ-30
5	–	Ананьинский мог., погр. 18, раскопки П.В. Алабина	бронза	КЧ-8
6	–	Ананьинский мог., погр. С, раскопки П.А. Пономарева	бронза	КЧ-10
7	–	Ананьинский мог., покупка барона Дж. де Бай	бронза	КЧ-22
8	–	Ананьинский мог., случайная находка	бронза	КЧ-14
9	–	Релка, мог., погр. 1, раскопки Ф.Д. Нефедова	бронза	КЧ-16
10	–	Релка, мог., погр. 2, раскопки Ф.Д. Нефедова	бронза	КЧ-20
11	–	р. Сарабаиха, случайная находка	бронза	КЧ-26
12	–	Пермский краеведческий музей, случайная находка	бронза	КЧ-12
13	–	с. Засечное, случайная находка	бронза	КЧ-13
14	–	Ново-Уфимский мог., сборы	бронза	КЧ-18
15	–	гора Кара-Абыз, случайная находка	железо	КЧ-18
16	–	Першинский мог., погр. 63–64, раскопки С.Н. Коренюка	бронза	КЧ-32
17	–	Ульяновский музей, случайная находка	бронза	КЧ-34
18	Секиры	р. Пинега, случайная находка	бронза	пинежский
19	–	р. Пинега, случайная находка	бронза	пинежский
20	–	Воткинский завод, случайная находка	бронза	пинежский
21	–	Пашурское I гор., случайная находка	бронза	пинежский
22	–	Курган пос., случайная находка	бронза	пинежский
23	–	р. Слудка, случайная находка	бронза	пинежский
24	–	гора Кара-Абыз, случайная находка	бронза	пинежский
25	–	с. Галаново, случайная находка	бронза	галановский
26	Рукояти мечей и кинжалов	Ананьинский мог., фрагмент навершия	бронза	–
27	–	Ананьинский мог., случайная находка	бронза и железо	К-44
28	–	Ананьинский мог., случайная находка	железо	–
29	–	г. Свияжск, случайная находка	железо	–
30	–	ур. Малая Чеганда, случайная находка	железо	–
31	–	гор. Грахань, раскопки Ф.Д. Нефедова	бронза и железо	К-28
32	–	б. Ядринские уезд, случайная находка	бронза	К-30
33	–	Усть-Качка, случайная находка	железо	–
34	–	Мурзихинский I мог., сборы Е.А. Беговатова	бронза и железо	–
35	–	с. Усть-Цильна, случайная находка	бронза	–
36	Бутероли	Старший Ахмыловский мог., погр. 336, раскопки А.Х., Халикова и В.С. Патрушева	бронза	НК-10
37	–	Скородумский «клад», сборы	бронза	–
38	–	Шиховской мог., погр. 28, раскопки И.О. Васкула	бронза	–
39	–	с. Усть-Цильна, случайная находка	бронза	–
40	Псалии	с. Шиловка, случайная находка	бронза	–
41	Уздечные подвески	Заюрчимское I сел., раскопки В.П. Денисова	железо	–
42	–	Такталачук мог. и сел., сборы	бронза	–
43	–	Усть-Вихлянка стоянка, сборы А.В. Лыганова	бронза	–
44	Распределители	Ананьинский мог., случайная находка	бронза	–
45	–	Ананьинский мог., раскопки А.В. Збруевой и Н.Ф. Калинина	бронза	–
46	–	Ананьинский мог., раскопки Ф.Д. Нефедова	бронза	–
47	–	Ананьинский мог., раскопки Ф.Д. Нефедова	бронза	–

48		Галкинское гор., раскопки А.В. Збруевой	бронза	–
49		Заосиновское V сел., раскопки А.Ф. Мельничука	бронза	–
50		Мурзихинский I мог., сборы Е.А. Беговатова	бронза	–
51	Бляхи	Ананьинский мог., покупка И.Р. Аспелина	бронза	–
52		Ананьинский мог., покупка И.Р. Аспелина	бронза	–
53		Заюрчимское I сел., раскопки В.П. Денисова	бронза	–
54		Зуевоключевское I гор., раскопки Е.М. Черных	бронза	–
55		Мурзихинский I мог., сборы Е.А. Беговатова	бронза	–
56		Мурзихинский I мог., сборы Р.Р. Шайхутдинова	бронза	–
57		Мурзихинский I мог., сборы Р.Р. Шайхутдинова	бронза	–
58		Мурзихинский I мог., сборы А.А. Чижевского	бронза	–
59		Мурзихинский I мог., сборы	бронза	–
60		Мурзихинский I мог., сборы	бронза	–
61		Рысовский I мог., сборы А.А. Чижевского	бронза	–
62		Аргыжское гор., раскопки Е.М. Черных	бронза	–
63		Шиховской мог., погр. 38, раскопки И.О. Васкула	бронза	–
64		Шиховской мог., погр. 38, раскопки И.О. Васкула	бронза	–
65		с. Иваново-Ленинское, сборы А.А. Макеева	бронза	–
66		Скородумский «клад», сборы	бронза	–
67	Крючки поясные (бронза)	с. Большая Таяба, случайная находка	бронза	5.1.1
68		Грахань гор., раскопки Ф.Д. Нефедова	бронза	1.1.1
69		Новомордовский I мог., сборы	бронза	1.1.1
70		Чурачикский курган, раскопки В.Ф. Каховского	бронза	4.1.1
71		Чурачикский мог., раскопки Б.В. Каховского	бронза	4.1.1
72		Скородумский клад, сборы	бронза	6.1.1
73		Шиховской мог., погр. 36, раскопки И.О. Васкула	бронза	1.1.1
74		д. Ново Чурашево, случайная находка	бронза	5.1.1
75	Крючки поясные (кость)	Аргыжское гор., раскопки Е.М. Черных	кость	5.1.1
76		Алтен-Тау гор., раскопки В.А. Борзунова	кость	5.1.1
77		Пижемское гор., раскопки П.А. Пономарева, А.А. Спицына, А.С. Лебедева	кость	5.1.1
78		Пижемское гор., раскопки П.А. Пономарева, А.А. Спицына, А.С. Лебедева	кость	5.1.1
79		Пижемское гор., раскопки П.А. Пономарева, А.А. Спицына, А.С. Лебедева	кость	5.1.1
80		Пижемское гор., раскопки П.А. Пономарева, А.А. Спицына, А.С. Лебедева	кость	5.1.1
81		Пижемское гор., раскопки П.А. Пономарева, А.А. Спицына, А.С. Лебедева	кость	5.1.1
82	Наконечники	Зуевоключевской I мог., случайная находка	бронза	–
83		Зуевоключевской I мог., случайная находка	бронза	–
84		Ананьинский мог., раскопки Ф.Д. Нефедова	бронза	–
85		Старший Ахмыловский мог., погр. 926, раскопки А.Х. Халикова, В.С. Патрушева	бронза	–
86		Шиховской мог., погр. 4 раскопки И.О. Васкула	бронза	–
87	Накладка в форме лука	Омарский починок, случайная находка	бронза	–
88		Аргыжское гор., раскопки Е.М. Черных	бронза	–
89	Накладки	Галкинское гор., раскопки А.В. Збруевой	бронза	–
90	Пряслица	Пижемское гор., раскопки А.А. Спицына	известняк	–
91		Грахань, гор., раскопки Ф.Д. Нефедова	известняк	–
92	Гребни	Заюрчимское I сел., раскопки С.Н. Коренюка	кость	–
93		Гремячанское святилище, раскопки С.Н. Коренюка	кость	–

V–IV/III вв. до н. э. (Васильев, 2002, с. 86, 338).

Ко второму (табл. 3: 85, 86; рис. 7: 2, 5) относятся изображения головы хищной птицы на окончании втулки. На ахмыловском варианте показана голова без шеи, на шиховском из погр. 4 с крючкообразно выгнутой шеей, подобно изображению на уздечной подвеске из Заюрчимского I селища. Глаза круглые, в центре выступ с углублением зрачка. Глаз на ахмыловском наконечнике гипертрофировано крупный. Клюв загнут, в одном случае почти кольцом. На шиховских экземплярах клюв открыт. Наконечник из погр. 926 Ст. Ахмыловского могильника по колчанным наборам датируется серединой VII–VI вв. до н. э. Наконечник из Шиховского могильника датирован автором раскопок VI–IV вв. до н. э. (Васкул, 2002, с. 15), по аналогии с уздечной подвеской из Заюрчимского I селища его можно датировать концом V – первой половиной III вв. до н. э.

Односторонние изображения голов хищной птицы отмечены на двух накладках в *форме сложного лука*, помещенного в горит. Одна находка была обнаружена на Омарском Починке и фрагмент, видимо такой же, на Аргыжском городище (табл. 3: 87, 88; рис. 7: 6, 7). Интересующие нас изображения располагались на окончаниях кибитей луков. Глаза птицы круглые, с углублением-точкой в центре глаза, выполнены кольцевым валиком, клюв изогнут на 45° и 90°. Датируются подвески такого типа IV–III/II вв. до н. э. (Чижевский, 2017, с. 222).

Накладка с изображением головы хищной птицы представлена также фрагментом находки из Галкинского городища (табл. 3: 89; рис. 7: 8). Плоская репродукция передает птицу с выгнутой шеей, на переходе к голове бахромкой показаны перья. Глаз круглый, выполнен кольцевой канавкой.

Клюв мощный, слабо изогнутый, раскрытый. Происходит из позднеананьинского слоя IV–III вв. до н. э. (Чижевский, 2017, с. 210).

Несмотря на большое разнообразие сюжетов, представленных на *пряслицах* АКИО, только на двух из них выявлены профильные изображения головы хищной птицы (табл. 3: 90, 91; рис. 7: 9, 10). Они выполнены прочерченными линиями на камне и представляют собой односторонние изображения. Глаза круглые, в одном случае показаны кружком в другом углублением. Клюв массивный загнутый, на пряслице из Пижемского городища загнут кольцом. На пижемском экземпляре головки птицы как бы вырастают (превращаются) из тела хищного зверя, одна располагается перед пастью, вторая на бедре, третья примыкает к телу животного в виде хвоста (Збруева, 1952, с. 376). На пряслице из гор. Грахань головы птиц располагаются вокруг отверстия, как бы «движутся» по кругу. Прямые аналоги неизвестны, в оформлении присутствуют элементы изображений волковецко-елизаветовского типа (Канторович, 2022, т. 2, с. 96, тип 22: 6, 9, 14). Датировка пряслиц определена в рамках данных параллелей первой половиной V – началом III вв. до н. э. (Канторович, 2022, т. 1, с. 269).

Два экземпляра костяных *гребней* АКИО содержали гравированные изображения головы хищной птицы. Одно, с рисунком филина, мы уже рассматривали (табл. 3: 92; рис. 7: 20), на фронтальной стороне второго (табл. 3: 93; рис. 7: 21) размещено лицо женщины с головным убором, по бокам которого располагаются профильные изображения головок хищной птицы, направленных в противоположные стороны. Глаза птиц показаны овальной ямкой, клюв загнутый, шея короткая, украшена решеткой из прочерченных прямых линий. Изображение имеет явную па-

раллель с репродукцией на бляхе из Скородумского «клада» и может датироваться в рамках времени бытования данного предмета V–IV вв. до н. э. (Кореньюк, 1998, с. 78; Кореньюк, Майстренко, 2011, с. 146). Так же как и изображения на пряслицах, гребни относятся к местной продукции производства.

Заключение.

1. Предметы, украшенные головой хищной птицы, были широко распространены в АКИО, они встречаются на 12 категориях изделий, включая вооружение, конскую упряжь, костюмные комплексы и предметы быта.

2. Основная масса предметов, украшенных головой хищной птицы, изготовлена в технике круглой скульптуры (69%), и лишь 31% выполнен низким рельефом в технике плоской скульптуры и граффито.

3. Самые ранние изображения головы хищной птицы появляются в АКИО во второй четверти/второй половине VII – начале VI в. до н. э. вместе с распространением чеканов, происхождение которых связано с

движением кочевников Казахстанско-Центральноазиатского региона.

4. Со второй четверти/середины VI до н. э. на рукоятках мечей и бляхах от конской упряжи, под влиянием скифского звериного стиля, появляются изображения головы хищной птицы со звериными ушами. Затем данный элемент распространяется и на другие категории предметов материальной культуры. Наряду с ними продолжают существовать репродукции головы птицы без ушей.

5. В VI–V вв. до н. э. оформляются самостоятельные ананьинские сюжеты, такие как репродукции сов или филинов, головки хищной птицы на навершиях втулок «парадных» секир и плечах полнофигурных изображений птиц, сюжеты с «круговыми движениями» и «превращениями» хищных птиц на пряслицах.

6. Предметы, украшенные головками хищной птицы, существовали вплоть до конца существования АКИО IV – первой половины III вв. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмеров Р.Б. Новый Уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени (по данным исследований 1952–1956 годы) // СА. 1959. № 1. С. 156–167.
2. Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н. э.). Ижевск, 2006. 220 с.
3. Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное Днепро-повское левобережье. М.: Наука, 1981. 128 с.
4. Беговатов Е.А. Биметаллический кинжал с зооморфной рукояткой из Мурзинского могильника // СА. 1989. № 2. С. 247–249.
5. Беговатов Е.А., Истомин К.Э., Марков В.Н., Руденко К.А., Чижевский А.А. Новые находки ананьинского времени с Мурзинского могильника // Финно-угры России. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Вып. 1 / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. С. 126–157.
6. Берлин А.В. Ритуальные топоры раннего железного века из Приуралья // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения) / Ред. Р.Д. Голдина, И.Г. Шапран. Ижевск: УдГУ, 2010. С. 150–159.
7. Васильев Ст.А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование). Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2002. 513 с.
8. Васильев Ст.А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. № 11 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК, 2004. С. 275–297.

9. Васкул И.О. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследований) / Научные доклады КНЦ УрО РАН. Вып. 451. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2002. 52 с.

10. Васкул И.О., Ашихмина Л.И. Памятники ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 242–287.

11. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V в. до н. э.: по материалам Угайрака / Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции. Т. VIII. М.: Наука, 1973. 160 с.

12. Вольная Г.Н. К вопросу о параллелях в зооморфном искусстве ананьинской и кобанской культур // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ ИА АН РТ, ЕГМЗ, 2009. С. 261–272.

13. Воробьева С.Л. Кара-абызская культура. Ранний этап. Гафурийский и убаларский типы // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. III / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 288–312.

14. Денисов В.П., Кореньюк С.Н. Чекан с р. Сарабаихи // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1 / Глав. ред. А.Ф. Мельничук. Березники, 2001. С. 137–142.

15. Збруева А.В. Галкинское городище // МИА. № 1 / цзя. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 83–99.

16. Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.

17. Иванов С.В. Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л.: Наука, 1970. 296 с.

18. Канторович А.Р. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция). Т. 1. М.: МГУ, 2022. 431 с.

19. Канторович А.Р. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция). Т. 2. М.: МГУ, 2022. 359 с.

20. Киржнер Е.Э., Арматынская О.В. Бронзовая ананьинская секира из с. Галаново // СА. 1990. № 3. С. 256–259.

21. Кореньюк С.Н. Символика сюжетов звериного стиля на костяных гребнях у пермских финнов Среднего Прикамья в VIII–III вв. до н.э. // Исследования по археологии Урала / Гл. ред. Г.Н. Чагин. Пермь: ПГУ, 1998. С. 70–82.

22. Кореньюк С.Н., Майстренко Д.А. Скородумский «клад» // Шестые берсовские чтения / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 139–146.

23. Корепанов К.И. Искусство населения Среднего Поволжья и Прикамья в эпоху раннего железа (VIII в. до н.э. – III в. н.э.). Дисс. ... док. ист. наук. М.: МГУ, 2000. 1048 с.

24. Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Новые поступления предметов раннего железного века в фонды СОИКМ им. П.В. Алабина // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 8 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Слово, 2020. С. 187–193.

25. Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

26. Кузьминых С.В., Виноградов Н.Б. Бронзовая секира из Златоустовского музея // Поволжская археология. 2015. № 4. С. 274–290.

27. Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза): аналитические данные // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4 / Отв. ред. и сост. В.И. Завьялов, С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2017. С. 63–162.

28. Лыганов А.В., Морозов В.В., Смирнов А.Л., Хуснутдинов Э.А., Бакаев С.Е. Находки изделий ананьинской культурно-исторической области на территории могильника и селища Такталачук в нижнем течении р. Белой // Археология Евразийских степей. 2020. № 2. С. 318–323.

29. Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 1976. 132 с.

30. Мясников Н.С. Новые находки ананьинского времени с территории Чувашии // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 276–280.

31. Мясников Н.С. Новые случайные находки ананьинского времени на территории Чувашии // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 44–48.
32. Невоструев К.И. Ананьинский могильник // Труды I Археологического Съезда в Москве. Т. 2. М., 1871. С. 595–632.
33. Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.
34. Погребова Н.Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. Вып. 22 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1948. С. 62–65.
35. Пучков В.Н. Краткий очерк геологии Башкирии // Георесурсы. 2014. № 3.
36. С. 28–32.
37. Сапрыкина И.А., Кузьминых С.В. Предварительные результаты исследования техники изготовления предметов из цветного металла Ананьинского могильника (из коллекции музейного ведомства Финляндии) // Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 263–275.
38. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов / МИА. № 101. М.: АН СССР, 1961. 162 с.
39. Смирнов К.Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука, 1964. 379 с.
40. Тальгрэн А.М. Бронзовые топоры с головами животных из Восточной России // ИОАИЭ. Т. XXX. Вып. 1. Казань, 1919. С. 121–126.
41. Топал Д.А. Акинак на западе скифского мира. Кишинев: Muzeul Național de Istorie a Moldovei, 2021. 648 с.
42. Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 264 с.
43. Худяков М.Г. Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / Материалы ГАИМК. Вып. 2. Л.: Типография «Печатный Двор», 1933. 27 с., 11 л. ил.
44. Чемякин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения эпохи раннего железа Восточной Европы и Урала // Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА АН РТ, ЕГМЗ, 2009. С. 216–238.
45. Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья / МИА. № 35 / Ред. А.В. Збруева. М.: АН СССР, 1953. С. 121–178.
46. Черных Е.М. Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевключевского I городища // Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 76–97.
47. Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Ин-т компьютер. исследований, 2002. 188 с.
48. Чижевский А.А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 196–256.
49. Чижевский А.А. Памятники ананьинской культурно-исторической области в Ульяновском Поволжье // История Симбирского-Ульяновского края с древнейших времён до наших дней. Т. 2. Ульяновск. В печати.
50. Чижевский А.А., Волкова Е.В. Ананьинская культурно-историческая область. Постмаклашеевская культура. Памятники белогорского типа // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. III / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 162–185.
51. Чижевский А.А., Гисматуллин М.Р., Храмченкова Р.Х. Бронзовый чекан из археологического собрания Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова // Stratum plus. 2019. № 3. С. 99–112.
52. Чижевский А.А., Нигаматов А.З., Храмченкова Р.Х. Комплекс предметов вооружения ананьинского времени из Танаевского леса // Поволжская археология. 2020. № 3. С. 181–195.
53. Чижевский А.А., Черных Е.М., Коренюк С.Н. Ананьинская культурно-историческая область. Ананьинская классическая культура (шнуровой керамики) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. III / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 186–216.
54. Якина А.С. Классификация круглой и рельефной скульптуры // Научный электронный журнал Меридиан. Вып. 3 (37). 2020. С. 139–144.
55. Tallgren A.M. The Arctic Bronze Age in Europe. In Eurasia Septentrionalis Antiqua. Vol. XI, 1937, p. 1–48.

Информация об авторах:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; старший научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

Лыганов Антон Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); liganov.anton@yandex.ru

Храмченкова Резида Хавиловна, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); rezidahram@mail.ru.

IMAGE OF THE HEAD OF A BIRD OF PREY IN ANANYINO CULTURAL AND HISTORICAL AREA

A.A. Chizhevsky, A.V. Lyganov, R.Kh. Khranchenkova

Objects, decorated with images of the head of a bird of prey, spread on the territory of the Ananyino cultural and historical area (Ananyino world) with the appearance of bimetallic hammer-axes and are associated with movement of the nomads of the Kazakhstan-Central Asian region to the west at the beginning of the Early Iron Age. The earliest images of the head of a bird of prey in the Ananyino cultural and historical area are dated to the second quarter/middle of the VII century BC. From the second quarter of the VI BC under the influence of the Scythian animal style, images of the head of a bird of prey with animal ears appeared. In the VI–V centuries BC the independent Ananyino compositions were formed, such as reproductions of owls, heads of a bird of prey on the tops of the "ceremonial" axes sockets and shoulders of full-figured images of birds, "circular motion" and "transformations" of bird heads on spindle whorls. The image of the head of a bird of prey was used till the end of the Ananyino cultural and historical area existence – IV – the first half of the III century BC.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Middle Volga region, Kama region, Ananyino cultural and historical area, animal style, chronology.

REFERENCES

1. Akhmerov, R. B. 1959. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 156–167 (in Russian).
2. Ashikhmina, L. I., Chernykh, E. M., Shatalov, V. A. *Vyatskiy kray na poroge zheleznogo veka: kostyanoy inventar' anan'inskoy epokhi (I tys. do n.e.) (Vyatka Region on the Threshold of the Iron Age: Bone Inventory of Ananyino Period (1st Millennium B.C.))*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
3. Bartseva, T. B. 1981. *Tsvetnaya metalloobrabotka skifskogo vremeni. Lesostepnoye Dneprovskoe levoberezh'e (Non-Ferrous Metal Working from Scythian Time: Left-Bank Dnieper Forest-Steppe Area)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Begovatov, E. A. 1989. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 247–249 (in Russian).
5. Begovatov, E. A., Istomin, K. E., Markov, V. N., Rudenko, K. A., Chizhevsky, A. A. 1993. In Patrushev, V. S. (ed.). *Finno-ugry Rossii. Pamyatniki s nitochno-ryabchatoy keramikoy (Finno-Ugric Peoples of Russia. Sites with Thread and Speckle Ceramics)* 1. Yoshkar-Ola: Mari State University Publ., 126–157 (in Russian).
6. Berlin, A. V. 2010. In Goldina, R. D., Shapran, I. G. (eds.). *Arkheologicheskoe nasledie kak otrazhenie istoricheskogo opyta vzaimodeystviya cheloveka, prirody, obshchestva. XIII Baderovskie chteniya (Archaeological Heritage as a Reflection of Historical Experience of Interrelations between Human, Nature, and Society. XIII O. N. Bader Readings)*. Izhevsk: Udmurt State University, 259–263 (in Russian).
7. Vasilev, St. A. 2002. *Iskusstvo drevnego naseleniya Volgo-Kam'ia v anan'inskuyu epokhu (istoki i formirovaniye) (Art of the Ancient Population of Volga – Kama Rivers Region in the Ananyino Epoch: Origins and Formation)*. PhD Diss. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
8. Vasilev, St. A. 2004. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 11. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Dmitrii Bulanin" Publ., 275–297 (in Russian).

The study was financed by the program of monitoring the condition of the "Buffer zone of the UNESCO World Cultural Heritage Site "Bolgar Historical and Archaeological Complex" (archaeological heritage sites)".

9. Vaskul, I. O. 2002. *Shikhovskoy mogil'nik rannego zheleznogo veka (pervye rezul'taty issledovaniy)* (*Shikhovsky Burial Ground of the Early Iron Age (First Study Results)*). Series: Nauchnye doklady KNTs UrO RAN (Scientific Reports of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences) 451. Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
10. Vaskul, I. O., Ashikhmina, L. I. 2021. In Sitdikov, A. G.; Chizhevsky, A. A. (eds.). *Ranniy zheleznyy vek (The early Iron Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 242–287 (in Russian).
11. Vishnevskaya, O. A. 1973. *Kul'tura saksikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII–V vv. do n.e.: po materialam Ugarka (Culture of the Saka Tribes of the Lower reaches of the Syr Darya in the 7th – 5th cc. B.C.: Based on Materials from Ugarak)*. Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 8. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
12. Vol'naya, G. N. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika)* (*At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground)*). Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Yelabuga Historical, Architectural and Art Museum, 261–272 (in Russian).
13. Vorobeva, S. L. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Ranniy zheleznyy vek (The early Iron Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 242–287 (in Russian).
14. Denisov, V. P., Korenyuk, S. N. 2001. In Melnichuk, A. F. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Srednego Priural'ia (Archaeology and Ethnography of the Middle Cis-Urals)* 1. Berezniki, 137–142 (in Russian).
15. Zbrueva, A. V. 1941. In Tretyakov P. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 1. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 83–99 (in Russian).
16. Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region during the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Ural and the Cis-Urals) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).
17. Ivanov, S. V. 1970. *Skul'ptura narodov severa Sibiri XIX – pervoy poloviny XX v. (Sculpture of the peoples of the North of Siberia of the 19 – first half of the 20 century)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
18. Kantorovich, A. R. 2022. *Iskusstvo skifskogo zverinogo stilya Vostochnoy Evropy (klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya) T. 1 (The art of the Scythian Animal Style of Eastern Europe: Classification, Typology, Chronology, Evolution: in two volumes)* Vol. 1. Moscow: Moscow University Press Publ. (in Russian).
19. Kantorovich, A. R. 2022. *Iskusstvo skifskogo zverinogo stilya Vostochnoy Evropy (klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya) T. 2 (The art of the Scythian Animal Style of Eastern Europe: Classification, Typology, Chronology, Evolution: in two volumes)* Vol. 2. Moscow: Moscow University Press Publ. (in Russian).
20. Kirzhner, E. E., Armatynskaya, O. V. 1990. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 256–259 (in Russian).
21. Korenyuk, S. N. 1998. In Chagin, G. N. (ed.). *Issledovaniya po arkheologii Urala (Research on the Archaeology of Ural)*. Perm: Perm State University Publ., 70–82 (in Russian).
22. Korenyuk, S. N., Maystrenko, D. A. 2011. In Viktorova, V. D. (ed.). *Shesty Bersovskie chteniia (The 6th Bers' Readings)*. Ekaterinburg: “Kvadrat” Publ., 139–146 (in Russian).
23. Korepanov, K. I. 2000. *Iskusstvo naseleniya Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya v epokhu rannego zheleza (VIII v. do n.e. – III v. n.e.). (The art of the population of the Middle Volga region and the Kama region in the Early Iron Age (8th century BC – 3rd century AD)*. Doct. Diss. Moscow (in Russian).
24. Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2020. In Turetskiy, M. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 8. Samara: “Slovo” Publ., 187–193 (in Russian).
25. Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiya Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
26. Kuzminykh, S. V., Vinogradov, N. B. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 274–290 (in Russian).
27. Kuzminykh, S. V., Orlovskaya, L. B. 2017. In Zav'ialov, V. I., Kuz'minykh, S. V. (eds.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory of Natural Scientific Methods)* 4. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 63–162 (in Russian).
28. Lyganov, A. V., Morozov, V. V., Smirnov, A. L., Khusnutdinov, E. A., Bakaev, S. E. 2020. In *Arkheologiya evraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 2, 318–323 (in Russian).

29. Moshinskaya, V. I. 1976. *Drevnyaya skulptura Urala i Zapadnoy Sibiri (Ancient sculpture of the Urals and Western Siberia)*. Moscow: "Nauka", Publ. (in Russian).
30. Miasnikov, N. S. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 276–280 (in Russian).
31. Miasnikov, N. S. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepey (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 4, 44–48 (in Russian).
32. Nevostuev, K. I. 1871. In *Trudy I Arkheologicheskogo S"ezda v Moskve (Proceedings of Ist Archaeological Meeting in Moscow)* 2. Moscow, 595–632 (in Russian).
33. Patrushev, V. S., Khalikov, A. Kh. 1982. *Volzhskie anan'inty (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Volga Ananyino People (The Elder Akhmylovo Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
34. Pogrebova, N. N. 1948. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 22. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 62–65 (in Russian).
35. Puchkov, V. N. 2014. In *Georesursy (Georesources)* 3, 28–32 (in Russian).
36. Saprykina, I. A., Kuzminykh, S. V. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 263–275 (in Russian).
37. Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (Armament of the Sauromatians)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR) 101. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
38. Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Ranniaia istoriia i kul'tura sarmatov (The Sauromatians. Early History and Culture of the Sarmatians)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
39. Tal'gren, A. M. 1919. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XXX (1). Kazan, 121–126 (in Russian).
40. Topal, D. A. 2021. *Akinak na zapade skifskogo mira (Akinakes in the west of Scythian world)*. Chisinau: Muzeul Național de Istorie a Moldovei (in Russian).
41. Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
42. Khudiakov, M. G. 1933. In *Drevnosti Kamy po raskopkam A. A. Spitsyna v 1898 g. (Antiquities of the Kama Area on the A. A. Spitsyn's Excavations in 1898)*. Series: Proceedings of the State Academy for the History of Material Culture 2. Leningrad: "Pechatnyi Dvor" Typography (in Russian).
43. Chemyakin, Yu. P., Kuzminykh, S. V. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Yelabuga Historical, Architectural and Art Museum, 216–238 (in Russian).
44. Chernetsov, V. N. 1953. In Zbrueva, A. V. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology)* 35. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 121–178 (in Russian).
45. Chernykh, E. M. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Yelabuga Historical, Architectural and Art Museum, 76–79 (in Russian).
46. Chernykh, E. M., Vanchikov, V. V., Shatalov, V. A. 2002. *Argyzhskoe gorodishche na reke Viatke (Argyzh Hillfort on the Vyatka River)*. Moscow: Institute of Computer Research (in Russian).
47. Chizhevsky, A. A. 2017. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 196–256 (in Russian).
48. Chizhevsky, A. A. 2023. In *Istoriya Simbirskogo-Ulyanovskogo kraia s drevneyshikh vremen do nashikh dney. T. 2. The history of the Simbirsk-Ulyanovsk region from ancient times to the present day. Vol. 2. Ulyanovsk*. In print.
49. Chizhevsky, A. A., Volkova, E. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Ranniy zheleznyy vek (The early Iron Age)*. Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 162–185 (in Russian).
50. Chizhevsky, A. A., Gismatullin, M. R., Khramchenkova, R. Kh. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 3, 99–112 (in Russian).

51. Chizhevsky, A. A., Nigamaev, A. Z., Khamchenkova, R. Kh. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 33 (3), 181–195 (in Russian).

52. Chizhevsky, A. A., Chernykh, E. M., Korenyuk, S. N. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Ranniy zheleznyy vek (The early Iron Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 186–216 (in Russian).

53. Yakina, A. S. 2020. In *Meridian (Meridian)* 37 (3), 139–144 (in Russian).

54. Tallgren, A. M. 1937. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua* XI, 1–48.

About the Authors:

Chizhevsky Andrey A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; chizevski@mail.ru

Lyganov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ligaant@rambler.ru

Khamchenkova Rezida Kh. Candidate of Physics-Mathematics Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; RezidaHram@mail.ru

Статья принята к публикации 01.03.2023 г.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ: К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ¹

© 2023 г. Ю.Д. Разуваев, А.Н. Меркулов

Статья посвящена экономическому аспекту этнокультурной характеристики поселений VI–III вв. до н. э., относящихся к скифоидной и городецкой культурам. Рассмотрены ландшафтные особенности бассейна Дона, обусловившие структуру размещения городищ и селищ в лесистых долинах основных рек региона. Тогда как степные междуречья оставались в то время незаселенными. Систематизированы сведения о специализированном инструментарии для обработки почвы и сбора урожая. По выявленным на керамических изделиях отпечаткам зерен и семян охарактеризован набор культурных и сорных растений. Эти данные свидетельствуют о земледельческой направленности хозяйственных систем у обоих оседлых сообществ региона. Население скифоидной культуры занималось пашенным земледелием, городецкой – преимущественно подсечным. Агрикультурными потребностями объясняется освоение первыми типично лесостепных южных территорий, вторыми – более лесистых северных.

Ключевые слова: археология, лесостепное Подонье, скифская эпоха, скифоидная и городецкая культуры, ландшафт, земледелие.

Любая из физико-географических областей, находящихся в пределах восточноевропейской лесостепи, характеризуется своеобразием и природных условий, и историко-культурных процессов прошлого. Своя специфика присуща и бассейну Дона, верхняя и средняя части которого входят в эту зону. Его ландшафтный облик характеризуется чередованием разнотравно-злаковых степей на типичных черноземах и лесов, преимущественно широколиственных, на серых лесных почвах и оподзоленных черноземах. В скифскую эпоху, т. е. 2,5 тыс. лет назад, он уже имел вполне сформировавшийся вид (Серебрянная, 1982, с. 185). Однако современный растительный покров, подвергавшийся антропогенному воздействию, дает лишь приблизительное представление о ситуации в древности.

Для реконструкции ареалов природной растительности можно с достаточной долей уверенности использовать почвенную карту (Госу-

дарственная почвенная карта, 1955). Местонахождение соответствующих почв показывает, что большие леса располагались по берегам меридионально ориентированных рек Дон и Воронеж, в низовьях некоторых их притоков, а отчасти и на водоразделах. Впрочем, в рассматриваемую эпоху на водоразделы они только начали выходить из речных долин и балочных систем (Климанов, Серебрянная, 1986; Чендев, 2004). В то же время обширные пространства в право- и левобережье Дона занимали луговые степи. Указанные особенности распределения растительного покрова сказались на размещении в Подонье поселений VI–III вв. до н. э., тяготевших к территориям с лесостепным ландшафтом (рис. 1). Степные территории оседлое население не занимало.

В свою очередь, своеобразие поселенческого конгломерата заключалось в том, что его составляют памятники двух археологических культур: скифоидной, генетически связанной

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19–29–05012 «Региональные и локальные реконструкции изменения почв и природной среды под влиянием голоценовой динамики климата и антропогенных воздействий: лесостепь центра Восточной Европы».

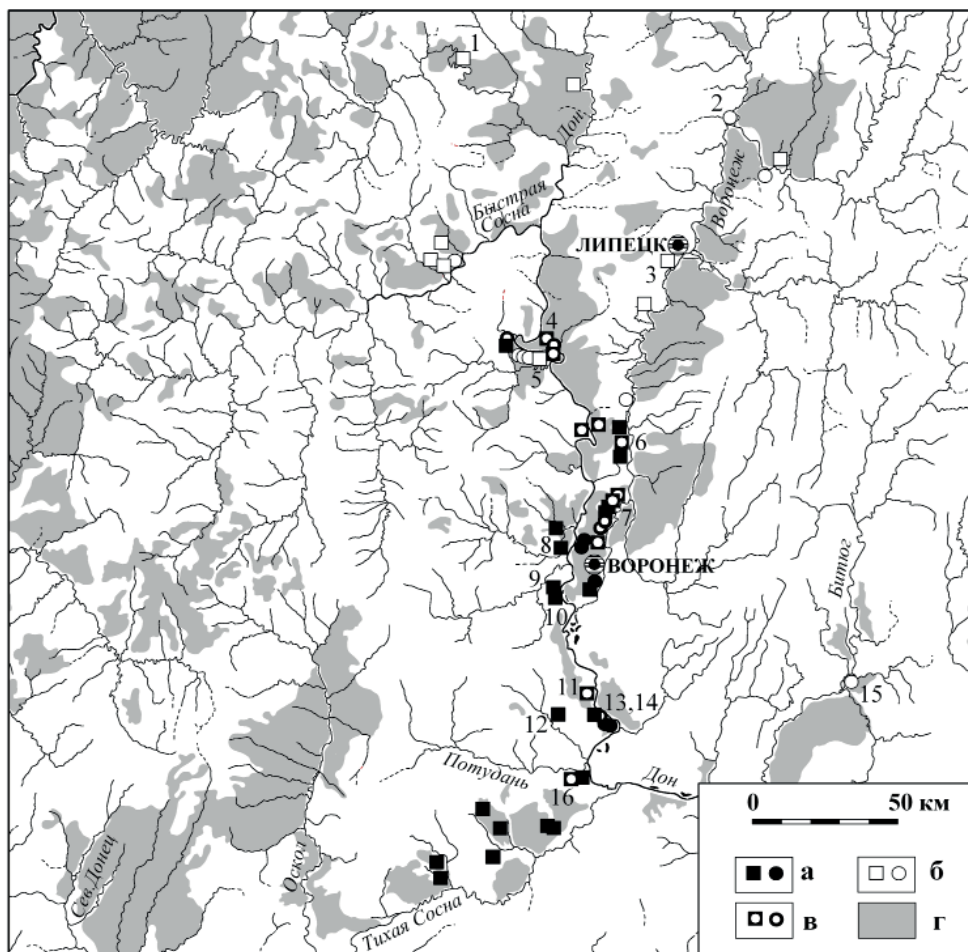

Рис. 1. Основные поселения скифоидной и городецкой культур в лесостепном Подонье, исследованные раскопками: а – городище и неукрепленное поселение скифоидной культуры; б – городище и неукрепленное поселение городецкой культуры; в – памятники скифоидной культуры с городецкими материалами; г – почвы лесных типов. Цифрами отмечены поселения, на которых получены данные по земледелию: 1 – Дубики; 2 – Студеновка-3; 3 – Сырское; 4 – Верхнее Казачье; 5 – Мухино; 6 – Пекшево; 7 – Чертовикское-2; 8 – Семилуки; 9 – Петино; 10 – Устье; 11 – Архангельское; 12 – Россошки-1; 13 – Сторожевое (Большое); 14 – Нижнесторожевская; 15 – Дрониha; 16 – Мостище.

Fig. 1. Main settlements of the Scythoid and Gorodets cultures in the Don forest-steppe region which were excavated: а – hillfort and unfortified settlement of the Scythoid culture; б – hillfort and unfortified settlement of the Gorodets culture; в – sites of the Scythoid culture with Gorodets materials; г – soils of forest types. The figures denote the settlements where the data on agriculture were obtained: 1 – Dubiki; 2 – Studenovka-3; 3 – Syrskoye; 4 – Verkhnyeye Kazachye; 5 – Mukhino; 6 – Pekshevo; 7 – Chertovitskoye-2; 8 – Semiluki; 9 – Petino; 10 – Ustye; 11 – Arkhangelskoye; 12 – Rossoshki-1; 13 – Storozhevoye (Bolshoye); 14 – Nizhnestorozhevskaya; 15 – Dronikha; 16 – Mostishche.

с лесостепью, и городецкой – лесной по происхождению. В центре и на юге донской лесостепи они нередко находятся рядом, обладая сходным об-
ликом материальных остатков и раз-

личаясь зачастую лишь наличием или отсутствием «рогожной» керамики – характерного признака городецкой культуры. Более того, бывает и так, что разнородные материалы присут-

ствуют в напластованиях одних и тех же поселений. Объяснение тому кроется, очевидно, в их разной хронологии (Разуваев, 2016). Надо полагать, что городецкие поселки возникали на юге еще до расселения там носителей скифоидной культуры. Со временем же они сконцентрировались в той части Верхнего Подонья, которая входит в более лесистую подзону северной лесостепи (Мешков, 1953, с. 174–177).

Повсеместно поселенческие структуры были сопряжены с залесенными речными долинами, что прослежено по палеопочвам, погребенным под оборонительными валами городищ (Разуваев, Чендев, 2021). Но в насыщенности слоев культурными остатками наблюдаются существенные отличия. Если скифоидные поселения демонстрируют высокую степень оседлости своих обитателей, то городецкие в подавляющем большинстве представляли собой кратковременные стоянки.

Довольно отчетливая локализация двух групп памятников как будто свидетельствует об этнокультурной разобщенности связанных с ними социумов. Впрочем, существует мнение, что на Верхнем Дону произошла этническая миксация, нашедшая отражение в распространении единых форм кухонной керамики (Медведев, 1999, с. 45). Однако заключать такое на основе лишь одного элемента культуры едва ли правомерно (Арутюнов, Хазанов, 1979, с. 84). Комплексное же сравнение материалов хозяйственно-бытового назначения позволяет сделать вывод о культурной, а значит, и этнической обособленности соседствующих групп населения (Разуваев, 2019). Исходя из этого, логично предположить и разность систем хозяйствования. Но для ответа на вопрос, так ли это, требуется прежде всего сопоставить данные о земледелии, составлявшем, как будет показано ниже,

основу и скифоидной, и городецкой палеоэкономик.

В скифский период раннежелезного века днепро-донская лесостепь представляла собой единую историко-культурную область (Петренко, 1989). По общему мнению исследователей, в ее западной части существовало пашенное земледелие и господствовал перелог (Краснов, 1990, с. 8–9; Моруженко, 1989, с. 137–138; Шрамко, 1961). Правда, орудий типа плуга или рала пока нигде не обнаружено. Сделанные из дерева, они, вполне естественно, не сохранились до наших дней. Но некоторое представление о их облике дает глиняная модель рала с Бельского городища (Шрамко, 2016, с. 203–206).

На скифоидных поселениях Подонья из специализированного инструментария для обработки почвы встречены мотыжки (рис. 2: 1, 2), железные и костяные (Меркулов, 2017, с. 19–21, рис. 1). С учетом этого обстоятельства П.Д. Либеров полагал, что у местного населения господствовало мотыженное земледелие, переход же к пашенному только начинался (Либеров, 1971, с. 477). Однако данные находки отнюдь не указывают на это. Велика вероятность, что мотыги были необходимы для разбивания комьев земли, остававшихся после вспашки несовершенным ралом, либо использовались для прополки, а также при землеройных работах.

Вызывает вопрос назначение массивных железных ножей типа того, что был найден на Мостищенском городище (рис. 2: 3). От бытовых он отличается более крупными размерами, толстым лезвием и черешком. По предположению Б.А. Шрамко, такие предметы использовались в качестве плужных чересел (Шрамко, 1961, с. 85–88). Не все с этим согласны (Краснов, 1975, с. 131; Моруженко, 1989, с. 139), но все же такое предназначение изделий отвергать не следу-

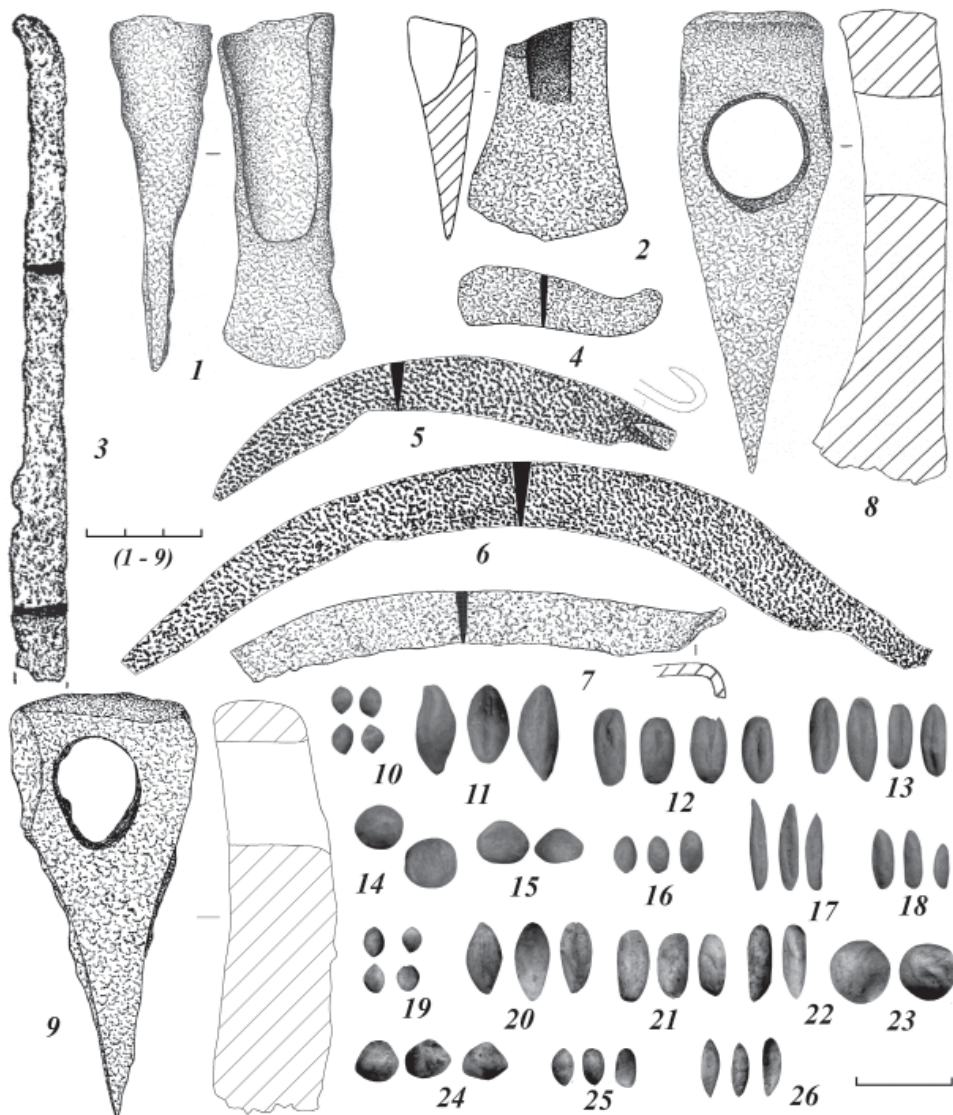

Рис. 2. Связанные с земледелием материалы с поселений скифоидной (1, 2, 8 – Семи-луки; 3, 10–18 – Мостище; 5 – Урыв; 6 – Пекшево; 7 – Чертовикское-2) и городецкой (4, 9 – Дубики; 19–26 – Сырское) культур. Железные орудия: 1, 2 – мотыжки; 3 – чересло (?); 8, 9 – топоры; 4–7 – серпы. Отпечатки зерновок и семян культурных и сорных растений на изделиях из глины: 10, 19 – просо; 11, 20 – ячмень пленчатый; 12, 21 – пшеница двузернянка; 13, 22 – рожь; 14, 23 – горох; 15, 24 – вика; 16, 25 – щетинник; 17 – пырей; 18, 26 – костер.

Fig. 2. Materials related to agriculture from the Scythoid settlements (1, 2, 8 – Semiluki; 3, 10–18 – Mostishche; 5 – Uryv; 6 – Pekshevo; 7 – Chertovitskoye-2) and the Gorodets settlements (4, 9 – Dubiki; 19–26 – Syrskoe). Iron tools: 1, 2 – hoes; 3 – coult (?); 8, 9 – axes; 4–7 – sickles. Prints of grains and seeds of cultivated and weed plants on clay items: 10, 19 – millet; 11, 20 – hulled barley; 12, 21 – triticum dicoccon; 13, 22 – rye; 14, 23 – peas; 15, 24 – vetch; 16, 25 – foxtail; 17 – couch-grass; 18, 26 – brome grass.

ет. При этом допущении ножи-черес-ла отчасти восполняют отсутствие полноценных пахотных орудий.

В обоснование своих представле-ний П.Д. Либеров ссылаясь и на не-значительное количество костных

останков волов, необходимых для пахоты (Либеров, 1971, с. 471–472). Но в остеологических материалах среднедонских поселений часто встречаются кости лошадей. Некоторые – со следами патологий, причиной появления которых могла стать и интенсивная эксплуатация животных в качестве тягловой силы (Яниш, Меркулов, 2016, с. 86). Показательно, что подобные патологии прослежены и на костях быков (Яниш, Меркулов, 2015, с. 109; 2016, с. 88). Исходя из этого наблюдения, можно предположить, что для вспашки земли использовались как волю, так и лошади.

Происходящий с поселений инвентарь для уборки и переработки полученной продукции в целом соответствует орудиям такого рода из лесостепного Поднепровья, где существование пашенного земледелия, как уже говорилось, считается доказанным. В этой связи уместно привести суждение Б.А. Шрамко о том, что, учитывая очевидную культурную общность племен днепро-донской лесостепи, трудно представить ситуацию, когда пашенные орудия были известны одним и неизвестны другим (Шрамко, 1961, с. 74–75).

Особо стоит остановиться на железных серпах (рис. 2: 5–7), представленных на сегодняшний день пятью экземплярами (Меркулов, 2017, с. 22–23, рис. 2). Как правило, такие орудия расцениваются как одно из свидетельств наличия пашенного земледелия (Краснов, 1968, с. 22).

В том же убеждают и палеоботанические материалы, полученные на десяти поселенческих памятниках. Среди них обугленные остатки культурных растений, обнаруженные при выборочной флотации культурных слоев городищ Верхнее Казачье, Мостище и Россошки, а также отпечатки зерновок (рис. 2: 10–18), выявленные на глиняной посуде Большого Сторожевого, Пекшевского, Семилукского

городищ и еще нескольких поселений (Лебедева, 2000; 2001; 2004; Лебедева, Антипина, 2009; Горбаненко, 2013; Горбаненко, Меркулов, 2015). Имеющийся объем данных оказался вполне достаточен для характеристики зернового хозяйства среднедонского населения (Горбаненко, Меркулов, 2018).

Его основу составляли типичные для раннего железного века сельскохозяйственные культуры: просо, пшеница двузернянка, ячмень (табл. 1). Судя по результатам пересчета палеоэтноботанического спектра по массе, доля этих злаков в урожае, за редкими исключениями, была достаточно близкой (Горбаненко, Меркулов, 2018). Последнее место в этом спектре занимает рожь, зафиксированная пусть и не всегда, но на поселениях разных периодов скифской эпохи. Еще выращивались зернобобовые: горох и, вероятно, вика; впрочем, неясно в качестве полевых или огородных культур.

Особое значение имеют обнаруженные на керамике отпечатки зерновок сорняков. Они важны для реконструкции системы земледелия как свидетельство длительной распашки полей.

Отпечатками представлены оба вида костра – ржаной и полевой. Это растение является засорителем озимых хлебов – в основном ржи (Веселовский и др., 1988, с. 24).

На яровых посевах произрастал пырей ползучий. Будучи светолюбимым, он не переносит затенения озимыми хлебами (Котт, 1969, с. 27–28).

Еще имеются отпечатки семян щетинника. Один из его видов, щетинник итальянский, может принадлежать к культурным растениям; другие – щетинник сизый и зеленый – относятся к сегетальным сорнякам. Для степной и лесостепной зоны наиболее характерным является щетинник зеленый. Он является засорителем поздних посевов яровых хлебов (Котт, 1969, с. 15). Последние же чаще всего пред-

Таблица 1

Палеознотботанические материалы с поселений скифоидной культуры

Памятник		Культурные										Сорные						Итого
№	Наименование	Зерновые								Бобовые		Сорные						
		<i>P. m.</i>	<i>H. v.</i>	<i>T. d.</i>	<i>T. m.</i>	<i>T. a.</i>	<i>T. sp.</i>	<i>S. c.</i>	<i>Cer.</i>	<i>P. s.</i>	<i>V. sp.</i>	<i>A. sp.</i>	<i>Br. sp.</i>	<i>G. sp.</i>	<i>E. r.</i>	<i>Set. sp.</i>		
1	Архангельское	*	*	*				*	—	—	—	—	—	2	—	—	*	
2	Бол. Сторожевое	11, 4	45	7	8	—	—	—	4	—	2	2	1	3	—	—	11, 6	
3	Верхнее Казачье	181	5	4	—	1	3	4	25	1	—	—	—	12	—	—	77	
4a	Мостище	82	23	27	—	—	—	11	—	4	3	—	5	—	4	10	236	
4б	Мостище	119	36	40	—	1	8	—	12	1	??	1049				1266		
5a	Пекшево, нижн. слой	41	12	10	1	—	—	6	—	2	3	3	2	—	—	2	169	
5б	Пекшево, верх. слой	47	14	12	—	—	—	10	—	3	5	2	3	—	—	4	100	
6	Петино	5	2, 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7, 1	
7a	Россошки	853	22	49	—	—	—	—	—	—	—	13				937		
7б	Россошки	101	4	14	—	—	4	—	—	7	—	537				667		
8	Семилуки	56	9	12	—	1	—	—	—	2	2	—	3	—	—	3	88	
9	Устье	19	3	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	24	
10	Нижнесторожевская	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	

Примечания. Полужирным шрифтом дано число обгоревших зерен, обычным – отпечатки на керамике, * – упомянуто в литературе без приведения количества. Сокращения: *P. m.* – *Panicum miliaceum* (просо), *H. v.* – *Hordeum vulgare* (ячмень), *T. d.* – *Triticum dicoccon* (пшеница двузернянка), *T. m.* – *Tr. monococcum* (пшеница однозернянка), *T. a.* – *Tr. aestivum* l. (пшеницы мягкие голозерные), *T. sp.* – *Tr. sp.* (пшеницы, до вида не определено), *S. c.* – *Secale cereale* (рожь), *Cer.* – *Cerealialia* (культурные злаковые, не определено); *P. s.* – *Pisum sativum* (горох), *V. sp.* – *Vicia sp.* (вика); *A. sp.* – *Avena sp.* (овес / овсюг), *Br. sp.* – *Bromus sp.* (костер), *G. sp.* – *Galium sp.* (подмаренник), *E. r.* – *Elytrigia repens* (пырей ползучий), *Set. sp.* – *Setaria sp.* (щетинник, до вида не определен).

Определения: 1, 4б, 7, 12 – Е.Ю. Лебедевой; 2, 3, 4а, 5, 6, 8–11, 13 – С.А. Горбаненко.

ставляют собой сорняки посевов проса и появляются на полях в результате длительного использования (Рева М., Рева Н., 1976, с. 86). К сожалению, зерновки по отпечаткам трудно определить до вида. К тому же негативов обнаружено мало. Поэтому приходится констатировать, что щетинник либо сопутствовал посевам, либо являлся антропохорным видом.

Показательно, что сорняки, несомнимые с яровыми или с озимыми посевами, присутствуют в материалах одних и тех же памятников. Это может косвенно указывать на сложную систему земледелия, включавшую двух- или трехпольный севооборот.

В отличие от скифоидной, городецкая культура относится к древностям лесного пояса Восточной Европы. Ее формирование, по современным представлениям, происходило в подзоне смешанных лесов, которую принято соотносить с хозяйственно-культурным типом ручных (допашенных) земледельцев и скотоводов (Краснов,

1971, с. 14–87). Однако первые исследователи культуры признавали за земледелием лишь подсобное значение (Монгайт, 1961, с. 66–67; Смирнов, 1952, с. 43, 47; Трубинова, 1953, с. 76). Да и сейчас В.И. Вихляев, В.В. Ставицкий и еще некоторые специалисты фактически отрицают существование этой хозяйственной отрасли (Вихляев, 2000, с. 30–31; Ставицкий, 2014; Кисельников, Завитаев 2009, с. 71–72). Придерживаясь тех же представлений, А.П. Медведев все же допускает, что носители культуры на Верхнем Дону перешли к разведению злаков под влиянием южных соседей (Медведев, 1999, с. 45–46).

В противовес этим суждениям другие исследователи отводят земледелию основную роль в городецком хозяйстве (Ледяйкин, 1970, с. 94–96; Миронов, 1974, с. 76–78; Сарапулкина, 2010, с. 279).

Прояснению ситуации посодетствовали свидетельства, недавно полученные в донском регионе. Здесь,

Таблица 2

Палеоэтноботанические данные с поселений городецкой культуры

Памятник		Злаковые						Бобовые		Итого
№	Наименование	Культурные				Сорные		Горох	Вика	
		Просо	Ячмень пленчатый	Пшеница двузернянка	Рожь	Костер	Щетинник			
1	Дубики	6	–	1	–	–	–	–	–	7
2	Студеновка-3	+	+	+	+	–	–	–	–	+
3	Сырское	77	17	24	14	3	7	2	3	133
4	Мухино	+	–	+	–	–	–	–	–	+
5	Дрониha	6	–	2	–	–	–	–	–	8

Примечание. Данные, кроме Студеновки-3, получены по отпечаткам зерновок на изделиях из глины. Фрагменты керамики со скоплениями отпечатков проса (количество отпечатков не подсчитывалось) на Сырском городище: 24 днища, 7 фрагментов стенок и венчиков, 14 грузил, 4 «рогатых кирпича», 1 «хлебец». Для Студеновки-3 ячмень и пшеница до вида не указаны. *Определения С.А. Горбаненко.*

как и повсюду в ареале культуры, приспособлений для первичной обработки почвы при раскопках поселений не обнаружено. Возможно, их и не стоит ожидать, поскольку для примитивного подсечного земледелия специальных орудий не требовалось, да и вообще они могли быть деревянными (Краснов, 1971, с. 23–24).

Вместе с тем следует обратить внимание на железный топор с городища у д. Дубики (рис. 2: 9). Он примечателен в свете того, что зачастую в качестве аргумента против земледелия называют отсутствие инструментов, пригодных для расчистки лесных участков (Вихляев, 2000, с. 30; Медведев, 1999, с. 45). Аналогичные по форме топоры известны и на скифоидных поселениях (рис. 2: 8). Причем и там, в более насыщенных культурными остатками слоях, их обнаружено немного – всего шесть (Меркулов, 2014). А потому единичность рассматриваемой находки не должна смущать.

С названного городища происходит еще и серп (рис. 2: 4). Это орудие, как было сказано, еще более значимо для реконструкции хозяйственной системы. Но даже оно прямо не свидетельствует в пользу земледелия, ведь

вполне могло использоваться для заготовки кормов, что в предшествующие эпохи, видимо, было обычной практикой (Бочкарев, 2010, с. 109). Однако существование этой хозяйственной отрасли на донских поселениях городецкой культуры доказывают палеоботанические материалы.

В одной из построек поселения Студеновка-3 найдены обугленные зерна, среди которых автор раскопок А.Н. Бессуднов выявил пшеницу, рожь, ячмень, чечевицу (?) и просо (Медведев, 1999, с. 40). Кроме того, отпечатки зерновок и семян культурных и сорных растений (рис. 2: 19–26) обнаружены на фрагментах лепной посуды (и иных глиняных изделиях), происходящих с четырех других поселений (Горбаненко, 2014; Разуваев, Горбаненко, 2015).

При относительно нешироком охвате важна результативность проведенного поиска отпечатков: во всех случаях она оказалась положительной. Правда, в зависимости от объема керамических серий палеоэтноботанические данные по памятникам сильно разнятся (табл. 2).

Наибольшее количество отпечатков, статистически достаточное для анализа зернового хозяйства, предо-

ставило Сырское городище (Горбаненко, 2014). Городище у д. Дубики и стоянка Дрониha дали таковых немного. В свою очередь, городище у с. Мухино, чья керамика была просмотрена лишь отчасти, подтвердило стабильное присутствие отпечатков зерновок на городецкой посуде.

Как показали материалы Сырского городища, урожай зерновых мог распределяться следующим образом: пшеница двузернянка (около 2/5); ячмень пленчатый (приблизительно 1/4); просо (1/5); рожь, незначительно отстававшая от проса (около 1/6). Выращивались и бобовые (горох с ви- кой), но их роль неясна.

Набор злаковых, состоящий из проса, пшеницы пленчатой (двузернянки) и ячменя пленчатого, является показателем подсечной формы земледелия (Третьяков, 1932, с. 13–15). Однако в этом случае в нем не должно быть сорняков, так как вся предшествующая растительность уничтожается (Третьяков, 1932, с. 4–6).

Для Сырского городища выявлено два вида сорняков. И если щетинник вполне мог заготавливаться специально, поскольку по пищевым свойствам не уступает просу (Рева, Рева, 1976, с. 86), то костер, несомненно, сопровождал посевам. Исходя из этого, следует полагать, что обитатели городища занимались пашенным земледелием в той или иной форме. Скорее всего, лишь в этом случае ими могла выращиваться рожь.

Вместе с тем предложенная интерпретация материалов Сырского городища отнюдь не означает, что пашенное земледелие было распространено по всему северу Подонья. По своим ландшафтным характеристикам эта территория больше пригодна для подсеки. Именно эту форму земледелия,

как показало специальное исследование (Андреев и др., 2014), практиковало население бассейна Цны, откуда в свое время, по-видимому, исходило расселение на юго-запад носителей городецкой культуры. Как известно, использование подсеки требовало частой смены мест обитания (Краснов, 1971, с. 57). Этому принципу вполне соответствует структура размещения донских поселений, среди которых абсолютно преобладали кратковременные стоянки, располагавшиеся в облесенных речных долинах.

Таким образом, земледельческое хозяйство в скифское время существовало как на юге, так и на севере донской лесостепи. Впрочем, уровень его развития и продуктивности сильно различался. Достаточно сказать, что на скифоидных поселениях имелись многочисленные зерновые ямы, предназначенные для хранения значительного урожая (Меркулов, 2016, с. 97). На городецких же таких специализированных сооружений не было.

Надо полагать, что в основе территориальной обособленности двух групп населения, о которой шла речь выше, лежали агрикультурные различия. Южная типичная лесостепь предоставляла уникальные условия для ведения крупного зернового хозяйства, в числе которых особо продуктивные почвы (Разуваев, Чендев, 2021, с. 353). Поэтому именно она была плотно заселена обладателями соответствующих хозяйственных навыков. Север региона, в долинно-речных ландшафтах которого преобладали лесные массивы, для носителей скифоидной культуры, очевидно, не был экономически столь же привлекателен. В ландшафтном отношении эта территория больше подходила для переселенцев из лесной зоны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев С.И., Горбаненко С.А., Разуваев Ю.Д. О земледелии у населения городецкой культуры в лесостепном Понье (по материалам Давыдовского городища) //

Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2014. Вып. 10 (138). С. 149–158.

2. Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Проблема археологических критериев этнической специфики // СЭ. 1979. № 6. С. 79–89.

3. Бочкарёв В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб: Инфо Ол, 2010. 231 с.

4. Веселовський І.В., Лисенко А.К., Манько Ю.П. Атлас-визначник бур'янів. Київ: Урожай, 1988. 72 с.

5. Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Ист.-социол. ин-т МГУ им. Н.П. Огарева, 2000. 132 с.

6. Горбаненко С.А. Новые палеоботанические данные с Мостищенского городища скифской эпохи // Восточноевропейские древности. Вып. 3 / Отв. ред. А.Н. Воршилов. Воронеж: Научная книга, 2013. С. 63–68.

7. Горбаненко С.А. Материалы по земледелию Сырского городища // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий госпедуниверситет, 2014. С. 330–335.

8. Горбаненко С.А., Меркулов А.Н. Свидетельства земледелия с городища скифского времени у с. Пекшево на р. Воронеж // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 9–10 (104). С. 219–224.

9. Горбаненко С.А., Меркулов А.Н. Зерновое хозяйство среднедонского населения скифского времени // Археологія і давня історія України. 2018. Вип. 2 (27). С. 397–409.

10. Государственная почвенная карта СССР. N–37. 1:1000000 / Ред.: Л.И. Прасолов, М.М. Годлин, Ф.А. Попов. М.: Гл. управление геодезии и картографии при Совете министров СССР, 1955.

11. Кисельников А.Б., Завитаев А.Н. К вопросу о социальной организации и хозяйственно-культурном типе городецких племен // Казанская наука. 2009. № 1. С. 68–74.

12. Климанов В.А., Серебрянная Т.А. Изменения растительности и климата на Среднерусской возвышенности в голоцене // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1986. № 1. С. 26–37.

13. Котт С.А. Сорные растения и борьба с ними. М.: Колос, 1969. 200 с.

14. Краснов Ю.А. О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы // СА. 1968. № 2. С. 3–22.

15. Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. II тысячелетие до н. э. – первая половина I тысячелетия н. э. // МИА. № 174. 1971. 168 с.

16. Краснов Ю.А. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М.: Наука, 1975. 184 с.

17. Краснов Ю.А. Хозяйственно-культурные типы Восточной Европы эпохи раннего железа // КСИА. Вып. 197 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1990. С. 3–12.

18. Лебедева Е.Ю. Палеозотоботанические материалы по земледелию скифской эпохи: проблемы интерпретации // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология / Отв. ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2000. С. 91–100.

19. Лебедева Е.Ю. Новые данные о земледелии на Среднем Дону в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2001. С. 188–195.

20. Лебедева Е.Ю. Итоги археоботанических исследований на Среднем и Нижнем Дону в 2001–2003 гг. // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 119–126.

21. Лебедева Е.Ю., Антипина Е.Е. Городище Россошки I – «постоянный адрес или временная прописка?» // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2009. С. 198–220.

22. Ледайкин В.И. К истории хозяйственной деятельности племен городецкой культуры (по материалам городищ Мордовской АССР) // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 39 / Ред. П.Д. Степанов. Саранск: Мордовск. книж. изд-во, 1970. С. 84–102.

23. Либеров П.Д. Древняя история населения Подонья. Дисс. ... док. ист. наук. Ч. II. М., 1971. 1085 с.

24. *Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1999. 160 с.
25. *Меркулов А.Н.* Железные проушные топоры среднедонской культуры скифского времени // Известия ВГПУ. 2014. № 3 (264). С. 121–123.
26. *Меркулов А.Н.* Хозяйственно-производственные комплексы среднедонского населения скифского времени // КСИА. 2016. Вып. 242. С. 96–112.
27. *Меркулов А.Н.* Земледельческие орудия скифского времени на Среднем Дону // РА. 2017. № 3. С. 19–27.
28. *Мешков А.Р.* Схема геоботанических районов Черноземного центра // Вопросы географии. Вып. 32 / Отв. ред. Ф.Н. Мильков, Ю.Г. Саушкин. М.: Государственное издательство географической литературы, 1953. С. 157–188.
29. *Миронов В.Г.* К истории хозяйственной и духовной жизни финно-угорских городецких племен Волго-Оско-Донецкого междуречья в I тыс. до н.э. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 1974. Т. XIX. Вып. 4. С. 73–84.
30. *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.
31. *Моруженко А.А.* История населения лесостепного междуречья Днепра и Дона в скифское время. Дисс. ... док. ист. наук. Донецк, 1989. 493 с.
32. *Петренко В.Г.* Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. / Отв. ред. тома А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 67–80.
33. *Разуваев Ю.Д.* Оседлые этносы скифской эпохи в донской лесостепи: опыт сравнения хозяйственно-бытовых укладов // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 63–70.
34. *Разуваев Ю.Д.* Поселки городецкой культуры в глубинных районах донской лесостепи // Изв. Саратовского университета. Новая серия. 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 206–211.
35. *Разуваев Ю.Д., Горбаненко С.А.* К характеристике земледельческого хозяйства населения городецкой культуры бассейна Дона и Цны // РА. 2015. № 3. С. 55–66.
36. *Разуваев Ю.Д., Чендев Ю.Г.* Ландшафтное окружение городищ и курганов скифского времени в донской лесостепи // Stratum plus. 2021. № 3. С. 343–356.
37. *Рева М.Л., Рева Н.Н.* Дикі їстівні рослини України. Київ: Наукова думка, 1976. 166 с.
38. *Сарапулкина Т.В.* Хозяйственно-культурный тип городецкого населения Верхнего Дона // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12. № 2. С. 278–281.
39. *Серебрянная Т.А.* О динамике лесостепной зоны в центре Русской равнины в голоцене // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене / Отв. ред. А.А. Величко. М.: Наука, 1982. С. 179–186.
40. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 274 с.
41. *Ставицкий В.В.* Развитие земледелия у населения Сурско-Оскового междуречья в I тысячелетии до н. э. // Сельское, лесное и водное хозяйство. 2014. № 11. С. 39–43.
42. *Третьяков П.Н.* Подсечное земледелие в Восточной Европе // Изв. ГАИМК. Т. XIV. Вып. 1. Л.: ОГИЗ, 1932. 40 с.
43. *Трубникова Н.В.* Племена городецкой культуры // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. XXII / Ред. А.Я. Брюсов. М.: ГИМ, 1953. С. 63–96.
44. *Чендев Ю.Г.* Естественная эволюция почв Центральной лесостепи в голоцене. Белгород: БелГУ, 2004. 199 с.
45. *Шрамко Б.А.* К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе // СА. 1961. № 1. С. 73–90.
46. *Шрамко Б.А.* Модель бычьей упряжки скифского времени // Більске городище в наукових працях Б.А. Шрамка / Від. ред. І.І. Корост. Котельва-Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна; ІКЗ «Більськ»; Майдан, 2016. С. 203–206.
47. *Яниш Е.Ю., Меркулов А.Н.* Остеологическая коллекция скифского времени с городища у хутора Мостище // Изв. ВГПУ. 2015. № 2 (267). С. 106–111.
48. *Яниш Е.Ю., Меркулов А.Н.* Новые остеологические материалы с поселений скифского времени на Верхнем и Среднем Дону // История: факты и символы. 2016. № 4 (9). С. 85–92.

Информация об авторах:

Разуваев Юрий Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент. Воронежский государственный педагогический университет (г. Воронеж, Россия); razuvaevdy@mail.ru

Меркулов Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент. Воронежский государственный педагогический университет (г. Воронеж Россия); aleksandrmerkulov@mail.ru

AGRICULTURE DURING SCYTHIAN TIME IN THE DON FOREST-STEPPE REGION: TO THE QUESTION OF CULTURAL AND REGIONAL FEATURES

Yu.D. Razuvaev, A.N. Merkulov

The article deals with the economic aspect of the ethnic-cultural characteristics of settlements of the VI–III centuries BC, belonged to the Scythoid and Gorodets cultures. The landscape features of the Don basin have been considered, that led to the location structure of hillforts and settlements in the forested valleys of the main rivers of the region. While the steppe interfluvies remained unpopulated during that period. Information on specialized tools for soil cultivation and harvesting has been systematized. A set of cultivated and weed plants is characterized by grain and seed prints detected on pottery. These data indicate the agricultural orientation of economic systems in both settled communities of the region. The population of the Scythoid culture was engaged in plow farming, the Gorodets one – in mainly slash. Agricultural needs explain the development of the first typical forest-steppe southern territories, the second – more wooded northern ones.

Keywords: archaeology, Don forest-steppe region, Scythian period, Scythoid and Gorodets cultures, landscape, agriculture.

REFERENCES

1. Andreev, S. I., Gorbanenko, S. A., Razuvaev, Yu. D. 2014. In *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: humanitarnye nauki (Bulletin of the Tambov University. Humanities Series)* 138 (10), 149–158 (in Russian).
2. Arutyunov, S. A., Khazanov, A. M. 1979. In *Sovetskaya etnografiya (Soviet Ethnography)* (6), 79–89 (in Russian).
3. Bochkarev, V. S. 2010. *Kul'turogenез i drevnee metalloproizvodstvo Vostochnoy Evropy (Cultural genesis and ancient metal production in Eastern Europe)*. Saint Petersburg: "Info Ol" Publ. (in Russian).
4. Veselovskiy, I. V., Lisenko, A. K., Man'ko, Yu. P. 1988. *Atlas-viznachnik bur'yany (Agroecological atlas of weed plants)*. Kyiv: "Urozhay" Publ. (in Ukrainian).
5. Vikhlyayev, V. I. 2000. *Proiskhozhdenie drevnemordovskoy kul'tury (Origins of the Ancient Mordovian Culture)*. Saransk: Institute for History and Social Sciences, Mordovia State University named after N. P. Ogarev (in Russian).
6. Gorbanenko, S. A. 2013. In Voroshilov, A. N. (ed.). *Vostochnoevropeyskie drevnosti (Eastern European Antiquities)* 3. Voronezh: "Nauchnaya kniga", 63–68 (in Russian).
7. Gorbanenko, S. A. 2014. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Verkhnedonskoy arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Articles)* 6. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 330–335 (in Russian).
8. Gorbanenko, S. A., Merkulov, A. N. 2015. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University)* 9–10 (104), 219–224 (in Russian).
9. Gorbanenko, S. A., Merkulov, A. N. 2018. In *Arkheologiya i davnaya istoriya Ukrainy (Archaeology and ancient history of Ukraine)* 2 (27), 397–409 (in Russian).
10. In Prasolov, L. I., Godlin, M. M., Popov, F. A. (eds.). 1955. *Gosudarstvennaya pochvennaya karta SSSR. N–37. 1:1000000 (State Soil Map of the USSR. N–37. 1:1000000)*. Moscow: "Gl. upravleniye geodezii i kartografii pri Sovete ministrov SSSR" Publ. (in Russian).
11. Kisel'nikov, A. B., Zavitaev, A. N. 2009. In *Kazanskaya nauka (Kazan Science)* (1), 68–74 (in Russian).
12. Klimanov, V. A., Serebryannaya, T. A. 1986. In *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya geograficheskaya (Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya)* 1, 26–37 (in Russian).

Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-29-05012 "Regional and local reconstructions of soils and natural environment changes under the influence of the Holocene climate dynamics and anthropogenic impacts: the forest-steppe of the center of Eastern Europe".

13. Kott, S. A. 1969. *Sornye rasteniya i bor'ba s nimi (Weeds and their control)*. Moscow: "Kolos" Publ. (in Russian).
14. Krasnov, Yu. A. 1968. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 3–22 (in Russian).
15. Krasnov, Yu. A. 1971. In *Rannee zemledelie i zhivotnovodstvo v lesnoy polose Vostochnoy Evropy. II tysyacheletie do n. e. – pervaya polovina I tysyacheletiya n. e. (Early agriculture and livestock farming in the forest belt of Eastern Europe. II millennium BC – the first half of the I millennium AD)*. Series: (Materials and Research in the USSR Archaeology) 174. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
16. Krasnov, Yu. A. 1975. *Drevneyshie upryazhnye pakhotnye orudiya (The most ancient oldest draught arable tools)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
17. Krasnov, Yu. A. 1990. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 197. Moscow: "Nauka" Publ., 3–12 (in Russian).
18. Lebedeva, E. Yu. 2000. In Gulyaev, V. I., Ol'khovskiy, V. S. (eds.). *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya (The Scythians and Sarmatians in the 7th – 3rd Centuries BC: Palaeoecology, Anthropology and Archaeology)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 91–100 (in Russian).
19. Lebedeva, E. Yu. 2001. In Gulyaev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 1993–2000 gg. (Archaeology of the Middle Don Region in the Scythian Epoch: Proceedings of the Don (Former Potudan) Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 1993–2000)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 188–195 (in Russian).
20. Lebedeva, E. Yu. 2004. In Gulyaev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2001–2003 gg. (Archaeology of the Middle Don Region in the Scythian Epoch: Proceedings of the Don (Former Potudan) Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2001–2003)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 119–126 (in Russian).
21. Lebedeva, E. Yu., Antipina, E. E. 2009. In Gulyaev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2004–2008 gg. (Archaeology of the Middle Don Region in the Scythian Epoch: Proceedings of the Don (Former Potudan) Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2004–2008)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 198–220 (in Russian).
22. Ledyain, V. I. 1970. In Stepanov, P. D. (ed.). *Issledovaniya po arkheologii i etnografii Mordovskoi ASSR (Studies on the Archaeology and Ethnography of Mordovia ASSR)* Series: Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Institute of Language, Literature, History, and Economy) 39. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 84–102 (in Russian).
23. Liberov, P. D. 1971. *Drevnyaya istoriya naseleniya Podon'ya (Ancient history of the Don region population)*. Doct. Diss. Part II. Moscow (in Russian).
24. Medvedev, A. P. 1999. *Rannii zheleznyi vek lesostepnogo Podon'ia. Arkheologiya i etnokul'turnaia istoriya I tysyacheletiya do n. e. (Early Iron Age of the Forest-Steppe Don Region. Archaeology and Ethnic-cultural History of the 1st Millennium BC)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
25. Merkulov, A. N. 2014. In *Izvestiya VGPU (Izvestia VGPU)* 3 (264), 121–123 (in Russian).
26. Merkulov, A. N. 2016. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 242, 96–112 (in Russian).
27. Merkulov, A. N. 2017. In *Rossiyskaya Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 19–27 (in Russian).
28. Meshkov, A. R. 1953. In Mil'kov, F. N., Saushkin, Yu. G. (eds.). *Voprosy geografii (Questions of geography)* 32. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoy literatury" Publ., 157–188 (in Russian).
29. Mironov, V. G. 1974. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosuniversiteta (Proceedings of Petrozavodsk State University)* 19 (4), 73–84 (in Russian).
30. Mongait, A. L. 1961. *Riazanskaya zemlia (The Ryazan Land)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
31. Moruzhenko, A. A. 1989. *Istoriya naseleniya lesostepnogo mezhdurech'ya Dnepra i Dona v skifskoe vremya (History of the population of the Dnieper and Don forest-steppe interfluvium in Scythian times)*. Doct. Diss. Donetsk (in Russian).
32. Petrenko, V. G. 1989. In Melnikova, A. I. (ed.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifosarmatskoe vremya (Steppes of the Eurasian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 67–80 (in Russian).
33. Razuvaev, Yu. D. 2019. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 1 (62), 63–70 (in Russian).
34. Razuvaev, Yu. D. 2016. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta (Proceedings of the Saratov University. New Series)* 16 (2), 206–211 (in Russian).

35. Razuvaev, Yu. D., Gorbanenko, S. A. 2015. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 55–66 (in Russian).
36. Razuvaev, Yu. D., Gorbanenko, S. A. 2015. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 17–28 (in Russian).
37. Razuvaev, Yu. D., Chendev, Yu. G. 2021. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 343–356 (in Russian).
38. Reva, M. L., Reva, N. N. 1976. *Diki iŭstivni roslini Ukraïni (Edible wild plants of Ukraine)*. Kïiv: “Naukova dumka” Publ. (in Ukrainian).
39. Sarapulkina, T. V. 2010. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 12, no. 2, 278–281 (in Russian).
40. Serebryannaya, T. A. 1982. In Velichko, A. A. (ed.). *Razvitie prirody territorii SSSR v pozdnem pleystotsene i golotsene (Evolution of the environment at the USSR territory during late Pleistocene and Holocene)*. Moscow: “Nauka” Publ., 179–186 (in Russian).
41. Smirnov, A. P. 1952. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 28. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
42. Stavitskiy, V. V. 2014. In *Sel'skoe, lesnoe i vodnoe khozyaystvo (Agriculture, forestry and water management)* 11, 39–43 (in Russian).
43. Tret'yakov, P. N. 1932. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 14 (1). Leningrad: “OGIZ” Publ. (in Russian).
44. Trubnikova, N. V. 1953. In Bryusov, A. Ya. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers.)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 22. Moscow: State Historical Museum, 63–96 (in Russian).
45. Chendev, Yu. G. 2001. *Estestvennaya evolyutsiya pochv Tsentral'noy lesostepi v golotsene (Natural soil evolution in the Central forest-steppe in the Holocene)*. Belgorod: “Belgorod State University” Publ. (in Russian).
46. Shramko, B. A. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 73–90 (in Russian).
47. Shramko, B. A. 2016. In Korost, I. I. (ed.). *Bil'ske gorodishche v naukovykh pratsyakh B.A. Shramka (Bilsk Hillfort in scientific papers of B. A. Shramko: collection of scientific papers dedicated to the 95th anniversary of scientist)*. Kotel'va-Khar'kiv: V. N. Karazin Kharkiv National University, HCR «Bilsk», Maydan, 203–206 (in Russian).
48. Yanish, E. Yu., Merkulov, A. N. 2015. In *Izvestiya VGPU (Izvestia VGPU)* 2 (267), 106–111 (in Russian).
49. Yanish, E. Yu., Merkulov, A. N. 2016. In *Istoriya: fakty i simvoly (History: Facts and Symbols)* 4 (9), 85–92 (in Russian).

About the Authors:

Razuvaev Yuri D. Candidate of Historical Sciences. Voronezh State Pedagogical University. Lenin St., 86, Voronezh, 394043, Russian Federation; razuvaevyd@mail.ru

Merkulov Aleksandr N. Candidate of Historical Sciences. Voronezh State Pedagogical University. Lenin St., 86, Voronezh, 394043, Russian Federation; aleksandrmerkulov@mail.ru

Статья принята к публикации 01.03.2023 г.

УДК 903'25/27

<https://doi.org/10.24852/pa2023.1.43.182.194>

РЕКОНСТРУКЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЯСНОГО НАБОРА ИЗ КУРГАНА № 3 МОГИЛЬНИКА КАРБАН-2 (СЕВЕРНЫЙ АЛТАЙ)

© 2023 г. Н.Н. Головченко, М.А. Демин

Статья посвящена анализу и интерпретации оригинального поясного набора, обнаруженного в процессе исследования единственного захоронения кургана № 3 могильника Карбан-2 (Республика Алтай). Рассматривается состав поясного набора, в котором выделяются местные (роговые пряжки), пазырыкские и привнесенные (бабочковидные бляхи, костылек-кочедык) элементы. Представлена реконструкция изображения волкообразного хищника, запечатленного на фрагментированных роговых пряжках. Осуществлена функционально-стилистическая интерпретация сложного многофигурного декора пояса. Авторы приходят к выводу, что декор воинских поясов падырыкцев Алтая был призван на символическом уровне подчеркивать витальные статусы своего носителя, отвечать представлениям о варварской роскоши, транслировать определенные мифологические концепты воинской аристократии. Карбанский поясной набор содержал в себе элементы с изображением мифического и реалистичного волкообразного хищника, а также схематизированного грифона, что полностью соответствует современному пониманию «пазырыкского стиля». Присутствующие в декоре пояса изображения представляют собой амбивалентные образы, понимание точного значения которых в системе мировоззрения падырыкцев современным исследователям, к сожалению, недоступно.

Ключевые слова: археология, Алтай, эпоха раннего железа, падырыкская культура, поясной набор, звериный стиль.

Введение

Изучению наборных поясов эпохи раннего железа, выявленных в погребальных памятниках Алтая, посвящено множество статей и тематическая монография (Шульга, 2008), однако в силу известной индивидуальности каждого костюма, и поясного набора в частности, данную проблематику вряд ли можно считать исчерпанной. Введение в научный оборот новых источников расширяет наши представления о формировании ансамбля костюма, его роли в погребально-обрядовой практике, специфике оформления и производства украшений, подчеркивая необходимость функционально-стилистической интерпретации сложного многофигурного декора мужских воинских поясов.

Данная статья продолжает цикл работ, посвященных публикации и анализу материалов рядовых падырыкских курганов урочища Карбан (Республика Алтай) (Демин, Гельмел, 1992, с. 28–34; Головченко, 2016, с. 44–49; Демин, Головченко, 2018,

с. 3–7; Головченко, 2019а, с. 44–51; Головченко, Демин, 2022, с. 190–203).

Материалы

Курганы Карбана расположены на левом берегу Катунь в месте впадения в нее небольшого одноименного западного притока. Памятник исследовался археологическими экспедициями Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) в 1989–1990 гг. под руководством М.А. Демина, при участии А.П. Уманского и В.Б. Бородаева. В ходе работ в зоне затопления проектируемой Катунской ГЭС была исследована серия в основном разграбленных погребальных комплексов различных археологических культур.

В цепочке курганов, получившей название Карбан-2, был раскопан ряд объектов, относящихся к падырыкской археологической культуре. Насыпь кургана № 3 представляла собой наброску из речных валунов и скального плитняка овальной формы, раз-

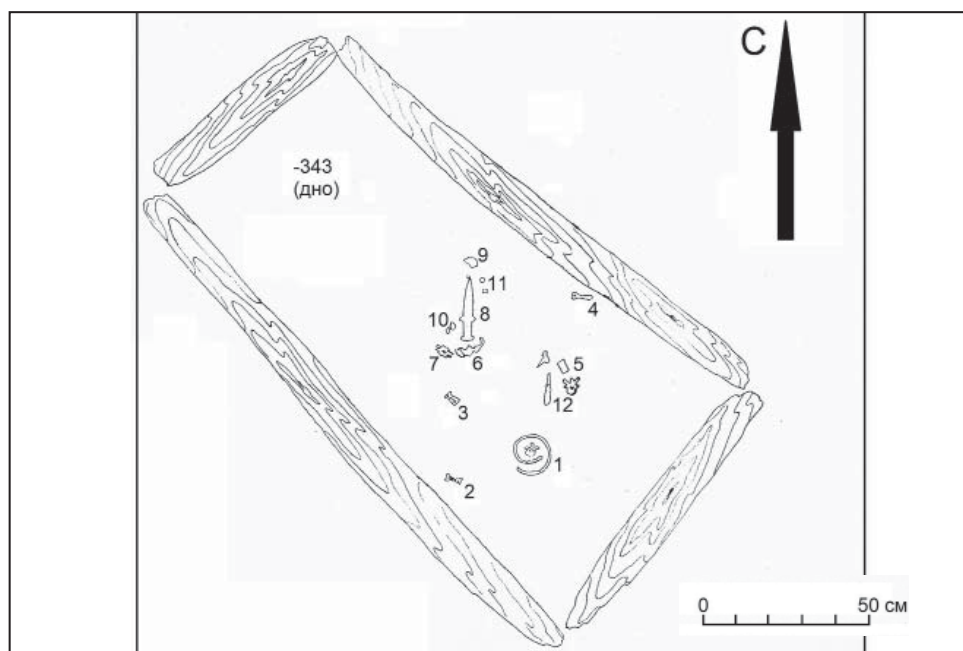

Рис. 1. План погребения кургана № 3 могильника Карбан-2:
1 – гривна; 2, 3 – бабочковидные бляхи; 4 – костьелек-кочедык; 5 – поясная пластина;
6 – фрагменты роговых пластин с вырезанным изображением в зверином стиле;
7 – поясные обоймы; 8 – кинжал; 9 – роговая подвеска; 10, 11 – пронизки (5 экз.);
12 – нож.

Fig. 1. Plan of the burial of the barrow No. 3 of the Karban-2 burial ground:
1 – torque; 2, 3 – butterfly-like badges; 4 – spike-tool for weaving; 5 – belt plate; 6 – fragments of
antler plates with carved animal style image; 7 – belt clips; 8 – dagger; 9 – pendant made of antler;
10, 11 – beads with holes (5 copies); 12 – knife.

мерами 11,2×7,8 м, вытянутую по оси север – юг. По центру она была разобрана грабителями. Высота сохранившейся к началу раскопок насыпи составляла около 0,4 м. Прослежена овальная крепида из крупных каменных плит, вытянутая по оси север – юг, размером 6,15×4,9 м. Могильная яма овальной формы имела размер 3,2×2,3 м и глубину 3,43 м. В ее заполнении найдены угли, ребро животного, каменные плиты. На дне могилы расчищена трапецевидная конструкция из полубревен размером 1,7×0,9–0,7 м высотой около 0,4 м (рис. 1). Пространство между стенками конструкции и могильной ямы было забутовано материком. На дне могилы найдены три позвонка человека и сопроводительный инвентарь (рис. 2): в юго-восточной части – металлическая

проволочная гривна, внутри которой располагался позвонок; ниже – нож и прямоугольная бляха с изображением животного, тут же лежали еще два позвонка; у северо-восточной стенки находился костяной костьелек-кочедык, у юго-западной стороны рамы – бабочковидная бляха; еще одна похожая бляха лежала ближе к середине могилы. На уровне предполагаемого «пояса» найден кинжал, а рядом с ним, у кончика клинка, изделие из рога и у рукояти – трапецевидная металлическая обойма, а ближе к району предполагаемой «груди» – фрагменты двух роговых пластин с прорезным изображением (рис. 3).

Интерпретация и обсуждение

Учитывая потревоженный характер погребения, судить о составе поясного набора человека (скорее всего,

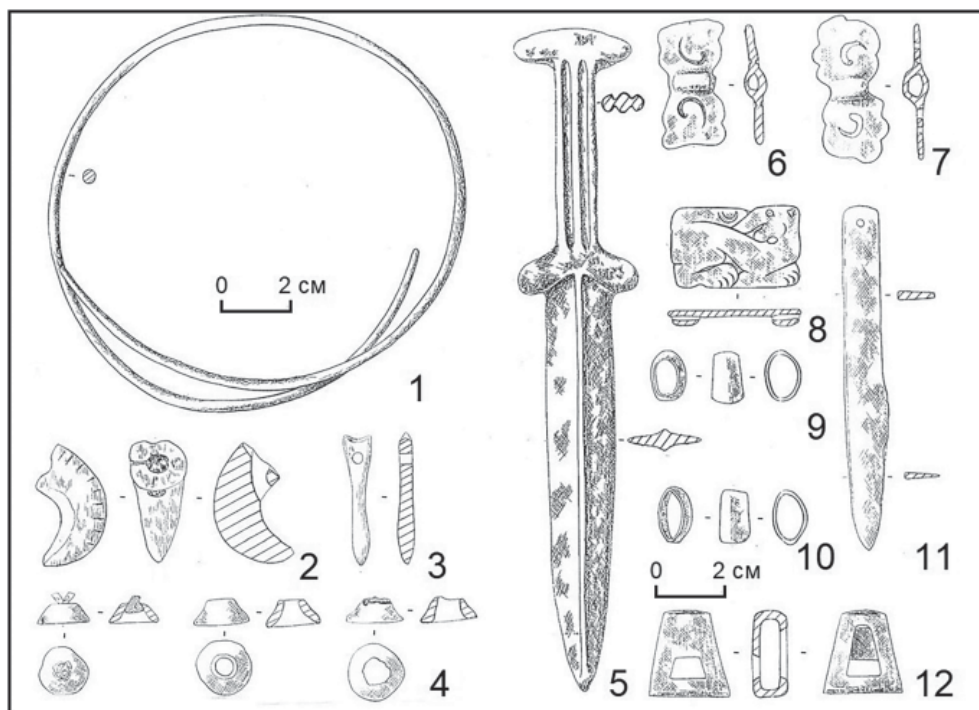

Рис. 2. Сопроводительный инвентарь погребения кургана № 3 могильника Карбан-2:
1 – гривна; 2 – роговая подвеска; 3 – костылек-кочедык; 4 – пронизки; 5 – кинжал;
6, 7 – бабочковидные бляхи; 8 – поясная пластина; 9, 10, 12 – поясные обоймы;
11 – нож.

Fig. 2. Accompanying goods of the burial of the barrow No. 3 of the Karban-2 burial ground:
1 – torque; 2 – pendant made of antler; 3 – spike-tool for weaving; 4 – beads with holes; 5 – dagger;
6, 7 – butterfly-like badges; 8 – belt plate; 9, 10, 12 – belt clips; 11 – knife.

мужчины), захороненного в кургане № 3, по контексту обнаружения находок относительно скелета сложно. Грабители (осквернители), вероятно, проникли в погребение по центру, выйдя на нижние конечности и тазовые кости погребенного, уложенного вытянутым на спине, головой на юго-восток. В результате перекопа элементы поясного набора оказались рассредоточенными по всему юго-восточному сектору могилы. Исходя из имеющихся в нашем распоряжении многочисленных аналогий, можно предположить, что изначально пояс усопшего был украшен двумя роговыми пластинами и металлической прямоугольной бляхой с изображениями животных, выполненными в зверином стиле, костяным костыльком-кочеды-

ком, двумя бабочковидными бляхами и пятью пронизками (рис. 4). Трапециевидная обойма, костяная подвеска и, возможно, часть пронизок могут быть отнесены к фурнитуре портупеи кинжала, с помощью которой он удерживался на поясе. На теле носителя пояс мог фиксироваться связкой двух роговых пластин между собой, выступающими таким образом в роли специфических пряжек.

Часто встречающимся элементом предметного комплекса поясных наборов эпохи раннего железа являются бабочковидные бляхи, удерживающиеся на поясе при помощи специальных дужек на обратной стороне. В значительном количестве они происходят из памятников Барнаульского и Новосибирского Приобья V–II вв.

Рис. 3. Фрагменты роговых пластин с прорезным изображением: 1 – фотонатурная реконструкция (фото Н.Н. Головченко); 2 – графическая реконструкция по отчетной документации (рис. М.А. Демина); 3 – графическая реконструкция А.П. Бородовского (по: Бородовский, 2007, рис. 87).

Fig. 3. Fragments of antler plates with a carved image: 1 – full-scale photo reconstruction (photo by N.N. Golovchenko); 2 – graphic reconstruction according to report documentation (drawing by M.A. Demin); 3 – graphic reconstruction by A.P. Borodovsky (by Borodovsky, 2007, fig. 87).

до н. э. (Ведянин, Кунгуров, 1996, с. 114, рис. 14, 15; Кирюшин, Кунгуров, 1996, с. 133–134, рис. 5, 15; Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXII, LI). На территории Горного Алтая они встречаются в комплексах быстрянской культуры, например, в кургане 4 Чултукова Лога – 1 (Бородовский, Бородовская, 2013, рис. 78, 7). В захоронениях описываемые бляхи чаще всего находятся в районе тазовых костей погребенных вместе с различными поясными подвесками и оружием (Шульга, 2008, с. 110–115; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 39).

П.И. Шульга разделил данную категорию изделий на «бляхи X-видной формы» и «бляхи с изображением ор-

лов и грифонов» (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 157–160). Можно предполагать, что обе выделенные группы имеют бабочковидную форму и стилизованы изображением грифона, представленного в одних случаях своеобразными прорезями в виде запятых, а в других – аналогичными запятыми и рельефным оформлением внешнего края изделия. Экземпляры без характерных отверстий и орнамента могут интерпретироваться как имитационные реплики. На одной из карбанских блях присутствуют прорези (они имеют массу аналогий в материалах, происходящих с Верхнего Приобья и Тувы (Семенов, Килуновская, 2013, рис. 19)), на другой они обозначены лишь рельефно «за-

Рис. 4. Фрагменты роговой пластины (1, а – и без масштаба) и реконструкция поясного набора (2, а – и без масштаба) из погребения кургана № 3 могильника Карабан-2 (фото Н.Н. Головченко).

Fig. 4. Fragments of the antler plate (1, а – and without scale) and reconstruction of the belt set (2, а – and without scale) from the burial of the barrow No. 3 of the Karaban-2 burial ground (photo by N.N. Golovchenko).

пятью» (что также находит аналогии в большеереченских памятниках). Отличие между бляхами заключается в ажурности их оформления.

Анализ и типология бабочковидных бляшек представлены в работе В.А. Семенова и М.Е. Килуновской, посвященной материалам могильника Саускен-3 (Тува) (2013, с. 417, рис. 19). Авторами отмечается стилистическая близость образцов из памятников Тувы и Верхнего Приобья, а также с материалами из могильников Синьцзяна (Kost, 2014, fig. 8). Мы можем добавить, что подобного рода изделия, будучи транскультурным элементом материальной культуры кочевников эпохи раннего железа, в пазырыкских памятниках встречаются достаточно редко.

Не типичны для пазырыкских комплексов и костяные костыльки-кочедыки. Имеющийся в нашем распоряжении карбанский экземпляр имеет ряд аналогий с изделиями с памятников большеереченской культуры

(Головченко, 2019б, с. 92). Среди исследователей принято рассматривать их как элемент мужского (воинского) костюма, однако в единичных случаях они обнаруживаются и в женских погребениях.

Независимо от пола погребенных топография находок в захоронениях варьируется: костыльки-кочедыки обнаружены справа или слева по одному, реже по два у бедренных или тазовых костей скелета, в тех случаях, когда пояс на погребенном был застегнут, и в районе грудной клетки, колен или ступней, когда пояс был расстегнут и уложен вдоль тела. При этом они могут либо входить в состав комплекса, либо быть единственным элементом поясной фурнитуры, что косвенно указывает на их самостоятельность как элемента погребального облачения.

Оригинальными, заслуживающими особого рассмотрения, элементами карбанского поясного набора являются прямоугольные роговые пластины

Рис. 5. Карта находок изображений реалистичных и мифических волкообразных на территории Алтая и Верхнего Приобья:

- 1 – Карбан-2; 2 – Барбугазы-1; 3 – Уландрык-1,-2,-4; 4 – Юстыд-12; 5 – Ташанта-1,-2;
 6 – Ак-Алаха-1; 7 – Пазырык; 8 – Верх-Кальджин-2; 9 – Башадар; 10 – Туэкта;
 11 – Чултуокв Лог-1; 12 – Кызыл-Джар-4; 13 – Гоньба-2; 14 – Фирсово-14;
 15 – Новоалтайск; 16 – Новый Шарап-1; 17 – Абрамово-4.

Fig. 5. Map of the finds of realistic and mythical wolf-like images on the territory of Altai and Upper Ob: 1 – Karban-2; 2 – Barbugazy-1; 3 – Ulandryk-1, -2, -4; 4 – Yustyd-12; 5 – Tashanta-1, -2; 6 – Ak-Alakha-1; 7 – Pazyryk; 8 – Verh-Kaljin-2; 9 – Bashadar; 10 – Tuekta; 11 – Chultuokv Log-1; 12 – Kyzyl-Jar-4; 13 – Gonba-2; 14 – Firsovo-14; 15 – Novoaltaysk; 16 – Novy Sharap-1; 17 – Abramovo-4.

и металлическая бляха с изображениями животных в зверином стиле.

Роговые пластины представляют собой сильно фрагментированные изображения хищника. Предполагаемый размер каждой пластины 4×7 см. Вероятно, будучи размещенными на поясе, животные на пряжках были обращены головой друг к другу. Варианты реконструкции самих изображений на пластинах были представлены в отчетной документации по результатам исследования кургана и в монографии А.П. Бородовского, посвященной древнему резному рогу Южной Сибири (Бородовский, 2007, рис. 87) (рис. 3). А.П. Бородовским материал, используемый для создания рассматриваемых прорезных изображений, определен как рог лося (Бородовский, 2007, с. 103). Необходимо отметить, что со временем вследствие плохой сохранности материала состояние пластин ухудшилось, это документируется последовательной сверкой результатов обращений исследователей к ним, с каждым разом количество фрагментов увеличивалось.

На пластинах сохранились изображения, отражающие видовые признаки хищного животного: полуоткрытая зубастая пасть, окончания лап в виде полукольца, длинный хвост, а также части оформления плеч с характерными завитками. Как справедливо отмечено Е.С. Богдановым, эта иконографическая схема характерна для центральноазиатского региона (Богданов, 2011, с. 26). Впрочем, необходимо указать, что отдельные стилистические аналогии данной находке известны и на отдаленных от бассейна Средней Катуни территориях, на севере – в материалах Бурбинского «клада» (Троицкая, Назарова, 1998, рис. 2, 5), на востоке – могильника Суглуг-Хем-1 (Тува) (Семенов, 1992, рис. 4), на западе – памятников Таскопа-5 (Западный Казахстан) (Бисембаев и др., 2021, рис. 9), Суслы и Кривая Лука XVII

(Нижнее Поволжье) (Богданов, 2006, табл. XLI, 10; XLII, 8). А.П. Бородовским на обширном пуле источников убедительно показано, что для эпохи ранних кочевников центральноазиатские культурные влияния отчетливо представлены в гравировках роговых предметов поясной фурнитуры (Бородовский, 2007, с. 12).

Аналогичные изображения, выполненные из кости, дерева и иных материалов, происходящие из пазырыкских памятников (Богданов, 2006, табл. XXV, XXVI, XXVII, XXVIII, LXXXIII, CVII, CXIV) (рис. 5), дают достаточно оснований для идентификации персонажа с роговых пластин как волка (однако при такой интерпретации необходимо учитывать нерасчленённость образов волка и собаки в пазырыкском искусстве). Общая стилистика данных изделий и их ближайших параллелей подробно рассмотрена Е.С. Богдановым на материалах горно-алтайских и приуральских находок. Исследователь датирует их IX–VI вв. до н. э., отмечая, что наибольшие аналогии они имеют с вещами VI в. до н. э., выявленными на территории Внутренней Монголии и Минусинской котловины (Богданов, 2006, с. 50–51, рис. 5).

Отношение к волку как сверхъестественному существу характерно для многих древних культур Центральной Азии. Символизм фигуры волка неоднократно отмечался исследователями искусства ранних кочевников Евразии (Иванов, 1975, с. 400; Кубарев, Черемисин, 1987, с. 98–117; Голан, 1994, с. 242–244; Королькова, 2006, с. 69–83; табл. 28–33; Богданов, 2006, с. 31–33; Черемисин, 2008, с. 53–54). К рассмотрению образа этого животного в скифской традиции стандартно привлекаются сообщения Геродота о племени невров, обладающих способностью раз в год превращаться в волка (Herod. IV, 105) (Потапов, 1958, с. 136), и о саках *haumavarka*, превра-

щающихся в волков благодаря соку сомы (Иванов, 1980, с. 61). Представительна семантика данного образа и в других кочевых культурах, ее анализ позволил Р.С. Липец выявить несколько вариантов его интерпретации: волк – тотем-первопредок; волк-проводник; волк-кормилец, воспитатель героя-вождя; волк-оборотень; волк – символ воинской доблести предводителя (Липец, 1981, с. 121–133).

Примечательно, что на сохранившихся фрагментах карбанских пластин имеются выполненные кругами глаза. Как правило, глаза животных, переданные в «скифо-сибирском» зверином стиле, обозначаются продолговатыми (миндалевидными) формами, а их округлые очертания чаще всего отмечены на изображениях рыб и птиц. Схематично на одной из сохранившихся голов показаны то ли уши, то ли загнутые дугами рога. Можно предположить, что «волки» карбанских роговых пластин – это синкретические существа, имеющие тело волка, глаза птицы и крылья в виде завитков на плечах. Подобные изображения «волко-птиц» («собако-птиц») хорошо известны в восточной торовитке и еще с 1930-х годов идентифицируются с образом сэнмурва (Тревер, 1937, с. 34–63), отраженном в древнеиранской письменной традиции. А.В. Вареновым и Д.В. Черемисным недавно рассмотрены изображения данных существ в наскальном искусстве Средней Азии, Сибири и Китая (Варенов, Черемисин, 2020, с. 266–269). Любопытно, что и более поздняя генеалогическая легенда усуней, известная по китайским источникам, представляет священными животными волка и ворона, спасших и вскормивших родоначальника племени (Кюннер, 1961, с. 71–72). Подобная взаимосвязь отражена и в семантической этнографической параллели, сохранившейся у некоторых народов

(Абрамзон, 1971, с. 287; Черемисин, 2008, с. 53–54).

Вместе с тем необходимо отметить, что карбанские находки лишены ряда других, часто встречающихся у изображений сэнмурвов черт (прямо смотрящей головы, высунутого языка, рыбовидной задней части туловища), что позволяет отнести их к «натуралистическому» варианту иконографии данного образа (Варенов, Черемисин, 2020, с. 267).

Во-многом тождественным рассмотренным выше является изображение, представленное на бляхе. На ней запечатлен «припавший к земле» хищник с развернутой относительно направления туловища головой и поднятым вверх, закинутым на туловище хвостом. Так же как и на роговых пластинах, глаз зверя передан кругом, пасть открыта, однако зубы не обозначены, кроме того, вероятно, вследствие технологического брака верхняя челюсть и нос оказались несколько схематизированы (в прямой перспективе как бы «закрытыми» от зрителя хвостом). Удлиненная морда, обозначенное треугольником ухо, две когтистые лапы в целом позволяют предположить, что и в этом случае представлен волк, только еще более реалистичный. Данное изображение стилистически схоже с хищником с бляхи из погребения 296 могильника Фирсово-XIV (Богданов, 2006, табл. XXXII, 4) и ряда других изделий, выявленных на территории Верхнего Приобья, Внутренней Монголии и Северного Китая (Богданов, 2006, табл. LXIII). Отмеченный схематизм карбанской находки, вероятно, свидетельствует в пользу того, что она представляет собой результат определенного творческого эксперимента по местному изготовлению «модной» вещи¹.

Примечательно, что карбанские находки не единичный случай выявления в материалах одного пазы-

рыцкого погребения изображений натуралистичных и мифических волкообразных хищников на экстерьере семантически важных элементов предметного комплекса мужской одежды (рис. 5). Например, такие сюжеты присутствуют на поясных пряжках и гривне из кургана 1 могильника Ак-Алаха-1 (Полосьмак, 1994, рис. 29, 32).

Сложный многофигурный декор мужских воинских поясов пазырыкцев Алтая, вероятно, был призван на символическом уровне подчеркивать витальные статусы своего носителя, отвечать представлениям о варварской роскоши, транслировать определенные мифологические концепты воинской аристократии.

Заключение

Общеизвестно, что в фурнитуру поясных наборов скифского времени зачастую входили элементы, на которых были изображены повторяющиеся сюжеты, исполненные в зеркальном отображении. Вместе с тем присутствие на карбанских роговых пластинах и бляхе одного образа – хищника – позволяет рассматривать их нахождение в одном комплексе как способ построения определенного декоративного сюжета, связанного с идеей оборотничества. Под сюжетом в данном случае понимается «изобразительный текст», в котором «изолированные фигуры» могут быть объединены за счет совместного расположения на одной плоскости (по-ясе). При таком подходе к анализу

описанного материала можно заключить, что изображенный хищник передан в разных мотивах²: «идущим» со склоненной головой – на роговых пластинах, «сидящим» с повернутой относительно направлению туловища головой – на бляхе. Возможна и более широкая символическая трактовка представленных материалов, реальный зверь (бляха) – мифический зверь (роговые пластины) – птица (бабочковидные бляхи). В таком случае застегивание пояса могло символизировать «превращение» его обладателя в волка-сэнмурва-грифа со всеми присущими, в понимании пазырыкцев, данным персонажам качествами. Таким образом обеспечивалась цикличность процесса оборотничества, жизни и смерти, и в конечном итоге целостность мироздания.

Подводя итог, отметим, что карбанский декорированный поясной набор, независимо от интерпретации семантической стороны вопроса, полностью соответствует современному пониманию «пазырыкского стиля» (хотя и содержит в себе явно привнесенные элементы – бабочковидные бляхи, костылек-кочедык) (Полосьмак, 2021, с. 51–53). Представленные в декоре пояса изображения хищников и стилизованных птиц являют нам некие амбивалентные образы, понимание точного значения которых в системе мировоззрения пазырыкцев современным исследователям, к сожалению, недоступно.

Примечание:

¹ Аналогичной попыткой творческого эксперимента является золотое изображение рогатого верблюда из кургана № 2 могильника Карбан-2, представленного с поджатыми ногами, хищнически оскаленной пастью, круглыми глазами и ухом (Головченко, Демин, 2022, с. 190–203).

² Мотив, по определению Л.С. Клейна, является простейшей единицей сюжетного развития, деталью любого изображения или оформления (Клейн, 1991, с. 163).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971. 47 с.
2. Бисембаев А.А., Жамбулатов К.А., Хаванский А.И., Ахатов Г.А., Жанузак Р.Ж. Могильник Таскопа-V – памятник элиты кочевников раннего железного века Западно-

го Казахстана // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21. № 1. С. 42–58. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.004>

3. Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 240 с.

4. Богданов Е.С. Образы свернувшегося и припавшего к земле хищника, оленя «на цыпочках» в контексте зарождения скифо-сибирского искусства // *Terra Scythica: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica»* / Отв. ред. В.И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 23–28.

5. Бородавский А.П. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. 176 с.

6. Бородавский А.П., Бородавская Е.Л. Археологические памятники долины Нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. 220 с.

7. Варенов А.В., Черемисин Д.В. Изображения сэнмуэров в наскальном искусстве Средней Азии, Сибири и Китая // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ). Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д.и.н. А.М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д.и.н. И.Н. Хлопина / Отв. ред. В.П. Никоноров, Л.Б. Кирчо, Е.О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 266–269.

8. Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плосы-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 88–114.

9. Голан А. Миф и символ. Иерусалим–Москва: Руссолит, 1994. 375 с.

10. Головченко Н.Н. Результаты предварительного технико-технологического анализа мешочка для зеркала из некрополя Карбан-2 (Горный Алтай) // Вестник НГУ. Серия: История, Филология. 2016. Т. 5. № 15. С. 44–49.

11. Головченко Н.Н. Реконструкция прически по материалам кургана №1 могильника Карбан-2 // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 3 (27). С. 44–51. DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-04.

12. Головченко Н.Н. Вопросы интерпретации костыльков-кочедыков населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. 2019. Т. 18. № 3. С. 90–99. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-3-90-99

13. Головченко Н.Н., Демин М.А. Золотая пластина с изображением рогатого животного с Северного Алтая: традиции звериного стиля и художественный эксперимент // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 190–203. DOI: 10.24852/pa2022.1.39.190.203

14. Демин М.А., Гельмель Ю.И. Курганный погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла / Отв. ред. А.П. Уманский. Барнаул: Изд-во БГПИ, 1992. С. 28–34.

15. Демин М.А., Головченко Н.Н. Раскопки могильника Карбан-2 на Средней Катунь // Полевые исследования на Алтае, Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2018. Вып. 13. С. 3–7.

16. Иванов В.В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка. 1975. Т. 34. № 5. С. 399–408.

17. Иванов В.В. Сходные черты в культе волка на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах // Кавказ и Средиземноморье / Отв. ред. Р.В. Гордезиани, А.А. Урушадзе. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1980. С. 57–64.

18. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 115–135.

19. Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.: ЛФ ЦЭНДИСИ, 1991. 447 с.

20. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (7–4 вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.

21. Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии // Традиционные верования и быт народов Сибири / Отв. ред. И.Н. Гемуев, А.М. Сагалаев. Новосибирск: Наука, 1987. С. 98–117.

22. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Восточная литература, 1961. 392 с.
23. Линец Р.С. «Лицо волка благословенно ...» (стадиальные изменения в тюрко-монгольском эпосе и генеалогических сказаниях) // СЭ. 1981. № 1. С. 120–133.
24. Молодин В.И., Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1996. 192 с.
25. Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (Ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. 125 с.
26. Полосьмак Н.В. Пазырыкский стиль // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49. № 4. С. 43–56.
27. Потапов Л.П. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков // КСИЭ. Вып. XXX. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 135–142.
28. Семенов В.А. Воинские погребения ранних кочевников Тувы // Археологические вести. № 1 / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1992. С. 116–125.
29. Семенов В.А., Килуновская Е.М. Могильник скифского времени Саускен-3 в долине р. Эрбек (Республика Тыва) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения / Отв. ред. В.А. Алёшкин. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, Арт-Экспресс, 2014. С. 393–423.
30. Тревер К.В. Сэнмурв-Паскудж – собака-птица. Л.: Государственный Эрмитаж, 1937. 74 с.
31. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.
32. Троицкая Т.Н., Назарова О.Е. Еще раз о кижировской культуре // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. С. 199–202.
33. Черемисин Д.В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: семантика звериных образов в контексте погребального обряда. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 136 с.
34. Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. 1. Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.
35. Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 329 с.
36. Kost Catrin. The practice of imagery in the northern Chinese steppe (5th–1st centuries BCE). Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2014. 400 s.

Информация об авторах

Головченко Николай Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул, Россия); nikolai.golowchenko@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>.

Демин Михаил Александрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий УНИЛ. Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул, Россия); mademin52@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>.

RECONSTRUCTION AND INTERPRETATION OF THE BELT SET FROM THE BARROW № 3 OF THE BURIAL GROUND KARBAN-2 (NORTH ALTAI)

N.N. Golovchenko, M.A. Demin

The article deals with the analysis and interpretation of the original belt set, found during the study of the only barrow № 3 of the burial ground Karban-2 (North Altai). Different elements are revealed in the belt set composition: local (buckles made of antler), Pazyryk and imported (butterfly-like buckles, spike - tool for weaving). The reconstruction of wolf-like predator image, made on fragmentary antler buckles, is represented. The functional and stylistic reconstruction of the complicated multifigured desing of a belt is made. The authors make a conclusion that the decor of the Pazyryk people's military belts was used to emphasize vital status of the owner and to be a part of barbar luxury, to show the definite mythological concepts of military aristocracy. Karban belt set included the elements with the image of a mythical and realistic wolf-like predator and also of a schematized griffin. It completely corresponds to the modern understanding of the "Pazyryk style". The presented in the belt decor pictures are ambivalent images, so the understanding the definite meaning

of them in the world outlook system of the Pazyryk people is unfortunately unavailable to modern specialists.

Keywords: archaeology, Altai, the Early Iron Age, Pazyryk culture, belt set, zoomorphic ornament.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abramzon, S. M. 1971. *Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi (Kyrgyz people and their ethnic-genetic historical and cultural relations)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Bisembaev, A. A., Zhambulatov, K. A., Khavanskiy, A. I., Akhatov, G. A., Zhanuzak, R. Zh. 2021. In *Ufimskii arkhеologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 21 (1), 42–58 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.004>
3. Bogdanov, E. S. 2006. *Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevykh narodov Tsentral'noi Azii (skifo-sibirskaya khudozhestvennaya traditsiya). (The Image of a Predator in the Plastic Arts of the Nomadic Peoples of Central Asia (the Scythian-Siberian Artistic Tradition))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).
4. Bogdanov, E. S. 2011. In Molodin, V. I., Khansen, S. (eds.). *Terra Scythica: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma «Terra Scythica» ("Terra Scythica")*. Novosibirsk: Institute of Archeology, Ethnography and Anthropology of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of Russia Publ., 23–28 (in Russian).
5. *Materialien des internationalen Symposiums "Terra Scythica"*. Novosibirsk: Institute of Archeology, Ethnography and Anthropology of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of Russia Publ., 23–28 (in Russian).
6. Borodovsky, A. P. 2007. *Drevniy reznoy rog Yuzhnoy Sibiri (epokha paleometalla) (Ancient Carvers in Antler of Southern Siberia (Paleometal Era))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).
7. Borodovsky, A. P., Borodovskaya, E. L. 2013. *Arkheologicheskie pamyatniki gornoy doliny Nizhney Katuni v epokhu paleometalla (Archaeological Sites of the Lower Katun Mountain Valley in the Paleometal Age)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).
8. Varenov, A. V., Cheremisin, D. V. 2020. In Nikonov, V. P., Kircho, L.B., Stoyanov, E. O. (eds.). *Drevnie i srednevekovye kul'tury Tsentral'noy Azii (stanovlenie, razvitie i vzaimodeystvie urbanizirovannykh i skotovodcheskikh obshchestv). Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya d.i.n. A.M. Mandel'shtama i 90-letiyu so dnya rozhdeniya d.i.n. I.N. Khlopina (Ancient and Medieval Cultures of Central Asia (The Formation, Development and Interaction of Urbanized and Cattle-Breeding Societies). Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 100th birth anniversary of Doktor Nauk in Historical Sciences Anatolii M. Mandelstam and the 90th birth anniversary of Doktor Nauk in Historical Sciences Igor' N. Khlopin)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 266–269 (in Russian).
9. Vedyanin, S. D., Kungurov, A. L. 1996. In Kiryushin, Yu. F., Kungurov, A. L. (eds.). *Pogrebal'niy obryad drevnikh plemen Altaya (Burial Rite of the Ancient Tribes of the Altai)*. Barnaul: State University, 88–114 (in Russian).
10. Golan, A. 1994. *Mif i simvol (Myth and symbol)*. Jerusalem–Moscow: "Russolit" Publ. (in Russian).
11. Golovchenko, N. N. 2016. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 15 (5), 44–49 (in Russian).
12. Golovchenko, N. N. 2019. In *Teoriia i praktika arkhеologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 27 (3), 44–51 (in Russian).
13. Golovchenko, N. N. 2019. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 18 (3), 90–99 (in Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-3-90-99
14. Golovchenko, N. N., Demin, M. A. 2022. In *Povolzhskaya arkhеologiya (Volga River Region Archaeology)* 39 (1), 190–203 (in Russian). DOI: 10.24852/pa2022.1.39.190.203
15. Demin, M. A., Gel'mel', Yu. I. 1992. In Umansky, A. P. (ed.). *Voprosy arkhеologii Altaya i Zapadnoy Sibiri epokhi metalla (Issues of the Archaeology of the Altai and Western Siberia in the Metal Age)*. Barnaul: Barnaul State Pedagogical Institute Publ., 28–34 (in Russian).
16. Demin, M. A., Golovchenko, N. N. 2018. In *Polevye issledovaniya na Altae, Priirtysh'e i Verkhnem Priob'e (arkheologiya, etnografiya, usnaya istoriya) (Field Studies in the Altai, the Irtysh and the Upper Ob Region (Archaeology, Ethnography, Oral History))* 13, 3–7 (in Russian).
17. Ivanov, V. V. 1975. In *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka (Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Literature and Language Series)* 5 (34), 399–408 (in Russian).
18. Ivanov, V. V. 1980. In Gordeziani, R. V., Urushadze, A. A. (eds.). *Kavkaz i Sredizemnomor'e (Caucasus and the Mediterranean)*. Tbilisi: Tbilisi University Publ., 57–64 (in Russian).
19. Kiryushin, Yu. F., Kungurov, A. L. 1996. In Kiryushin, Yu. F., Kungurov, A. L. (eds.). *Pogrebal'niy obryad drevnikh plemen Altaya (Burial Rite of the Ancient Tribes of the Altai)*. Barnaul: State University, 115–135 (in Russian).

20. Kleyn, L. S. 1991. *Arkheologicheskaya tipologiya (Archaeological typology)*. L.: "LF TsENDISI" Publ. (in Russian).
21. Korolkova, E. F. 2006. *Zverinyi stil' Evrazii. Iskustvo plemen Nizhnego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia v skifskuiu epokhu (7–4 vv. do n.e.). Problemy stil'ia i etnokul'turnoi prinalozhnosti (Zoomorphic Style of Eurasia. The Art of the Tribes of the Lower Volga Region and the Southern Urals during the Scythian Era (7th–4th Centuries B.C.). Issues of Style and Ethnic-Cultural Affiliation)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).
22. Kubarev, V. D., Cheremisin, D. V. 1987. In Gemuev, I. N., Sagalaev, A. M. (eds.). *Traditsionnye verovaniia i byt narodov Sibiri (Traditional beliefs and everyday life of Siberian peoples)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 98–117 (in Russian).
23. Kyuner, N. V. 1961. *Kitayskie izvestiia o narodakh Yuzhnoy Sibiri, Tsentral'noy Azii i Dal'nego Vostoka (Chinese reports about the peoples of South Siberia, Central Asia and the Far East)*. M.: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
24. Lipets, R. S. 1981. In *Sovetskaiia etnografiia (Soviet Ethnography)* (1), 120–133 (in Russian).
25. Molodin, V. I., Troitskaya, T. N., Borodovskiy, A. P. 1996. *Arkheologicheskie pamyatniki Kolyvanskogo rayona Novosibirskoy oblasti (Archaeological sites of the Kolyvan district of the Novosibirsk region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
26. Polos'mak, N. V. 1994. «*Steregushchie zoloto grify*» (*ak-alakhinskii kurgany*) («*Vultures Guarding Gold*» (*Ak-Alakhino Barrows*)). Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
27. Polos'mak, N. V. 2021. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 49 (4), 43–56 (in Russian).
28. Potapov, L. P. 1958. In *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii (Concise Bulletins of the Institute of Ethnography)* 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 135–142 (in Russian).
29. Semenov, V. A. 1992. In Masson, V. M. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 1. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 116–125 (in Russian).
30. Semenov, V. A., Kilunovskaya, E. M. 2014. In Alekshin, V. A. (ed.). *Arkheologiya drevnikh obshchestv Evrazii: khronologiya, kul'turogenez, religioznye vovzreniya (Archaeology of the ancient societies of Eurasia: chronology, cultural genesis, religious views)*.
31. St. Petersburg: IHMC RAS; "Art-Xpress" Publ., 393–423 (in Russian).
32. Trever, K. V. 1937. *Senmurv-Paskudzh – sobaka-ptitsa (Senmurv-Paskudzh – dog-bird)*. Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).
33. Troitskaya, T. N., Borodovskiy, A. P. 1994. *Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya (Bolsherechenskaya Culture of the Forest-Steppe Ob River Region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
34. Troitskaya, T. N., Nazarova, O. E. 1999. In Kiriushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Ito-gi izucheniia skifskoi epokhi Altaia i soprodel'nykh territorii (Results of Studying the Scythian Epoch of the Altai and the Neighbouring Territories)*. Barnaul: Altai State University, 199–202 (in Russian).
35. Cheremisin, D. V. 2008. *Iskustvo zverinogo stil'ia v pogrebal'nykh kompleksakh riadovogo naseleniia pazyrykskoi kul'tury: semantika zverinykh obrazov v kontekste pogrebal'nogo obriada (The Art of Zoomorphic Style in the Burial Complexes of the Ordinary Population of the Pazyryk Culture)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ. (in Russian).
36. Shul'ga, P. I. 1998. In Kiriushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Snaryazhenie verhovogo konia na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e (Equipment of a Saddle Horse from the Altai in the Early Iron Age and the Middle Ages)*. Barnaul: Altai State University Publ., 25–49 (in Russian).
37. Shul'ga, P. I., Umanskiy, A. P., Mogil'nikov, V. A. 2009. *Novotroitskiy nekropol' (Novotroitsk necropolis)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).
38. Kost Catrin. 2014. *The practice of imagery in the northern Chinese steppe (5th–1st centuries BCE)*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität.

About the Authors:

Golovchenko Nikolay N. Candidate of Historical Sciences. Altai State Pedagogical University. Molodezhnaya str., 55, 656031, Barnaul, Russian Federation; nikolai.golowchenko@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>.

Demin Mikhail A. Doctor of Historical Sciences. Professor. Altai State Pedagogical University. Molodezhnaya str., 55, 656031, Barnaul, Russian Federation; mademin52@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>.

Статья принята к публикации 01.03.2023 г.

THE RESETTLEMENT OF NOMADIC HORSEMEN TRIBES TO ASIA MINOR¹

© 2023 B.S. Sizdikov, T.A. Apendiyev, G. Batyrbekkyzy,
Z.I. Muldakhmetova

Written sources and archaeological data indicate that the vast territory from the Great Wall of China in the east to the Carpathian Mountains in the west in the first millennium BC was inhabited by the Sak and Sauromat–Sarmatian tribes, who formed a "nomadic culture". Warlike nomads, skilled horsemen, accurate archers and courageous warriors are known in history as "nomadic horsemen tribes". The settlement of nomadic tribes from the steppes of Central Asia to Eastern Europe and Asia Minor in the first half of the first millennium went down in history as the first wave of the "Great Migration" of the peoples from the East to the West. Today this fact is confirmed by written sources and archaeological evidences. As the result of these resettlements, various cultural conflicts have occurred throughout the history of mankind, and nomadic tribes have become recognized by the ancient peoples of Eastern Europe and Asia Minor. The issue of resettlement is the subject of research of foreign and local scientists. However, as it is one of the most important topics that needs to be studied the authors decided conduct scientific research on this topic, study the reasons and ways of migration of the nomadic horsemen tribes to Eastern Europe and Asia Minor, systematize old and new data, conduct a scientific analysis based on the experience of foreign and local researchers. Moreover, scientific conclusions have been done as well as the periods and directions of the conquering campaigns of nomadic horsemen in Asia Minor have been studied.

Key words: archaeology, Eastern Europe, Asia Minor, nomadic tribes of horsemen, the Sak, the Sauromat–Sarmats, nomadic, weapon.

Introduction

It is known that "Mounted Nomad Culture" appeared in Central Asia in the 1st millennium BC. This period is described as the "Early Nomadic Period" or "Scythian Period" in the history of Kazakhstan (Sizdikov, 2019, p. 2). Written sources and archaeological data show that Scythians, who were the leaders of these tribes, spread from the Great Wall of China in the east to the Carpathian Mountains in the west and Asia Minor in the south (Artamonov, 1974, p. 7–10; Memiş, 1987, p. 4–7; Melyukova, 1989, p. 33–35; Çay, Durmuş, 2002, p. 75–76; Durmuş, 2012, p. 48–49). Chinese sources mention the Scythian tribes as "Sai", whereas the Persian sources mention them as "Saka", Assyrian sources as "Ashguzai" and Greek sources as "Skythai" (Durmuş,

2012, p. 41–45; Çay, Durmuş, 2002, p. 477–479). Besides, in Avesta, the sacred book of the Zoroastrians, the Scythians are mentioned as "Tura" (Sizdikov, 2019, p. 2–3).

The second-largest tribe was the Sauromat-Sarmats. It is known that these tribes lived within a wide geography range from the south of the Ural Mountains in the east to the Danube River in the west (Brezezinski, Mielczarek, 2002, p. 3; Gursoy, 2019, p. 137–167; Gursoy et al., 2020, p. 412–419). Greek sources called them "Sauromatae" until the 4th century BC and "Syrmatae" after the 4th century BC (Durmuş, 2007, p. 57). Besides, it is known that Avesta mentions the Sauromat tribes as "Sairima" (Marquart, 1901, p. 155).

Written sources and archaeological data show that horses had an important

¹ The work was carried out within the framework of the project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan No. AP13068455 "Research of archaeological mounds of the lower reaches of the Keles River in the context of archaeology and interdisciplinary sciences".

Fig. 1. Horse Burials in Kurgans no 36 in the Berel 2 Cemetery and reconstruction of the kurgan no 11 in the Berel 2 Cemetery (photographs by Z. Samashev, K. Pavel; photographs Central Museum of Almaty).

Рис. 1. Конские захоронения в курганах № 36 могильника Берел 2 и реконструкция кургана № 11 могильника Берел 2.

place in the life of these tribes who adopted the nomadic lifestyle. In addition to using horses as a source of meat and milk in their daily lives, the nomadic tribes rode on them during migration, hunting, and war. They also used horse skin to produce armor as a means of defense. Hippocrates and Strabo, the ancient writers, mentioned the importance of the

horse in the daily lives of these tribes in their works. Hippocrates describes the Sauromatians as a tribe whose "women ride horses, shoot arrows on horseback, go hunting, and fight with the enemy." (Hippocrates, 1881). And Strabo, on the other hand, emphasizes the importance of the horse in their daily life: "Sarmatians don't like to walk and they teach their

children to ride horses." (Strabon, 1969). Archaeological data verify these testimonies. Many horse burials have also been found in the Scythian and Sauromat–Sarmatian kurgans in Central Asia (Fig. 1) (Samashev, 2014, p. 23–45). Therefore, they are known as "the Mounted Nomadic Tribes" in the literature.

Weapons constitute a large part of the troves excavated from kurgans and provide important information in determining the history of kurgans, the geographical spread of nomadic tribes, and the regional differences between tribes. Many researchers studied the weapons of nomadic tribes of Russia, the North Caucasus, and the Northern Black Sea regions (Melyukova, 1964, p. 1–85; Smirnov, 1961, p. 1–76; Hazanov, 1971, p. 1–121; Chernenko, 1968, p. 1–168; Simonenko, 2009, p. 1–256; Sizdikov, Seraliyev, 2022, p. 1114). However, the number of studies on the weapons of nomadic tribes that lived in Anatolia is very limited. Besides, the migration of the Central Asian mounted nomadic tribes to the west, the reasons for this migration, and their migration to Anatolia have not been sufficiently investigated. Therefore, in this study, we examined the weapons that prove the migration of these tribes to Anatolia and their existence in Anatolia, by taking into account all the old and new information together with the studies of the researchers mentioned above. We also discussed the reasons for this migration.

The Migration of the Central Asian Nomadic Tribes

In ancient times, all migration movements from Central Asia took place either after important events or social problems. One such movement was the migration of the Cimmerian and Scythian tribes to Anatolia during the Iron Age. Researchers have suggested two different theories to explain these migration movements. The first theory finds the reason behind this migration

in a long-term drought in Mongolia and Turkistan. The drought forced these tribes to migrate westward in search of new pastures (Tarhan, 1976, p. 365). The second theory claims that the reason behind migration was conquest. The Massagets defeated and forced these tribes to migrate (Çay, Durmuş, 2002, p. 495). But, we must note that not all the Scythian tribes migrated, and archaeological data prove that some continued to live in this region (Fig. 2) (Akishev, Kushaev, 1963, p. 21; Chlenova, Kubarev, 1990, p. 46–54).

This big migration, also known as the Migration of Tribes, ended the Bronze Age in Central Asia and heralded the beginning of the Iron Age (Mongait, 1955, p. 145–178). The weapon industry of the Scythian tribes began to develop. Bi- or trilobate arrowheads with spurs, known as the Scythian arrowheads, began to appear (Smirnov, 1961, p. 39–42). The importance of horses began to increase even more. The increasing importance is evidenced by the frequency of horse burials in kurgans (Samashev, 2014, p. 23–45). In addition to using horses as a source of meat and milk in their daily lives, the nomadic tribes rode on them during migration, hunting, and war. They also used horse skin to produce armor as a means of defense. Thus, these warrior Scythian tribes began to be known as "Mounted Nomadic Tribes".

In the late 8th century and early 7th century BC, these nomadic tribes arrived in Cimmeria in the Northern Black Sea steppes, passing south of the Ural Mountains and north of the Caspian Sea (Terenojkin, 1973, p. 7; Artamonov, 1974, p. 13; Tarhan, 1979, p. 355; Leskov, 1981, p. 99; Melyukova, 1989, p. 11; Koca, 2002). Excavations in South Ural and North Caucasus regions prove this route. Leaf-shaped bilobate arrowheads dating to the 8th and 7th centuries BC (Itina, Yablonsky, 1997, p.49) began to be seen in the Southern Ural and North Caucasus regions in the

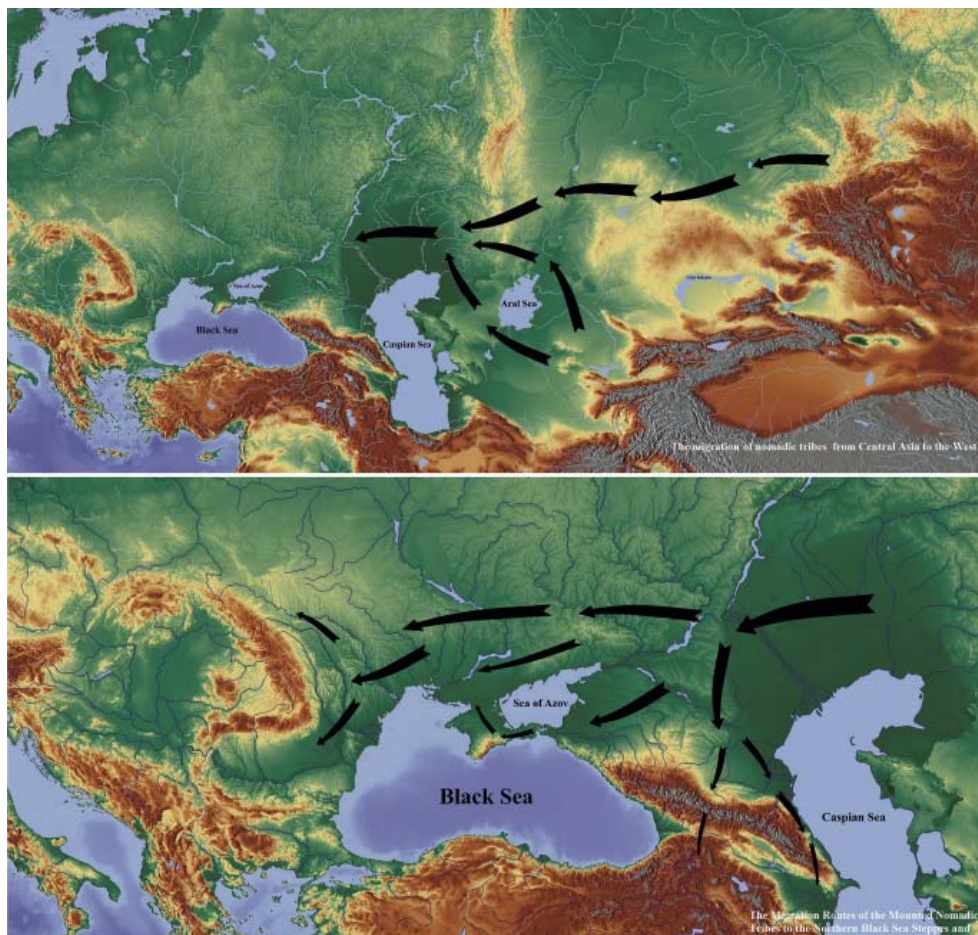

Fig. 2. The migration of nomadic tribes from Central Asia to the West.

Рис. 2. Миграция кочевых племен из Средней Азии на Запад.

7th and 6th centuries BC (Melyukova, 1964, p. 18; Smirnov, 1961, p. 10).

It is known that the troves found in the Northern Black Sea and dated to the 9th–8th centuries BC belong to the Cimmerians and the region experienced a change that began at the end of the 8th century and the beginning of the 7th century. Archaeological data obtained from the North Caucasus and the Northern Black Sea region support this. The Southern Ural region was also affected by this change and the Sauromats appeared in the area. Many scientists believe that their emergence is linked to the Scythians and Cimmerians (Grakov, 1954, p. 14; Mishenko, 1882,

p. 477; Rostovtseff, 1918, p. 33–34). Thus we can conclude that after being defeated by the Scythians, not all the Cimmerians crossed the Caucasus Mountains and migrated south, some of them were assimilated by the Scythians and migrated to the South Ural steppes, where they began to be recognized as a new community. This is why the treasures found in Sauromat kurgans in the Itil River basin are very similar to those found in the Northern Black Sea and North Caucasus regions.

Written sources and archaeological findings from 8th century BC and afterward confirm that the nomadic Scythian tribes came from Central Asia,

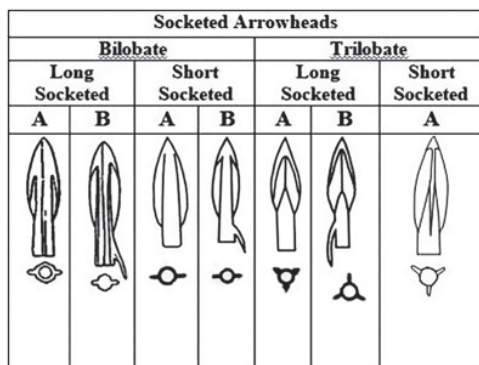

Fig. 3. Scythian arrowheads uncovered in Anatolia.

Рис. 3. Скифские наконечники стрел, обнаруженные в Анатолии.

first entered into Cimmeria, and then into Anatolia through the Caucasus (Schenk, 1999, p. 176–178). The Scythians defeated the Cimmerians, causing them to descend to the west of the Black Sea and the Caucasus mountains to the south (Tarhan, 1979, p. 355; San, 2000, p. 2; Telioglu, 2005, p. 239; Bruyako, 2005, p. 254). We can easily say that Cimmerians entered Anatolia at the end of the 8th century BC and the Scythians – at the beginning of the 7th century BC (Fig. 2) (Sinor, 2000, p. 144; Ivantchik, 2001, p. 14; Ivantchik, 2011, p. 71–106). During this migration, Assyrian and Urartu kingdoms, the important political powers of the region, were fighting each other to expand their territories (Kinal, 1991, p. 252–253). The war ended with the entry of the nomadic tribes into Anatolia (Telioglu, 2005, p. 240). Assyrian and Urartu kingdoms were now fighting against the new threat, Cimmerian and Scythian invaders.

Tribes first came into conflict with the Urartu kingdom (Belli, 2010, p. 82–84). Urartu kingdom fought with the Cimmerians from the second half of the 8th century BC to the end of the reign of Argishti the Second (714/713 – 685 BC). But after being defeated, they made a pact with the Cimmerians and allowed them to pass through their lands

on their way to the west (San, 2000, p. 3). Furthermore, records show that the Urartu army recruited Cimmerian warriors as mercenaries (Sevin, 2002, p. 208; Belli, 2010, p. 90). The arrowheads obtained from the Iron Age layers of the cities of Gordion, Hattusa, Alisar, Kaman Kalehöyük, Maşat Höyük, Pazarlı Höyük, and Taşova prove that the Cimmerians started to spread to the Central Anatolia after this period.

After expeditions to Phrygia, the Cimmerians began to spread to Western Anatolia (San, 2000, p. 3–4). Lydian kingdom reacted. But Lydian king Gyges was killed and Lydian cities such as Sardes, Ephesus, Magnesia, Smyrna, Panaztepe, Klazomenai, Erythrai, and Larissa were plundered (Sevin, 2002, p. 268; Berndt, 2012, p. 29).

Another influential nomadic tribe in the Iron Age Anatolia was the Scythians. The first record on the entry of the Scythians into Anatolia was found in Urartian inscriptions. Urartian king Rusa II (685–645 BC) made a pact with the Scythians, allowed them to pass through his territory and settle in the land of Mana (Ivantchik, 2001, p. 17–19). It is also believed that the Urartian kingdom settled the Scythians in northwest Iran to secure its eastern borders (San, 2000, p. 6–7). These agreements began to deteriorate towards the end of the 7th century BC, and the Scythians began to raid Urartian settlements (Çay, Durmuş, 2002, p. 498). Scythian arrowheads obtained from excavations in Urartu castles such as Kızıl Tepe, Çavuştepe, Ayanis, Toprakkale, and Değirmentepe in Eastern Anatolia prove this.

Two centuries later, towards the beginning of the 6th century BC, the Scythians were defeated by the Median Empire and began to retreat to the Northern Black Sea steppes. The treasures of pre-Asian origin found in the king kurgans of Kelermes, Ulskiy Aul, and Kostromskaya Stanisa of the

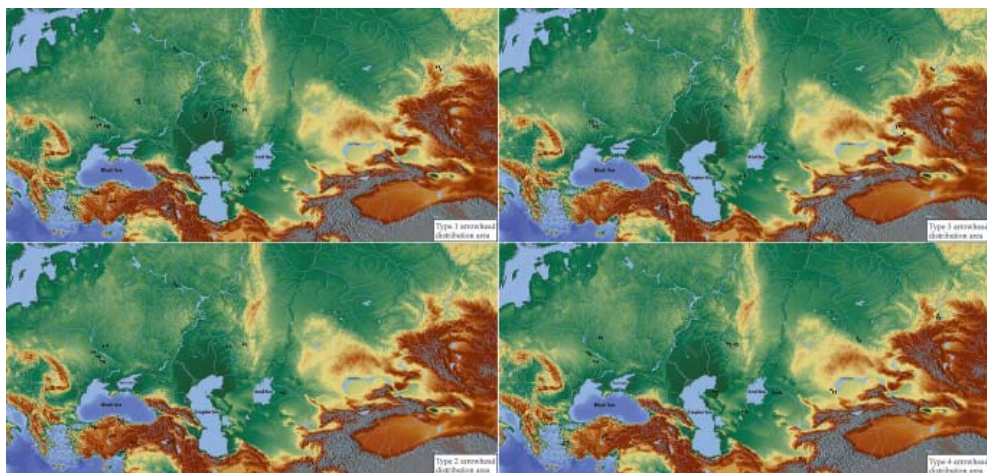

Fig. 4. Arrowhead types distribution areas.

Рис. 4. Ареалы распространения типов наконечников стрел.

6th and 5th centuries BC attest to this retreat (Sinor, 2000, p. 145).

Until today, traces of the existence of the nomadic tribes in Anatolia have been sought only in settlement areas except for İmir and Norşuntepe. However, considering that they were nomadic, their traces should be sought around rivers and lakes.

Scythian Arrowheads in Anatolia

Weapons occupy an important place among the concrete archaeological data proving the existence of the mounted nomadic tribes in Anatolian geography. When we compare Scythian arrowheads with the Anatolian ones in terms of both typology and construction techniques, we can see the traces left by the nomadic tribes on the Anatolian geography. The Scythian type has leaf-shaped blades and is bilobate. Some have spurs on their sockets. In this study, we evaluated these arrowheads by dividing them into 7 types (Fig. 3).

Type 1: This type is bilobate, it has a long socket, and no spur. Its samples are found in Eastern Anatolia (Çavuştepe and Ayanis castles of the Urartu Kingdom), Southeastern Anatolia (Gözlükule city of the Late Hittite Kingdom), Central Anatolia (Gordion, Hattusaş, Kerkenes Mountain, Kaman Kalehöyük and

Taşova cities, and İmirler kurgan) and Lydia (Erythrai, Bayraklı, Klazomenai, Troia and Didyma cities) (Yalçıklı, 1999, p. 82–98). The fact that arrowheads of this type are found in these cities and castles proves the existence of the mounted nomadic tribes in Anatolia.

The samples found in the Altai, Northern, and Central Kazakhstan regions are dated to the 8th–6th centuries BC (Abdulganeev, 1993, p. 52; Margulan et al., 1966, p. 398). But the samples found in the Northern Black Sea, North Caucasus, Southern Ural, and Horezm regions are dated to the 7th–6th centuries BC (Melyukova, 1964, p. 18; Smirnov, 1961, p. 10; Vinberg, 1979, p. 7–52). And the samples found in Anatolia are dated to the 7th–5th centuries BC (Yalçıklı, 1999, p. 108). This information helps us to reconstruct the historical route of propagation of this type of arrowheads (Fig. 4).

Type 2: This type is bilobate, has a long socket and a spur. Its samples are found in Eastern Anatolia (Toprakkale, Upper Anzaf, Çavuştepe and Ayanis and Van castles belonging to the Urartu Kingdom), Southeastern Anatolia (the late Hittite city of Gözlükule), Central Anatolia (Alisar, Kaman Kalehöyük, Kaman Kalehöyük, Taşova, Hattusaş,

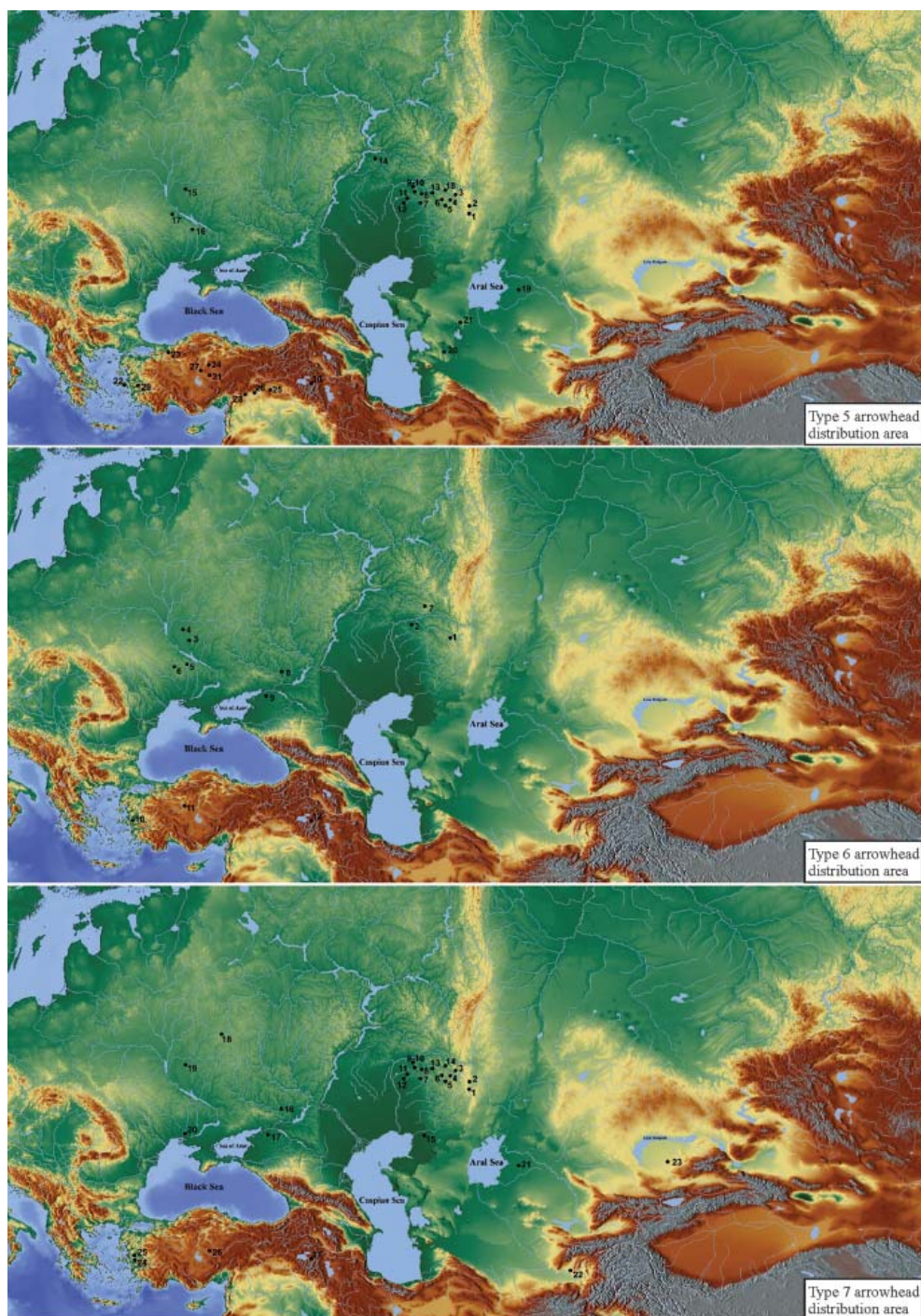

Fig. 5. Arrowhead types distribution areas.
Рис. 5. Ареалы распространения типов наконечников стрел.

Sultanhan (Emre, 1971, p. 114), Maşat Mound, Kerkenes Mountain, Pazarlı Mound, and İmirler kurgan) and Lydia (Sardes, Larissa, Bayraklı, Erythrai, Klazomenai, Troy and Didyma) (Yalçıklı, 1999, p. 82–98). We can guess that the reason why the examples of this type were found in these locations is that these locations were raided by these tribes.

Samples of this type found in the North and Central Kazakhstan regions and the Southeast of the Aral Lake are dated to the 8th–7th centuries BC (Itina, Yablonsky, 1997, p. 49; Margulan et al., 1966, p. 398). But the samples found in the Northern Black Sea, North Caucasus, and Southern Ural regions are dated to the 7th–6th centuries BC (Melyukova, 1964, p. 18; Smirnov, 1961, p. 10). And the samples found in Anatolia are dated to the 7th–5th centuries BC (Yalçıklı, 1999, p. 108). This information shows us that these nomadic tribes departed from Central Asia, first entered the North Caucasus and Northern Black Sea regions, and then to Anatolia (Fig. 4).

Type 3: This type of arrowheads are bilobate, have a short socket, and no spur. Its samples are found in Eastern Anatolia (Çavuştepe castle belonging to the Urartu Kingdom), Central Anatolia (Gordion, Hattusas and Alisar Mound), and Lydia (Erythrai, Klazomenai, Troia, Bayraklı and Larissa) (Yalçıklı, 1999, p. 82–98). We can assume that they were left in the expeditions organized by mounted nomadic tribes.

Samples found in Altai, North, and Central Kazakhstan regions are dated to the 8th–6th centuries BC (Abdulganeev, 1993, p. 52; Margulan et al., 1966, p. 398). But samples found in the Northern Black Sea, North Caucasus, Southern Ural, and Southeast Aral regions are dated to the 7th–6th centuries BC (Melyukova, 1964, p. 18; Smirnov, 1961, p. 10; Itina, Yablonsky, 1997, p. 49). And samples found in Anatolia are dated to the 7th–5th centuries BC (Yalçıklı, 1999, p. 108).

This information helps us to reconstruct the historical route of propagation of this type of arrowheads (Fig. 4).

Type 4: This type is bilobate, has a short socket and a spur. Its samples were left during the raids of the nomadic tribes to the cities of Taşova and Hattusha in Central Anatolia (Yalçıklı, 1999, p. 82–98). The samples found in the Southeastern steppes of the Aral Lake are dated to the 8th–7th centuries BC (Itina, Yablonsky, 1997, p. 49). But the samples found in Central Kazakhstan, South Ural, North Caucasus, and North Black Sea regions are dated to the 7th–6th centuries BC (Bruyako, 2005, p. 130; Melyukova, 1964, p. 18; Smirnov, 1961, p. 10). And the samples found in Anatolia are dated between the end of the 7th century BC and the beginning of the 5th century BC (Yalçıklı, 1999, p. 108). This information helps us to reconstruct the historical route of propagation of this type of arrowheads and proves the existence of the mounted nomadic tribes in Anatolia (Fig. 4).

Type 5: This type is trilobate, has a long socket, and no spur. Its samples are found in Eastern Anatolia (Çavuştepe castle of the Urartu Kingdom), Southeastern Anatolia (Late Hittite cities Karkamış, Kuşaklı and Deve Höyük), Central Anatolia (Hattusha, Alisar, and Kaman Kalehöyük), and Lydia (Sardes, Klazomenai, and Larissa). These locations prove the existence of the nomadic tribes in Anatolia (Yalçıklı, 1999, p. 82–98). The samples found in Altay, the Southeast Aral Lake, the South Ural and the North Caucasus and North Black Sea regions are dated to the 7th–5th centuries BC (Ivanov, 1993, p. 95–106; Itina, Yablonsky, 1997, p. 49; Melyukova, 1964, p. 21; Smirnov, 1961, p. 44–48). And the samples found in Anatolia are dated to the 7th–4th centuries BC (Yalçıklı, 1999, p. 111). The fact that this type was in use in these different regions during the same period proves the existence of

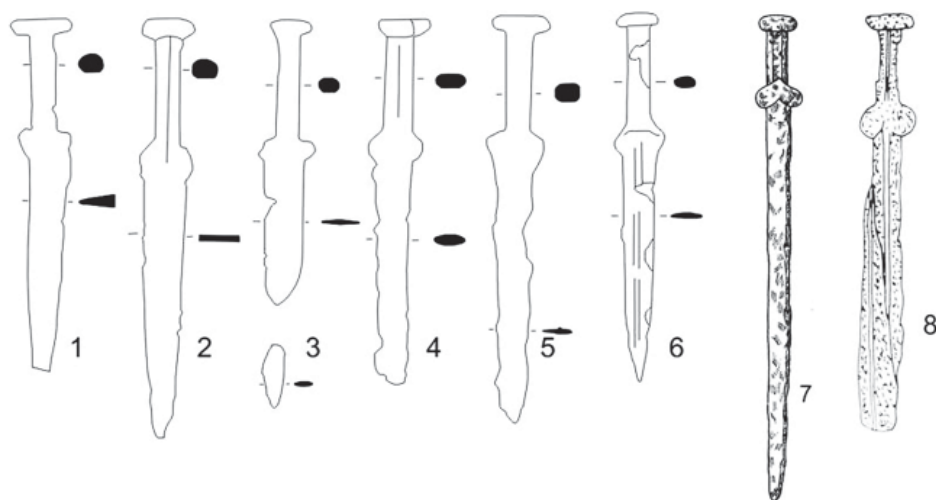

Fig. 6. 1–6 – Camel Höyük Cemetery; 7 – City of Karmir-Blur; 8 – Ivmirler Kurgan.

Рис. 6. 1–6 – кладбище Кэмел Хеюк; 7 – город Кармир-Блур; 8 – курган Имирлер.

mounted nomadic tribes in both regions (Fig. 5).

Type 6: This type is trilobate, has a long socket and a spur. Mounted nomadic tribes left their samples in Eastern Anatolia (Çavuştepe and Toprakkale castles and Norşuntepe city of the Urartu Kingdom), Central Anatolia (Gordion and Kaman Kalehöyük cities) and Lydia (Bayraklı city) (Yalçıklı, 1999, p. 82–98). The samples found in the Southern Ural, North Caucasus, and Northern Black Sea regions are dated to the 7th–6th centuries BC (Melyukova, 1964, p. 21; Smirnov, 1961, p. 44–48). And the samples found in Anatolia were in use in the 7th–6th centuries BC (Yalçıklı, 1999, p. 112) (Fig. 5).

Type 7: This type is trilobate and has a short socket and no spur. Its samples are found in Eastern Anatolia (Çavuştepe and Kayalıdere castles of the Urartu Kingdom), Southeastern Anatolia (Late Hittite cities of Karkamış and Deve Höyük), Central Anatolia (the cities of Hattusa, Alisar, Kerkenes Mountain, Kaman Kalehöyük, and Alaca Höyük) and Lydia (the cities of Sardes, Bayraklı, Panaztepe, Erythrai, Troia and Klazomenai). This proves the existence of these tribes in the region (Yalçıklı,

1999, p. 82–98). The samples found in Southeast Kazakhstan, South Ural, North Caucasus, and Northern Black Sea regions are dated to the 6th–4th centuries BC (Akishev, 1963, p. 114–115; Melyukova, 1964, p. 21; Maksimenko, 1983, p. 193–202; Smirnov, 1961, p. 44–48). And the samples found in Anatolia are dated to the 6th–5th centuries BC (Fig. 5) (Yalçıklı, 1993, p. 111).

Scythian Swords and Daggers in Anatolia

The swords and daggers found in excavations in tumuli built by the nomadic tribes and defined as "kurgans" provide important information in determining the history of kurgans and burials, the spread of these tribes, and regional differences between tribes. A.I. Melyukova (1964, p. 46–64) and K.F. Smirnov (1961, p. 9–31) proposed a chronological typology for swords and daggers from the Early Sarmatian Period. But, at that period, unlike the Scythian swords and daggers, the Sarmatian swords and daggers were not very well studied. K.F. Smirnov was a pioneer among the researchers of the Sauromat swords and daggers. His chronological typology not only included swords and daggers belonging

to the Sauromat Period (7th–5th centuries BC) but also the ones belonging to the Early Sarmatian Period (4th–3rd centuries BC) (Smirnov, 1961, p. 9–31). Many other scientists researched this weapon type (Hazanov, 1971, p. 5–24; Vasilev, 2001, p. 27–54; Simonenko, 2009, p. 13–61). But their research mainly focuses on the swords and daggers found in Scythian and Sarmatian kurgans in the Northern Black Sea, North Caucasus, and Russia. Yet there is not enough study on the weapons of the nomadic tribes who lived in Anatolia. Therefore, in the light of the information provided by the aforementioned researchers and the old and new information about swords and daggers excavated in Anatolia, we studied the traces left by nomadic tribes in this geography. Scythian swords and daggers excavated in Anatolia have a flat T-shaped pommel, a butterfly or kidney-shaped guard, and a double-edged blade that distally tapers. These types of swords and daggers are defined as the Scythian-type since they are generally found in large numbers in Scythian kurgans in Central Asia and Eastern Europe.

This type is made of iron and its samples are found in Deve Höyük cemetery (Moorey, 1980, p. 54) and İmirler kurgan (San, 2000, p. 6–7) in Anatolia, and the city of Karmir-Blur in Armenia (Terenojkin, 1976, p. 128–129). Archaeologists found 6 Scythian daggers in the Deve Höyük burials. They were all made of iron, have straight T-shaped pommels, butterfly or kidney-shaped guards, double-edged blades with distal tapering. Besides, some daggers have blood grooves. The purpose of these grooves is thought to be to release air or to allow blood to flow out during entering (Fig. 6: 1–6). The one sword found in İmirler kurgan was made of iron, has a spherical T-shaped pommel, butterfly or kidney-shaped guard, a double-edged blade with distal tapering and blood grooves (Fig. 6: 7). Another one found in the city of Karmir-Blur in Armenia

was made of iron, has a flat T-shaped pommel, a kidney-shaped guard, a double-edged blade with distal tapering and blood grooves (Fig. 6: 6, 8). A.I. Terenojkin, who studied the one found in Karmir-Blur, dates it to the second half of the 7th century BC (Terenojkin, 1976, p. 128). Derya Yalçıklı, who researched the metal weapons found in Anatolia, states that the ones found in the Deve Höyük cemetery and the İmirler kurgan are not specific to the region, and dates them to the 6th–4th centuries BC (Yalçıklı, 1999, p. 23–40). We know that swords and daggers with a flat T-shaped pommel, a butterfly or kidney-shaped guard, and double-edged blade are used by the Scythian tribes in Central Asia since the 7th century BC (Akishev, 1973, p. 48–49). Thus we can say that the mounted nomadic tribes moved from Central Asia to the North Caucasus and Northern Black Sea regions in the second half of the 7th century BC and then entered Anatolia.

Conclusion

As a result, we can say that some of the nomadic tribes who lived in Central Asia in the 8th century BC traveled from the north of the Caspian Sea to the North Caucasus and Northern Black Sea steppes and defeated the Cimmerians, causing them to migrate to the west of the Black Sea and the Caucasus mountains to the south. This is confirmed by the fact that the ruins in the North Caucasus and North Black Sea regions, which are dated to the 9th–8th centuries BC, belong to the Cimmerians, but the Scythian troves started to become widespread in the region from the end of the 8th to the beginning of the 7th century BC.

The Cimmerians were forced to migrate, they crossed the Caucasus Mountains at the end of the 8th century BC and started entering Anatolia. The Scythians, on the other hand, began to enter Anatolia at the beginning of the 7th century BC. Both written sources and archaeological findings confirm their

existence in Anatolia. The Scythians began to exert their influence at the beginning of the 6th century BC. In this period, they were defeated by the Median Empire and started to retreat to the Northern Black Sea steppes. The fact that some of the rich troves excavated from king kurgans from the 6th–5th BC such as Kelermes, Ulskiy Aul, and Kostromskaya Stanisa are of pre-Asian origin proves this retreat.

Weapons occupy an important place among the concrete archaeological data proving the existence of the mounted nomadic tribes in Anatolian geography. When we compare Scythian arrowheads with the Anatolian ones in terms of both typology and construction techniques, we can see the traces left by the nomadic tribes on the Anatolian geography. The Scythian type has leaf-shaped blades and is bilobate. Some have spurs on their

sockets. This study revealed that such arrowheads were in use in Central Asia between the 8th and 5th centuries BC, and in Anatolia between the 7th and 4th centuries BC.

Besides, Scythian-type swords and daggers are found in Anatolia we know that Scythian-type swords and daggers found in Anatolia are not native to the area and are dated to the 6th–4th century BC. It is known that swords and daggers with flat T-shaped pommels, butterfly or kidney-shaped guards and double-edged blades were used by the Scythian tribes since the 7th century BC. In the light of this information, we can conclude that the nomadic tribes departed from Central Asia and arrived in the North Caucasus and Northern Black Sea regions in the second half of the 7th century BC and then entered Anatolia.

REFERENCES

1. Abdulganeev, M. T. 1993. In Kungurov, A. L. (ed.). *Kultura Drevnih Narodov Yuzhnoi Sibiri (Culture of the ancient peoples of Southern Siberia)*. Barnaul: Izdatelstvo Altaiskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 51–55 (in Russian).
2. Akishev, K. A., Kushaev, G. A. 1963. *Drevnyaya Kultura Sakov i Usunei Doliny Reki Ili (The ancient culture of the Saks and Usuns of the Ili river valley)*. Alma-Ata: Izdatelstvo Akademii Nauk Kazahskoi SSR (in Russian).
3. Akishev, K. A. 1973. In Akishev, K. A. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniya v Kazakhstane (Archaeological research in Kazakhstan)*. Alma-Ata: Nauka, 43–58 (in Russian).
4. Artamonov, M. I. 1974. *Kimmeriitsy i Skify (The Cimmerians and Scythians)*. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo Universiteta (in Russian).
5. Belli, O. 2010. *Urartu Takıları (Urartian Jewelry)*. Istanbul: Türkiye Turing ve Otomobil Kurumu Yayınları (in Turkish).
6. Berndt, S. 2012. In Sivas, N. T., Sivas, H. (eds.). *Frigler Midas'ın Ülkesinde, Anıtların Gölgesinde (In the Land of the Phrygians Midas, in the Shadow of the Monuments)*. Istanbul: Yapı Kredi Yayınları, 16–43 (in Turkish).
7. Bruyako, I. V. 2005. *Rannie Kochevniki v Evrope (Early nomads in Europe 10th–5th century BC)*. Chisinau: Tipografiya Business-Elita (in Russian).
8. Brezezinski, R., Mielczarek, M. 2002. *The Sarmatians B.C. 600-AD 450*. Oxford: Osprey Publishing Ltd.
9. Çay, A., Durmuş, İ. 2002. In Guzel, H. C. (ed.). *Genel Türk Tarihi (General Turkish History)* Cilt 1. Ankara: Yeni Türkiye Yayınevi, 147–166 (in Turkish).
10. Chernenko, E. V. 1968. *Skifskii Dospeh (Scythian Armor)*. Kiev: Izdatelstvo Naukova Dumka (in Russian).
11. Chlenova, N. L., Kubarev, V. D. 1990. In *Kratkie Soobsheniya Instituta Arheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 199, 46–55. https://www.archaeolog.ru/media/books_ksia/ksia_199.pdf (in Russian).
12. Durmuş, İ. 2012. *Iskitler (The Scythians)*. Ankara: Akça Yayınları (in Turkish).
13. Durmuş, İ. 2007. *Sarmatlar (The Sarmatians)*. Ankara: Akçağ Yayınları (in Turkish).
14. Emre, K. 1971. In *Anadolu (Anatolia)* 15, 87–119 (in Turkish).

15. Grakov, B. N. 1954. In *Materyaly i issledovaniya po arheologii SSSR (Materials and research on the archaeology of the USSR)* 36, 1–238 (in Russian).
16. Gursoy, M., Akyzbek, S., Jetibaev, K. 2020. In *Documenta Praehistorica* 47, 412–419. <https://doi.org/10.12995/bilig.526793>
17. Gursoy, M. 2019. In *Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi (Turkish World Journal of Social Sciences)* 88, 137–167. http://bilig.yesevi.edu.tr/shw_artcl-4009.html (In Turkish).
18. Hazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on military affairs of the Sarmatians)*. Moscow: Nauka (in Russian).
19. Hippocrates. 1881. *Hippocrates on Airs, Waters, and Places. The Received Greek Text of Littré, with Latin, French, and English Translations by Eminent Scholars*. London: Messers Wyman Sons.
20. Ivantchik, A. I. 2001. *Kimmeriitsy i skify. Kulturno-istoricheskie i hronologicheskie problemy arheologii vostochnoevropeiskih stepei i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni (The Cimmerians and Scythians. Cultural-historical and chronological issues of archaeology of the Eastern European steppes and the Caucasus of the pre- and Early Scythian time)* Moscow: Paleograf (in Russian).
21. Ivantchik, A. I. 2011. In Bonfante, L. (ed.). *European Barbarians*. Cambridge, 71–106.
22. Itina, M. A., Yablonsky, L. T. 1997. *The Saka of the Lower Syedarya*. Moscow: Rosspen (in Russian).
23. Kmal, F. 1991. *Eski Anadolu Tarihi (Ancient Anatolian History)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi (in Turkish).
24. Koca, S. 2002. In Guzel, H. C. (ed.). *Genel Türk Tarihi (General Turkish History)* Cilt 1. Ankara: Yeni Türkiye Yayınevi, 651–663 (in Turkish).
25. Leskov, A. M. 1981. *Kurgani, nahodki, problemy (Burial mounds, finds, issues)*. Leningrad: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR (in Russian).
26. Maksimenko, V. E. 1983. *Savromaty i Sarmaty na Nizhnem Donu (The Sauromats and Sarmatians on the Lower Don)*. Rostov-na-Donu: Izdatelstvo Rostovskogo Universiteta (in Russian).
27. Margulan, A. H., Akishev, K. A., Kadirbaev, M. K., Orazbaev, A. M. 1966. *Drevnaya Kultura Sentralnogo Kazakhstana (Ancient Culture of Central Kazakhstan)*. Almaty: Nauka (in Russian).
28. Marquart, J. 1901. *Eransahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.
29. Melyukova, A. I. 1964. *Vooruzhenie Skifov (Armament of the Scythians)*. Moscow: Nauka (in Russian).
30. Melyukova, A. I. 1989. *Stepi Evropeiskoi Chasti SSSR v Skifo-Sarmatskoe Vremya (Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time)*. Moscow: Nauka (in Russian).
31. Memiş, E. 1987. *İskit'lerin Tarihi (History of the Scythians)*. Konya: Selçuk Üniversitesi Yayınları (in Turkish).
32. Mishenko, F. G. 1882. In *Universitetskie izvestiya*. № 11, 477 (in Russian).
33. Mongait, A. L. 1955. *Aheologiya v SSSR (Archaeology in the USSR)*. Moscow: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR (in Russian).
34. Moorey, P.R.S. 1971. *Catalogue of the ancient Persian bronzes in the Ashmolean museum*. Oxford: At the Clarendon Press.
35. Rostovtseff, M. I. 1918. *Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii (Hellenism and Iranism in the South of Russia)*. Praga (in Russian).
36. Samashev, Z., Pavel, K. 2014. *Berelskie loshadi. Morfologicheskoe issledovanie (Berel horses. Morphological study)*. Astana: Izdatelskaya gruppa filiala Instituta arheologii im. A.H. Margulana v g. Astana (in Russian).
37. San, O. 2000. In *Belleten* 239, 1–22. <https://belleten.gov.tr/tam-metin-pdf/2533/tur> (In Turkish).
38. Simonenko, A. V. 2009. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomorya (Sarmatian horsemen of the Northern Black Sea region)*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya (in Russian).
39. Sizdikov, B. S. 2019. In *Bilig – Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi (Bilig – Journal of Turkish World Social Sciences)* 90, 1–19. <https://doi.org/10.12995/bilig.9001> (in Turkish).

40. Sizdikov, B. S., Seraliyev, A. A. 2022. In *Oriental Studies*, 15(5), 1110–1125. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1110-1125
41. Schenk, P. 1999. *Studien zur goet, schen Kunst des Valerius Falaccus*. München: Verlag C.H. Beck.
42. Sevin, V. 2002. *Anadolu Arkeolojisi (Anatolian Archeology)*. İstanbul: Der Yayınları (in Turkish).
43. Sinor, D. D. 2000. *Erken İç Asya Tarihi (Early Inner Asian History)*. İstanbul: İletişim Yayınları (in Turkish).
44. Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (Armament of the Savromats)*. Moscow: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR (in Russian).
45. Strabon, 1969. *The Geography of Strabo (trans. Horace Leonard Jones)*. Cambridge: The Loeb Classical Library.
46. Tarhan, M. T. 1979. In *III Türk Tarihi Kongresi (III Turkish History Congress)* Cilt 1. Ankara: Türk Tarihi Kurumu Yayınları, 355–369 (in Turkish).
47. Tellioğlu, İ. 2005. In *A.Ü. Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi (A.U. Journal of the Institute of Turkic Studies)* 27, 237–245. <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/32925> (in Turkish).
48. Terenozhkin, A. I. 1973. In Iliinskaya, V. A., Terenozhkin, A. I. (eds.). *Skifskie Drevnosti (Scythian Antiquities)* Kiev: Naukova Dumka, 7–19 (in Russian).
49. Terenozhkin, A. İ. 1976. *Kimmeriitsy (The Cimmerians)*. Kiev: Naukova Dumka (in Russian).
50. Vainberg, B. İ. 1979. In *Trudy Horezmskoi Arheologo-Etnograficheskoi Ekspeditsii (Proceedings of Khorezm Archaeological-Ethnographic expedition)* 11, 7–79 (in Russian).
51. Vasilev, V. N. 2001. *Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Yuzhnogo Urala v VI – II vv. do nashei ery (Armament and military affairs of the nomads of the Southern Urals in the VIII century B.C.)*. Ufa: Gilem (in Russian).
52. Yalçıklı, D. 1999. *PhD Thesis*. Ankara: Hacetepe üniversitesi (in Turkish).

About the Authors:

Sizdikov Bagdaulet S. Ph.D. Associate professor. International Hoca Ahmet Yesevi Turkish-Kazakh University. B. Sattarkhanov Ave., 29B, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; bagdaulet.sizdikov@ayu.edu.kz

Apendiyev Timur A. Ph.D. Abai Kazakh National Pedagogical University. Dostyk ave. 13, Almaty, 050010, Kazakhstan; timur.apendiev@mail.ru

Batyrbekkyzy Gaukhar. Ph.D. South Kazakhstan State University named after M. Auezov. Tauke-khan Ave., 5, Shymkent, 160018, the Republic of Kazakhstan; goha_batyr@mail.ru

Muldakhmetova Zhanar I. Candidate of Historical Sciences, South Kazakhstan State University named after M. Auezov. Tauke-khan Ave., 5, Shymkent, 160018, the Republic of Kazakhstan; zhanar_0869@mail.ru

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КОЧЕВЫХ ПЛЕМЕН ВСАДНИКОВ В МАЛУЮ АЗИЮ

Б.С. Сиздиков, Т.А. Апендиев, Г. Батырбеккызы, Ж.И. Мулдахметова

Письменные источники и археологические данные свидетельствуют о том, что обширная территория от великой китайской стены на востоке до Карпатских гор на западе в I тысячелетии до н. э. была заселена сакскими и савроматско-сарматскими племенами, сформировавшими «кочевую культуру». Воинственные кочевники, умелые наездники, меткие лучники и мужественные воины известны в истории как «кочевые племена всадников». Переселение кочевых племен из степей Средней Азии в Восточную Европу и Малую Азию в первой половине I тысячелетия вошло в историю как первая волна «Великого переселения» народов Востока на Запад. На сегодняшний день этот факт подтверждается как письменными, так и археологическими данными. Переселение привело к различным культурным конфликтам, и племена кочевых всадников стали признаваться древнеевропейскими и малазийскими народами. Вопрос переселения является темой исследования зарубежных и отечественных ученых. Тем не

Работа выполнена в рамках проекта Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан № AP13068455 «Исследование археологических курганов нижнего течения реки Келес в контексте археологии и междисциплинарных наук».

менее, в рамках данной статьи авторы решили провести научные изыскания, изучить причины и пути миграции кочевых племен всадников в Восточную Европу и Малую Азию, систематизировать прежние и новые данные, опираясь на опыт зарубежных и отечественных исследователей. Кроме того, в статье проведен сравнительный анализ вещественных источников, характерных для кочевых племен-всадников Малой Азии, с систематизацией письменных данных и археологических данных. Изучены периоды и направления завоевательных походов кочевых всадников в Малую Азию, сделаны научные выводы.

Ключевые слова: археология, Восточная Европа, Малая Азия, кочевые племена-всадников, саки, савроматы-сарматы, кочевье, оружие.

Информация об авторах:

Сиздиков Багдаулет Сапарбаевич, Ph.D., ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт археологии Международного казахско-турецкого университета им. Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан); bagdaulet.sizdikov@ayu.edu.kz

Апендиев Тимур Акимханович, Ph.D., постдокторант. Казахский национальный педагогический университет им. Абая (г. Алматы, Казахстан); timur.apendiev@mail.ru

Батырбеккызы Гаухар, PhD, старший преподаватель. Южно-Казахстанский университет им. М.Ауэзова (г. Чимкент, Казахстан); goha_batyr@mail.ru

Мулдахметова Жанар Искандеровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель. Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова (г. Чимкент, Казахстан); zhanar_0869@mail.ru

Статья принята к публикации 01.03.2023 г.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА В СТЕПНОЙ ЗОНЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ¹

© 2023 г. А.В. Колесник

Современная теория культурного слоя базируется на представлении о неразрывной связи процессов формирования и разрушения слоя культурных остатков. Культурные остатки могли накапливаться как в субаэральных, так и в субаквальных средах. Наибольшим разнообразием отличаются культурные слои в субаэральных отложениях. Не менее важные особенности, показывающие современное состояние культурных слоев, зависели от сценариев разрушения горизонтов культурных остатков. Процессы сингенетической и эпигенетической (постгенетической) деформации протекали по-разному; сингенетическая деструкция в значительной степени была связана с антропогенным воздействием, в отличие от последующих естественных процессов разрушения слоя. Большинство культурных слоев памятников каменного века, расположенных на юге Русской равнины, связано с почвенно-лессовыми отложениями. Стандартная эпигенетическая деформация культурных слоев определялась криогенными и биогенными процессами и приводила к перемещению предметов вверх и вниз из погребенного культурного слоя. Степень такой деформации колеблется от умеренной до весьма значительной. Метод установления связей между деталями кремневых аппликаций позволяет уверенно диагностировать первоначальное стратиграфическое положение культурного слоя, в ряде случаев реконструировать топографию поверхности обитания. Отмечается слабое разрушение участков культурного слоя с плотной (спрессованной) массой культурных остатков.

Ключевые слова: археология, каменный век, степная зона, Донбасс, Северное Приазовье, культурный слой, эпигенетическая деформация культурного слоя.

Введение

Культурный слой – базовое понятие археологии поселений. Современные представления в области теории культурного слоя окончательно оформились в русскоязычной литературе в 90-е годы прошлого века. Основные постулаты теории касались базовых компонентов культурного слоя (Александрова, 1990), структуры (Леонова, 1983, 1990), признаков деформации (Аникович, 1990; Сеницын, 1990), наиболее типичных состояний слоя (Деревянко, Маркин, Васильев, 1994) и ряда других аспектов. В общем виде такой подход сформулирован Х.А. Амирхановым: «Культурный слой памятника каменного века – это основная единица собственно археологической... стратиграфии памятника» (Амирханов, 2009, с. 17).

Комплексное исследование слоев археологическими, литологическими, геохимическими, магнитными и различными лабораторными методами позволило детально охарактеризовать эволюцию и индивидуальное развитие культурных слоев различных памятников плейстоцена и голоцена (Сычева, 1999, 2006; Демкин, 1997; Сычева, Леонова, Узянов и др., 2000). Выделяются пять этапов эволюции слоев, от их формирования до погребения и последующих метаморфических изменений (Сычева, Леонова, Александровский и др., 2004, с. 10–12). Три из этих этапов относятся к активной фазе эксплуатации поверхности обитания и фазе последующей деструкции слоя (Леонова и др., 2006, с. 158–162). Существует также оценка культурного слоя в качестве

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 0122D000017 «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса», финансируемого МОН ДНР РФ.

«геоархеологического объекта» или «культуровмещающего образования» (Медведев, Несмеянов, 1988; Генералов, 2000; Воробьева, Бердникова, 2001).

В настоящее время в области теории культурного слоя сформировались три развитых блока представлений, касающихся тафономии культурных остатков в субаквальной среде (Зарецкая, Успенская, Жилин, 2002; и др.), в деятельном слое вечной мерзлоты (Амирханов, 2000, 2008; Питулько, 2011; Синицын, 1990; и др.) и в лессово-почвенных отложениях с умеренной криогенной деформацией (Крижевская, 1987, 1992; Сычева, 1999; Леонова и др., 2006; Колесник, 1994; Березина и др., 2021). Развиваются также представления об особенностях культурных слоев в зонах денудации (Деревянко и др., 2002; и др.), эоловой деформации слоя в песчаном субстрате (Величко и др., 2002; и др.), зандровых зон (Сорокин, 2008; и др.) и т. д. Настоящий очерк целиком относится к анализу тафономии культурных слоев, залегающих в лессово-почвенных породах в районах, в основном не затронутых вечной мерзлотой (кроме отдельных эпизодов климатической истории позднего плейстоцена). Культурные слои в лессово-почвенных седиментах широко распространены в зоне умеренного климата Евразии.

Л.Я. Крижевская в связи с раскопками неолитических поселений в районе г. Матвеев Курган в Северо-Восточном Приазовье отметила, что «в почвенный же горизонт находки попали, по-видимому, после оставления поселения, будучи «поднятыми» кверху различными процессами почвообразования и в результате деятельности людей» (Крижевская, 1989, с. 74).

Наблюдения

Культурные остатки каменного века Донбасса и Северо-Восточного

Приазовья включены в культурные слои и культуросодержащие горизонты различной сохранности. Основное количество культурных слоев подвергалось стандартным процессам эпигенетической деформации начиная со среднего палеолита.

Наиболее типичная ситуация в этом смысле отмечается в бугском лессе на стоянке среднего палеолита Белокузьминовка (Колесник, 2003-а, с. 170–175). Видимо, заключенные в раннебугский лессовидный суглинок культурные остатки этого поселения первоначально образовывали два культуросодержащих горизонта находок, которые соответствовали двум эпизодам интенсивного заселения поверхности мысовидной площадки (Герасименко, 1993).

В позднепалеолитических материалах наиболее типичная ситуация, связанная с растянутым по вертикали горизонтом находок, отмечена при раскопках мастерской Висла Балка в Подонцовье (Колесник, Леонова, 2002). Хорошо известно «взвешенное» залегание культурных остатков в профиле Амвросиевской позднепалеолитической стоянки. Установлено, что основной археологический комплекс стоянки находится в кровле делювия ископаемой почвы, а выше залегает причерноморский (осташковский) лесс (Герасименко, 2004).

Вместе с тем в ряде случаев процесс эпигенетической деформации культурных слоев позднего палеолита в современной степной зоне носил умеренный характер и не приводил к масштабной деформации. Наиболее сохраненным, видимо, является позднепалеолитический культурный слой мастерской в урочище Выдылыха в среднем течении Северского Донца; основное скопление расщепленных кремней (раскоп II) полностью сохранило первоначальный планиграфический контекст (рис. 2: 1–2), тем не менее отмечается некоторая

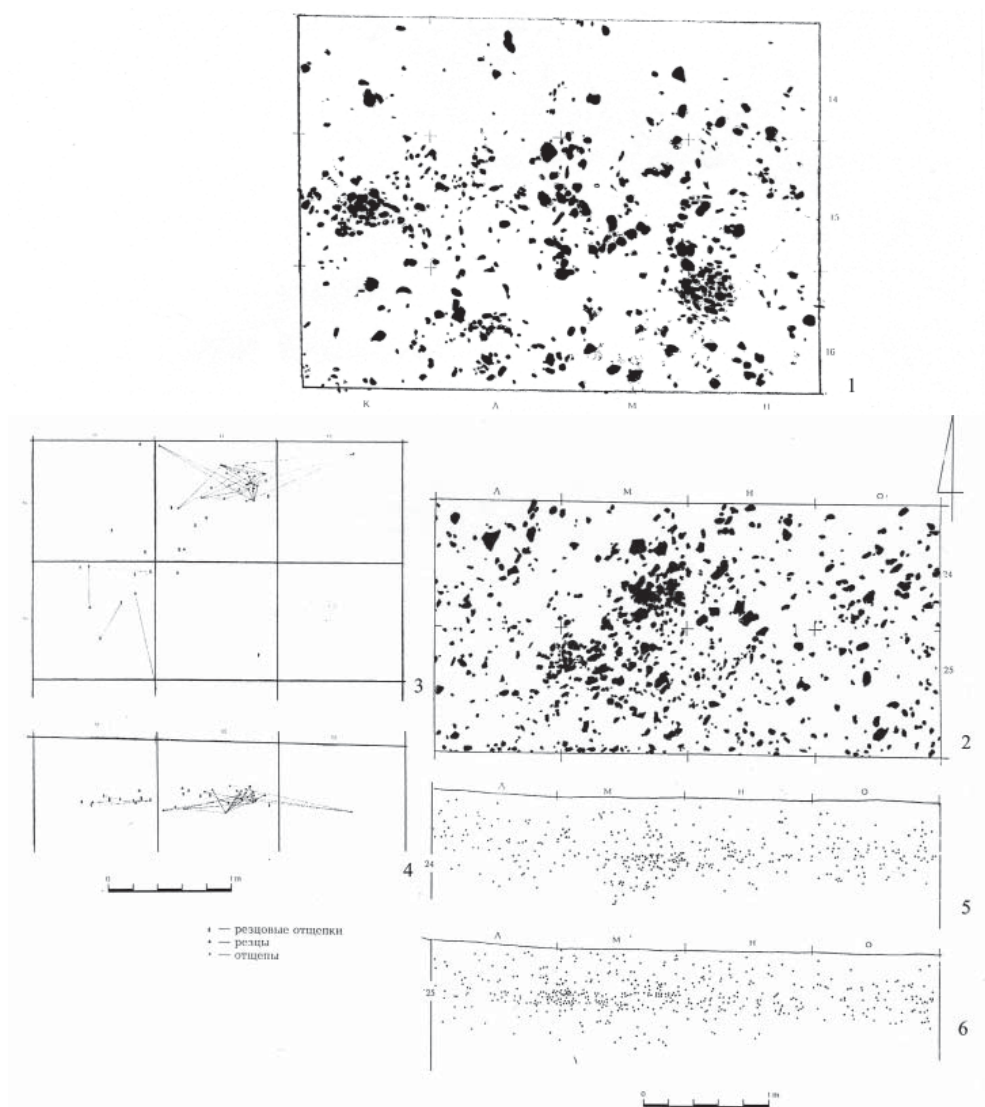

Рис. 1. Мастерская Висла Балка в среднем течении Северского Донца. Скопление кремней в кв. К-15, М-16 (1); план и профили находок кремней в кв. ЛМНО-24-25 (2); план и профиль связей между деталями аппликаций в кв. МНО-8-9 (3-4).

Fig. 1. Workshop of Visla Balka in the Middle Seversky Donets. Concentration of flints in sq. K-15, M-16 (1); plan and profiles of finds of flints in sq. LMNO-24-25 (2); plan and profile of links between details of applications in sq. INR-8-9 (3-4).

«растянутость» слоя по вертикали (рис. 2: 3).

Подобные по сохранности культурные слои изучены на стоянках позднего палеолита в Каменной Балке в дельте реки Дон. Масштабные микростратиграфические и микрофациальные исследования культурного слоя стоянки Каменная Балка II

(второй слой) позволяют детально охарактеризовать этапы формирования слоя, а также сингенетические и эпигенетические процессы его деформации и разрушения (Леонова и др., 2006, с. 158–161). Наложение склонового голоценового почвообразования на культурные слои финального палеолита в Рогаликско-Передельском

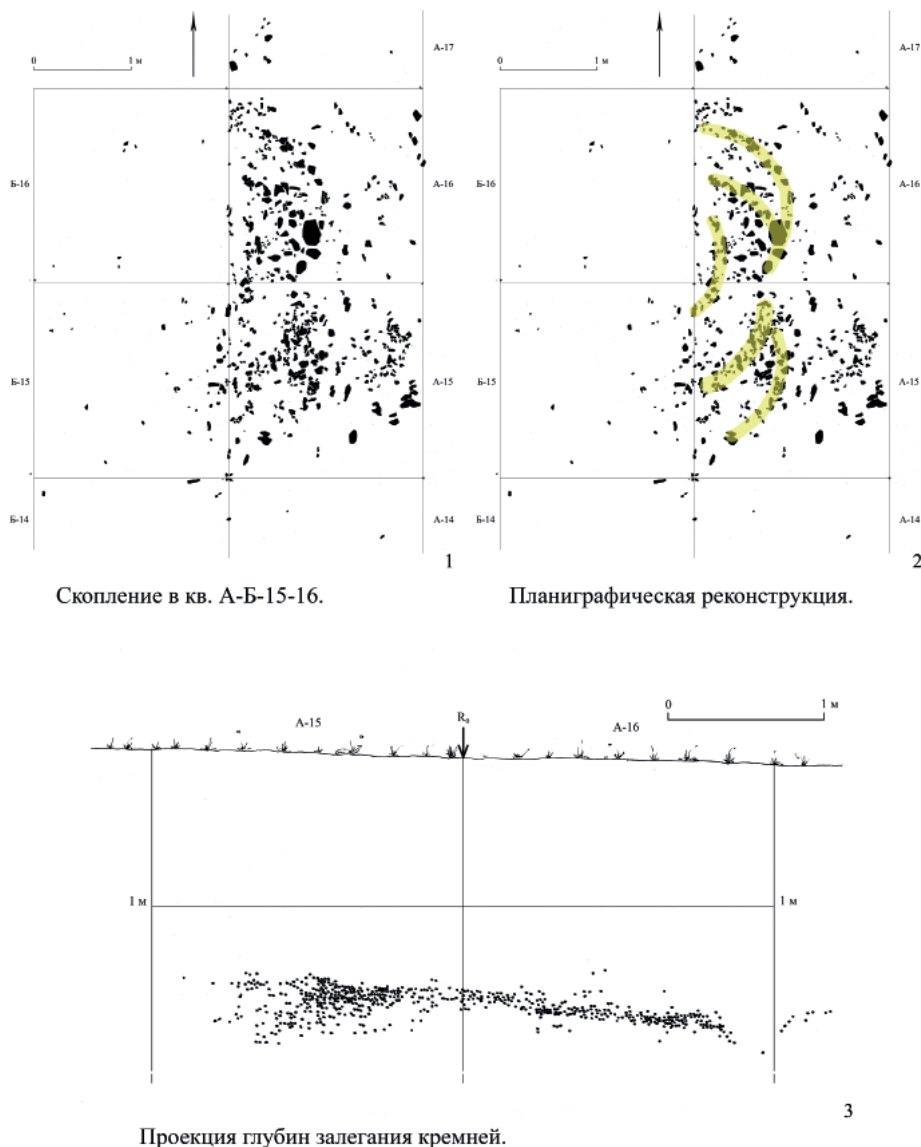

Рис. 2. Мастерская Выдылыха в среднем течении Северского Донца. Раскоп II. План (1) и профиль (3) находок, планиграфическая реконструкция рабочего места мастера (2).

Fig. 2. Workshop of Vydylykha in the Middle Seversky Donets. Excavation II. Plan (1) and profile (3) of finds, spatial reconstruction of the workplace (2).

районе на левом берегу Северского Донца привело к тому, что в ряде случаев палеолитические остатки оказались вовлеченными в различные горизонты современной почвы (Горелик, 2001).

Примерами культурных слоев периода голоцена, растянутых по всему

профилю современной почвы, являются мезолитическая стоянка Мирное (Станко, 1983). На мезолитической стоянке Вязовок 4а в заполнении жилища 1 наивысшая концентрация кремней всех размерных фракций приходится на нижнюю толщу отложений (Гавриленко, 2000).

Преимущественное постгенетическое «прорастание» слоя вверх имеет место и в голоценовых комплексах. Так, на ранненеолитической стоянке Матвеев Курган в Приазовье взвешенные культурные остатки залегают во всей толще современной почвы мощностью до 1 м, в то время как достоверные остатки *in situ* в виде очагов и жилых конструкций находятся в основании почвы, в ранненеолитических по возрасту седиментах (Крижевская, 1989; 1992). Отложения с культурными остатками имеют здесь толщину до 1 м, но древняя жилая поверхность, совпадающая с хорошо сохранившимися структурными элементами слоя в виде очагов, кострищ и жилых конструкций, наблюдается только в нижней части отложений, на глубине около 0,7 м. Обращает на себя внимание минимальное количество находок над очагами. Многочисленные кремневые, каменные и костяные изделия как бы висят над межочажными и междужилищными участками, где они первоначально отлагались при функционировании древнего поселка.

Приведенные примеры наглядно показывают характерный тип эпигенетической деформации культурных слоев памятников археологии степной зоны Русской равнины. Характерной особенностью этого типа деформации является активное перемещение предметов в вертикальной плоскости после того, как культурный слой погребался в результате дальнейшей эоловой седиментации.

Обсуждение

В описанных выше случаях имеет место преобладающее перемещение предметов вверх при сохранении основного уровня концентрации на первоначальном месте отложения остатков и слабо выраженное проваливание костей и артефактов вниз, ниже существовавшей когда-то поверхности обитания. Горизонты куль-

турных остатков этих памятников – результат разрушения некогда относительно тонкого культурного слоя в ходе последующей седиментации и почвообразования. В итоге выше и ниже основного горизонта кремней формируется рассеянное по вертикали «облако» находок (Деревянко, Маркин, Васильев, 1994).

Для удобства описания сильно разрушенного таким образом горизонта и с целью его стратиграфического анализа имеет смысл разделить подобные культуросодержащие горизонты на основной, или первоначальный горизонт (А), а также вторичные (В и С) горизонты, возникшие в результате разрушения культурного слоя сложными процессами почвообразования. Культуросодержащие горизонты – литологические единицы различного генезиса, включающие примесь в виде различных переотложенных культурных остатков. Среди них следует различать делювиальные горизонты, накопившиеся в результате плоскостного смыва, а также горизонты, накопленные в результате эоловой седиментации и сопряженные со слоем, в котором первоначально залегал культурный слой. В сопряженные горизонты предметы из ближайших участков культурного слоя попадали в результате преимущественно вертикальной инсталляции. А-горизонт соответствует уровню поверхности обитания и первоначальному стратиграфическому положению слоя; В-горизонт залегает ниже; С-горизонт перекрывает А-горизонт (Колесник, 2003-б). А-горизонт сохраняет повышенную концентрацию находок. В силу генетической связанности резкой границы между всеми этими условными горизонтами трансформированного культурного слоя нет.

Исключительно четким маркером первоначальной стратиграфической позиции А-горизонта является профилировка связей между деталями

аппликаций в вертикальной проекции. Сгустки связей позволяют в ряде случаев реконструировать уровень поверхности обитания с точностью до нескольких сантиметров. В частности, в скоплении в кв. К-7-8 (раскоп I) в неолитическом слое местонахождения Выдылыха на Северском Донце разница в глубине залегания основных элементов складней находится в пределах 3–4 см. В сильно растянутом по вертикали профиле позднелепестчатого местонахождения Висла Балка в Подонцовье удалось совместить детали многочисленных аппликаций с разницей в глубине залегания до 70 см и более. При этом основной горизонт, уверенно реконструируемый по вертикальной концентрации кремней и сгустку связей между деталями аппликаций, отмечается на глубине около 50 см. Структурные элементы слоя в виде различного рода скоплений каменных предметов слое также принципиально восстанавливаемы в ходе ремонтажа продуктов расщепления кремня. Как правило, кремни, залегающие в основном горизонте культурного слоя, отличаются наиболее «свежим» видом, находятся в горизонтальном положении, представлены всеми размерными фракциями. В литологических горизонтах, находящихся выше и ниже основного слоя сохранность всех кремней иная, худшая. В мезолитических (Гавриленко, 2000, с. 20) и неолитических (Цетлин, 1988) расщепленных слоях отмечается увеличение доли крупных предметов на уровне условного А-горизонта слоя.

При значительной степени вертикального эпигенетического переотложения культурных остатков древних поселений в степной зоне Русской равнины происходило частичное или полное разрушение органико-минералогического заполнителя культурного слоя при непороговой деформации первоначального планиграфическо-

го контекста кремневых предметов (Леонова и др., 2006). Во многих случаях отмечено, что перемещение предметов вверх, как правило, сопровождалось незначительными горизонтальными отклонениями (Холушкин, Холушкина, 1985, с. 38; Гавриленко, 2000, с. 21).

Описанные процессы эпигенетической деструкции культурного слоя неразрывно связаны с естественными универсальными процессами почвообразования. Почвы степной зоны – динамическая среда, в рамках которой протекали и протекают различные процессы, в том числе связанные с механическим перемещением крупных частиц и предметов. В целом выделяются как минимум девять типов биогенной, криогенной и иных педотурбаций (Wood, Johnson, 1978), часть из которых могла приводить к движению археологических предметов по профилю почвы.

Скорее всего, движение кремней вверх по профилю объясняется эффектом сезонного промерзания грунта (Демек, 1977). Физический механизм движения предметов при криогенных процессах основан на том, что накапливаемая под нижней стороной костей и кремней капиллярная почвенная влага при сезонном замерзании увеличивает объем и медленно толкает их вверх. Перемещение предметов вниз частично объясняется «проваливанием» в мерзлотные трещины, однако такой тип деструкции имел ограниченное значение в наиболее сухие и холодные климатические фазы плейстоцена.

К перемещению предметов вверх и вниз из первоначального слоя приводит также деятельность землеройных животных. Эти вторичные горизонты слоя отличаются от основного инициального горизонта относительно слабой насыщенностью каменными изделиями, но резко превосходят его по мощности. В условиях вертикального

переотложения сам первоначальный горизонт также утолщается, теряет контрастность верхней и нижней границ. Процесс разрушения культурного слоя землеройными животными совершенно очевиден и документируется многочисленными случаями залегания переотложенных кремневых изделий в древних «кротовинах», заполненных перемещенным («вторичным») лессовым и почвенным материалом (Висла Балка и др.).

В ходе раскопок отмечена чрезвычайно интересная деталь, связанная с характером постдепозиционной деформации слоя. Как правило, структурные элементы культурного слоя, отличающиеся плотным залеганием культурных остатков в виде сцементированной массы или брекчии, в меньшей степени были подвержены последующей деструкции. Над такими плотными структурами «взвесь» из культурных остатков в почвенном субстрате минимальна или вовсе отсутствует (Крижевская, 1992, с. 17). Этот сугубо механический эффект является важной характеристикой процесса развития почв в степной зоне. Очевидно, механизмы процесса почвообразования, связанные с вертикальным перемещением мелких предметов, «включались» при определенной плотности лессово-почвенных пород. Монолитные скопления культурных остатков отражают пороговое значение плотности седиментов, подавляющее или инициирующее естественные механизмы деструкции культурного слоя.

Заключение

1. Наиболее вероятными агентами эпигенетической деформации культурных слоев каменного века в степной зоне следует признать сезонные

криогенные и биогенные турбации; в результате этих сложных процессов происходило выталкивание предметов вверх по почвенному профилю и проседание вниз. Этот механизм включался после того, как сформированный культурный слой погребался в ходе последующего цикла седиментации и становился включенной частью геологического тела.

2. Эпигенетическая деформация культурных слоев данного типа проходила несколько этапов. На первом этапе происходило умеренное «расщепление» культурного слоя (до 10–20 см вверх и вниз); в процесс вовлекались все культурные остатки, включая костный материал. Культурный слой сохраняется как таковой. На втором этапе формировалось «облако» взвеси из кремневых изделий (до 50–70 см вверх и 30–40 см вниз), без участия органических остатков; при этом сохраняется возможность реконструкции основных структурных элементов слоя и его первоначальной стратиграфической позиции при помощи метода связей. На третьем этапе на указанные процессы деструкции культурного слоя налагались процессы плоскостного смыва, эрозии и другие факторы, в результате чего происходило смешение разновременных остатков, значительная или полная девальвация комплексов культурных остатков. Если не принимать во внимание приведенную выше тафономическую модель эпигенетической деформации слоя поселений современной степной зоны, можно ошибочно принять В- и С-горизонты слоя за самостоятельные стратиграфические горизонты памятника или отдельные горизонты обитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. М.: Наука, 2000. 245 с.
2. Амирханов Х.А., Ахметгалеева Н.Б., Бужилова А.П., Бузова Н.Д., Лев С.Ю., Мащенко Е.Н. Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005 М.: Палеограф, 2009. 466 с.

3. *Александрова М.В.* Некоторые замечания по теории палеолитического культурного слоя // КСИА. № 202 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1990. С. 4–8.
4. *Аникович М.В.* О методике исследования стоянок с переотложенными культурными слоями (на примере изучения Костенок 12) // КСИА. № 202 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1990. С. 28–33.
5. *Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш.* Возраст и природное окружение стоянки охотников на лошадей Шолма I в Правобережье Волги в Чувашии // Поволжская археология. 2021. № 3(37). С. 32–41.
6. *Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Дренова А.Н., Тимирева С.Н.* Лёссы и параболические дюны как диахронные феномены перигляциала // Пути эволюционной географии (итоги и перспективы) / Отв. ред.: И.И. Спасская. М.: Институт географии РАН, 2002. С. 107–126.
7. *Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е.* Археотафономия: этапы, процессы, циклы (в порядке дискуссии) // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения / Отв. ред. А.П. Деревянко, Г.И. Медведев. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 53–70.
8. *Гавриленко І.М.* Зимівниківська археологічна культура. Полтава: АСМІ, 2000. 128 с.
9. *Генералов А.Г.* Геоархеологический объект Стрижова Гора (стратиграфия, хронология, типология, технология). Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 2000. 153 с.
10. *Герасименко Н.П.* Природная среда обитания мустьерского человека в Донбассе // Археологический альманах. № 2 / Отв. ред. А.В. Колесник. Донецк: Донецчина, 1993. С. 5–12.
11. *Герасименко Н.П.* Развитие зональных ландшафтов четвертичного периода на территории Украины. Автореф. дисс. ... докт. геогр. наук. Киев, 2004. 41 с.
12. *Горелик А.Ф.* Памятники Рогаликско-Передельского района // Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Киев; Луганск: РИО ЛИВД, 2001. 351 с.
13. *Демек Я.* Справочник по литологии. Москва: Недра, 1977. 181 с.
14. *Дёмкин В.А.* Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. 213 с.
15. *Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А.* Палеолитоведение. Введение и основы. Уч. пособие. Новосибирск: Наука, 1994. 228 с.
16. *Деревянко А.П., Зенин А.Н., Олсен Д., Петрин В.Т., Цвэндорж Д.* Палеолитические комплексы Кремневой долины. Каменный век Монголии. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2002. 285 с.
17. *Зарецкая Н.Е., Успенская О.Н., Жилин М.Г.* Возраст и генетические типы отложений двух разрезов многослойного поселения Становое 4 (Ивановская область) // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2002. С. 117–122.
18. *Каменецкий И.С.* О культурном слое // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика. Материалы научной конференции / Отв. ред. А.А. Узянов. М.: НИА-Природа, 2006. С. 28–32.
19. *Колесник А.В.* Средний палеолит Донбасса // Археологический альманах. № 12 / Отв. ред. А.В. Колесник. Донецк: Лебедь, 2003а. 294 с.
20. *Колесник А.В.* Тафономическая вариабельность памятников среднего палеолита Донбасса // Вариабельність середнього палеоліту України. Киев: Шлях, 2003б. С. 106–115.
21. *Колесник А.В., Весельский А.П.* Археологическая характеристика горизонта находок // Висла Балка – позднепалеолитический памятник на Северском Донце / Археологический альманах. Вып. 11. Донецк, 2002. С. 23–28.
22. *Крижевская Л.Я.* К вопросу о формировании культурного слоя в голоценовых отложениях (по материалам матвеевокурганских раннеголоценовых памятников) // Научно-практический семинар «Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе». Донецк, 1989. С. 73–75.
23. *Крижевская Л.Я.* Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб.: ИИМК РАН, 1992. 176 с.
24. *Леонова Н.Б.* О методах изучения структуры верхнепалеолитических стоянок // ВА. 1983. Вып. 71. С. 104–110.

25. Леонова Н.Б. Возможности планиграфии и микростратиграфии при современных полевых исследованиях // КСИА. № 202 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1990. С. 13–17.
26. Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. Палеоэкология равнинного палеолита. М.: Новый мир, 2006. 342 с.
27. Медведев Г.И., Несмеянов С.А. Типизация «культурных отложений» и местонахождений каменного века // Методические проблемы археологии Сибири / Отв. ред. Р.С. Васильевский, Ю.П. Холушкин. Новосибирск: Наука, 1988. С. 113–142.
28. Питулько В.В. О работах экспедиции «Высокоширотная Арктика: природа и человек» (проект Жохов-2000) на Новосибирских островах в 2000–2005 гг. // Полярный альманах. № 2 / Ред. Р. Алиев, Ю. Бурлаков. М.: Паулсен, 2011. С. 77–91.
29. Синицын А.А. О признаках нарушения культурного слоя (по материалам стоянок, залегающих в костенковских гумусах) КСИА. № 202 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1990. С. 33–37.
30. Станко В.Н. Мирное: Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1983. 175 с.
31. Сорокин А.Н. Мезолитоведение Поочья. М.: ИА РАН, 2008. 327 с.
32. Сычева С.А. Культурный слой как объект географии // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1999. № 6. С. 13–21.
33. Сычева С.А. Культурный слой древних поселений как объект // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика. Материалы научной конференции / Отв. ред. А.А. Узянов. М.: НИИ-Природа, 2006. С. 45–54.
34. Сычева С.А., Леонова Н.Б., Узянов А.А., Александровский А.А., Пустовойтов К.Е., Эволюция культурных слоев голоцена // Известия АН СССР. Серия географическая. 2000. № 4. С. 29–37.
35. Холушкин Ю.П., Холушкина В.А. Методические аспекты исследования археологических культур каменного века Сибири // Проблемы реконструкции в археологии / Отв. ред. Р.С. Васильевский, Ю.П. Холушкин. Новосибирск: Наука, 1985. С. 23–45.
36. Цетлин Ю.Б. О реконструкции археологической стратиграфии памятников эпохи неолита // СА. 1988. № 1. С. 5–16.
37. Wood W.R., Johnson D.L. A survey of disturbance processes in archaeological site formation // Advances in Archaeological Method and Theory. Vol.1. New York, 1978, pp. 315–370.

Информация об авторе:

Колесник Александр Викторович, доктор исторических наук, ГАК РО «Донское наследие» (г. Ростов-на-Дону, Россия); akolesnik2007@mail.ru

SPECIFICS OF FORMATION AND DEFORMATION OF STONE AGE SITES CULTURAL LAYERS IN STEPPE ZONE OF EAST EUROPEAN PLAIN

A.V. Kolesnik

The modern theory of cultural layer is based on idea of indissoluble links of processes of formation and destruction of a layer of the cultural remains. The cultural remains could accumulate both in the sub-aerial and in the sub-aquatic environments. Horizons in the sub-aerial deposits are the most diverse. The equally important features, that demonstrate the current state of cultural layers, depended on scenarios of destruction of the cultural remains horizons. Processes of syngenetic and epigenetic (post-genetic) deformation proceeded differently; syngenetic destruction has been substantially connected with anthropogenic influence unlike the subsequent natural processes of destruction of a layer. The most of cultural layers of the Stone Age sites, which are located in the south of East European Plain, are the result of soil and loessial deposits. A standard epigenetic deformation of horizons was determined by cryogenic and biogenic processes and moved up and down of objects in a burial cultural layer. The degree of such deformation ranged from moderate to highly significant. The method of linking the details of the flint applications makes it possible to confidently diagnose the original stratigraphic position of the cultural layer and, in some

The article was prepared within the framework of project No. 0122D000017 "Actual issues of ancient and medieval history and archeology of Donbas", funded by MES DPR RF.

cases, reconstruct the topography of a surface of habitation. Weak destruction of sections of the cultural layer with a dense (pressed) mass of cultural remains is noted.

Keywords: archaeology, Stone Age, steppe zone, Donbas, Northern Sea of Azov region, cultural layer, post-genetic deformation of a cultural layer.

REFERENCES

1. Amirkhanov, Kh. A. 2000. *Zarayskaya stoyanka (Zaraisk site)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Amirkhanov, Kh. A., Akhmetgaleeva, N. B., Buzhilova, A. P., Burova, N. D., Lev, S. Yu., Mashchenko, E. N. 2009. *Issledovaniya paleolita v Zaraiske. 1999–2005 (Researches in Palaeolithic at Zaraysk, 1999–2005)*. Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).
3. Aleksandrova, M. V. 1990. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 202. Moscow: "Nauka" Publ., 4–8 (in Russian).
4. Anikovich, M. V. 1990. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 202. Moscow: "Nauka" Publ., 28–33 (in Russian).
5. Berezina, N. S., Berezin, A. Yu., Galimova, M. Sh. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 37 (3), 32–41 (in Russian).
6. Velichko, A. A., Gribchenko, Yu. N., Drenova, A. N., Timireva, S. N. 2002. In Spasskaya, I. I. (ed.). *Puti evolyutsionnoy geografii (itogi i perspektivy) (Ways of evolutionary geography (results and prospects))*. Moscow: "Institut geografii RAN" Publ., 107–126 (in Russian).
7. Vorobyeva G. A., Berdnikova, N. E. 2001. In Derevianko, A. P., Medvedev, G. I. (eds.). *Sovremennyye problemy Evraziyskogo paleolitovedeniya (Modern issues of Eurasian paleolithic studies)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 53–70 (in Russian).
8. Gavrilenko, I. M. 2000. *Zimivnikiv'ska arkheologichna kul'tura (Zimivniki archaeological culture)*. Poltava: "ACMI" Publ. (in Ukrainian).
9. Generalov, A. G. 2000. *Geoarkheologicheskii ob'ekt Strizhova Gora (stratigrafiya, khronologiya, tipologiya, tekhnologiya) (Geoarchaeological site Strizhova Gora (stratigraphy, chronology, typology, technology))*. Irkutsk: "Irkutsk University" Publ. (in Russian).
10. Gerasimenko N.P. 1993. In Kolesnik, A. V. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 2. Donetsk: "Donechchina" Publ., 5–12 (in Russian).
11. Gerasimenko, N. P. 2004. *Razvitie zonal'nykh landshaftov chetvertichnogo perioda na territorii Ukrainy Avtoref. ... dokt. geogr. nauk (Development of zonal landscapes of the Quaternary period on the territory of Ukraine)*. Doct. Diss. Thesis. Kyiv (in Russian).
12. Gorelik, A. F. 2001. *Pamyatniki Rogaliko-Peredelskogo rayona. Problemy final'nogo paleolita Iugo-Vostochnoi Ukrainy (Rogalik-Peredelskoye local region site complex. Problems of the final Paleolithic of South-Eastern Ukraine)*. Kiev; Luhansk: Editorial and Publishing Unit of Luhansk State University of Internal Affairs (in Russian).
13. Demek, Ya. *Spravochnik po litologii (Lithology Handbook)*. Moscow: "Nedra" Publ. (in Russian).
14. Demkin, V. A. 1997. *Paleopochvovedenie i arkheologiya: integratsiya v izuchenii istorii prirody i obshchestva (Paleopedology and archaeology: integration for study of history of nature and society)*. Pushchino: Pushchino Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
15. Derevyanko, A. P., Markin, S. V., Vasilyev, S.A. 1994. *Paleolitovedeniye. Vvedeniye i osnovy (Paleolithic studies. Introduction and principles)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
16. Derevyanko, A. P., Zenin, A. N., Olsen, D., Petrin, V. T., Tsevendorzh, D. 2001. *Paleoliticheskiye komplekсы Kremnevoy doliny. Kamennyy vek Mongolii (Paleolithic complexes of the Flint valley. Stone Age of Mongolia)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 53–70 (in Russian).
17. Zaretskaya, N. E., Uspenskaya, O. N., Zhilin, M. G. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Papers)* 5. Tver: Tver State United Museum, 117–122 (in Russian).
18. Kamenetskiy, I. S. 2006. In Uzyanov, A. A. (ed.). *Kul'turnye sloi arkheologicheskikh pamyatnikov. Teoriya, metody i praktika. Materialy nauchnoy konferentsii (Cultural Layers of Archaeological Sites. Theory, Methods and Practice. Proceedings of the Scientific Conference)*. Moscow: "NIA-Priroda" Publ., 28–32 (in Russian).
19. Kolesnik, A. V. 2003. In Kolesnik, A. V. (ed.). *Sredniy paleolit Donbassa (Middle Paleolithic of the Donbass)*. Series: *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 12. Donetsk: "Lebed'" Publ. (in Russian).
20. Kolesnik, A. V. 2003. In *Variabelnist serednogo paleolitu Ukraïni. Kiyev (Variability of the Middle Paleolithic of Ukraine)*. Kiev: "Shlyakh" Publ., 106–115 (in Russian).
21. Kolesnik, A. V., Veselskiy, A. P. 2002. In Kolesnik, A. V. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 11. Donetsk, 23–28 (in Russian).

22. Krizhevskaya, L. Ya. 1989. In *Problemy okhrany i ispolzovaniya pamyatnikov arkheologii v Donbasse (Problems of protection and use of archaeological sites in Donbas)*. Donetsk, 73–75 (in Russian).
23. Krizhevskaya, L. Ya. 1992. *Nachalo neolita v stepyakh Severnogo Prichernomoria (The beginning of the Neolithic in the steppes of the Northern Black Sea region)*. Saint Petersburg: Institute of History of the Material Culture of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
24. Leonova, N. B. 1983. In *Voprosy antropologii (Questions of anthropology)* 71, 104–110 (in Russian).
25. Leonova, N. B. 1990. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 202. Moscow: "Nauka" Publ., 13–17 (in Russian).
26. Leonova, N. B., Nesmeyanov, S. A., Vinogradova, E. A., Voeykova, O. A., Gvozdover, M. D., Min'kov, E. V., Spiridonova, E. A., Sycheva, S. A. 2006. *Paleoekologiya rovninnogo paleolita (Paleoecology of Lowland Paleolithic)*. Moscow: "Noviy mir" Publ. (in Russian).
27. Medvedev, G. I., Nesmeyanov, S. A. 1988. In Vasil'evskiy, R. S., Kholyushkin, Yu. P. (eds.). *Metodicheskie problemy arkheologii Sibiri (Methodological issues of the archaeology of Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 113–142 (in Russian).
28. Pitulko V.V. 2011. In Aliev, R., Burlakov, Yu. (eds). *Polyarnyy almanakh (Polar Almanac)* 2, 77–91 (in Russian).
29. Sinitsyn, A. A. 1990. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 202. Moscow: "Nauka" Publ., 33–37 (in Russian).
30. Stanko, V. N. 1983. *Mirnoye: Problema mezolita stepey Severnogo Prichernomor'ya (The Problem of the Mesolithic Steppes of the Northern Black Sea Region)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
31. Sorokin, A. N. 2008. *Mezolitovedeniye Poochia (Mesolithic studies of Oka river region)*. M.: "Nauka" Publ. (in Russian).
32. Sycheva, S. A. 1999. In *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya geograficheskaya (Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya)* 6, 13–21 (in Russian).
33. Sycheva, S. A. 2006. In Uzyanov, A. A. (ed.). *Kul'turnye sloi arkheologicheskikh pamyatnikov. Teoriya, metody i praktika. Materialy nauchnoy konferentsii (Cultural Layers of Archaeological Sites. Theory, Methods and Practice. Proceedings of the Scientific Conference)*. Moscow: "NIA-Priroda" Publ., 45–54 (in Russian).
34. Sycheva, S. A., Leonova, N. B., Uzyanov, A. A., Aleksandrovskiy, A. A., Pustovoytov, K. E. 2000. In *Izvestiya AN SSSR. Seriya geograficheskikh nauk (Notes of the Academy of Sciences of the USSR. Series of Geographical Sciences)*, 29–37 (in Russian).
35. Kholyushkin, Yu. P., Kholyushkina, V. A. 1985. In Vasil'evskiy, R. S., Kholyushkin, Yu. P. (eds.). *Problemy rekonstruktsii v arkheologii (Issues of reconstruction in archaeology)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. 23–45 (in Russian).
36. Tsetlin, Yu. B. 1988. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 5–16 (in Russian).
37. Wood, W. R., Johnson, D. L. 1978. In *Advances in Archaeological Method and Theory*, 1. New York, 315–370.

About the Author:

Kolesnik Alexander V. Doctor of Historical Sciences. State Autonomous Cultural Institution of the Rostov region "Don Heritage". Nizhnaya Bulvarnaya str., 29, Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation; akolesnik2007@mail.ru

Статья принята к публикации 01.03.2023 г.

УДК 903/904; 903.211/8

<https://doi.org/10.24852/pa2023.1.43.220.233>

МУЖСКИЕ СЛАНЦЕВЫЕ ШЛИФОВАННЫЕ НОЖИ ДРЕВНЕБЕРИНГОМОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ТЕХНОЛОГИЯ ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКВЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА И ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ ДАННЫМ)¹

© 2023 г. Н.Н. Скаун, В.В. Терехина, Х. Эредиа,
К.А. Днепровский, Е.С. Сухорукова, В.А. Агаханова

Этноархеологические исследования, получившие большую популярность во второй половине XX века, стали новым полноценным источником для разнообразных социально-экономических реконструкций в археологии, в том числе при характеристике особенностей производственных комплексов. Разработки, сочетающие технико-типологический и экспериментально-трассологический анализы орудий труда и данные этнографии, играют важную роль при моделировании древних технологий, в особенности когда этнографические артефакты представляют собой продолжение археологических традиций как по способу их изготовления, так и конкретному назначению. В этой связи большой интерес представляет исследование каменных ножей из Эквенского могильника I тыс. н. э. (Чукотка), сохранивших технологию изготовления с древности до современности. Наличие в археологических и этнографических коллекциях этих изделий в разной степени обработки и использования (от заготовок до орудий с полностью утилизированным или переоформленным рабочим лезвием) позволило не только описать цепочку основных технологических операций их изготовления: первичную обработку сырья, формообразование, выделение рабочей и обушковой частей, крепление в рукояти – но и установить инструменты, участвовавшие в этом производственном процессе. Полученные данные были верифицированы с помощью экспериментальных работ, подтвердивших общность способов обработки сланцевого сырья и изготовления из него археологических и этнографических мужских ножей.

Ключевые слова: археология, Чукотка, Эквенский могильник, сланцевые шлифованные ножи, мужские ножи, типология, технология изготовления, экспериментальные работы.

В настоящее время во многих отраслях науки инновации определяются применением разнообразных междисциплинарных исследований. Так, этноархеологическое направление, связанное с социально-экономическими реконструкциями в археологии, хорошо зарекомендовавшее себя в зарубежной и отечественной науке, оказалось также весьма эффективным при изучении производственных комплексов (Binford, 1978; Ethnoarchaeology, 1979; Шнилерман, 1984; Hayden, 1987; StoneTools..., 1997; Томилов, 1998; Васильев, 2000; Ethno-Archaeology..., 2001; Кузнецов, 2005; Кениг, 2010; Skakun, Aleksashenko, 2008; McCall, 2012; Алексахенко,

2020; Скаун и др., 2022; Терехина, 2020, 2022; и др.). Хорошо известна роль и интерпретационные возможности технологического и экспериментально-трассологического методов изучения древних орудий труда, основанных на синтезе собственно археологического и естественно-научных подходов, с использованием этнографических данных (Семенов, 1957, 1964; Семенов, Коробкова, 1983; Скаун, 2006; Терехина, 2020, 2022; Скаун и др., 2022). Последние содержат огромный массив до сих пор недостаточно востребованной информации, касающейся технологии и функциональных особенностей производственного инвентаря, а кос-

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-28-01295 «Реконструкция древних технологий в производственной деятельности эскимосов Чукотки: этноархеологический метод и данные естественных наук».

венно и социальной организации архайческих обществ. Хотя возраст этнографических коллекций обычно не превышает 250 лет, речь нередко идет о предметах, сделанных с помощью древних методов. В таких случаях полученная информация может оказаться особенно важной для изучения археологических находок, так как хорошая сохранность этнографических предметов позволяет выявить многие технологические детали. Применение подобных комплексных исследований особенно перспективно, когда этнографические артефакты представляют собой продолжение археологических традиций как по способу их изготовления, так и конкретному назначению.

В этом отношении показательным примером являются сланцевые шлифованные ножи из Эквенского могильника (Чукотка, I тыс. н. э.) (Руденко, 1947; Арутюнов, Сергеев, 1975; Днепровский, 2001, 2019) и некоторые формы этнографических ножей чукчей и эскимосов Чукотского полуострова, Аляски и Алеутских островов, хранящиеся в фондах Российского этнографического музея (далее – РЭМ) и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (далее – МАЭ РАН). Известный русский ученый И.С. Поляков (1845–1876) подчеркивал, что эскимосско-алеутские ножи из шифера¹ по морфологии и сырью точно повторяют вещи, характерные для археологических культур Южного Приморья (Окладников, 1964, с. 17). Однако, несмотря на многочисленную литературу, посвященную разным аспектам изучения этих находок, характеристика способов их изготовления оставалась неполной (Днепровский, 2019; Терехина, 2020). Типологическое описание шлифованных ножей Чукотки и Аляски также требует уточнений. Для этой категории погребального

инвентаря Н.Н. Диковым была разработана классификация, в которой ножи разделены на два больших класса: «женские» и «мужские», к первым отнесены ножи-улу, а ко вторым – все остальные (Диков, 1974, с. 85, рис. 58). Предложенное деление основывается на этнографических данных о половом разделении труда у народов Берингоморья в XIX–XX веках. Известно, что мужские ножи использовались в охоте, для свежевания туш и работах со снегом при строительстве жилищ (Damas, 1984, p. 413, fig. 20; g; Mary-Rousselière, 1984, p. 439, fig. 11; McGhee, 1984, p. 373, fig. 3: c; Neatby, 1984, p. 383, fig. 7). Как правило, перечисленные занятия были мужскими. Однако имеются этнографические свидетельства о том, что при отсутствии в семье мужчины-охотника ими могла заниматься и женщина (Орлова, 1964, с. 219). Недостаточность антропологических определений также не позволяет вводить признак пола в классификацию этой категории погребального инвентаря, так как из 330 раскопанных погребений только для 57 имеются половозрастные определения (Арутюнов, Сергеев, 1975, с. 198–240, с. 234, табл. 8; с. 240, табл. 13; неопубликованные антропологические данные Чукотской археологической экспедиции 1987–1995 гг.). Мужские ножи (по классификации Н.Н. Дикова) были обнаружены в семи мужских погребениях (№ 100, рис. 1: 10; № 238, рис. 1: 31; № 250, рис. 1: 9, 29; № 255, рис. 1: 22; № 285B, рис. 1: 27; № 310A, рис. 1: 3, 26; № 320, рис. 1: 33) и в одном погребении (№ 220, рис. 1: 1, 2) девочки 6–7 лет. Кроме того, в семи погребениях (№ 37, рис. 1: 30; № 139, рис. 1: 17; № 220, рис. 1: 1, 2; № 216, обломок; № 225, обломок; № 320, рис. 1: 33; № 328, рис. 1: 25) женский и мужской ножи были обнаружены вместе. Аналогичная ситуация наблюдается в погребальном инвентаре Чинийского могильника:

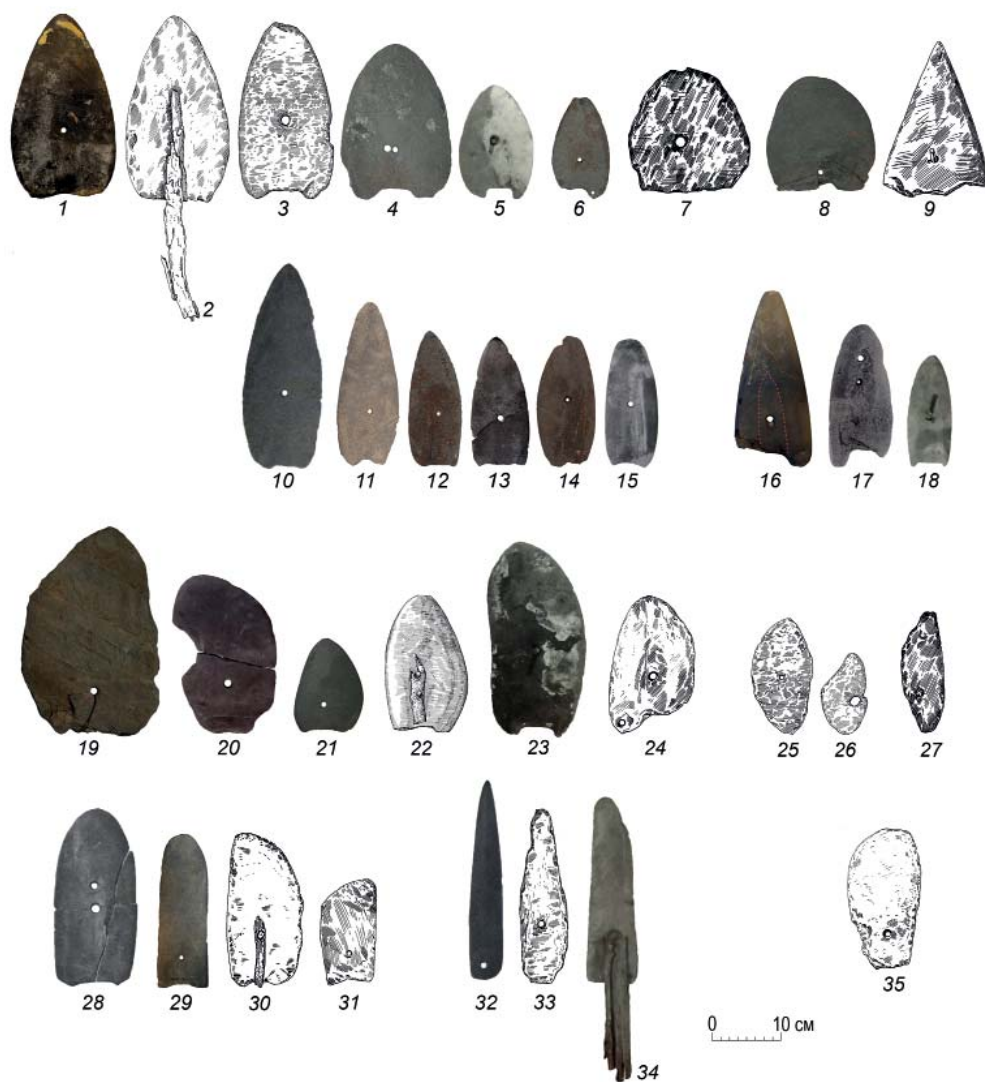

Рис. 1. «Мужские» шлифованные сланцевые ножи из Эквенского могильника древнеберингоморской культуры.

Fig. 1. Men's slate polish knives from Ekven burial ground of the Old Bering Sea culture.

погребения № 5, 6, 13, 14, 16, 30, 38 (Диков, 1974, с. 123, табл. 4; с. 124, табл. 5; с. 13, табл. 11; с. 132, табл. 13; с. 138, табл. 19; с. 145, табл. 26), и Уэленского могильника: погребение № 2 (Сергеев, 1960). Тем не менее разделение эскимосских ножей на мужские и женские, несмотря на все вышеперечисленные недостатки, прочно вошло в археологическую и этнографическую литературу, поэтому во избежание путаницы оно используется и в данной публикации.

Коллекция мужских ножей из Эквенского могильника насчитывает 39 экземпляров (35 целых и 4 фрагмента), которые происходят из 25 погребений^{2,3}. По классификации Н.Н. Дикова они могут быть отнесены к клинковым бесчерешковым изделиям (Диков, 1974, с. 85, рис. 58), размеры которых варьируют: дли-

бежание путаницы оно используется и в данной публикации.

на от 8,5 до 30 см, ширина от 4,5 до 20 см, толщина от 0,4 до 0,6 см, толщина лезвия от 0,1 до 0,2 см, в обушковой части имеется одно или два отверстия для крепления рукояти (рис. 1). В других работах эти ножи названы удлинённо-овальными, остроконечными, удлинённо-остроконечными, кинжалобразными, разделочными, листовидными (Арутюнов, Сергеев, 1975; Днепровский, 2019), то есть в их обозначении фигурируют и морфологический, и функциональный признаки.

Основываясь на форме клинка, эквенские сланцевые бесчерешковые мужские ножи можно разделить на четыре типа: I) листовидные (рис. 1: 1–27); II) прямоугольные (рис. 1: 28–31); III) кинжаловидные (рис. 1: 32–34); IV) удлинённо-овальные (рис. 1: 35). Среди них, по расположению острия относительно центральной оси орудия, выделяются следующие подтипы: 1) симметрично-остроконечные и 2) асимметрично-остроконечные, которые в свою очередь по ширине клинка делятся на виды: 1) широкие и 2) узкие, включающие по своим пропорциям три подвида: 1) удлинённо-треугольные; 2) округлые; 3) равнобедренно-треугольные. Кроме того, по обработке основания ножа и количеству отверстий для крепления рукояти выделяются следующие разновидности: А) с едва намеченной выемкой, Б) с трапецевидной выемкой, В) с треугольной выемкой; Г) прямым; Д) треугольным; Е) округлым; Ж) скошенным; а) с 1 отверстием, б) с 2 отверстиями, в) с 3 и более отверстиями. В предлагаемой классификационной схеме подтипы обозначены арабскими цифрами, виды и подвиды – заглавными и прописными буквами.

I – листовидные (27 экз.).

1.1.1. Симметрично-остроконечные, широкие, удлинённо-треугольные:

Аа) с едва намеченной выемкой в основании, с одним отверстием (рис. 1: 1, 2);

Ба) с трапецевидной выемкой в основании, с одним отверстием (рис. 1: 3–5) (экземпляр с двумя отверстиями, видимо иллюстрирует неудачно выбранное место для крепления (рис. 1: 4).

Жб) со скошенным основанием, с двумя отверстиями (рис. 1: 6).

1.1.2. Симметрично-остроконечные, широкие, округлые:

Га) с прямым отретушированным основанием, с одним отверстием (рис. 1: 7).

1.1.3. Симметрично-остроконечные, широкие, равнобедренно-треугольные:

Аа) с едва намеченной выемкой, следами переоформления, с одним отверстием.

1.2.1. Симметрично-остроконечные, узкие, удлинённо-треугольные:

Аа) с намеченной отретушированной выемкой в основании, с одним отверстием (рис. 1: 10–15);

Ба) с трапецевидной выемкой в основании, с одним отверстием (рис. 1: 16–18).

2.1.1. Асимметрично-остроконечные, широкие, удлинённо-треугольные:

Аа) с намеченной отретушированной выемкой в основании, с одним отверстием (рис. 1: 19–21);

Аб) с намеченной отретушированной выемкой в основании, с двумя отверстиями (рис. 1: 22);

Ба) с трапецевидной выемкой в основании, с одним отверстием (рис. 1: 23);

Жб) со скошенным основанием и двумя отверстиями (рис. 1: 24);

Да) с треугольным основанием, с одним отверстием (рис. 1: 25–26).

2.2.1. Асимметрично-остроконечные, узкие, удлинённо-треугольные:

Га) с треугольным основанием, с одним отверстием (рис. 1: 27).

II – прямоугольные (4 экз.).

1.1. Симметрично-остроконечные, широкие:

Аб) с намеченной выемкой в основании, с двумя отверстиями (рис. 1: 28).

1.2. Симметрично-остроконечные, широкие, узкие:

Ба) с трапецевидной выемкой в основании, с одним отверстием (рис. 1: 29).

2.1. Асимметрично-остроконечные, широкие:

Ба) с трапецевидной выемкой в основании, с одним отверстием (рис. 1: 30);

Ва) с треугольной выемкой в основании, с одним отверстием (рис. 1: 31).

III – кинжаловидные (3 экз.).

1.2.1. Симметрично-остроконечные, узкие, удлиненно-треугольные:

Еа) с округлым основанием, с одним отверстием (рис. 1: 32);

Га) с прямым основанием, с одним отверстием (рис. 1: 33).

2.2.1. Асимметрично-остроконечные, узкие, удлиненно-треугольные:

Га) с прямым основанием, с одним отверстием (рис. 1: 34).

IV – удлиненно-овальные (1 экз.).

Га) с прямым основанием, с одним отверстием (рис. 1: 35).

Все описанные выше типы ножей, как правило, имеют одно отверстие для крепления рукояти, только у четырех изделий их два (рис. 1: 11, 13, 23, 27). Диаметр отверстий колеблется от 0,5 до 0,8 см. Большая величина отверстия (диаметр 1,4 см) на ноже из погребения № 310А (рис. 1: 16), вероятно, образовалась вследствие его разрушения и выкашивания кромки. У ножа из погребения № 1 одно из двух отверстий по каким-то причинам было забраковано, о чем свидетельствует очень маленькое расстояние в 1 мм между ними (рис. 1: 4). Прямая рукоять, судя по сохранившимся экземплярам, изготавливалась из со-

Рис. 2. Фленшерный нож из собрания Отдела этнографии Сибири и Дальнего Востока Российского этнографического музея (РЭМ 8023-70).

Fig. 2. Flensing knife from the collection of the Department of Ethnography of Siberia and the Far East of the Russian Ethnographic Museum (REM 8023-70).

Рис. 3. Нож из Эквенского могильника со следами технологических операций, погребение № 264 (ГМВ 298 Др-IV).

Fig. 3. Knife from the Ekven burial ground with traces of technological operations, burial No. 264 (GMV 298 Dr-IV).

сны (рис. 1: 2, 22, 30, 34) и крепилась с помощью цилиндрической шпонки из моржового клыка (рис. 1: 2, 22, 30, 34), которая сохранилась в 18 экз. Длина ее составляет от 1,9 до 2,7 см, диаметр – от 0,5 до 0,6 см. Ножи листовидной формы, как правило, двулезвийные, их заточка двусторонняя, колеблется в пределах от 42° до 45°, однолезвийные ножи представлены в типах III и IV (рис. 1: 29; 34). Указанный диапазон угла заточки свидетельствует о том, что при изготовлении ножей, связанных с охотой, разделкой туш и работой со снегом, приоритет отдавался прочности и долговечности лезвия, а не его остроте. Отметим, что плохая сохранность некоторых экземпляров ножей не позволяет уточнить количество их лезвий.

Известный канадский археолог Р. МакГи считает аналогичные сланцевые изделия характерной категорией инвентаря культуры Туле в Канаде. Опубликованный им нож, хранящийся в Национальном музее Канады (г. Оттава), имеет целиком сохранившуюся короткую рукоять длиной 15 см, шириной 4,5 см с 11 сквозными отверстиями, из которых три использованы для ее крепления к клинку с помощью китового уса, одно отверстие на нижнем конце рукояти, вероятно, служило для подвешивания (McGhee, 1984, p. 373, fig. 3: c).

Небольшое количество сланцевых ножей, хранящихся в изученных нами этнографических эскимосско-алеутских коллекциях, объясняется, вероятно, тем, что на территории Чу-

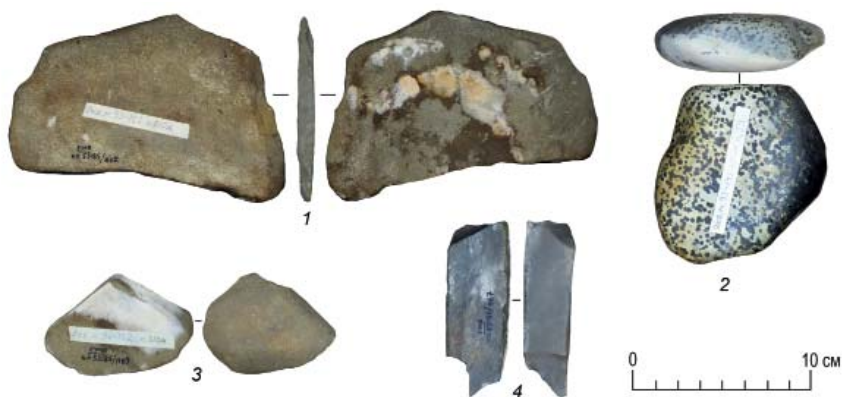

Рис. 4. Абразивы из Эквенского могильника, погребение № 310А:
1 – ГМВ КП 53185/1162; 2 – ГМВ КП 53185/1168; 3 – ГМВ КП 53185/1169;
4 – ГМВ КП 53185/1167.

Fig. 4. Abrasives from the Ekven burial ground, burial No. 310A: 1 – GMV KP 53185/1162;
2 – GMV KP 53185/1168; 3 – GMV KP 53185/1169; 4 – GMV KP 53185/1167.

котки и Аляски европейцами были принесены различные металлические изделия, которые местные жители переоформляли в инструменты более эффективные, чем сланцевые. Отметим, что листовидная форма металлического ножа использовалась в начале XX века для свежевания туш китов на китобойных судах. Один из таких экземпляров хранится в фондах РЭМ (РЭМ 8023-70). Он был изготовлен в селе Лаврентия Чукотского автономного округа, Чукотского р-на, принадлежал охотнику-чукче. Местное название этого ножа – эльвинэн' (чукотский язык) или калюгьяк (эскимосский язык); на китобойных судах

его называют фленшерным ножом (с английского языка flensing knife – нож для свежевания). Его лезвие – ну'нун (чукотский язык) – обоюдоострое, изготовлено из стальной симметрично-остроконечной листовидной пластины, закрепленной тремя заклепками в пропиленном пазу железной трубки. В качестве рукояти в нижний конец распиленной и расширенной трубки было вставлено деревянное округлое древко, а место соединения укреплено сквозной медной шпилькой. Место соединения трубки и древка, а также середина древка обмотаны тряпками; за эти места держат нож во время разделки туш кита. Трубка и древко,

Рис. 5. Основные этапы изготовления ножа листовидной формы:

1 – расщепление плитки сланца вдоль с помощью костяного долота и деревянного молотка; 2 – выведение формы заготовки с помощью оббивки; 3 – формирование трапециевидной выемки в основании ножа с помощью оббивки; 4 – шлифовка на крупнозернистом абразиве; 5 – шлифовка среднезернистым абразивом; 6 – поверхность ножа после обработки среднезернистым абразивом; 7 – использование лучка-дрели для сверления отверстия в ноже; 8 – вид на кремневое сверло в процессе изготовления отверстия в ноже; 9 – поверхность ножа после сверления и обработки на мелкозернистом абразиве; 10 – экспериментальный нож с рукоятью и роговой шпонкой.

Fig. 5. The main stages of a leaf-shaped knife manufacturing: 1 – splitting slate slabs lengthwise with a bone adze and a wooden hammer; 2 – making the form of the workpiece by striking; 3 – forming a trapezoidal hollow at the base of the knife by striking; 4 – grinding with coarse-grained abrasive; 5 – grinding with medium-grained abrasive; 6 – surface of the knife after processing with a medium-grained abrasive; 7 – use of a bow drill to make a hole in the knife; 8 – view of a flint drill in the process of making a hole in the knife; 9 – surface of the knife after drilling and processing with fine-grained abrasive; 10 – experimental knife with a handle and antler key.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

образующие рукоять ножа, вместе называются пайгын (чукотский язык). Длина всего орудия 211 см, длина лезвия 40 см, длина трубки 75 см, длина деревянной части 114 см (рис. 2; Gorbatcheva, Fedorova, 2008, p. 94–95).

Сырьем для исследуемых ножей из Эквенского могильника служил тонкоплитчатый сланец, источники которого имеются на территории распространения этих артефактов. Необходимо отметить, что изучение технологии изготовления инструментов из некремневого сырья (камня, кости и рога) требует особого внимания, поскольку их окончательная отделка нередко скрывает следы предыдущих операций (Скаун и др., 2018; Skakun, Terekhina, 2021). Тем не менее на основе тщательного изучения значительного количества ножей на разных стадиях отделки удалось выделить технологические следы, характеризующие способы их обработки: фасетки краевых сколов на незаконченных изделиях или на обушках некоторых законченных, фрагменты пикетажной обработки, а также следы шлифования, сохранившиеся на отдельных участках поверхности и рабочей части в виде глубоких и мелких царапин, характер которых, топография и концентрация расположения свидетельствовали о нескольких этапах этого типа обработки, а также следы одностороннего и двустороннего сверления (рис. 3). Эти наблюдения, а также находки на Эквенском поселении и в могильнике разных видов абразивных камней (рис. 4) и деталей лучковой дрели (Арутюнов, Сергеев, 1975, рис. 52: 4) послужили источником для воспроизведения технологии изготовления одного типа мужского ножа: удлинненно-треугольного с трапециевидной выемкой и одним отверстием.

Куски сланца для экспериментов подбирались с учетом необходимых размеров и качества, толстые плитки

расщеплялись вдоль с помощью костяного долота и деревянного молотка (рис. 5: 1). Тонкие плитки для выведения нужной формы обрабатывались мелкой краевой оббивкой, с помощью легких косых ударов небольшим каменным отбойником (рис. 5: 2).

Хорошей иллюстрацией использования оббивки для формообразования служит нож из коллекции Г.А. Борисова⁴ (РЭМ 1909-18; Руденко, 1947, табл. 37: 13). Таким же способом была образована неглубокая выемка в обушковой части полотна ножа для прикрепления его к рукояти (рис. 5: 3).

Дальнейшая обработка заготовки – выравнивание ее поверхности, заточка лезвия – производилась мокрым шлифованием тремя песчаниковыми абразивами с различной структурой рабочей части. Вначале с помощью крупнозернистого орудия, которое использовалось для черновой обработки, производилось утончение заготовки, нивелирование выступающих зон ее поверхностей (рис. 5: 4). Видимыми следами этой операции являются царапины, борозды с неровными краями. После первичной шлифовки на некоторых участках поверхности сохранились отдельные неуплощенные вершинки рельефа. Они были сняты легким пикетажем. Более деликатная обработка по снятию следов предыдущих операций, выравниванию полотна ножа и его обушковой части производилась среднезернистым абразивом (рис. 5: 5), оставившим на обрабатываемой поверхности неглубокие, но хорошо читаемые царапины, расположенные на одних участках параллельно друг другу, а на других хаотично (рис. 5: 6). Рабочие лезвия утончались и затачивались мелкозернистым абразивом: на хорошо пришлифованных участках, прилегающих к кромке лезвия, сконцентрированы неглубокие штрихи (рис. 5: 9). Для прикрепления деревянной рукояти в обушковой ча-

Таблица 1

	Длина клинка (см)	Ширина в самой широкой части (см)	Толщина (см)	Диаметр отверстия (см)
Нож №1	14,5	6,0	5,5	0,6
Нож № 2	15,0	6,0	7,0	0,63

сти ножа было высверлено сквозное отверстие. Лучковая дрель, аналогичная эскимосским (Chan, 2013), была специально изготовлена экспериментальным путем (рис. 5: 7). Одностороннее сверление производилось с помощью кремневого наконечника в течение 9 мин (рис. 5: 8). Для соединения рукояти и клинка ножа была изготовлена шпонка. Эта деталь длиной 2 см, диаметром 0,6 см была вырезана из рога северного оленя⁵ и зашлифована со всех сторон на мелкозернистом абразиве. Шпонка через отверстия в полотне ножа и рукояти прочно соединила две части экспериментального орудия – сланцевый клинок и деревянную рукоять (рис. 5: 10).

В ходе проведенных опытов было изготовлено два орудия, их размеры приводятся в таблице 1.

Анализ разнообразных технологических следов, сохранившихся на археологических и этнографических мужских ножах, позволил описать и зафиксировать основные операции по их изготовлению. Полученные

данные явились основой для экспериментальных работ, дали возможность верифицировать сделанные наблюдения. Опытным путем были изготовлены две реплики, соответствующие оригинальным археологическим и этнографическим орудиям. В ходе работы было установлено, что заготовка изделия может быть сформирована оббивкой, а качественная обработка ножа и образование рабочего края требуют шлифования разными абразивами. На изготовление каждого из ножей опытным экспериментатором было затрачено около двух часов чистого времени.

Таким образом, в результате проведенных работ были уточнены типология мужских ножей Эквенского могильника, технология их изготовления, а также получены копии ножей с четко зафиксированными технологическими следами обработки, которые свидетельствуют об одинаковой технологии изготовления археологических и некоторых форм хорошо сохранившихся этнографических изделий.

Примечания:

¹ сланца

² Коллекции хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) РАН (г. Санкт-Петербург), Государственном музее Востока (г. Москва) и Музейном Центре «Наследие Чукотки» (г. Анадырь).

³ Отметим, что мужские ножи не обнаружены на одноименном поселении (Днепровский, 2001).

⁴ Г.А. Борисов – управляющий горными промыслами Северо-Восточного Сибирского общества, собиратель этнографической и археологической коллекции Сибири и Дальнего Востока.

⁵ Материал для шпонки был выбран в связи с его доступностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексащенко Н.А.* Трасологический метод в изучении древних и традиционных технологий // Кунсткамера. 2020. № 3. С. 93–103.
2. *Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.* Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М.: Наука, 1975. 240 с.
3. *Сергеев Д.А.* Альбом фотографий. С. Уэлен. Чукотский отряд Северной экспедиции. 1960 г. / Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 673.

4. *Васильев С.А.* Вопросы привлечения этнографических данных для реконструкции палеолитических обществ в отечественной археологии // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. / Отв. ред. М.Л. Бережнова, С.С. Тихонов, Н.А. Томилов. Владивосток; Омск: ОмГПУ, 2000. С. 70–72.
5. *Днепровский К.А.* Динамика древнеэскимосской культуры Чукотки в эпоху бирнирка и раннего пунука: По материалам археологического комплекса Эквен. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001. 203 с.
6. *Днепровский К.А.* Эскимосские ножи: современная древность. 2019. URL: <https://goarctic.ru/live/eskimosskie-nozhi-sovremennaya-drevnost/> [дата обращения 23.05.2022]
7. *Кениг А.В.* Этноархеология как метод археологических реконструкций (на примере тазовских селькупов). Екатеринбург; Ханты-Мансийск: АМБ, 2010. 128 с.
8. *Кузнецов О.В.* Этноархеология и поселенческая археология охотников и собирателей // Известия Лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 7–14.
9. *Окладников А.П.* Из истории изучения древнейшего прошлого Приморья // Археология и этнография Дальнего Востока / Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 1 / Отв. ред. В.А. Аврорин. Новосибирск: СО АН СССР, 1964. С. 9–48.
10. *Орлова Е.П.* Ножи гильяков // Археология и этнография Дальнего Востока / Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 1 / Отв. ред. В.А. Аврорин. Новосибирск: СО АН СССР, 1964. С. 215–222.
11. *Руденко С.И.* Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1947. 211 с.
12. *Семёнов С.А., Коробкова Г.Ф.* Технология древнейших производств. Мезолит – энеолит. Л.: Наука, 1983. 255 с.
13. *Семенов С.А.* Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 362 с.
14. *Скакун Н.Н.* Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна) / Труды ИИМК РАН. Т. XXI. СПб.: Нестор-История, 2006. 224 с.
15. *Скакун Н.Н., Плиссон Х., Галимова М.Ш., Жилин М.Г., Эредиа Х., Павлик А., Терехина В.В., Савченко С.Н., Ахметгалеева Н.Б., Матева Б., Мартинез Ф. Габриэль, Афонсо М., Хосе А., Хоу Я.М.* Значение экспериментально-трассологических исследований для изучения древних костяных изделий // Археология Евразийских степей. 2017. № 2. 301–316.
16. *Скакун Н.Н., Эредиа Х., Терехина В.В., Агаханова В.А.* К вопросу о технологии изготовления сланцевых ножей из могильника Эквен (I тыс. до н. э., Чукотка, Россия) // Геоархеология и археологическая минералогия / Отв. ред. А.М. Юминов, Н.Н. Анкушева. Миасс-Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2022. С. 84–87.
17. *Терехина В.В.* Результаты изучения каменных ножей Эквенского могильника (этно-трассологический анализ) // Археология Евразийских степей. 2020. № 3. С. 187–193.
18. *Терехина В.В.* Этнотрассологический подход в изучении «женских» ножей из коллекции Кунсткамеры по аляутикам и алеутам // Кунсткамера. 2022. № 3(17). С. 203–220. DOI 10.31250/2618-8619-2022-3(17)-203-220
19. *Томилов Н.А.* Проблема этнографо-археологических комплексов в исследованиях омских этноархеологов // Этнографическое обозрение. 1998. 1. С. 3–14.
20. *Шнирельман В.А.* Этноархеология – 70 годы // СЭ. 1984. 2. С. 100–113.
21. Binford L.R. *Nunamiut Ethnoarchaeology*. New York: Academic Press, 1978. 509 p.
22. Chan A. *Quliaqtuavut Tuugaatigun (Our Stories in Ivory): Reconnecting Arctic Narratives with Engraved Drill Bows*. PhD diss. Arizona: Arizona State University, 2013. 666 p.
23. Damas D. *Copper Eskimo*. In Handbook of North American Indians. Vol. 5. Arctic. Eds. D. Damas, W.C. Sturtevant. Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 1984. P. 397–414.
24. *Ethno-Archaeology and its transfers*. Eds. S. Beyries, P. Pétrequin. European Association of Archaeologists, Fifth Annual Meeting in Bournemouth (1999). Oxford: Archaeopress, 2001. 133 p. (BAR, International series, 983).
25. *Ethnoarchaeology: Implications of Ethnography for Archaeology*. Ed. C. Kramer. New York: Columbia University Press, 1979. 297 p.
26. *Gorbacheva V., Fedorova M.* Art of Siberia. New York: Parkstone Press International, 2008. 287 p.

27. Lithic Studies among the Contemporary Highland Maya / Ed. B. Hayden. Tucson: University of Arizona Press, 1987. 387 p.
28. Mary-Rousselière G. Iglulik. In Handbook of North American Indians. Vol. 5. Arctic. Eds. D. Damas, W.C. Sturtevant. Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 1984. P. 431–446.
29. McCall G.S. Ethnoarchaeology and the Organization of Lithic Technology. In Journal of Archaeological Research. 2012. Vol. 20. P. 157–203. DOI: 10.1007/s10814-011-9056-z
30. McGhee R. Thule Prehistory of Canada. In Handbook of North American Indians. Vol. 5. Arctic. Eds. D. Damas, W.C. Sturtevant. Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 1984. P. 369–376.
31. Neatby L.H. Exploration and History of the Canadian Arctic. In Handbook of North American Indians. Vol. 5. Arctic. Eds. D. Damas, W.C. Sturtevant. Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 1984. P. 377–390.
32. Skakun N.N., Aleksashenko N.A. Tool Functions and Ethnographical Analogies. In “Prehistoric Technology”: 40 Years Later: Functional Studies and the Russian Legacy. Eds. L. Longo, N. Skakun. Oxford: Archaeopress, 2008. P. 529–531. (BAR, International series, 1783).
33. Skakun N.N., Terekhina V.V. Manufacturing technology of stone miniature columns from the Bronze Age site Gonur Depe (southern Turkmenistan). In Journal of Lithic Studies. 2021. 8(2). P. 1–26.
34. Stone Tools theoretical insights into Human Prehistory. Ed. G.H. Odell. New York: Springer, 1996. 419 p.

Информация об авторах:

Скакун Наталия Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); skakunnatalia@yandex.ru ORCID: 0000-0003-0579-3022

Терехина Вера Владимировна, младший научный сотрудник. Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); terehinavera@mail.ru ORCID: 0000-0002-7065-8284

Эредиа Хосе, экспериментатор, независимый исследователь (г. Гранада, Испания); joseheredia.tallalitica@gmail.com ORCID: 0000-0002-2662-3244

Днепровский Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник. Государственный музей Востока (г. Москва, Россия); dneprk@gmail.com ORCID: 0000-0002-0489-6698

Сухорукова Елена Станиславовна, старший научный сотрудник. Государственный музей Востока (г. Москва, Россия); esukhorukova2013@gmail.com ORCID: 0000-0001-5742-1090

Агаханова Виталия Аталиевна, научный сотрудник. Всероссийский научно-исследовательский геологический нефтяной институт (г. Москва, Россия); vitaliya394@mail.ru ORCID: 0000-0002-1299-9275

MAN'S SLATE POLISHED KNIVES IN THE OLD BERING SEA CULTURE AND THEIR MANUFACTURING TECHNOLOGY (BASED ON THE MATERIALS OF THE EKVEN BURIAL GROUND AND ETHNOGRAPHIC DATA)

**N.N. Skakun, V.V. Terekhina, J. Heredia, K.A. Dneprovskiy,
E.S. Sukhorukova, V.A. Agakhanova**

Ethnoarchaeological research, which gained great popularity in the second half of the 20th century, has become a new full-fledged source for a variety of socio-economic reconstructions in archaeology, including when characterizing the features of industrial complexes. Developments that combine experimental traceological analysis of tools and ethnographic data play an important role in modeling ancient technologies, especially when ethnographic artifacts are a direct continuation of archaeological traditions, both in terms of their manufacturing method and specific purpose. In this regard, the study of stone knives

The study was supported by the RSF grant No. 22-28-01295 "Reconstruction of ancient technologies in the production activities of the Eskimos of Chukotka: ethnoarchaeological method and data from natural sciences."

from the Ekven burial ground of the 1st millennium AD is of great interest, discovered in Chukotka. These products have retained their specific form from antiquity to the present day. The presence in the archaeological and ethnographic collections of these items in varying degrees of processing and use (from blanks to tools with a completely recycled or redesigned working blade) made it possible not only to describe the chain of basic technological operations of their manufacture from the primary processing of raw materials, shaping, processing of the working and edge parts, mounts in the handle, but also to install the tools involved in this production process. The data obtained were verified using experimental work, which confirmed the invariability of the technology for processing slate raw materials and manufacturing archaeological and ethnographic man's knives from it.

Keywords: archaeology, Chukotka, Ekven burial ground, slate polished knives, men's knives, typology, manufacturing technology, experimental work.

REFERENCES

1. Aleksashenko, N. A. 2020. In *Kunstkamera* 3, 93–103 (in Russian).
2. Arutyunov, S. A., Sergeev, D. A. 1975. *Problemy etnicheskoy istorii Beringomor'ya (Ekvenskiy mogil'nik) (Issues of the ethnic history of the Bering Sea region (Ekven burial ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Sergeev, D. A. 1960. *Al'bom fotografiiy. S. Uelen. Chukotskiy otryad Severnoy ekspeditsii (Album of photos. Uelen village. Chukotka detachment of the North expedition)*. Archive of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences. F. K-1. Inv. 2. D. 673 (in Russian).
4. Vasil'yev, S. A. 2000. In Berezhnova, M. L., Tikhonov, S. S., Tomilov, N. A. (eds.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)* Vladivostok; Omsk: Omsk State University Publ., 70–72 (in Russian).
5. Dneprovskiy, K. A. 2001. *Dinamika drevneeskimoskoy kul'tury Chukotki v epokhu birnirka i rannego punuka: Po materialam arkheologicheskogo kompleksa Ekven (Dynamics of the ancient Eskimo culture of Chukotka in the Birnirk and early Punuk periods: based on the materials of the archaeological complex Ekven)*. PhD. Diss. Moscow (in Russian).
6. Dneprovskiy, K. A. 2019. *Eskimosskie nozhi: sovremennaya drevnost' (Eskimo knives: modern antiquity)* URL: <https://goarctic.ru/live/eskimosskie-nozhi-sovremennaya-drevnost/> (accessed 23.05.2022)
7. Kenig, A. V. 2010. *Etnoarkheologiya kak metod arkheologicheskikh rekonstruktsiy (na primere tazovskikh sel'kupov) (Ethnic-archaeology as a method of archaeological reconstructions (on the example of the Taz Selkups))*. Yekaterinburg; Khanty-Mansiysk: "AMB" Publ. (in Russian).
8. Kuznetsov, O. V. 2005. In *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii (Reports of the Laboratory of Ancient Technologies)* 3, 7–14 (in Russian).
9. Okladnikov, A. P. 1964. In Avrorin, V. A. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Dal'nego Vostoka. Materialy po istorii Sibiri. Drevnyaya Sibir' (Archaeology and ethnography of the Far East. Materials on the History of Siberia. Ancient Siberia)* 1. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 9–48 (in Russian).
10. Orlova, E. P. 1964. In Avrorin, V. A. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Dal'nego Vostoka. Materialy po istorii Sibiri. Drevnyaya Sibir' (Archaeology and ethnography of the Far East. Materials on the History of Siberia. Ancient Siberia)* 1. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 215–222 (in Russian).
11. Rudenko, S. I. 1947. *Drevnyaya kul'tura Beringova morya i eskimosskaya problema (The ancient culture of the Bering Sea and the Eskimo problem)*. Moscow; Leningrad: Glavsevmorput' Publ. (in Russian).
12. Semenov, S. A., Korobkova, G. F. 1983. *Tekhnologiya drevnejshikh proizvodstv. Mezolit – eneolit. (Ancient Manufacturing Technology. Mesolithic – Eneolithic)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Semenov, S. A. 1968. *Razvitie tekhniki v kamennom veke (Development of Technics in the Stone Age)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
14. Skakun, N. N. 2006. *Orudiia truda i khoziaistvo drevnezemledel'cheskikh plemen Iugo-Vostochnoi Evropy v epokhu eneolita (po materialam kul'tury Varna) (Tools and Economy of the Ancient Farming Tribes of South-Eastern Europe in the Eneolithic (with Particular Reference to the Materials of the Varna Culture))*. Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Vol. XXI. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
15. Skakun, N. N., Plisson, X., Galimova, M. Sh., Zhilin, M. G., Eredia, Kh., Pavlik, A., Terekhina, V. B., Savchenko, S. N., Akhmetgaleeva, N. B., Mateva, B., Martinez, F. Gabriel', Afonso, M., Khose, A., Khou, Ya. M. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 301–316 (in Russian).

16. Skakun, N. N., Eredia, H., Terekhina, V. V., Agakhanova, V. A. 2022. In Yuminov, A. M., Ankusheva, M. N. (eds.). *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya – 2022. (Geoarchaeology and Archaeological mineralogy – 2022)*. Miass; Chelyabinsk: SUSHPU Publ., 84–87 (in Russian).
17. Terekhina, V. V. 2020. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 187–193 (in Russian).
18. Terekhina, V. V. 2022. In *Kunstkamera* 3 (17), 203–220 (in Russian). DOI 10.31250/2618-8619-2022-3(17)-203-220
19. Tomilov, N. A. 1998. In *Etnograficheskoe Obozrenie (Ethnographic Review)* (1), 3–14 (in Russian).
20. Shnirel'man, V. A. 1984. In *Sovetskaya etnografiya (Soviet Ethnography)* (2), 100–113 (in Russian).
21. Binford, L. R. 1978. *Nunamiut Ethnoarchaeology*. New York: Academic Press.
22. Chan, A. 2013. *Quliatquavut Tuugaatigun (Our Stories in Ivory): Reconnecting Arctic Narratives with Engraved Drill Bows*. PhD diss. Arizona: Arizona State University.
23. Damas, D. 1984. In Damas D., Sturtevant W.C. (eds.). *Handbook of North American Indians* 5. Arctic. Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 397–414.
24. *Ethno-Archaeology and its transfers*. 2001. Beyries, S., Pétrequin, P. (eds.). Oxford: Archaeopress (BAR, International series, 983).
25. *Ethnoarchaeology: Implications of Ethnography for Archaeology*. 1979. Kramer, C. (ed.). New York: Columbia University Press.
26. Gorbacheva, V., Fedorova, M. 2008. *Art of Siberia*. New York: Parkstone Press International.
27. *Lithic Studies among the Contemporary Highland Maya*. 1987. Tucson: University of Arizona Press.
28. Mary-Rousselière G. Iglulik. In Damas, D., Sturtevant, W.C. (eds.). *Handbook of North American Indians* 5. Arctic. Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 431–446.
29. McCall, G. S. 2012. In *Journal of Archaeological Research* 20, 157–203. DOI: 10.1007/s10814-011-9056-z
30. McGhee, R. 1984. In Damas, D., Sturtevant, W.C. (eds.). *Handbook of North American Indians* 5. Arctic. Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 369–376.
31. Neatby, L. H. 1984. In Damas, D., Sturtevant, W. C. (eds.). *Handbook of North American Indians* 5. Arctic. Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 377–390.
32. Skakun, N. N., Aleksashenko, N. A. 2008. In Longo, L., Skakun, N. (eds.). “Prehistoric Technology”: 40 Years Later: Functional Studies and the Russian Legacy. Oxford: Archaeopress, 529–531.
33. Skakun, N. N., Terekhina, V. V. 2021. In *Journal of Lithic Studies* 8(2), 1–26.
34. In Odell, G.H. (ed.). 1996. *Stone Tools theoretical insights into Human Prehistory*. New York: Springer.

About the Authors:

Skakun Natalia N. Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya emb., 18, St.-Petersburg, 191186, Russian Federation; skakunnatalia@yandex.ru

Terekhina Vera V. Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya emb., 18, St.-Petersburg, 191186, Russian Federation; terehinavera@mail.ru

Heredia Jose. Independent researcher. Granada, Spain; joseheredia.tallalitica@gmail.com

Dneprovsky Kirill A. Candidate of Historical Sciences. State Museum of the East. Nikitsky boulevard, 12A, building 1, Moscow, 119019, Russian Federation; dneprk@gmail.com

Sukhorukova Elena S. State Museum of the East. Nikitsky boulevard, 12A, building 1, Moscow, 119019, Russian Federation; esukhorukova2013@gmail.com

Agakhanova Vitaliya A. All-Russian Petroleum Research Exploration Institute. Entuziastov Highway, 36, Moscow, 105118, Russian Federation; vitaliya394@mail.ru

Статья принята к публикации 01.03.2023 г.

УДК 903.6

<https://doi.org/10.24852/pa2023.1.43.234.247>

ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС И СТЕЛА С НАДПИСЯМИ КУТЛУК-КАГАНА

(Предварительный научный отчет совместной экспедиции
«Номгон-2019, 2022» Международной Тюркской академии
и Института археологии Академии наук Монголии)

© 2023 г. Д. Кыдырали, А. Энхтур, Н. Базылхан,
Н. Богенбаев, Ц. Буянхишиг, Г. Батболд

В 2019 и 2022 годах Международная Тюркская академия и Институт археологии Монгольской академии наук начали проводить совместные археологические исследования и первые раскопки в девяти древних поминальных комплексах древнетюркской эпохи в Номгонской долине Хашаатского сомона Архангайского аймака Монголии. В ходе раскопок, проведенных в поминальном комплексе «Номгон-2», было установлено, что этот комплекс был посвящен Кутлук-кагану (Эльтерис-кагану) – основателю II Тюркского каганата, правившему в 682–692 гг., отцу знаменитых Бильге-кагана и Кюльтегина. В комплексе обнаружены голова и нижняя часть каменного изваяния кагана, две части головы каменного изваяния, две статуи барана, статуи льва с двумя львятами и ряд других артефактов, таких как глиняные кровельные покрытия, кирпичи, кубический камень с отверстием посередине и каганская тамга «эшир» (китайская фиксация «ашина») на балбалах. Особая новость для мира тюркологии – обнаружение стелы с надписью. Во время археологических раскопок впервые была обнаружена верхняя часть стелы с изображением двух волков и узорами лотоса, и нижняя часть с фрагментами древнетюркских текстов, написанных «древнетюркскими битигами», согдийским и брахмийским алфавитами.

Ключевые слова: археология, Кутлук-каган, Эльтерис-каган, древнетюркская письменность, согдийская письменность, брахмийская письменность, поминальный комплекс, статуи львов и баранов, кубический камень с отверстием посередине, черепицы, керамика, кирпичи.

Введение. Расположение поминальных комплексов «Номгон». В долине Номгон расположены девять поминальных комплексов древнетюркской эпохи. Долина, в которой расположены комплексы, окружена Когне-Ханом на севере, Большим Номгоном на юге и Малым Номгоном на северо-западе. На юге этой горы, с запада на восток, образовались несколько километров чистых песчаных дюн, называемых «Эльсен тасархай» (Песчаные кусочки). К югу от этих дюн течет река Тарна.

История исследования. Комплексы в Номгонской равнине были впервые изучены в 2000 г. известным археологом Монголии, доктором исторических наук, профессором Д. Баяром; они обнаружены благодаря местному школьному учителю

физкультуры Г. Дондова, в результате исследований были опубликованы научные статьи (Баяр, 2010; 2014, с. 106–112; Bayar, 2014, с. 6–25).

В 2001 г. археолог А. Энхтур провел исследования, описал и составил чертежи девяти комплексов под названием «Номгон-1–9» (Энхтөр, 2001).

В 2007 г. А. Очир, Т. Одбаатар, Л. Эрдэнэболд, Б. Анхбаяр сделали общее описание этих комплексов (Очир, Одбаатар, Эрдэнэболд, Анхбаяр, 2019, с. 35–47). В 2012 г. они были изучены Центром культурного наследия Монголии (Монгол нутаг дахь түүх, соёлын үл хөдлөх дурсгал, 2012, с. 40–41; Монгол нутаг дахь түүх, соёлын үл хөдлөх дурсгал, 2013, с. 86). Однако специальных археологических изысканий в этих комплексах до сих пор не проводилось.

Рис.1. Аэрофотосъемка до раскопок поминального комплекса «Номгон-2», 2019 г.

Fig.2. Aerial photography before the excavations of the Nomgon-2 memorial complex, 2019.

Основная часть. Археологические раскопки, проведенные в 2019 г. в поминальном комплексе «Номгон-2»¹. До проведения археологических раскопок было известно, что в поминальном комплексе сохранились каменные фигуры людей и животных (баранов), а также жертвенный камень кубической формы. Комплекс, имеющий овальную форму с запада на восток, был окружен подобием рва, при этом из извлеченного грунта было построено укрепление. Данный комплекс когда-то являлся зданием, имел крышу и двери, что было видно по разбросанным фрагментам кирпича и остаткам сооружений. С правой стороны комплекса находится большой квадратный кубический камень (жертвенный камень) с круглым отверстием в центре. Внешний периметр комплекса обнесен балбалами из голубого гранита. В настоящее время количество балбалов на поверхности составляет 11. С левой стороны ворот поминального комплекса находятся 48 балбалов. Все балбалы находятся в горизонтальном положении. Некоторые балбалы были зарыты в землю

и повреждены, другие частично выступают из земли. На двух балбалах имеется тамга «эшир» (Мөнхтулга, 2019, с. 633–637) – знак каганского рода. Кроме того, были обнаружены различные керамические украшения и другие артефакты (Кыдырәли, Цэвэ-эндорж, Энхтөр, Базылхан, Далантай, Бөгенбаев, Буянхишиг, 2019, с. 80).

Общая площадь памятника составляет 60×40 м (рис. 1). Остатки квадратной стены видны снаружи объекта. С внешней стороны стены выявлен слабо вспученный грунт. За его пределами слегка просматривается приподнятое земляное сооружение квадратной формы, а местами оно ровное. Это связано с тем, что сооружение имеет двойную стену и дамбу, и, возможно, оно было снесено позже в процессе сельскохозяйственных работ. Размер внешней насыпи 50×45 м. Внутренняя стена имеет размеры 46×38 м, а толщина стены составляет 4,5 м. Внутри стены находится овальное вытянутое земляное сооружение, направленное на 120° на восток. Западная сторона сооружения относительно ровная и плоская,

Рис.2. Статуя льва со львятами в поминальном комплексе «Номгон-2».

Fig.2. Statue of a lion with cubs in the memorial complex "Nomgon-2".

тогда как восточная сторона имеет горб в форме полумесяца на переднем крае. В западной части находится квадратный серый гранитный камень с круглым отверстием посередине с наклоном на север.

Северный конец жертвенного камня погружен в грязь. Размеры 220×220 см, толщина 33 см. В центре отверстия имеется двойной круг. Диаметр внешнего круга 113 см, внутреннего – 82 см, диаметр центрального отверстия 67 см. К северо-востоку от этого жертвенного камня находится крупный квадратный фрагмент каменного памятника. На восточном конце насыпи установлена статуя обезглавленной овцы из грубого желтого гранита. С внешней стороны стена объекта окружена балбалами. Ворота стены размером 6,4 м обращены на восток. От стены на восток на протяжении около 200 м обнаруживаются 47 балбалов с направлением на восток. На каменных статуях № 13 и № 15 высечена тамга.

Раскопки мы начали с того, что обозначили участок размером 50×50 м снаружи внешней стены сооружения и разделили ее на секторы по 4×4 м,

земляные работы были начаты с выполнения разреза по вертикальной оси J6 и ширине поперечной оси 6.

Описание артефакта: статуя льва. Изготовлен из серого гранита. Лев изображен сидящим на задних лапах, с круглыми глазами, прямым высоким носом, ушами и узкими бровями. Широкий подбородок и длинная борода, сужающаяся к кончику. На шее имеется грива. Грудь вытянута вперед. Хвост лежит на земле. На животе льва вырезаны два углубления, обращенные вперед и назад к нижнему брюшному краю. Передняя правая лапа поднята и согнута. Львята находятся под зверем, как бы уложенные друг на друга (рис. 2).

При внимательном рассмотрении можно увидеть широко раскрытую пасть, обнаженные и свирепые зубы, как будто бы лев защищает кого-то или что-то. Фигура льва доведена мастером до совершенства монументальной скульптуры. В разных культурах лев воспринимался как «могучий, мощный, сильный, отважный» зверь, защищающий от зла и бед. Среди кочевников изображение льва символизировало силу. В тюркскую

эпоху изображение львов можно обнаружить только в поминальных комплексах каганского рода. Существовало поверье, что только каганы могли быть удостоены каменной статуи льва (рис. 2).

Статуя овцы. Статуя сделана из крупнозернистого желтого гранита. Голова фигуры была разбита. По обеим сторонам памятника имеется слабо заметный контур резьбы неопределенной формы. На ножках овцы были высечены узоры, почти незаметные. Левая нога вогнутая. Узоры на хвосте не сохранились.

Каганская тамга «Эшир» на балбалах. В поминальном комплексе «Номгон-2» установлены 48 балбалов. В 2019 г. при раскопках совместной экспедиции на балбалах № 1 и № 15 была обнаружена каганская тамга «Эшир» (Цэвээндорж, Кыдырәли, Энхтөр, Напил, Далантай, Богенбаев, Буянхишиг, 2019, с. 45).

Во время археологических раскопок 2022 г. был выявлен еще один балбал. Это самый большой и первый балбал в комплексе. На балбале выгравирована каганская тамга «Эшир». А также был обнаружен большой гранитный фундамент в виде черепахи.

Таким образом, количество балбалов в комплексе достигло 49. При раскопках упомянутых балбалов № 1–5 и № 16 были обнаружены тамги каганского рода «Эшир» (Ашина), а на балбале № 20 высечена «лунная» тамга (Кыдырәли, Энхтөр, Базылхан, Богенбаев, Буянхишиг, Батболд, 2022, с. 45) (рис. 3).

Археологические раскопки, проведенные в 2022 г. на поминальном комплексе «Номгон-2»². Археологические работы в 2022 г. начались с расчистки участков, законсервированных в 2019 г. Старый грунт был расчищен, а места раскопок определены согласно последовательности секторов. В ходе раскопок были вскрыты культурные слои. Для этого были

оставлены разрезы с правой, левой и задней частей конструкции, сделаны фотографии и чертежи раскопок.

В ходе раскопок в 2022 г. были определены общие размеры поминального комплекса, структуры архитектурного сооружения, такие как наружные насыпи, стены, крепость и ворота. Общая площадь комплекса составляет 49×41,5 м. Известно, что вокруг комплекса был вырыт ров, протянувшийся с запада на восток, и насыпана земля для сооружения крепости. Внешний периметр окружен балбалами из голубого гранита. С правой стороны комплекса находится квадратный жертвенный камень с отверстием в центре. Были определены и измерены четыре угла квадратной каменной платформы под жертвенным камнем. Длина прямоугольной плиты составляет 160 см, ширина – 80 см, толщина – 14 см.

В то же время были очищены глиняные крыши, лицевые черепицы и насыпи, упавшие с вершины поминального храма, была определена форма и размер сооружения. Стены сооружения измазаны грязью, отчетливо видны остатки окрашенной извести. Глиняная черепица, покрывающая крышу объекта, изготовлена из чистой глины и очень прочна. Для достижения прочности глину кладут в круглую деревянную форму, а после вынимают и обжигают в специальной печи. На внутренней стороне черепицы видны следы ткани. Хорошо сохранившееся керамическое изделие имеет длину 34 см, ширину 13,5 см и толщину 1,8 см.

После удаления напольных кирпичей было установлено, что внутренняя часть строения была разграблена. Повсюду лежали битые кирпичи и черепицы. Кирпичи, по-видимому, были изготовлены из местной желтой глины. Размер сохранившегося кирпича составляет 33 см в длину, 17,5 см в ширину и 6,8 см в толщину.

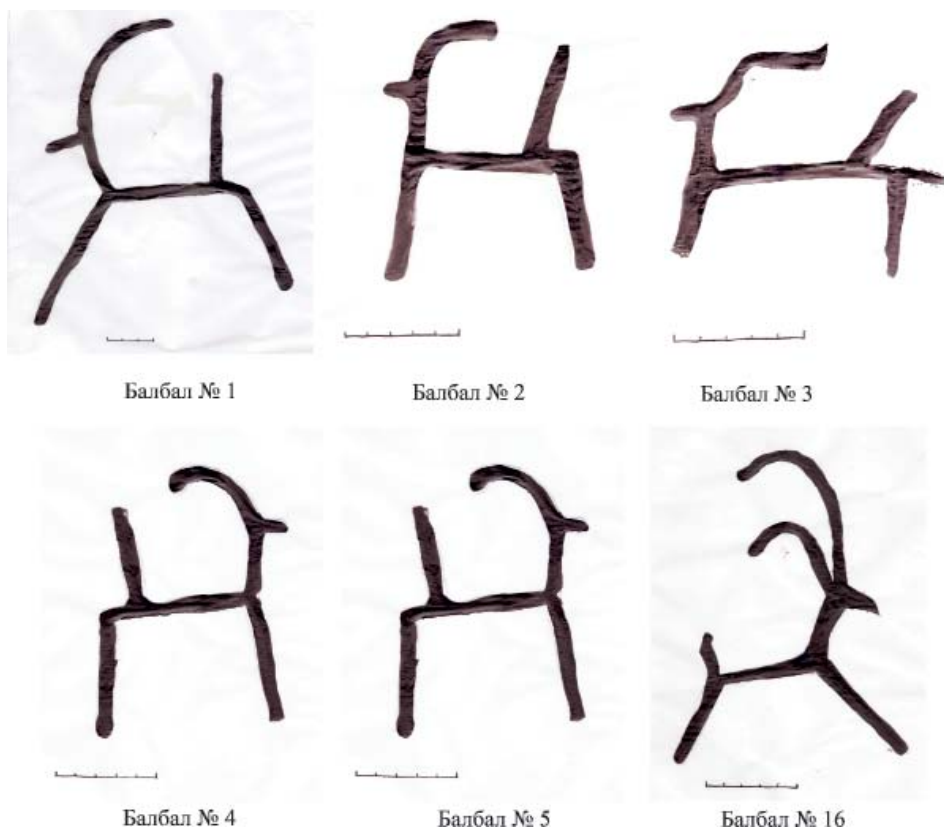

Рис. 3. Каганские тамги на балбалах.

Fig. 3. Kagan tamgas on balbals.

Каменная статуя кагана, возможно, изначально находилась внутри сооружения. Позже, когда грабители разрушили здание, предположительно, каменную фигуру переместили в западную сторону комплекса. Каган изображен сидящим на камне, скрестившим ноги. Верхняя часть фигуры (до пояса) сломана, левая рука покоится на колене.

Кроме того, в комплексе были обнаружены остатки глиняных плиток и кирпичей, уложенных на пешеходной дорожке, что свидетельствует о наличии жертвенного храмового сооружения. В правой части комплекса были обнаружены жертвенный камень кубической формы с отверстием в центре, каменная статуя человека, а рядом с ним две каменные статуи льва с львятами и два барана. Слева от входа

в комплекс находится ряд из 48 балбалов. При раскопках на шести из этих балбалов была обнаружена каганская тамга «Эшир».

В комплексе было 6 каменных фигур. Сохранилась только нижняя часть каменной статуи двух мужчин. Они на прежнем месте. Остальные каменные статуи были найдены в разных секторах памятника в разбитом виде.

Голова каменной статуи барана, бывшая на поверхности, сломана, остальная часть хорошо сохранилась. Все каменные статуи вырезаны из светлого крупнозернистого гранита.

При раскопках в основном были обнаружены обработанные круглые каменные изделия, остатки дерева, кости лошади и барана, сожженные жертвенные места. Были проведены фотосъемка, прорисовки и чертежи

Рис. 4. Каменная голова мужчины в шапке, найденная в комплексе "Номгон-2".

Fig. 4. Stone head of a man in a hat, found in the complex «Nomgon-2».

всех вновь обнаруженных артефактов, а с некоторых памятников сняты эстампажи и задокументированы.

Голова каменной статуи кагана.

Голова статуи изготовлена из светлого гранита (рис. 4). Мастер изобразил реальный образ человека, принадлежащего определенной расе, обществу и возрасту (по чертам лица довольно отчетливо определяется мужчина средних лет). Скульптура головы аналогична голове каменного изваяния Культегина (Jisl, 1960, с. 86–115; Сэр-Оджав, 1979, с. 8), с головным убором в виде пятиконечной короны (рис. 5). Нос круглый, а кончик закруглен. Глаза слегка прищурены, лицо овальное, подбородок округлый.

Первое чтение надписи на стеле Кутлук-кагана. В 2022 г. при археологических раскопках в секторе у ворот поминального комплекса была найдена отломанная верхняя часть стелы. Ее размер 70×74,5 см, ширина 19 см. Кроме того, было обнаружено каменное основание в виде черепахи с отломанной верхней частью головы (рис. 10). Другими словами, стало ясно, что стела с надписями имеет подставку в форме черепахи, которая

Рис. 5. Головной убор Культегина. Первая фотография (Совместная чехословацко-монгольская археологическая экспедиция, 1958 г.).

Fig. 5. Kulteegin's headdress. First photo (Joint Czechoslovak-Mongolian archaeological expedition, 1958).

обращена на восток, и почти не изменилась по сравнению с первоначальным состоянием. В верхней части «черепахи» имеется глубокое и косое углубление для крепления стелы. Длина «черепахи» 97,5 см, ширина 73 см, высота 41 см.

Совместная экспедиция продолжит поиск оставшихся фрагментов средней части стелы в следующем году.

На каждой стороне стелы (условно обозначаем стороны I–IV) высечены

Рис. 6. Нижняя часть каменной статуи, изображающей кагана.

Fig. 6. The lower part of a stone statue depicting the kagan.

Рис. 7. Стела с древнетюркскими надписями в поминальном комплексе "Номгон-2".

Верхняя часть стелы и прорисовка на основе эстампажной копии стелы

Fig. 7. Stele with ancient Turkic inscriptions in the memorial complex "Nomgon-2". The upper part of the stele and drawing based on the stamped copy of the stele.

надписи древнетюркским письмом (I, II, IV), согдийским письмом (III) и письмом брахми (IV-1). По предварительным данным, только 12 из 19 линий на поверхности стелы II имеют удовлетворительную сохранность. Некоторые надписи слишком неразборчивы, чтобы их можно было прочесть. Примечательно, что знаки, используемые для различения слов и словосочетаний в древнетюркском языке, имеют три точки. Тамги-буквы древнетюркского письма на этой

стеле очень похожи на древнетюркское письмо на таких памятниках, как «Чойр», «Эл этмиш ябгу» (Онгин), Кули-чура (Базылхан, 2005). Поэтому можно сказать, что это один из древнейших тюркских письменных памятников (рис. 7, 8).

Также на стеле сохранились буквы согдийской надписи. Надписи брахми были испорчены до неузнаваемости. Наличие надписей брахми на этой стеле также является очень интересным источником. Здесь также нужно

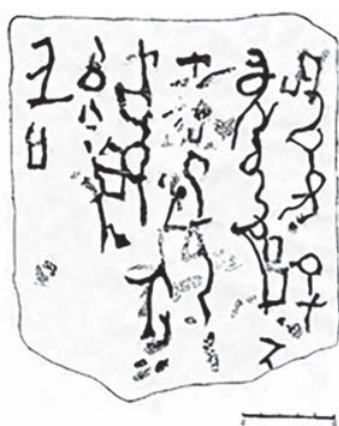

Рис. 8. Поминальный комплекс «Номгон-2». Часть согдийских надписей стороны – III. Надписи сильно повреждены. Прорисовка на основе эстампажной копии стелы.

Fig. 8. Memorial complex "Nomgon-2". Part of the Sogdian inscriptions of the side – III. The inscriptions are intensive damaged. Drawing based on a stamped copy of the stele.

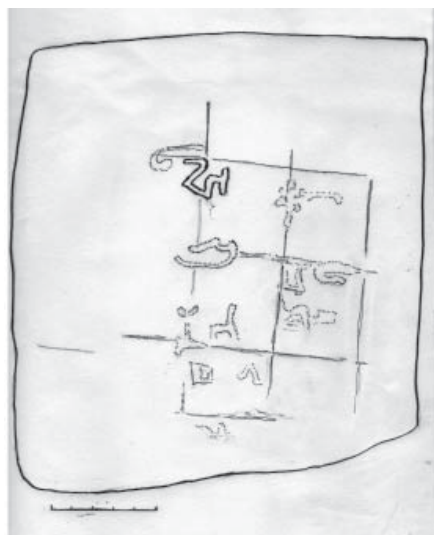

Рис. 9. Поминальный комплекс «Номгон-2». Часть брахмийской надписи стороны – IV, IV-1. Фрагменты надписи на брахми повреждены или уничтожены. Прорисовка на основе эстампажной копии стелы.

Fig. 9. Memorial complex "Nomgon-2". Part of the Brahmi script of the side inscription – IV, IV-1. Brahmi inscriptions fragments damaged or annihilated. Drawing based on a stamped copy of the stele.

особо сказать, что тексты стелы на всех языках незаконченные и неполные (рис. 9).

Обсуждение. Здесь возникает закономерный вопрос, для кого предназначен или в честь кого построен поминальный комплекс «Номгон-2». На основе новых находок в ходе археологических раскопок, проведенных в 2019 и 2022 гг. совместно с Международной Тюркской академией и Институтом археологии Академии

наук Монголии, а также на основе предварительных результатов и оригинального текста стелы надписей на древнетюркском, согдийском и брахмийском надписях, предварительно делаем вывод, что памятник посвящен **Qutluγ qaγan** Кутлуг-кагану.

Однако титул Кутлуг-каган упоминается только в 682–683 гг., предыдущие каганы вообще не имели такого титула или имени. Также на стеле написано **«ud yīl: toqzunč: ay > год**

Рис. 10. Поминальный комплекс «Номгон-2». Фундамент черепахи, обнаруженный при раскопках.

Fig. 10. Memorial complex "Nomgon-2". Turtle foundation discovered during excavation.

Рис. 11. Общий вид раскопок поминального комплекса «Номгон-2». Аэрофотосъемка 2022 г.

Fig. 11. Full view of the excavation of the memorial complex "Nomgon-2". Aerial photography in 2022.

корова: месяц сентябрь» – совпадает по 12 летнему циклу в 677, 689 гг. Мы полагаем, что дата исторического события вышеуказанной надписи будет определена более полно, если в ближайшем будущем будет найдена оставшаяся средняя часть стелы.

В китайских хрониках о Кутлуг-кагане: «...Гудуло из дальний родственник Сели (Сери)-кагана (династии Ашина). Он собрал воедино разбитую страну, поселился на горе Хангай и в городе Каракумы правил с 5000 готовыми воинами. Объявил себя «каганом», назначил своего младшего брата Мочо (Капаган) «шадом», а Дусифу «ябгу»... был советников Гудуло. Говорят, что Гудолу назначил его (Тоньюкука) «апа тарханом» и отдал ему в подчинение свои войска...» (Казахстан тарихы туралы қытай деректемелері, 2006, с. 179–180).

В целом ясно, что Кутлуг-каган (правил в 682–692 гг.), официальный титул которого получил потом «*Elteriš qaγan* > Элтериш-хан», что свидетельствуют в древнетюркских стелах его сыновей Бильге-кагана

(683–734) и Кюльтегина (685–731) и в текстах стелы Тоньюкука.

Кутлуг каган – великая историческая личность. Он одолел Китай, объединил всех кочевников под единым знаменем, восстановил Тюркский каганат и основал страну вместе со своими братьями Капаганом и Эл этмиш ябгу (Дусифу). В течение десяти лет он вместе с апа тарханом Тоньюкуком воевал с табгаш-китайцами и одержал победу. В тот период кочевники смогли под знаменем голубого флага восстановить Тюркский каганат, укрепить основы могущественной великой империи.

Кутлуг Эльтериш-хан был великим лидером, возродившим Тюркский каганат и создавшим могущественную империю на западе до Железных ворот и на востоке до полуострова Бокли (Корейский полуостров).

На памятнике Кюльтегина говорится о Кутлуг-кагане следующее (в 10 и 11 строках):

«...[Тогда] вверху Тенгри тюрков, тюркская Священная Земля и Вода ... так сказали: «Да, не погибнет тюрк-

Первое прочтение надписи на битигташе Кутлук-хана			
Надписи стелы			
сторона	строка		перевод
I		Транскрипция древнетюркского текста	
		?	
		?	
		?	
	...?	?	
II		Транскрипция древнетюркского текста	
		ud yil: toqzunč: ay: [y.....]	Год корова: девятый месяц
		[al]tīm: ü[mü]n: üčünčü [k.....]	взял:третий...
		almış: Teŋri: oylu: [.....]	взяты: сын Тенгри
		[Q]utluŋ qaŋan: Türik [.....]	Кутлук каган : Тюрк.....
		ur oylum: yüz yüz [.....]	Мужское потомство: сто сто
		biziŋ:öŋlög: [k.....]	Наш: красивый лицо.....
		itdim: bizi: yat er: [.....]	сделал: наш: чужой:
		yerde: qa[z].. tuz.....[.....]	мужчины.....
		tümen: tümen: [.....]	В земле: приобрести-.....
		atadim: bin biŋdim [.....]	Десять тысяч :десять тысяч.....
		isig :küçüg: ber[.....]	назвал: ..?
		es[?] :qop ešti [.....]	Дело: силы: отдавать :....
	13-19		?: много услышал.....
III		Транскрипция древнесогдийского текста	
			
		Qutlug x'g'n	Хутлуг хаган
			
			
		titi.....	
IV		Транскрипция древнетюркского текста	
		?	
		?	
		?	
	...?	?	
IV-1		Транскрипция древнебрахмийского текста	
	1	?	
	2	?	
	3	?	
	...?	?	

ский народ, пусть будет народ!» Сказав так, Тенгри отца моего Эльтерис-кагана и мать мою Эль-бильгекатун, подняв над головой [благословив их], возвысил. Мой отец-каган выступил с семнадцатью воинами» (Kültegin, 2022).

В целом в древнетюркских письменных памятниках о Кутлук-кагане (Елтериш) сказаны следующие слова:

– надпись на каменном изваянии «Чойрен» (в 11 строке): «**Elteriš**

qayanqa qoñ yil içinč ay jeti-qa adirilimüz» – «Мы потеряли Эльтерис-кагана в марте года овцы»;

– надпись на стеле в честь Эльэтмиш ябгу (в 11 строке): «**Elteriš: qayanqa: adirilmaduq: yañilmaduq: Teŋiri: bilge: qayanta: adirilmalim: azmalim: tejin: anča: otledim: keri: barča: otledim: barmim: barid**». ... **bardi: ulugen atqa: esig: küçüg: berti:**» – «Мы не потеряли Эльтерис-кагана, мы не ошиблись, мы умоляли

Тенгри не отделять нас от способного кагана и... Мы отдали свой труд и силы...».

– в надписи на стеле Тоньюкука (в 6–7 строках): **«Bilge: Tuñuquq: Boyla Baya Tarqan: birle: Elteris qayan: boluyu: beriye: Tabyačy: öñre: Qıtañy: yirıya Oğuzıy: üküš ök: ölürti: bilgisi: čabışi: ben ök: ertim: Čuğay quzıñın: Qara Qumu: olurur: ertimez»** – «Бильге Тоньюкуку Бойла бага тархан, я в вместе с Эльтерис-каганом победили, и справа Табгача, на востоке Кидан и на востоке Огуз. Я был искусным оратором и лидером. Мы сидели на черном песке горы Чугай...», (в 50 строке) **«Elteris qayanqa: ...učdi: Türuk Böğü qayanqa: Türuk Bilge qayanqa: ...»** – «Элтериш улелтел к (Тенгри)... с Тюрк Богу каганом, Тюрк Бильгэ каганом...», (строка 61) **«Elteris qayan: Bilge Tuñuq-uq: qazyantıq üçün: Qapayan qayan: Türuk Esir budun: yorıdıqı bu»** – «В связи с тем что Эльтерис-каган [и] мудрый Тоньюкук приобретали, народ Капаган-кагана, тюркского трона священен» (Тонькүк, 2020).

Именно поэтому мы считаем, что имя Кутлуг-кагана после него стало

«Эльтериш-каган», распространилось в народе и пользовалось большим уважением.

Краткое заключение: Все признаки и компоненты поминального комплекса «Номгон-2» очень похожи на поминальные комплексы в честь Бильге-хана и Кюльтегина. Например, на вершине стелы «Номгон-2» изображены две волчьи головы. В качестве особого символа каганов такие изображения высечены также на вершинах памятников Татбар-хану, Бильге, Кюльтегину и других памятниках (Шивээт улаан көне түрік ғұрыптық кешен, 2018). С этой точки зрения стела «Номгон-2» считается памятником каганов, стоящим на одном уровне со знаменитыми памятниками Орхона.

Международная Тюркская академия и Институт археологии Академии наук Монголии подготовят специальный академический альбом по результатам полевых исследований совместной экспедиции «Номгон».

В дальнейшем будут продолжены археологические раскопки на данных памятниках древнетюркского периода на территории Монголии.

Примечания:

¹ В совместной экспедиции «Номгон-2019» в исследовательской группе Международной Тюркской академии приняли участие Дархан Кыдырала, Напил Базылхан и Нурболат Богенбаев; консультант-археолог, директор Центра археологических исследований Института археологии АН Монголии, академик Дамдинсүрэнгийн Цэвэндорж (1949–2022), руководитель группы Центра средневековых археологических исследований Института истории и археологии АН Монголии профессор Алтангэрэлийн Энхтур, археологи Цэрэнхандын Буянхишиг, Сарантуяагийн Далантай. Кроме того, в составе исследовательской группы экспедиции участвовали студенты исторического факультета Монгольского университета. Раскопки проводились в течение 30 дней, с 1 по 30 июля 2019 г.

² В совместной экспедиции «Номгон-2022» в исследовательской группе Международной Тюркской академии приняли участие Дархан Кыдырала, Напил Базылхан и Нурболат Богенбаев; консультант-археолог, директор Центра археологических исследований Института археологии АН Монголии, академик Дамдинсүрэнгийн Цэвэндорж (1949–2022), руководитель группы Центра средневековых археологических исследований Института истории и археологии АН Монголии профессор Алтангэрэлийн Энхтур, археологи Цэрэнхандын Буянхишиг, Сарантуяагийн Далантай, Гончигийн Батболд. Кроме того, в составе исследовательской группы экспедиции участвовали студенты факультета истории монгольских вузов. Раскопки проводились в течение 30 дней, с 28 июля по 29 августа 2022 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылхан Н. Көне түрік бітіктастары мен ескерткіштері (Орхон, Енисей, Талас) // Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері. Т. II. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 252+144 с.

2. *Баяр Д.* Новые находки археологических памятников древних тюрков в Монголии // Uluslararası Zeki Velidi TOĞAN ve Türk Kültürü Sempozyumu. 13–15 Ekim, 2010 yılı, Afyon Kocatepe Üniversitesi. (Bildiri olarak sunulmuştur).
3. *Баяр Д.* Монголын дундад зууны археологийн судалгаа // Бүтээлийн эмхтгэл. III боть (2004–2010 он). Эрхэлсэн доктор (Sc.), профессор Д. Цэвээндорж, эмхтгэж хэвлэлд бэлдсэн Р. Мөнхтулга. Улаанбаатар: «Удам соёл» хэвлэлийн компани, 2014. С. 106–112.
4. *Кыдырәлі Д., Цэвээндорж Д., Энхтөр, А. Базылхан Н., Далантай С., Бөгенбаев Н., Буянхишиг Ц.* «Номгон -2019» бірлескен экспедициясы археологиялық қазба зерттеулерінің ғылыми есебі. Астана: Халықаралық түркі академиясы, Моңғолия Тарих, археология институты, 2019, 80 с.
5. *Кыдырәлі Д., Энхтөр А., Базылхан Н., Бөгенбаев Н., Буянхишиг Ц., Батболд Г.* «Номгон-2022» бірлескен экспедициясы археологиялық қазба зерттеулерінің алдынала ғылыми есебі. Астана: Халықаралық түркі академиясы, Моңғолия Археология институты, 2022, 50 с.
6. *Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері.* IV том. Әулеттік тарихи жылнамалар. 2-бөлім. Алматы: Дайк-Пресс, 2006, 480 с.
7. *Энхбат Г., Даваацэрэн Д., Болд Р.* Монгол нутаг дахь түүх, соёлын үл хөдлөх дурсгал. Historical and Cultural Immovable Properties in Mongolia. VIII дэвтэр. Архангай аймаг. Улаанбаатар: Соёлын өвийн төв, 2012. С. 40–41.
8. *Энхбат Г., Анхсанаа Г., Даваацэрэн Б.* Монгол нутаг дахь түүх, соёлын үл хөдлөх дурсгал. Historical and Cultural Immovable Properties in Mongolia. X дэвтэр. Архангай аймаг. Улаанбаатар: Соёлын өвийн төв, 2013, 86 с.
9. *Мөнхтулга Р.* Тоньюкукийн гэрэлт хөшөөний бичээсийн äšig хэмээх нэрийн тухай // Ази судлал. Олон улсын эрдэм шинжилгээний тавдугаар хурал. Volume V. Ulaanbaatar, 2019. С. 633–637.
10. *Очир А., Одбаатар Ц., Эрдэнэболд Л., Анхбаяр Б.* Номгоны түрэг дурсгалууд // Nomadic Studies. Нүүдэл судлал. 16.2019. Улаанбаатар, 2009. Р. 35–47.
11. *Сэр-Оджав Н.* Хүл Тегиний булшнаас олсон хүн чулууны толгой. // Studia Archaeologica. Tomus. I, fasc. 6. Улаанбаатар, 1979. 8 т.
12. *Тонықұқ.* Бітіктасы мәтіннің аудармалары: эзербайжанша, қазақша, кыргызша, түркше, тываша, моңғолша, мажарша, немісше, орысша, ағылшынша, французша, кытайша. / Бас ред. Д. Кыдырәлі, жауапты ред. Н. Базылхан. Халықаралық Түркі академиясы: «Ғылым» баспасы, 2020. 125 с.
13. *Цэвээндорж Д., Кыдырали Д., Энхтөр А., Напил Б., Далантай С., Бөгенбаев Н., Буянхишиг Ц.* Монгол улс-Олон улсын Түрэг академийн хамтарсан «Номгон» төслийн 2019 оны хээрийн шинжилгээний ажлын тайлан. Улаанбаатар, 2019. 45 л.
14. *Шивээт улаан көнө түрік ғұрыптық кешен. Археологиялық зерттеудің фотоальбомы.* Астана: «Ғылым» баспасы, 2018. 272 с.
15. *Энхтөр А.* Номгоны хөндий дэх эртний түрэгийн онгон цогцолборууд. Археологийн хүрээлэнгийн гар бичмэлийн сан хөмрөг. 2001, 25 л.
16. *Bayar Dovdoyn.* Moğolstanda Eski türklere ait yeni arkeolojik buluntular// Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi Sayı: 1/1 2012. S. 6–25,
17. *Jisl L.* Vyzkum Kulteeginova pamatnfku v Mongolske" Lidove Republice // Archeologicke Rozhledy 1960, Vol. 12-1. P. 64, 86–115.
18. *Kulteegin.* Бітіктасы мәтіннің аудармалары: эзербайжан, казак, кыргыз, түрк, татар, тыва, моңғол, мажар, неміс, орыс, ағылшын, француз, корей, қытай тілдерінде / Бас ред. Д. Кыдырәлі, жауапты ред. Н. Базылхан. Халықаралық Түркі академиясы: «Ғылым» баспасы, 2022. 368 с.

Информация об авторах:

Кыдырали Дархан Куандыкулы, академик Академии наук Республики Казахстан, доктор исторических наук, профессор. Президент Международной Тюркской академии (г. Астана, Казахстан); office@twesco.org

Энхтур Алтангэрэлийн, PhD., доцент, заведующий сектором средневековья. Институт археологии Академии наук Монголии (г. Улан-Батор, Монголия); aenkhatur2001n@gmail.com

Базылхан Напил, кандидат филологических наук, старший эксперт отдела науки. Международная Тюркская академия (г. Астана, Казахстан); napilbaz@gmail.com

Богенбаев Нурболат, PhD., эксперт отдела науки. Международная Тюркская академия (г. Астана, Казахстан); nurik198080@mail.ru

Буянхшиг Цэрэнхандийн, магистр, специалист по исследованиям средневекового сектора. Институт археологии Академии наук Монголии (г. Улан-Батор, Монголия); buyaka345@gmail.com

Батболд Гончигийн, PhD., специалист по исследованиям средневекового сектора, Институт археологии Академии наук Монголии (г. Улан-Батор, Монголия); boldoog@gmail.com

KUTLUK-KAGAN MEMORIAL COMPLEX AND STELE WITH INSCRIPTIONS

(Preliminary scientific report of the joint expedition "Nomgon-2019, 2022" of the International Turkic Academy and the Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences)

D. Kydyrali, A. Enkhtur, N. Bazylkhan, N. Bogenbaev, Ts. Buyankhishig, G. Batbold

In 2019 and 2022, the International Turkic Academy and the Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences began to conduct joint archaeological studies and the first excavations in 9 ancient memorial complexes of the ancient Turkic era in the Nomgon valley of the Khashaat sum of the Arkhangai aimag of Mongolia. During the excavations carried out in the Nomgon-2 memorial complex, it was found that this complex was dedicated to Kutluk-Kagan (Elteris-Kagan), the founder of the II Turkic Kaganate, who ruled in 682-692, the father of the famous Bilge-Kagan and Kultegin. The head and lower part of a stone statue of a kagan, two parts of a head of a stone statue, two statues of a ram, statues of a lion with two cubs and a number of other artifacts, such as clay roof covering, bricks, a cubic stone with a hole in the middle, and kagan tamga "eshir" (ashina) on balbals were found in the complex. A special news for turkology world is the discovery of a stele with inscriptions. There, during archaeological excavations, for the first time was discovered the upper part of the stele with the image of two wolves and floral patterns, as well as the lower part with fragments of ancient Turkic texts written in runic, Sogdian and Brahmi alphabets.

Keywords: archaeology, Kutluk-Kagan, Elteris-Kagan, ancient Turkic writing, Sogdian writing, Brahmi script, memorial complex, statues of lions and rams, cubic stone with a hole in the middle, tiles, ceramics, bricks.

REFERENCES

1. Bazylkhan, N. 2005. *Köne türük bitiktastarı men eskertkişteri (Orxon, Enişey, Talas) (Ancient Turkish monuments and stones (Orkhon, Yenisei, Talas))*. Series Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері (Turkish sources on the history of Kazakhstan) II. Almaty: "Dyke-Press" Publ. (in Kazakh).
2. Bayar D. 2010. In *Uluslararası Zeki Velidi TOĞAN ve Türk Kültürü Sempozyumu International Zeki Velidi TOĞAN ve Türk Kültürü Sempozyumu (International Zeki Velidi TOĞAN and Turkish Culture Symposium)*. Afyon Kocatepe University. (presented as a picture) (in Turkish).
3. Bayar, D. 2014. In Tseveendorj, D. (ed). *Mongolyn dundad zuuny arkheologiyn sudalгаа. Byteeliyn emkhtgel. III. (Medieval archaeological research in Mongolia. Collection of works)*. III, 106–112. Ulaanbaatar: "Udam Kultur" Publ. (in Mongolian).
4. Kydyraly, D., Tseveendorj, D., Enkhtur, A., Bazylkhan, N., Dalantay, S., Bogenbaev, N., Buyankhishig, Ts. 2019. «Nomgon-2019» birlesken ekspeditsiyası arxeologiyalıq qazba zerttewleriniń ğılımi esebi (Scientific report of archaeological excavations of the "Nomgon-2019" joint expedition). Astana: International Turkish Academy, Mongolian Institute of History, Archeology Publ. (in Kazakh, in Mongolian).
5. Kydyraly, D., Enkhtur, A., Bazylkhan, N., Bogenbaev, N., Buyankhishig, Ts., Batbold, G. 2022. «Nomgon-2022» birlesken ekspeditsiyası arxeologiyalıq qazba zerttewleriniń aldın-ala ğılımi esebi. (Preliminary scientific report of archaeological excavations of the joint expedition "Nomgon-2022"). Astana: International Turkish Academy, Institute of Archeology of Mongolia Publ. (in Kazakh, in Mongolian).
6. 2006. *Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. IV том. Әулеттік тарихи зhylnamalar. 2-bölim. (Chinese data on the history of Kazakhstan. Vol. IV. Dynastic historical annals. Part 2)*. Almaty: "Dyke-Press" Publ. (in Kazakh).
7. Enkhbat, G., Davaatseren, B., Bold, R. 2012. In *Mongol nutag dakhi tüükh, soyolyn ül khödlökh dursgal (Historical and Cultural Immovable Properties in Mongolia)* VIII devter. Arkhangai aimag, 40–41. Ulaanbaatar: "Soyolyn öviin töv" Publ. (in Mongolian)

8. Enkhbat, G., Ankhsanaa, G., Davaatseren, B. 2013. *Mongol nutag dakhi tüükh, soyolyn ül khödlökh dursgal (Historical and Cultural Immovable Properties in Mongolia)* X devter. Arkhangai aimag. Ulaanbaatar: Soyolyn öviin töv Publ. (in Mongolian).
9. Mönkhjulga, R. 2019. In *Asian Studies. Fifth international academic conference*. Vol. V, 633–637. Ulaanbaatar (in Mongolian).
10. Ochir, A., Odbaatar, Ts., Erdenebold, L., Ankhbayar, B. 2019. In *Nomadic Studies. Migration studies*. 16.2019, 35–47. Ulaanbaatar (in Mongolian).
11. Ser-Odjav, N. 1979. *Khül Tyeginii bulshnaas olson khün chuluuny Tolgoi (Human stone head found in the tomb of Khul Tegin)*. Series Studia Archaeologica. Tomus. I, fasc. 6. Ulaanbaatar (in Mongolian).
12. Tonıquq. 2020. In Kydyraly, D., Bazılkhаn, N. (eds.) *Bitiktasi mätinniñ awdarmaları: äzerbayjanşa, qazaqşa, qırğızşa, türkşe, tıvaşa, moñğolşa, majarşa, nemisşe, orısşa, ağılşınşa, francwzşa, qıtayşa. (Translations of the original text: Azerbaijani, Kazakh, Kyrgyz, Turkish, Tyvasha, Mongolian, Hungarian, German, Russian, English, French, Chinese)*. International Turkish Academy: "Gylım" publishing house.
13. Tseveendorj, D., Kydyraly, D., Enkhtör, A., Napil, B., Dalantai, S., Bogenbayev, N., Buyankhishig, Ts. 2019. *Mongol uls-Olon ulsyn Türeg akademyiin khamtarsan «Nomgon» töslin 2019 ony kheerlin shinjilgeeni ajlyn tailan. (2019 Field Analysis Report of the Joint Mongolia-International Turkic Academy "Nomgon" Project)*. Ulaanbaatar (in Mongolian).
14. 2018. *Şiveet wlaan köne türk ğurıptıq keşen. Arxeologiyalıq zerttewdiñ fotoalbumı. (Shiveet red ancient Turkish ritual complex. Photo album of archaeological research)*. Astana: "Gylım" publishing house (in Kazakh and in Mongolian).
15. Enkhtör, A. 2001. *Nomgony khöndii dekh ertnii türegiin ongon tsogtsolboruud. Arkhyeologiiñ khüreelengiñ gar bichmeliñ san khömrög. (Ancient Turkic virgin complexes in Nomgon valley. Manuscript Collection of the Institute of Archaeology)* (in Mongolian).
16. Bayar Dovdoyn. 2012. In *International Journal of Turkish Literature, Culture and Education*. Issue 1/1 2012, 6–25, (in Turkish).
17. Jisl, L. 1960. In *Archeologické Rozhledy*. Vol. 12-1, 64, 86–115 (in Hungarian).
18. Kültegin. 2022. In Kydyraly, D., Bazılkhаn, N. (eds.). *Bitiktasi mätinniñ awdarmaları: äzerbayjan, qazaq, qırğız, türk, ttatar, tıva, moñğol, majar, nemis, orıs, ağılşın, francwz, korey, qıtay tilderinde. (Translations of the original text: Azerbaijani, Kazakh, Kyrgyz, Turkish, Tatar, Tyva, Mongolian, Hungarian, German, Russian, English, French, Korean, Chinese)*. International Turkish Academy: "Gylım" publishing house.

About the Authors:

Kydyraly Darkhan. Professor. Doctor. President of the International Turkic Academy. Street E-179. Diplomatic town, cottage 32. Astana, Kazakhstan; office@twesco.org

Enkhtur Altangereliin. PhD., Associate Professor, Head of the medieval sector. Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences. 54b Enkhtaivan Avenue, 14th District, 13th District, Bayanzurkh district, Ulaanbaatar 13330, Mongolia; aenkhtur2001n@gmail.com

Bazylkhan Napil. Doctor. Research expert of the International Turkic Academy. Street E-179. Diplomatic town, cottage 32. Astana, Kazakhstan; napilbaz@gmail.com

Bogenbayev Nurbolat. Doctor. Research expert of the International Turkic Academy. Street E-179. Diplomatic town, cottage 32. Astana, Kazakhstan; nurik198080@mail.ru

Buyanhishig Tserenkhand. Master. Medieval sector research specialist. Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences. 4b Enkhtaivan Avenue, 14th District, 13th District, Bayanzurkh district, Ulaanbaatar 13330, Mongolia; buyaka345@gmail.com

Batbold Gonçigiin. Doctor. Medieval sector research specialist. Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences. 4b Enkhtaivan Avenue, 14th District, 13th District, Bayanzurkh district, Ulaanbaatar 13330, Mongolia; boldoog@gmail.com

Статья принята к публикации 01.03.2023 г.

Список сокращений

- АВУР – Археология Волго-Уралья
 АГУ – Алтайский государственный университет
 АДСВ – Античная древность и средние века (Екатеринбург)
 АЕС – Археология Евразийских степей
 АК – археологическая культура
 АКИО – ананьинская культурно-историческая область
 АКИПКРО – Алтайский краевой институт повышения квалификации работников образования
 АлтГУ – Алтайский государственный университет
 АН СССР – Академия наук Советского Союза
 АО – Археологические открытия
 АС – Археологический съезд
 БГПИ – Барнаульский государственный педагогический институт
 БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет
 ВА – Вопросы антропологии
 ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет
 Вестн. Томск. ун-та – Вестник Томского университета
 ВЕСТНИК ККО АН РУЗ. – Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан
 ВолГУ – Волгоградский государственный университет
 ГА РМЭ – Государственный архив Республики Марий Эл
 ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
 ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
 ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ГИПН – Государственная инспекция пробирного надзора
 ГМВ – Государственный Музей Востока
 ГМИК – Государственный музей истории и культуры Республики Каракалпакстан
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 ЕГМЗ, ЕИАХМЗ – Елабужский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
 ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
 ИА АН СССР/РАН – Институт археологии АН СССР/РАН
 ИА МОН РК – Институт археологии Министерство образования и науки Республики Казахстан
 ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
 ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирское отделение Российской академии наук
 ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ
 ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
 ИКИ – Институт компьютерных исследований
 ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана
 ИрНИТУ – Иркутский национальный исследовательский технический университет
 КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция
 КНЦ – Коми научный центр Уральского Отделения АН СССР, Сыктывкар
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
 КФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет

ЛГУ – Ленинградский государственный университет
 МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (Симферополь)
 МАР – Материалы по археологии России
 МАРТ ИА АН РТ – Музей археологии Республики Татарстан Института археологии Академии наук Республики Татарстан
 МАЭ – Музей антропологии и этнографии
 МБУК – муниципальное бюджетное учреждение культуры
 МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва; Ленинград
 МИКНС – Музей истории и культуры народов Сибири
 МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и этнографии
 МХЭ – Материалы Хорезмской экспедиции
 НА ИА РАН – научный архив Института археологии РАН
 НГУ – Новосибирский государственный университет
 НМРА – Национальный музей Республики Алтай
 НПЦ – Научно-производственный центр
 НФ МАРТ – Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан при ИА АН РТ
 НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
 ПГУ – Пермский государственный университет
 РА – Российская археология (Москва)
 РАН – Российская академия наук
 РГБ – Российская государственная библиотека
 РИЦ – редакционно-издательский центр
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
 СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа
 СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
 СОКМ – Самарский областной музей краеведения
 СССР – Союз Советских Социалистических Республик
 СЭ – Советская этнография
 ТАС – Тверской археологический сборник
 Тихоокеан. геол. - Тихоокеанская геология
 Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея
 Тр. КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции.
 ТСУАК – Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии (Саратов)
 ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
 ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
 УрО – Уральское отделение

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/>

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Технический редактор Першагина И.А.
Дата выхода в свет 29.03.2023 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 15,6. Усл. печ. л. 21,88.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Цена свободная
Отпечатано в типографии "Orange Key"

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20